

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУК
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Е. Р. Иоанесян, Н. К. Рябцева, М. Л. Ковшова,
П. С. Дронов, О. С. Орлова

**ПРЕДСТАВЛЕНИЕ
ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ СФЕРЫ
ЧЕЛОВЕКА НА МАТЕРИАЛЕ
РАЗНЫХ ЯЗЫКОВ**

КОЛЛЕКТИВНАЯ МОНОГРАФИЯ

Отв. ред. Е. Р. Иоанесян

Москва – 2020

УДК
ББК
П

*Утверждено к печати
Федеральным государственным бюджетным учреждением
Российской академии наук
Институтом языкоznания РАН*

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
грант № 18-012-00736а

Редакционный совет:

д.ф.н. М. Л. Ковшова, д.ф.н. Н. К. Рябцева, к.ф.н. П. С. Дронов, О. С. Орлова

Ответственный редактор:

д.ф.н. Е. Р. Иоанесян

Рецензенты:

д.ф.н. Т. Б. Радбиль (Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н. И. Лобачевского),

к.ф.н. Л. Л. Федорова (Российский государственный гуманитарный университет)

Представление эмоциональной сферы человека на материале разных языков. Коллективная монография / Отв. ред. Е. Р. Иоанесян, Ред. колл.: Н. К. Рябцева, М. Л. Ковшова, П. С. Дронов, О. С. Орлова. – М.: Институт языкоznания РАН, 2020. – 244 с.

Книга посвящена изучению и систематизации способов номинации эмоций, которые проявляются в лексике и фразеологии на уровне плана выражения и плана содержания (как в значении, так и во внутренней форме). В монографии представлены разные подходы к изучению эмоциональной структуры в языке и дискурсе. Книга состоит из пяти частей, в которых поставленные вопросы рассматриваются как в общетеоретическом плане, так и на материалах различных языков.

В первой части представлены модели семантической деривации в лексическом поле эмоциональных состояний, выявлены и описаны факты параллельной семантической деривации в разных языках. Во второй части рассматриваются лингвистические средства, отражающие взаимодействие эмоционального, рационального и эстетического в сознании человека, в языке, речи и коммуникации. Особое внимание уделяется особенностям научной коммуникации, ее метааналитической и pragmaэстетической квалификации и соответствующим прикладным проблемам языкоznания. В третьей части изучается своеобразие эмоциональной оценки в системе ценностных отношений; представлено системное описание прилагательного страшный, основу семантики которого составляет эмоциональная оценка, на которую «надстраиваются» остальные значения. В четвертой части исследуется отражение эмоций (состояний и отношений) в жестах и симптоматических движениях на материале разнозычных идиом с компонентами-соматизмами. Пятая часть посвящена эвфемизации как речевой стратегии сдерживания эмоций и роли метафоры в обеспечении бесконфликтного комфорtnого общения, свободного от лишних эмоций.

The monograph focuses on ways of naming emotions in vocabulary and phraseology, both in expression and content. Divided into five parts, the book demonstrates different approaches to researching the structure of emotions in language and discourse. Theoretical problems are illustrated by data taken from various languages.

The first part deals with models of semantic derivation in the lexical field of emotional states, revealing and describing facts of parallel semantic derivation in different languages. The second part is devoted to the linguistic means reflecting the interaction of the emotional, the rational and the esthetic in the states of consciousness, language and communication. Particular attention is focused on scientific communication and its metalinguistic and pragmaesthetic qualification, as well as on applied linguistics and translation problems. The third part lays out the specificity of emotional and affective evaluation in the frame of value reference, providing the systematic description of the Russian word страшный ‘frightening, fearinducing’, whose meanings are primarily based on affective evaluation upon which other meanings are built. The fourth part, a case study of somatic idioms of different languages, considers emotions and emotivity reflected in gestures and symptomatic movements. The fifth part deals with euphemising as a speech strategy of keeping one’s emotions restrained, as well as with the role of metaphors in providing conflictfree and convenient communication without inexpedient emotions.

ISBN 978-5-907417-00-7

© Текст. Коллектив авторов, 2020
© Институт языкоznания РАН, 2020

ПРЕДИСЛОВИЕ

Монография посвящена исследованию единиц, относящихся к семантическому полю эмоций. Эмоции, как писал К. Изард, определяют качество нашей жизни. Эмоции представляют собой одну из самых сложных систем внутреннего мира человека, отраженных в языковой картине мира. Для каждой эмоции характерны свои триггеры, ощущения в теле, симптоматика. Языковые средства, передающие эмоции, чрезвычайно разнообразны, и их изучение в разных языках дает богатый материал для выявления как их общих, универсальных свойств, так и их отличительных особенностей, для воссоздания наивной картины мира, воплощенной в языке. Изучение языковой картины мира является одной из самых интересных задач современной семантики и находится в центре внимания как отечественных, так и зарубежных лингвистов.

Одним из методов, применяемых в работе для решения поставленной задачи, является изучение семантической деривации в лексическом поле эмоций. Термин семантическая деривация используется для отношений семантической производности, связывающих между собой разные значения одного слова на уровне синхронной полисемии, и для отношений между значениями слова в разные моменты его истории.

Изучение семантической деривации актуально как для теоретической семантики, так и для практической лексикографии. В последнее время изучение семантической деривации в синхронии и диахронии с типологической точки зрения привлекает все большее число лингвистов, см., например, работы Анны А. Зализняк, Г. И. Кустовой; Р. И. Розиной, М. М. Руссо. В первом разделе монографии «ТИПЫ СЕМАНТИЧЕСКИХ ПЕРЕХОДОВ, ЛЕЖАЩИХ В ОСНОВЕ НОМИНАЦИИ ЭМОЦИЙ» (автор — Е. Р. Иоанесян) представлены основные типы семантических переходов, лежащих в основе номинации эмоций в разных языках. Предметом исследования являются предикаты, обозначающие страх, разочарование, сожаление и раскаяние, радость и удовольствие в разных языках — русском, латинском, английском, французском, испанском, итальянском, португальском, немецком, польском и некоторых других.

Во втором разделе «ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ СФЕРА ЧЕЛОВЕКА: ИНТЕГРАЛЬНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО, РАЦИОНАЛЬНОГО И ЭСТЕТИЧЕСКОГО В СОСТОЯНИЯХ СОЗНАНИЯ, ЯЗЫКЕ И КОММУНИКАЦИИ» (автор — Н. К. Рябцева) рассматриваются лингвистические средства, отражающие взаимодействие эмоционального, рационального и эстетического в сознании человека, в языке, речи и коммуникации. Особое внимание уделяется особенностям научной коммуникации и ее метанаучной и pragmaэстетической квалификации, а также соответствующим прикладным проблемам языкоznания, таким, как проблемы переводоведения, преподавания иностранных языков и др., задача которых — учитывать асимметрию в языковом выражении.

Предисловие

ния эмоциональной сферы человека и связанных с ней внутренних состояний субъекта коммуникации.

В третьем разделе «ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ОЦЕНКИ СТРАШНЫЙ: ЗНАЧЕНИЕ И УПОТРЕБЛЕНИЕ» (автор — М. Л. Ковшова) исследуются семантические признаки прилагательного *страшный*, способы и условия их выражения. Описание прилагательного *страшный* во многом основано на схеме, предложенной Н. Д. Арутюновой для «Лексикона эстетической оценки» (коллективная рукопись 2004 года). Указываются словарные дефиниции прилагательного, приводится этимология, определяется область денотации, указываются критерии оценки, описывается соединение в контексте с другими прилагательными; анализируются фразеологизмы с компонентом *страшный*. Концептуализация страшного рассматривается во взаимосвязи с другими категориями: «Страшное и фактор времени», «Страшное и сон», «Страшное и смешное», «Страшное как источник наслаждения» и т.д.

В четвертом разделе «СОМАТИЧЕСКИЕ ИДИОМЫ, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ ЭМОЦИИ: ЖЕСТЫ И СИМПТОМАТИЧЕСКИЕ ВЫРАЖЕНИЯ» (автор — П. С. Дронов) анализируется значение и употребление идиом с компонентами-соматизмами (*волосы, глаза, ногти, когти, сердце и душа* как «невидимый орган чувственного восприятия»). Материалом для исследования послужили фразеологические единицы русского, сербохорватского, английского, немецкого и ирландского языков.

В пятом разделе «ЭВФЕМИЗАЦИЯ КАК РЕЧЕВАЯ СТРАТЕГИЯ СДЕРЖИВАНИЯ ЭМОЦИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКИХ И РУССКИХ ЭВФЕМИЗМОВ НА ТЕМЫ СМЕРТИ И РОЖДЕНИЯ)» (автор — О. С. Орлова) рассматривается особое свойство эвфемизмов, заключающееся в семантическом перефокусировании и/или установлении отдалённых связей между объектом исходной и эвфемистической номинации, которое используется для того, чтобы сдержать эмоции адресата при затрагивании неприятных или деликатных тем. На примере эвфемизмов на темы рождения и смерти русского и английского языков показано, как метафорическое обозначение предметов, явлений, лиц, событий и действий, прямые номинации которых употреблять нежелательно, ориентирует коммуникантов на спокойное и бесконфликтное общение, свободное от избыточных эмоций.

Авторы выражают благодарность Российскому фонду фундаментальных исследований за поддержку работы и публикацию книги.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ТИПЫ СЕМАНТИЧЕСКИХ ПЕРЕХОДОВ, ЛЕЖАЩИХ В ОСНОВЕ НОМИНАЦИИ ЭМОЦИЙ¹

E. Р. Иоанесян²

ВВЕДЕНИЕ

Задача данного раздела состоит в том, чтобы в краткой форме представить основные типы семантических переходов, лежащих в основе номинации эмоций в разных языках. Изучаются способы номинации эмоций, которые прослеживаются во внутренней форме слов, синхронной полисемии и фразеологии. Будут представлены как новые, так и уже представленные ранее материалы, уточняющие или дополняющие полученные ранее выводы, отражающие наше понимание затронутых проблем на современном этапе.

В работе мы опираемся на понятие семантического перехода, в том виде, в каком он используется авторами «Каталога семантических переходов», разрабатываемого лингвистами Института языкоznания Российской академии наук. Под семантическим переходом мы, вслед за Анной А. Зализняк, понимаем «факт совмещения, в пределах одного слова, двух разных значений — в форме либо синхронной полисемии, либо диахронической семантической эволюции <...> Тем самым, семантический переход, это, по существу, расширение понятия полисемии — за счет расширения понятия «одного и того же слова», а именно, за счет включения сюда диахронической семантической эволюции, когнитив в родственных языках и морфологических дериватов» [Зализняк 2009].

Актуальность исследования определяется тем, что изучение внутренней формы слова является одним из способов изучения языковой картины мира, поскольку внутренняя форма отражает способ построения концепта. Интерес к подобным исследованиям в сфере лексической семантики обусловлен также целями построения объяснительных моделей языка. Работа опирается на большой корпус толковых и этимологических словарей.

Объектом исследования являются семантические переходы ‘X’ → ‘эмоция’. Будут рассмотрены также противоположно направленные семантические переходы, т.е. переходы с обратным направлением деривационного отношения: ‘эмоция’ → ‘X’. Материалом для исследования послужили предикаты, обозначающие эмоции в разных языках — русском, латинском, английском, французском, испанском, итальянском, португальском, немецком, польском и некоторых других.

Изучение семантических переходов, с одной стороны, позволяет увидеть то универсальное, что имеется в разных языках, с другой стороны, позволяет выявить различия в языковых картинах мира.

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант № 18-012-00736а) в Институте языкоznания РАН.

² © Е. Р. Иоанесян, 2020.

ГЛАВА 1. ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Основной тезис нашей работы заключается в следующем: в основе номинации эмоций во многих случаях лежат семантические переходы трех типов:

1. Семантические переходы, базирующиеся на компонентах прототипической ситуации эмоции.

2. Семантические переходы, базирующиеся на импликациях из прототипической ситуации эмоции.

3. Семантические переходы, базирующиеся на инцидентных следствиях прототипической ситуации эмоции.

I. Семантические переходы, базирующиеся на компонентах прототипической ситуации соответствующих эмоций.

В основе семантического развития слов может лежать не только исходное значение слова, но и соответствующая прототипическая ситуация, которая «постепенно “проступает” во все более общем и абстрактном виде в производных значениях, объединяя весьма разнородные ситуации с разнотипными объектами в единую группу и делая их реализациями некоторой “общей идеи”» [Кустова 2000: 108].

Мы не рассматриваем семантическое развитие слов, обусловленное «общей идеей», о которой говорится в работе Г. И. Кустовой. Наша задача состоит в описании семантических переходов вида ‘Х’ ↔ ‘эмоция Y’, где X обозначает определенный компонент значения слова, обозначающего эмоцию Y, или компонент прототипической ситуации этой эмоции.

Приведем примеры этого перехода, лежащего в основе номинации эмоции страха.

(а) Переход ‘опасность’ → ‘страх’. Например: англ. *fear* — ‘страх; испуг’; исходным значением этого слова был смысл ‘опасность’: «Sb: OE: [sudden calamity, danger] 1. in OE peril; 2. ME A state of alarm or dread; 3. ME The state of fearing (smth)» [OUD: 682].

Поскольку в значение слов, обозначающих ‘страх’, входит компонент ‘негативная оценка субъектом X некоторой ситуации P как опасной’, переход вида ‘опасность’ → ‘страх’ является переходом от одного из компонентов значения слова к его значению.

(б) Переход ‘страх’ → ‘опасность’. Например: лат. *metus*: ‘страх, боязнь, опасение’, с одной стороны, и ‘опасность, угроза’, с другой: «1. страх, боязнь, опасение; m. *hostilis* *Sl* и m. *hostium* *L* — страх перед врагом <...> 3. опасность, угроза (m. *maximi belli C*)» [ЛРС]³.

Переход вида ‘страх’ → ‘опасность’ является переходом от значения слова к одному из компонентов его значения.

Ниже приводятся примеры переходов, лежащих в основе номинации удовольствия и стыда:

(в) Переход: ‘Х’ → ‘удовольствие’.

³ Исходное значение слова *metus* — ‘страх’, см. этимологию в [LEL: 621].

Удовольствие определяется как чувство, «несомое нам сенсорными ощущениями, такими как тактильные и вкусовые» [Изард 1999], а также зрительными и слуховыми. Иными словами, сенсорные ощущения являются компонентами прототипической ситуации удовольствия. Во многих языках в основе номинации удовольствия лежат семантические переходы вида: ‘вкус’ — ‘получать удовольствие’; ‘есть’/‘пить’ — ‘получать удовольствие’, ‘смотреть’/‘слушать’ — ‘получать удовольствие’. Примером перехода указанного типа является португальское слово *gosto* [от лат. *gustus*], имеющее значения ‘вкус (одно из пяти чувств)’, ‘вкус, вкусовое ощущение’ и ‘удовольствие’: «Sentido pelo qual se percebe o sabor de qualquer coisa; paladar; sabor dos alimentos; figurado: agrado; prazer; satisfação» [PE], ‘чувство, с помощью которого ощущается вкус чего-л.; вкус; вкусовое ощущение от продуктов; перен. удовольствие’. См. также русский глагол *предвкушать*: «Ожидая, представляя себе что-н. приятное, заранее испытывать удовольствие. *П. радостную встречу. П. успех*» [Ож].

Переход вида ‘сенсорное ощущение’ → ‘удовольствие’ является переходом от одного из компонентов значения слова к его значению.

Источником-стимулом удовольствия могут быть действия разной природы — как «физиологически-телесные и физические действия», так и «высокие ментальные действия, если они имеют доступную физическую подоснову. Именно о таких действиях (*слушать музыку, смотреть картины Тарковского, беседовать с умным человеком, решать математические задачи* и т.п.) говорят, что они *доставляют истинно физическое удовольствие*» [Пеньковский 2004: 64]. В частности, одним из стимулов удовольствия является чтение. Это объясняет переход ‘читать’ — ‘читать (и перечитывать) с удовольствием’. Примером этого является русский глагол *зачитываться*, в котором источник-стимул (чтение) и реакция (удовольствие) «обозначаются слитно, в целостной семантической структуре», так же, как А. Б. Пеньковский отметил это для русских *любоваться* и *смаковать*: «Источник — стимул (действие) и реакция (удовольствие) находятся в прямом и непосредственном контакте. Не случайно поэтому, что они могут обозначаться слитно, в целостной семантической структуре. Ср. *любоваться* ‘смотреть на кого- / что-либо с удовольствием’ vs ‘испытывать удовольствие, наблюдая чьи-либо действия’» [Там же: 246].

(г) Переход ‘Х’ → ‘стыд’.

В основе чувства стыда во многих случаях лежит осознание человеком того, что он совершил дурные поступки. Это, как представляется, определяет семантический переход ‘плохой поступок’ → ‘стыд’. См., например, лат. *probrum*. Исходное значение латинского слова — ‘поступок, достойный порицания, бесчестный поступок’: «acte digne de reproche, faute contre l’honneur» [DEL: 537]¹⁴, «insimulare aliquem proibri Pl обвинять кого-л. в позорном поступ-

¹⁴ Слово *probrum* произошло от прилагательного *prober* — ‘достойный порицания’ и ‘то, в чем упрекают’. См. этимологию прилагательного *prober* в [DEL: 537]: «Prober, -bra, -brum; probrum, -I, d'un ancien adjetif prober <...> qui avait un double sens, subjectif et objectif, “digne de reproche” et “reproché”».

ке» [ЛРС], «action honteuse, action infamante» [JWH]. Указанное латинское слово имело также значение ‘стыд’: «позор, срам» [ЛРС], «honte, déshonneur, opprobre, infamie; in probro esse, Ter. Phorm. 825: être déshonoré» [JWH]. Переход вида ‘бесчестный поступок’ → ‘стыд’ является переходом от одного из компонентов значения слова к его значению.

II. Семантические переходы, базирующиеся на импликациях из прототипической ситуации эмоций.

Прототипическая ситуация является «источником многочисленных импликаций, которые в исходном значении не отмечаются (поскольку для толкования этого значения они не нужны), но на которых основаны многие неметафорические и, особенно, метафорические значения [Кустова 2000: 108].

Итак, в основе номинации эмоций могут лежать семантические переходы вида ‘Х’ → ‘эмоция Y’, или ‘Х’ → ‘компонент прототипической ситуации эмоции Y’ → ‘У’, где компонент X является импликацией из прототипической ситуации эмоции Y. Например:

(а) Переходы ‘арестованный, пленный’ → ‘страх’, ‘раб’ → ‘страх’.

В качестве примера указанного перехода приведем этимологию русского глагола *робеть* и прилагательного *робкий* из словаря М. Фасмера: «робеть робе́ть ёю. От роб “раб, невольник” (Mi. EW 225)» [ФЭ]. Другой пример представлен английским *caitiff* — ‘трусливый, малодушный’, образованным от старо-французского *cautive* — ‘пленный; лишенный свободы’, которое восходит к лат. *captivum* [OED; OUD].

Человек, находящийся в заключении, плену, в рабстве, лишен возможности контролировать ход событий. Иными словами, импликацией ситуации «несвободы» является неспособность человека контролировать ситуацию, невозможность держать мир под контролем. А неконтролируемость ситуации является компонентом прототипической ситуации страха (см., например, значения русского глагола *бояться* в [Зализняк 2006: 530—546]).

Таким образом, схема указанного семантического перехода выглядит следующим образом: (1) от прототипической ситуации ‘нахождения в плену, под арестом, в рабстве’ к импликации этой прототипической ситуации — ‘неконтролируемости ситуации’; (2) от ‘неконтролируемости ситуации’ как компонента значения страха — к страху.

(б) Переход ‘вред, ущерб’ → ‘сожаление’.

Указанный переход лежит, например, в основе семантического развития франц. слова *dommage*, выступающего в двух значениях:

(1) Значение ‘вред, ущерб’, исходное значение слова: «Dommage 1080; de dam⁵. 1. Préjudice subi par qqn. ⇒ atteinte, dam, détriment, tort. Dommage corporel, qui porte atteinte à l'intégrité physique d'une personne. Dommage moral, qui porte

⁵ Dam: «Étymol. et Hist. 1. 842 «dommage, préjudice de quelqu'un <...> Empr. au lat. class. *damnum* «dommage, préjudice» [TR], ‘ущерб, вред кому-л. <...> Из класс. лат. *damnum* — убыток, потеря, ущерб’.

atteinte à l'honneur, aux sentiments de qqn. Dommage causé avec intention de nuire» [PR: 506], ≈ ‘Dommage 1080. Вред, ущерб, нанесенный кому-н. Син. *atteinte, dam, détriment, tort.* Физический ущерб, который вредит физической целостности человека. Моральный вред, который задевает честь, чувства кому-н. Действие, осуществленное с намерением навредить кому-н.’ Приведем пример, иллюстрирующий это значение рассматриваемого слова: *Satisfait de pouvoir réparer le dommage qu'il avait presque involontairement fait à ses enfants, il signa les actes.* Довольный тем, что может восстановить ущерб, почти невольно нанесенный детям, он подписал документы. *Balzac, Honore de / La recherche de l'absolu* [ABBYY].

(2) Конструкции этого слова с пропозициональным дополнением, например, *C'est dommage que P, Il est dommage que P*, также как и русские конструкции вида *Жаль, что P*, обозначают сожаление —‘сожалеть 1.2’ в классификации Анны А. Зализняк [Зализняк 2006: 569—570], например: *C'est dommage qu'elle ait épousé ce type-là.* — Только *жаль*, что вышла замуж за такого типа. *Sagan, Françoise / Un peu de soleil dans l'eau froide* [ABBYY]. Презумпцией французского слова *dommage*, также как и русских единиц в рассматриваемом значении, является значение ‘имеет место некоторая неконтролируемая субъектом X (субъектом эмоции) ситуация P’, ассерцией — ‘X считает, что P плохо’.

Таким образом, рассматриваемые конструкции *c'est dommage que P, il est dommage que P, жаль, что* и т.п. содержат оценочный компонент — рациональную оценку ‘X считает, что P плохо’, в основе которой лежит мнение о наличии причинно-следственной связи между какими-то двумя событиями, например, «хорошо то, что влечет за собой хорошее, плохо то, что влечет за собой плохое» [Зализняк 2006: 516]. В частности, при оценке некоторой ситуации как негативной человек может исходить из того, что эта ситуация имела негативные последствия для кого-то, нанесла ущерб, вред кому-то.

Иными словами, ‘нанесение ущерба’ имплицитно содержитя в прототипической ситуации сожаления. И развитие слова *dommage* есть результат семантического перехода от импликации прототипической ситуации сожаления — ‘нанесения ущерба’ — к значению ‘сожаление’.

Заметим в качестве отступления, что указанная импликация, указанная имплицитная оценка может получать и эксплицитное выражение, например: *Жаль, что ваше превосходительство не могли в пору быть о том уведомлены, ибо в таком случае, может быть, удалось бы вам не допустить до толь вредных следствий необузданность товарища вашего* (Д. И. Фонвизин. Письма к А. М. Обрескову (1772—1774)) [НКРЯ]. Схематично логика этого предложения выглядит так. Ассерция: ‘плохо, что его превосходительство не знало о некотором обстоятельстве’. Импликация: ‘незнание его превосходительством этого обстоятельства вызвало плохие последствия’. Таким образом имеет место причинно-следственная связь: незнание этого факта плохо, потому что оно привело к вредным последствиям.

(в) Имеет место и обратный семантический переход ‘сожаление’ → ‘вред, ущерб’. Такой переход лежит, например, в основе полисемии русского глагола *пожалеть*.

В одном из своих употреблений глагол *пожалеть* синонимичен глаголу *сожалеть*: — значение ‘сожалеть 1.1⁶ в классификации Анны А. Зализняк [Зализняк 2006: 570—571]: я сожалею/жалею/пожалел, что не поехал в экспедицию). ‘Сожалеть 1.2.’, как и ‘сожалеть 1.1.’ содержит оценочный компонент — рациональную оценку ‘Х считает, что Р плохо’, и, в силу этого, импликацию ‘нанесение вреда/ущерба’. Именно это, на наш взгляд, определило развитие другого значения глагола *пожалеть*: *S пожалел, что совершил Р* ≈ ‘S испытал неприятные последствия действия Р’. Например: *Потому что это все равно, что попросить Соловья-Разбойника наставить мотивчик колыбельной песни, — сильно потом пожалеешь* (Дина Рубина. Окна (2011)) [НКРЯ]⁷. Ср. русский пример и его перевод на английский язык: — *На границе глаз нужен. Чуть простишь, горько пожалеешь* (Н. А. Островский. Как закалялась сталь (ч. 2) (1930—1934))). “You have to keep your eyes open on the border. The slightest slip can cost you dearly” [НКРЯ].

III. Семантические переходы, базирующиеся на инцидентных следствиях прототипической ситуации соответствующих эмоций.

В работе Е. В. Падучевой инцидентные следствия определяются следующим образом: «При употреблении слова в тексте его значение может пополняться за счет разного рода проходных (не входящих в толкование, неконвенциональных) — и н ц и д е н т и х — следствий каких-то компонентов толкования; усиленные контекстом они могут стать актуальными компонентами смысла предложения. Один из источников инцидентных следствий — аксиомы человеческого поведения, которые могут объяснять мотивы поступков, причины состояний и прочее. <→ такого рода аксиомы лингвоспецифичны, поскольку они мотивированы контекстом культуры» [Падучева 2004: 131]. Так, например, компонент ‘испытывать угрызения совести’ не входит в толкование русского слова *вины*, этот компонент возникает в контексте *чувствовать вину*. Указанный компонент можно считать инцидентным следствием аксиомы ‘Человек должен испытывать угрызения совести по поводу своего дурного поступка’.

Подобные аксиомы относятся к языковым представлениям о мире, единственным для всех говорящих на этом языке. Они перекликаются с тем, что В. З. Санников называл «принципами разграничения нормального и ненормального в языке» [Санников 2008: 259]. В нашей работе [Иоанесян 2014] мы называли их максимами. Эти представления входят как одна из составных частей в языковую картину мира и часто не совпадают с нашими обыденными представлениями.

⁶ В отличие от *сожалеть 1.2.*, см. выше, презумпцией *сожалеть 1.1.* является смысл ‘имеет место некоторая контролируемая субъектом Х ситуация Р’.

⁷ Очевидно, что здесь речь идет не о том, что герояня будет испытывать чувство сожаления, а о том, что она столкнется с негативными последствиями своих действий.

Мы будем называть инцидентными следствиями стандартные ассоциации, которые в сознании данного языкового коллектива, в картине мира языка, связывают данную ситуацию с некоторой другой. Причем речь идет не об актуализации этих компонентов в тексте (см. выше определение Е. В. Падучевой), а об их роли в семантическом развитии слова. Так, например, в разных языках зафиксированы семантические переходы вида ‘желание’ — ‘удовольствие’/‘радость’, в основе которых, как нам представляется, лежит инцидентное следствие, связывающее в языковой картине мира удовольствие и радость с желанием испытать эти эмоции еще раз. Соответствующая аксиома — «Человеку свойственно желать того, что доставляет ему удовольствие».

Итак, в основе номинации эмоций могут лежать семантические переходы, основанные на инцидентных следствиях прототипической ситуации: ‘Х’ → ‘эмоция У’, где Х является инцидентным следствием прототипической ситуации эмоции У. Например:

(а) Семантическая деривация такого рода представлена переходом ‘наказание’/‘самонаказание’ (инцидентное следствие раскаяния) → ‘раскаяние’.

В значение предикатов со значением ‘раскаяние’, например, русского глагола *раскаиваться* — *X раскаивается, что P*, входит презумпция ‘имеет место негативная ситуация Р, ответственность за которую лежит на субъекте Х’ (см. [Зализняк 2006: 572]). Инцидентным следствием эмоции раскаяния является, на наш взгляд, мысль о неизбежности или справедливости наказания за свои неблаговидные действия. Источником подобного инцидентного следствия является, как представляется, аксиома «Человек должен отвечать за свои действия, в частности, нести наказание за неблаговидные поступки». Иными словами, в основе раскаяния (а часто и сожаления) лежит чувство вины, которое сопряжено с мыслью о наказании, и даже о самонаказании. Это отражено, например, в полисемии русского глагола *казниться*. *Казнить*: «перен., чем. Подвергнуть (гать) нравственным страданиям, наказать (зывать) (книжн.). *K. презрением*» [ОЖ]. *Казниться* сочетает в себе самонаказание и чувство раскаяния: «Терзать себя, раскаиваясь, сознавая вину» [УШ].

(б) Инцидентным следствием удовольствия и радости является, как мы отмечали выше, желание испытать эти эмоции еще раз. Это лежит в основе переходов ‘удовольствие’ → ‘желание’ Например, франц. глагол *aimer* используется в значениях:

1. = рус. *любить 1* — для обозначения чувства, которое «которое испытывает человек по отношению к объекту любви (или, точнее, чувство-отношение: *любить жену, мать, свою семью*)» [Шмелев 2012: 457]: *Aimer sa mère, ses enfants* — ‘любить свою мать, своих детей’.

2. = рус. *любить 2 (любить прогулки по лесу)* — «свойство субъекта, состоящее в том, что субъект обычно испытывает удовольствие от реализации некоторой ситуации» [Там же]: *aimer les voyages* — ‘любить путешествия; *aimer voyager* — ‘любить путешествовать’.

3. в значении ‘хотеть’: «*J'aimerais bien que vous me jouiez quelque chose*» [PR: 38], ‘Я хотел бы, чтобы вы сыграли мне что-нибудь’.

В основе появления значения ‘хотеть’ у глагола *aimer*, как нам представляется, лежит семантический переход ‘удовольствие’ (компонент значения глагола *aimer*) → ‘желание’ (инцидентное следствие удовольствия).

Необходимо отметить, что в основе переходов вида ‘*a*’ → ‘*b*’ и переходов вида ‘*b*’ → ‘*a*’ могут лежать разные процессы. Продемонстрируем указанное положение на семантическом переходе ‘прятаться’ ↔ ‘страх’.

(а) Переход ‘прятаться’ → ‘страх’.

Испанский глагол *encadarse* происходит от слова *cado*: «De en- y *cado*» [DRAE]; *cado* — ‘нора, убежище, логово’: «Huronera, madriguera» [Там же]. Глагол имеет значения ‘спрятаться, притаиться’ (исходное значение) и ‘трусить, бояться’: «1) Alava. Navarra. Meterse en el cado, agazaparse; 2) fig. Acoquinarse, acobardarse» [DLE].

Предикаты, имеющие значение ‘прятаться’ — типа испанского *encadarse*, русского *прятаться*, франц. *se cacher* и т.п., описывают действия, продиктованные, в частности, желанием укрыться от опасности. *Se cacher*: «Faire en sorte de ne pas être vu, trouvé, se mettre à l’abri, en lieu sûr» [PR: 209], букв. ‘Сделать так, чтобы быть невидимым, укрыться в безопасном, надежном месте’. *Прятаться*: «Человек или другое живое существо скрывает, помещает кого-, что-л. или себя где-л., куда-л., в какое-л. тайное место или укрытие» [БТСРГ]. Таким образом, в значение указанных глаголов входит компонент ‘опасность’. Переход вида ‘прятаться’ → ‘страх’ у рассматриваемых глаголов является двухступенчатым: (1) от значения слова к одному из компонентов значения слова — к значению ‘опасность’; (б) от ‘опасности’ как компонента значения страха — к страху⁸.

Таким образом указанный семантический переход имеет следующий вид: ‘прятаться’ → ‘опасность’ (компонент значения ‘прятаться’ & компонент значения ‘страх’) → ‘страх’.

(б) Переход вида ‘страх’ → ‘прятаться’.

Испанский глагол *achantar* имеет значение ‘внушать страх, пугать’: «1. tr. Acobardar o apabullar a alguien» [DRAE]⁹. В прономинальной форме — *achantarse* — глагол выступает в значении ‘смолчать или спрятаться от страха’: «3. prnl. coloq. Callarse resignadamente o por cobardía. 4. prnl. coloq. Aguantarse, agazaparse o esconderse mientras dura un peligro» [Там же].

Желание спрятаться является инцидентным следствием компонента значения глагола *achantar* ‘пугать’ — компонента ‘опасная ситуация’, являющейся компонентом значения ‘страх’ Соответствующая аксиома — «Человеку свойственно стремиться избегать неприятных, опасных для него ситуаций». Пере-

⁸ См. выше о переходе ‘опасность’ → ‘страх’.

⁹ Мы приводим толкования из испанского толкового словаря, поскольку в испанско-русских словарях это значение не отмечается.

ход вида ‘страх’ → ‘прятаться’ является переходом от значения ‘страх’ к инцидентному следствию страха — ‘прятаться’.

Итак, в работе рассматриваются семантические переходы вида ‘Х’ — ‘эмоция Y’, в которых X является компонентом значения, импликацией или инцидентным следствием прототипической ситуации Y и планом выражения которых «является множество реализаций данного перехода, т.е. список слов (или пар родственных слов), в которых он представлен — синхронно или диахронически» [Зализняк 2006: 406]. Мы представим модели семантической деривации в классе предикатов, обозначающих страх, сожаление и раскаяние, разочарование, радость и удовольствие¹⁰.

ГЛАВА 2. СТРАХ

Страх, как известно, относится к базовым эмоциям, т.е. к «эволюционно значимым эмоциям с ярко выраженными физиологическими и поведенческими проявлениями, в число которых обычно включают страх, гнев, отвращение, радость, грусть, а иногда также стыд и удивление» [Апресян В. 2015: 345]. При этом страх бывает разным — он может возникать из ощущения непосредственной опасности, а может быть продиктован предположениями человека о развитии событий в будущем, страх может быть рациональным и иррациональным, он может полностью лишать человека способности мыслить и действовать, а может оставлять возможность для противостояния ему и т.д¹¹.

Прототипическая ситуация одного из видов страха — страха, вызванного возможностью наступления негативной, опасной ситуации в будущем (например, *бояться скандала, войны и т.п.*), включает следующие компоненты:

1. Мнение субъекта X о возможности/вероятности некоторой ситуации P.
2. Негативная оценка субъектом X ситуации P — оценка ситуации как плохой/опасной.
3. Мнение субъекта X о невозможности предотвращения ситуации P: осуществление ситуации P не зависит от воли субъекта X (ситуация P неконтролируема для субъекта X).

Прототипическая ситуация другого вида страха, например, страха, вызванного ощущением непосредственной опасности (например, *испугаться собаки*), может полностью исключать какое бы то ни было размышление или анализ ситуации. Прототипическая ситуация этого вида страха имеет инцидентное следствие, заключающееся в желании спрятаться, убежать от опасности. Импликациями этого вида страха являются неконтролируемые физиологические реакции.

¹⁰ Следует оговорить, что, подробно остановившись на различиях природы компонента X в переходах ‘Х’ — ‘эмоция Y’, в дальнейшем, за редким исключением, мы будем фиксировать только сами переходы, не уточняя статуса X в рассматриваемом переходе.

¹¹ См., например, [Апресян В. 1997: 15—20; Апресян В. 2015: 354].

Как уже отмечалось (см. главу 1), перечисленные компоненты — компоненты прототипической ситуации эмоции, импликации и инцидентные следствия — могут лежать в основе номинации эмоции или в основе полисемии лексем, обозначающих эмоцию.

Перечислим основные из этих компонентов для страха: ‘опасная /негативная ситуация’, ‘неконтролируемость ситуации’, ‘желание избежать опасность’, ‘поведенческие реакции’, ‘неконтролируемые физиологические реакции’. Ниже приводятся примеры семантических переходов в лексическом поле страха¹².

‘Опасность’/‘негативная ситуация’ — ‘страх’

Примеров перехода ‘опасность’/‘негативная ситуация’ — ‘страх’ очень много, мы приведем лишь некоторые из них.

Переход ‘опасность’/‘негативная ситуация’ → ‘страх’¹³.

(1) Англ. *danger*. У английского существительного *danger* в конце 14 в. зафиксировано значение ‘опасность’, и это значение слово сохраняет до настоящего времени. Однако в истории Англии был период, когда у этого существительного отмечалось также значение ‘робость’. В словарях указанное значение датируется первой четвертью XVI в.: «*coyness* — 1526» [OUD: 452].

(2) Для французского *chaud* (прилагательное и наречие) характерна полисемия ‘горячий’ (исходное значение) — ‘опасный’. *Chaud*_{adj}: 1. «Теплый, горячий» [ГТ]; 2. «опасный, рискованный» [ГрГр: 132]; «*dangereux. Le caroub/[l]age est le plus chaud des trucs* (1840)» [GE: 148], ‘Опасный. Воровство с помощью отмычки самый опасный прием’. *Chaud*_{adv}: 1. *Il fait chaud* — ‘тепло, жарко’ [ГТ]; 2. *Il fait chaud* — ‘опасно’: «*Il fait chaud. Il y a du danger, des risques sérieux*» [TR], ‘*Il fait chaud* — ‘существует опасность, серьезный риск’. Выражение с существительным *chaud* (‘тепло, жара’) демонстрирует такую же полисемию: 1. Жара. *Il fait chaud* — ‘жарко’; 2. Опасность. *Avoir chaud* (букв. ‘иметь жару’) — ‘быть в опасности’, ‘быть на волосок от гибели’ [ФРФС: 211].

А выражение *avoir chaud* получило значение ‘испугаться’: «*Ouf. J'ai eu chaud. Avec elle on ne sait jamais*» [ГрГр: 132], ‘Ух, ну я и перепугался. От нее всего можно ожидать’; «*Avoir chaud: échapper un peu à un danger et en être conscient; avoir peur <...> On a eu chaud signifie “on a eu peur”*» [RC: 157], ‘*Avoir chaud*: едва избежать опасности и осознавать это; бояться <...> *On a eu chaud* означает “Мы перепугались”’. Таким образом, в основе полисемии выражения *avoir chaud* лежит переход ‘опасность’ → ‘страх’.

(3) Франц. *alarme* (и англ. *alarm*): «I. Interj. *Alarme!*: Aux armes! II. Subst. fém. A. Signal pour appeler aux armes, pour annoncer l’approche de l’ennemi, et par extension pour avertir de tout danger matériel ou moral, réel ou supposé. B. — *Par métaph. et au fig.* État de trouble, d’agitation, suscité par la crainte d’un ennemi,

¹² В данной главе использованы материалы статей [Иоанесян 2015; 2015a].

¹³ Переход от одного из компонентов значения слова к его значению, см. главу 1. См. там же об англ. *fear*, в котором представлен переход ‘опасность’ → ‘страх’.

d'un danger. <...> frayeur, vive inquiétude» [TR], ‘Междометие. К оружию! П. — Сущ., ж.р. А. Сигнал, призывающий взять оружие, оповещающий о приближении врага, в более широком смысле, сигнал, предупреждающий о любой опасности <...> В. метафор. и перен. Беспокойное состояние, вызванное страхом перед врагом, опасностью. <...> страх, сильное беспокойство’.

(4) Лат. *miseria*: ‘горе, беда, несчастье, бедственное положение’ и ‘боязнь, страх’: «1) горе, беда, несчастье, бедственное положение (*in miseria esse C; in miseriis versari C*); *miseriae — dat.— esse Sl* — быть причиной несчастья <..> 3) боязнь, страх (*solllicitudo et m. C*)» [ЛРС]; «*Unglück, in miseria esse, Cic.: in miseriis versari, Cic. <...> die peinliche Ängstlichkeit*, Stoici omnia cum [944] sollicitudine et miseria credunt, Cic. de div. 2, 86» [ALD]; «*unhappy condition, misfortune, misery <...> anxiety*, Cic. Div. 2, 41, 86. Plur.: *miseriae plebis crescabant*, Liv. 6, 34, 1» [LSL]¹⁴.

Имеет место и обратный семантический переход: ‘страх’ → ‘опасность’/‘негативная ситуация’¹⁵. Примером такого рода являются следующие предикаты:

(1) Лат. *terror*: ‘страх’ и ‘предмет страха, устрашающее обстоятельство; страшная опасность’ [LSL; DLF; NDL]: «1) страх, ужас. *t. externus* (peregrinus) L — страх перед внешними врагами. <...> 2) страшная опасность (*t. rei publicae VP*)» [ЛРС], «1. frayeur, peur, terreur, épouvanter; 2. menace» [OLD], ‘1. испуг, страх, ужас; 2. ‘угроза’.

(2) Франц. *craindre*. Основное значение глагола — ‘бояться’; кроме того он имеет значение ≈ ‘опасно’. См., например, в [LFV]: «*ça barde, ça chable: Ça craint, la cohabitation dans ce quartier*»; см. также в [AD: 1441]: «*Ça craint: c'est dangereux, ou c'est mauvais*». Приведем пример из книги Анны Гавальда: *Je croise des mecs du quartier avec qui j'étais à l'école. Ils n'insistent pas pour me serrer la main, c'est sûr; un bidasse, ça craint* (Gavalda, Anna. «*Je voudrais que quelqu'un m'attende quelque part*»). По дороге встречаю парней, с которыми учился в школе. Они не лезут с рукопожатиями, оно и понятно — солдат все опасаются (букв. ‘Они не лезут с рукопожатиями, оно и понятно: солдат — это опасно’).

Интересно, что у указанного глагола зафиксирован также следующий переход: ‘страх’ → ‘опасность’ → ‘плохая/трудная ситуация’, см., например: (а) «*Ça craint, “c'est dangereux, pénible”, voir “mauvais, laid”*» [RC: 240]; (б) «*Ça craint, c'est craignos: c'est difficile, dangereux*» [DFA]. Приведем также пример из литературы: *Il y a même de la paille au plancher et un autocollant “La chasse c'est naturel” sur le pare-brise. Bon Dieu, ça craint, craint* (Gavalda, Anna. «*Je voudrais que quelqu'un m'attende quelque part*»). На полу солома, на ветровом стекле наклейка «Охота — закон природы». Боже, какая гадость.

¹⁴ Шрифт — жирный шрифт и курсив — в словарных дефинициях воспроизведен в том виде, в каком он представлен в указанных словарях.

¹⁵ Как отмечалось в главе 1, указанный переход есть переход от значения слова к компоненту его значения.

Характерно, что этимологически родственные слова в одних языках имеют значение ‘страх’, в других — значение ‘опасность’. См., например, словарную статью русского глагола *бояться* в словаре М. Фасмера: «бояться бояться бо-юсь, укр. бойтися, ст.-слав. бојати съ фобрѣсѳац, болг. бой се, сербохорв. бојати се, словен. bojáti se, bátl se, чеш. báti se, польск. bać się, в.-луж. bojeć so, н.-луж. bojać se. Родственно лит. bajùs “страшный”, báimē “страх”, báile “боязнь, страх”, bijótis “бояться”, др.-инд. bháyatē, bibhéti “боится”, bhītás “боящийся”, авест. bayente “страшить, пугать”, др.-ирл. báigul “опасность”» (Педерсен, Kelt. Gr. 1, 56)» [ФЭ]¹⁶.

Итак, мы представили примеры семантического перехода ‘опасность’ — ‘страх’/‘трусость’. Интересно, что существует и «противоположный» переход ‘опасность’/‘риск’ — смелость’, ‘опасный’/‘рискованный’ — ‘смелый’. И это объяснимо с точки зрения житейской логики. Поведение человека, который предпринимает какое-либо рискованное действие, может быть продиктовано разными причинами — кто-то, например, привык полагаться на волю случая, на авось, кто-то не умеет просчитывать ходы вперед, а кто-то действует, преодолевая страх, проявляя, таким образом, смелость¹⁷. См. определение глагола *рисковать* в словаре В. И. Даля: «РИСКОВАТЬ, рискнуть; пускаться наудачу, на неверное дело, наудалую, отважиться, идти на авось, делать что без верного расчета, подвергаться случайности, действовать смело, предприимчиво, надеясь на счастье» [Даль]. Приведем примеры указанного перехода.

(1) Английское *hot* ‘горячий’ имеет также значение ‘опасный’ [НБАРС]. Кроме того, оно используется как характеристика очень смелых летчиков: «*Slang. skillful in a reckless or daring way: a hot pilot*» [RHD и др.].

(2) Русское *рисковый*: «Содержащий в себе риск З., сопряженный с опасностью» [Ефремова]; «1. То же, что рискованный. *Рисковое дело*. [УШ]. Кроме того прилагательное имеет значение ‘смелый’: «1. То же, что рискованный. *Рисковое дело*. 2. Готовый на всякий риск, очень смелый. *Рисковый человек*» [Там же].

(3) В некоторых случаях лексические единицы, производные от смысла ‘опасность, риск’, сочетают в себе смыслы ‘смелость’ и ‘опрометчивость/безрассудство’. Так, итальянское существительное *spericolatezza* (от слова *pericolo* — ‘опасность, риск’) имеет значения: ‘рискованный, опасный’; ‘необдуманный, неосторожный’ и ‘смелый’ [СМИ: 77]. См. также толкование этого слова в [SCD]: «*audacia, incoscienza, temerarietà, avventatezza, imprudenza, leggerezza, sconsideratezza, sventatezza*». Таковым, по-видимому, является и ит. *arrischiato*: см, например в [GDH]: «*Che è pieno di rischi, pericoloso: impresa arrischiata; || Pronto ad affrontare rischi; audace, spericolato; || Avventato, azzardato: giudizio a.*».

¹⁶ Выделено нами — ЕИ.

¹⁷ Смелый — это не только человек, который не испытывает страха, но и тот, кто ему не поддается, см., например, определение смелости в [Богуславская 2000а: 394]: «ХРАБРЫЙ 1, СМЕЛЫЙ 1.1. <...> ‘такой, который, действуя в опасной ситуайии, не поддается чувству страха или не испытывает его’».

(4) Необычный пример представлен итальянским глаголом *spericolarsi* и прилагательным и существительным *spericolato*, которые демонстрируют два противоположных семантических перехода от исходного смысла слова *pericolo* ('опасность, риск'): 'опасность/риск' — 'страх'/'трусость' и 'опасность/риск' — 'смелость'. У глагола *spericolarsi* зафиксировано два значения 'подвергать себя риску, не бояться опасности' и 'пугаться, падать духом, теряться перед опасностью' (тосканизм) [СМИ: 830]; «1. Esporsi sconsideratamente a un pericolo; 2. tosc. Perdersi d'animo, sgomentarsi davanti a un pericolo, a una difficoltà e sim.» [GDH].

У прилагательного и существительного *spericolato* отмечены значения 'смелый'/'смельчак' и 'пугливый, трусливый'/'трус' (тосканизм) [СМИ: 830]; «1. Che si espone temerariamente ai pericoli, ai rischi: *automobilisti spericolati*; 2. tosc. Timoroso, pauroso. Sin. *spericolone*» [GDH]¹⁸.

'Неконтролируемость' — 'страх'

В основе номинации страха или полисемии единиц, обозначающих страх, часто лежит представление о неконтролируемости, о том, что течение событий неподвластно субъекту, наступление ситуации Р не зависит от воли субъекта — человек не имеет возможности влиять на имеющееся положение дел: «Интенсивный страх переживается как чувство абсолютной незащищенности и неуверенности в собственной безопасности. У человека возникает ощущение, что ситуация выходит из-под его контроля» [Изард 1999].

Первый и, наверное, самый очевидный фактор — это положение человека, находящегося в полной зависимости от другого или других людей. Крайним случаем такой зависимости является рабство. Раб ассоциируется с бесправием, с невозможностью проявлять свою волю, влиять на положение дел. И именно это легко в основу русского глагола *робеть* и прилагательного *робкий* (см. главу 1). Укротить, подчинить, покорить человека означает лишить его воли, свободы в принятии решений, возможности изменить, контролировать ситуацию и, как следствие, рождение чувства страха. Приведем примеры соответствующих семантических переходов:

(1) Английский глагол *to daunt* имеет в современном языке значения: 1) обуздывать, укрощать; подчинять, покорять; 2) книжн. устрашать, приводить в уныние, отпугивать. Исходным значением глагола *to daunt* был смысл 'победить, покорить'; в конце XV в. у него зафиксировано значение 'пугать': «c.1300, "to vanquish", from Old French *danter*, from Latin *domitare*¹⁹, frequentative of *domare* "to tame" (see *tame* (v.)). Sense of "to intimidate" is from late 15c.» [OED].

(2) Испанское прилагательное *cohibido*, образованное от глагола *cohibir*, восходящего к латинскому глаголу *cohibere* — 'укрощать, смирять, пода-

¹⁸ Помета «тосканизм» в [СМИ] стоит при значениях 'не бояться опасности' и 'смелый'/'смельчак', а в итальянских толковых словарях — при значениях 'пугаться' и 'трусливый'/'трус'.

¹⁹ 'Укрощать, усмирять'.

влять’, имеет значение ‘робкий, пугливый’: «(Del part. de *cohibir*). adj. Tímido, amedrentado» DRAE].

(3) В мексиканском варианте испанского языка глагол *azorrillar* означает ‘подчинять своей воле; принуждать силой’, а в прономинальной форме имеет значение ‘трусить’ [БИРСЛА].

(4) Испанское прилагательное *detenido*, образованное от причастия глагола *detener* — ‘останавливать; задерживать; арестовывать’, имеет значения ‘арестованный; заключенный’ и ‘малодушный, трусливый’: «(Del part. de *detener*). 2. Falto de soltura, de poca resolución. 4. Privado provisionalmente de libertad por una autoridad competente» [DRAE]. См. также [ИСПС: 294].

(6) Итальянское существительное *soggezione* имеет значения ‘подчинение, подчинённость, зависимость’ и ‘робость, страх’²⁰; *avere soggezione* — ‘трусить’; *mettere in soggezione* — ‘пугать’: «Soggezione. Senso d’imbarazzo e di timidezza che si prova di fronte a persone importanti o notevoli per la loro posizione e il loro valore, o in ambienti nuovi, lussuosi, grandiosi e solenni: *dare, ispirare s.; provare, sentire s.; avere s. a fare una cosa; mettere in s., intimorire; mettersi in s., avere s. di qualcuno o di qualcosa, sentirsi intimo*» [VT]. Например: *E poi se anche li trovassi qui sulla strada, mi darebbero forse soggezione?* (Carlo Collodi. Pinocchio (1883)). А если бы я даже и повстречал грабителей здесь, на дороге, разве я испугался бы? [НКРЯ]. Глагол *insoggettire* имел значение ‘подчинять, покорять’²¹, в настоящее время у него отмечается значение ‘пугать’ [СМИ: 435; *insoggettirsi* — ‘пугаться’ [Там же].

(7) У испанского глагола *padrotear* (Венесуэла) словари фиксируют значения ‘командовать’, ‘властвовать’, ‘подчинять своей воле’ и ‘запугивать’ [БИРСЛА].

(8) Испанское существительное *mandilón* — ‘трус’ представляет забавный пример связи между подчинением и страхом. Это слово имеет два значения: 1) ‘фартук’; 2) ‘трус’: «(Del aum. de mandil). 1. m. Prenda de uso exterior a manera de blusón, que se pone sobre el vestido. 2. coloq. Hombre de poco espíritu y cobarde» [DRAE]. Вот как определяется второе значение этого слова в одном из испанских толковых словарей: «hombre gobernado por la esposa» [GCD], букв. ‘мужчина, которым командует/управляет жена’²².

Второй фактор, определяющий неспособность человека контролировать ситуацию, — это физическая и/или моральная слабость. Слабый человек ассоциируется с трусостью, сильный человек — с мужеством, смелостью²³. Примеры такого рода представлены в разных языках:

²⁰ Мы ориентировались на итальянские толковые словари, см., например, [SCD]: «Soggezione. 1. Condizione di dipendenza, di sottomissione: s. economica di uno stato. 2. Senso di imbarazzo, di timidezza e di timore ispirato da persone, ambienti o situazioni di fronte a cui ci si sente inferiori o indeguati || mettersi in s., sentirsi intimo».

²¹ В [СМИ] это значение уже не упоминается, в итальянских толковых словарях оно фигурирует с пометкой «ant.»: «A. V tr. 1 raro Mettere in soggezione; SIN. intimorire; 2 ant. Assoggettare, soggiogare; B. v.intr. pronom. insoggettirsi. raro. Intimorirsi, entrare in soggezione» [GDH].

²² Фартук — атрибуут женщины; мужчина в фартуке осмысляется как безвольный человек, выполняющий женские функции под давлением жены.

(1) Лат. *fortis*: ‘крепкий, сильный’ — ‘отважный, смелый, храбрый, мужественный’ [ЛРС]; «*Ferme, inébranlable, brave, courageux; audacieux*» [NDL]. *Fortitudo*: ‘крепость, сила’ — ‘храбрость, неустрешимость отвага’ [ЛРС]. «*Courage, bravoure, vaillance*» [DLF]. *Infirmus*: ‘бессильный, слабосильный’ — ‘трусливый, малодушный’ [ЛРС]. «*Pusillanime, timoré*» [JWH].

(2) Исп. *achilar* (Колумбия) — ‘ослаблять, лишать сил’, *achilarse* (Колумбия) — ‘бояться, трусить, падать духом’ [БИРСЛА]. Исп. *amonguillarse* (П.-Р.): ‘быть разбитым параличом, быть немощным’ — ‘трусить, падать духом’ [ИСРС: 67; БИРСЛА].

(3) Франц. *vaillant* (‘храбрый, мужественный, доблестный’), англ. *valiant* (‘храбрый’), исп. *valentia* (‘храбрость, мужество; отвага’), *valiente* (‘храбрый, отважный’), *envalentar/envalentonar* (‘придавать смелости’) восходят к латинскому *valere* — ‘быть сильным’: «*Valiant*: “early 14c. (late 12c. in surnames), “brave, courageous, intrepid in danger”, from Anglo-French *vaylant*, and Old French *vaillant* “stalwart, brave”, present participle adjective from *valoir* “be worthy”, originally “be strong”, from Latin *valere* “be strong, be well, be worth, have power, be able, be in health”» [OED].

(4) Английское прилагательное *faint*: ‘слабый; вялый’ — ‘несмелый, робкий’; глагол *to faint*: ‘слабеть’ — ‘терять мужество’ [НБАРС; MWD и др.].

(5) Английский глагол *to dismay* (‘лишать мужества; пугать’) восходит к **exmagare* (Vulgar Latin) — ‘лишать силы’: «*Dismay*. late 13c., *dismaien*, from Old French **desmaier* (attested only in past participle *dismaye*), from Latin de- intensive prefix + Old French *esmaier* “to trouble, disturb”, from Vulgar Latin **exmagare* “divest of power or ability”» [OED].

(6) Английский глагол *to quail*. Изначально у этого глагола было значение ‘ослабеть или заболеть’ (начало 15 в.), позже — в середине 16 в. — было зафиксировано значение ‘трусить, пасовать, дрожать от страха, падать духом’²⁴, которое и сохранилось в современном языке.

(7) Итальянское прилагательное *gagliardo*: ‘сильный, крепкий’ — ‘отважный, смелый’; соответствующее существительное *gagliardezza*: ‘сила, крепость’ — ‘отвага, смелость’ и т. п.: «*Gagliardo*: 1. a. [che ha forza e potenza fisica: *un giovane g.*] ≈ aitante, baldo, forte, forzuto, muscoloso, nerboruto, possente, prestante, robusto, vigoroso. 2. c. [che ha coraggio, ardimento: *soldati g.*] ≈ ardimentoso, ardito, audace, coraggioso, intrepido, prode, valoroso. ↔ codardo, pauroso» [SCT].

Очевидно, что малый рост человека ассоциируется с его слабостью и, как следствие, с трусостью. Это определяет многозначность слов типа латинского *parvus*: ‘малый, маленький’ — ‘робкий, малодушный’ [ЛРС; NDL].

²³ См. выше главу 1 об инцидентных следствиях ситуации, в основе которых лежат стандартные ассоциации, связывающие данную ситуацию с некоторой другой в картине мира языка.

²⁴ [OED]: «*Quail*. early 15c., “grow feeble or sick;... Sense of “lose heart, shrink, cower” is attested from 1550s..».

Подобный семантический переход представлен также в испанском языке: *apocar*: 1) уменьшать; 2) пугать ['уменьшать' → 'делать слабым/слабее' → пугать]; *apocarse* — 'трусить, малодушничать'; *apocado* — 'робкий'. У существительных *apocamiento* и *poquedad* в словарях отмечается значение 'малодушие, трусость' [ИСРС: 81; 607; DRAE и др.²⁵], у прилагательного *poquito* — значение 'малодушный, робкий' [ИСРС: 607]²⁶.

И, наоборот, увеличение размера, роста ассоциируется с силой и, как следствие, со смелостью, например: испанский глагол *crecer* имеет значение 'расти, увеличиваться', а в прономинальной форме — 'осмелеть, расхрабриться' [ИСРС: 233; DRAE и др.].

Таким образом, в языковой картине мира прослеживаются следующие бинарные связи:

- 1) опасная/неприятная ситуация ↔ страх;
- 2) невозможность контролировать ход событий/отсутствие свободы → страх;
- 3) возможность контролировать ход событий/свобода → смелость (отсутствие страха);
- 4) невозможность контролировать ход событий/отсутствие свободы → опасная ситуация.

'Страх' ↔ 'убегать'/'прятаться'

Некоторые действия человека могут быть продиктованы страхом, желанием укрыться от опасности. Это определяет переходы вида 'убегать'/'прятаться' → 'страх'²⁷. Даже если человек не в силах предотвратить наступление опасной ситуации, он может попытаться ее избежать. Естественной реакцией человека в ситуации, представляющей для него непосредственную физическую угрозу, является попытка убежать. Это лежит в основе переходов 'страх' → 'убегать'/'прятаться'.

Указанные переходы представлены в полисемии разных языковых единиц.

Направление 'убегать' → 'страх'

(1) Лат. *fugere*: 'убегать' — 'избегать; бояться; остерегаться'. *Fugax*: 'готовый бежать' — 'боязливый, робкий'; «*Fugax contra insequentes crocodilus. Plin. Couard, et qui s'enfuit*» [EDL]; «*timide, peureux, prêt à s'échapper*» [OLD]. *Fuga*: «*action d'éviter, aversion, crainte*»²⁸ [JWH]; «*aversion, répugnance, horreur, action*

²⁵ «Poquedad: Timidez, pusilanimidad y falta de espíritu» [DRAE]. «Apocamiento: Timidez, cortedad de ánimo: Siempre ha tenido mucho apocamiento» [GCD].

²⁶ *Apocar, apocado* и т.д. образованы от прилагательного *poco* 'немногочисленный; небольшой' (от лат. *paucus*), *poquedad* происходит от лат. *paucitas* [DRAE] и обозначает небольшое количество или небольшую вещь, *poquito* — dim. de *poco* [DLE].

²⁷ См. подробно о процессах, лежащих в основе подобных переходов, в главе 1.

²⁸ Ужас и отвращение часто совмещаются в одном чувстве, ср. англ. *horror*. И ужас, и отвращение вызывают одинаковую реакцию — желание убежать от опасного или неприятного объекта. См., например, итальянский глагол *rifuggire*, в котором сочетаются значения 'убегать', 'избегать, увиливать' и значение 'чувствовать отвращение'.

d'éviter quelqu'un» [OLD]. *Fugae*: ‘беглецы’ — ‘трусы’; «*fugae merae Pt* — истинные трусы (*о неумелых гладиаторах*)» [ЛРС].

(2) Исп. *fuguilas* (от лат. *fuga* ‘бегство’) — ‘робкий (нерешительный) человек’ [ИСРС: 381], ‘беспокойный, нервный’: «*Persona nerviosa que se inquieta fácilmente*» [GCD].

(3) Испанский глагол *ahuientar* — ‘отгонять, прогонять’ и ‘отпугивать’, восходит к лат. *fugere* — ‘бежать; избегать’: «*Del lat. *effugientāre, de fugīens, -entis, el que huye*» [DRAE].

(4) Английское существительное *scuttler* — ‘трус’ [НБАРС] образовано от глагола *to scuttle* — ‘поспешно убегать, особенно с целью избежать опасность’: «*to move quickly <...> especially in order to escape*» [CAL], например, *Two or three boats passed on the river; scuttling, as it were, for shelter before the storm* (John Galsworthy. To Let (1921)). Две-три лодки пронеслись по реке, торопясь укрыться от бури [НКРЯ]. Существительное *scuttle* имеет значения ‘стремительное бегство’, ‘стремление избежать опасности’ и ‘трусость’ [НБАРС].

(5) В Латинской Америке есть прилагательное *huión*, производное от глагола *huir* — ‘бежать, убегать’, которое имеет значение ‘трусливый’ [ИСРС: 415; БИРСЛА]. А прилагательное *huidizo* имеет значения ‘бегущий, убегающий’ [ИРСС: 415] и ‘пугливый; боязливый’: «*Que es esquivo o se asusta con facilidad. Mi jefe está muy huidizo, no consigo hablar con él*» [GCD].

Движение назад, вполне объяснимым образом, может ассоциироваться с движением, вызванным желанием отойти от источника опасности:

(1) Англ. *recoil* произошло от ст.франц. *recul* — ‘движение назад, отступление’. Со временем существительное развило значение ‘ужас; отвращение’ [НБАРС].

(2) В чилийском варианте испанского языка глагол *reular* (‘уходить, отступать’) используется в значении ‘трусить, страшиться; сомневаться’ [FDC]. Ср. также существительное *reculada* (лунфардо) — ‘трусость, малодушие’ [DLR]. Интересно, что в одном из вариантов испанского языка существительное *reculillo*, имеет значение ‘быстрое отступление’ (Куба), а в другом (П.-Р.) — значение ‘страх’ [ИСРС: 651; БИРСЛА].

(3) Испанский глагол *arredrar* имеет значения ‘заставить идти назад’ — ‘пугать’: «1. Uso/registro: elevado. Hacer retroceder (*una persona o una cosa*) [a una persona]: El perro arredraba a los que querían acercarse. 2. Uso/registro: elevado. Causar (*una persona o una cosa*) temor [a una persona]» [GCD].

(4) Английское существительное *turnback* — ‘трус’ [НБАРС] образовано от фразового глагола *to turn back* — ‘повернуть назад; отступить’.

(5) Первоначальное значение английского глагола *to startle* — ‘бегать’ — «*run to and fro*» (‘бегать взад и вперёд; туда и сюда’). Затем глагол стал обозначать также движение, которое вызывается у человека чувством страха или удивления (бросаться в сторону, шарахаться), позже у него появилось значение ‘пугать (ся)’/‘удивлять’: «*Startle. c.1300, “run to and fro” (intransitive),*

frequentative of *sterten* (see *start* (v.)). Sense of “move suddenly in surprise or fear” first recorded 1520s. Transitive meaning “frighten suddenly” is from 1590s. The word retains more of the original meaning of *start* (v.)» [OED].

Итак, движение назад может ассоциироваться с желанием избежать опасности, с чувством страха. Но и отказ от движения вперед, и стремление держаться позади или на расстоянии от других людей тоже могут связываться с этим чувством.

В качестве примера рассмотрим английский фразовый глагол *to hang back* — ‘держаться позади кого-л.’: «*to drag behind others*» [MWD]; «1. To stay some distance behind or away, be unwilling to move forward. *Mary offered the little girl candy, but she was shy and hung back*» [СЛАИ]. Приведем несколько примеров на указанное значение: (а) *Shadow will hang back, minimum of three blocks* (Creation In Death. Robb, J.D.). Группа слежения будет держаться позади. Минимум три квартала [ABBYY]. (б) *I had a heavy oak stick in my hand, and I tell you I saw red from the first; but as I ran I got cunning, too, and hung back a little to see them without being seen* (Conan Doyle, Arthur / The Adventure of the Cardboard Box). В руке у меня была тяжелая дубовая палка, и говорю вам: я сразу потерял голову. Но пока я бежал, я решил быть похитрее и немножко отстал, чтобы видеть их, но самому не попадаться им на глаза²⁹ [Там же]. (в) *But as they all passed from the room, Frank hung back, tugging at Scarlett's sleeve* (Margaret Mitchell. Gone with the Wind, Part 1 (1936)). Но когда все направились к двери, Франк, немного поотстав, потянул Скарлетт за рукав [НБАРЯ].

В стремлении занять позицию позади других людей часто таится чувство страха, робости: «*Keep oneself in the background <...> we all hung back in fear*» [PK: 274]. «*If you hang back, you move or stay slightly behind a person or group, usually because you are nervous about something*» [CCA]. «*The children hung back out of/through/shyness* от смущения дети держались в стороне» [НБАРС].

В словарях этому глаголу приписывается не только значение ‘держаться позади кого-то’, но и значение нежелания, отказа идти вперед: «не иметь желания (делать что-л., идти вперед)» [БАРС, Т. 1: 731]; «*to remain in a place after all the other people have left*» [OXLD]. Это тоже может диктоваться чувством страха, см. толкование глагола в [WNW]: «*to be reluctant to advance, as from timidity or shyness*».

Наличие у рассматриваемого английского предиката этих значений объясняет, на наш взгляд, развитие значения ‘не решаться сделать что-то, робеть, бояться’ [НБАРС]: «*to be unwilling to speak, act, or move, esp. by fear or lack of confidence: Don't hang back — go and introduce yourself to her*» [LD, V. 1: 475]. *His hand tightened on the handle of his broadsword, but still he hung back* (The Scions of Shannara. Brooks, Terry). Его пальцы крепко сжимали рукоять меча, но он все еще пребывал в нерешительности [ABBYY].

²⁹ «Отстать. 1. Двигаясь медленнее других, оставаться, оказаться позади» [УШ].

Направление ‘страх’ → ‘убегать’

(1) Английский глагол *to shy*, имеющий значения ‘избегать чего-л.’, ‘отступать’, происходит от прилагательного *shy*, которое восходит к протогерм. **skeukh(w)az* — ‘боязливый’: «late Old English *sceoh* “timid, easily startled”, from Proto-Germanic **skeukh(w)az* “afraid”» [OED].

(2) Испанский глагол *espantar*, восходящий к латинскому *expavere* — ‘пугаться страшиться, ужасаться’³⁰, имеет значение ‘пугать, внушать страх’: «Causar o sentir espanto: *Es de un feo que espanta. Con sus gritos nos espantó a todos. Me espanté al ver el accidente*» [DCD]. В кубинском варианте глагол используется в значении ‘убегать’. В прономинальной форме этот глагол в некоторых вариантах испанского языка означает ‘шарахаться, нести (о лошади)’ [БИРСЛА]. Существительное *espantada* имеет значение ‘паническое бегство (животных)’ [ИСРС: 345; GCD и др.].

(3) Во многих языках есть предикаты, которые описывают движение, вызванное страхом. Таковы, например, русские глаголы *отпугивать, спугивать, вспугивать, распугивать* (‘заставить убежать, пугая’). Латинский глагол *terrere* имел значение ‘пугать’ и значение ‘распугивать, прогонять, отгонять; гнать’ [ЛРС]; «*terrēo, ēre, terrūi, territum: 1. effrayer, épouvanter; 2. faire fuir (en effrayant), chasser par la crainte*» [JWH], ‘1. испугать, привести в ужас; 2. заставить убежать, прогнать, напугав’. Во втором значении — ‘напугав, заставить удалиться’ — латинский глагол близок по значению русским глаголам *отпугивать, распугивать* и т.п.

(4) В испанском языке есть глаголы, образованные от междометий, проинсомимых с целью прогнать животных, имеющие значения ‘отпугивать, спугивать’: *oxear, zappear, zacear*. Ox: «*interj. U. para espantar la caza y las aves domésticas*» [DRAE]. Oxear: «*De ox y -ear. Espantar las aves domésticas y la caza*» [Там же].

Отметим, что в испанских глаголах *ojear, oxear, zappear, zacear* и т.п., русских глаголах типа *отпугивать, распугивать* и т.д. ‘страх’ и ‘движение прочь от источника опасности’ как бы «склеены».

‘Страх’ ↔ ‘прятаться’

Еще один способ избежать опасности — спрятаться: страх вынуждает человека искать убежище, предпринимать попытки стать незаметным, невидимым для врага, принимать защитные позы, в которых живое существо наименее уязвимо, например, съеживаться, пригибаться и т.п. Это отражается в полисемии вида: ‘бояться’ — ‘прятаться’, ‘бояться’ — ‘принимать позу, делающую живое существо менее заметным’. Например:

Испанский глагол *encadarse* — ‘трусить, бояться’ в Арагоне и Наварре выступает также в значении ‘прятаться, скрываться’, см., например, в [DLE]: «1) Alava. Navarra. Meterse en el cado, agazaparse; 2) fig. Acoquinarse, acobardarse».

³⁰ [DRAE]: «Del lat. **expaventare*».

Желание стать визуально меньше в размерах (съежиться, пригнуться к земле и т.п.) и таким образом стать менее заметным, а, значит, и менее уязвимым, часто тоже диктуется страхом:

(1) Испанский глагол *azorrillarse* имеет значения ‘трусить’, ‘прятаться’ и ‘свернуться клубочком, съежиться» [ИСРС: 109; БИРСЛА].

(2) Испанский глагол *agachaparse* имеет следующие значения: «(Куба) 1) пригибаться, съживаться; 2) прятаться» [БИРСЛА].

(3) Исп. *achumicarse* в Никарагуа имеет значения ‘робеть’ и ‘сжиматься, съживаться» [БИРСЛА].

(4) Лексические единицы типа рус. *скрывать(ся)*, *тайком*, *исподтишка*, *украдкой* и т.п. могут содержать семы ‘опасность’, ‘страх’. См., например, в [Левонтина 2000: 328—334] словарную статью «Тайно, втайне, тайком, исподтишка, втихомолку, незаметно 1, потихоньку, украдкой». В статье отмечается, что причины утаивания могут быть разными, но часто мы обнаруживаем среди этих причин страх: *исподтишка* — субъект обычно боится наказания или осуждения; *тайком* — стыд, боязнь общественного осуждения или неприятностей, даже страх за свою безопасность и жизнь; *втихомолку* — не хочет, чтобы ему помешали, или просто боится неодобрения окружающих и т.д.

‘Физиологическая реакция’ — ‘страх’

Большинство физиологических изменений при эмоциях относятся к активации симпатической вегетативной нервной системы. Мы перечислим основные физиологические реакции, которые легли в основу номинации страха.

Дрожь.

(1) От и.-е. **tremō* произошли предикаты трех типов: а) предикаты со значением ‘дрожать’ (напр., лит. *tr̄imti, tr̄imū*); б) единицы со значением ‘бояться’ (напр., гег. *trem*); в) единицы, сочетающие значения ‘дрожать’ и ‘бояться’. Последний тип предикатов широко представлен в разных языках: Греч. *τρέμω* — ‘дрожать’ (например, о больном малярией) и ‘бояться’. Лат. *tremere* и производные от него, например, *contremiscere*: «1. дрожать, трепетать, содрогаться (*omnibus artibus C*): с. *toto corpore metu alicuius rei* С дрожать всем телом от страха перед чём-л.; 3. дрожать, трястись (перед кем-л.), т.е. бояться» [ЛРС].

(2) От другого и.-е. корня — **tresō* — тоже произошли предикаты со значением ‘дрожать’ и ‘бояться’: «И.-е. **tresō*: др.-инд. *trásati* “дрожит”, авест. *tərəsaiti*, греч. *τρέω* (**tresō*) “трепещу”, аор. *tréṣṭai*, ё-тресто॒с “неустрашимый”» [ФЭ].

(3) Исп. *canillera* в Латинской Америке имеет значения ‘дрожь в ногах (от страха)’ и ‘страх’ [БИРСЛА].

(4) Французское существительное *grelotte* — ‘страх’ образовано от глагола *grelotter* — ‘дрожать’, имеет значение ‘страх’ [ГрГр: 309].

Дефекация; понос. Например:

(1) франц. *chiasse*: 1. понос; 2. страх; *chiasseux* — ‘трус’ [ГрГр: 135 и др.].

(2) *colique* — ‘понос’, *avoir la colique* — ‘бояться, трусить’ [ГрГр: 135; AD: 1430 и др.].

Потоотделение. Например:

(1) франц. *suée* ‘обильный пот’ — ‘сильный страх’ [TR].

(2) англ. *to sweat*: ‘потеть’ — ‘волноваться, тревожиться’, например: *We were really sweating as we waited for them to announce the results* [LD].

Опорожнение мочевого пузыря. Например:

(1) франц. *pisser* — ‘мочиться’, *pisser dans son froc* — ‘трусить, дрейфить’ [ГрГр: 461]; *pisseux* — ‘трусливый’ [TR].

(2) *mouiller (sa culotte, son froc)* — ‘намочить штаны’ и ‘струсить’ [PR; TR; WKT]; *mouiller, les mouiller* — ‘бояться, трусить’ [ГрГр: 391]; *avoir les mouillettes* — ‘бояться, дрейфить’ [ГрГр: 391; AD: 1557].

Изменение цвета лица. Например:

(1) Англ. *to appall* — ‘ужасать’ [CED и др.]. «To fill or overcome with horror, consternation, or fear; dismay: *He was appalled by the damage from the fire*» [RHD]. Английский глагол образован от ст.-франц. *apalir* ‘побледнеть или заставить побледнеть’ [OED].

(2) Исп. *amarillo* — ‘бледный от болезни или страха’, букв. ‘желтый’; *amarillo* — ‘трусливый’ (Куба Экв.) [БИРСЛА; DRAE]; *amarillar* (Куба, Экв.) — ‘бледнеть’, ‘ужасать, пугать’ [БИРСЛА].

Элевация волос. Например:

1) Исп. *erizarse*: 1. становиться дыбом (о волосах); 2. П.-Р. бояться [ИСРС: 337; БИРСЛА; DRAE].

(2) Исп. *arrozudo* (Кол.) — ‘взъерошенный, стоящий торчком (о волосах)’; *ponerse uno arrozudo* (Кол) — ‘сильно испугаться, задрожать от страха, прийти в ужас’ [БИРСЛА].

Итак, как показало наше исследование, в основе номинации страха или соответствующей полисемии могут лежать следующие компоненты, импликации и инцидентные следствия прототипической ситуации страха:

1. Опасность/негативная ситуация.

2. Ощущение неконтролируемости, неподвластности ситуации человеку, что может ассоциироваться с физической или моральной слабостью человека, с зависимостью человека от других людей.

3. Желание субъекта избежать опасной, вызывающей страх ситуации, что проявляется в его поведении — бегство, попытках спрятаться, стать незаметным и т.д.

4. Неконтролируемые физиологические реакции на страх — потоотделение, дрожь, дефекация, испускание кишечных газов, опорожнение мочевого пузыря, изменение цвета лица, элевация волос.

ГЛАВА 3. РАДОСТЬ И УДОВОЛЬСТВИЕ

I. Вводные замечания

В психологии радость и удовольствие четко разграничены. Радость признается к классу базовых эмоций, в то время как удовольствие определяется

как чувство, «несомое нам сенсорными ощущениями, такими как тактильные и вкусовые» [Изард 1999]. Теория дифференциальных эмоций отличает переживание радости от удовлетворения физиологической потребности, или чувственного удовольствия, хотя последнее может снижать порог возникновения эмоции радости.

Различие между радостью и удовольствием отражено в лексике разных языков, см., например, толкование соответствующих русских единиц в книге А. Б. Пеньковского: «УДОВОЛЬСТВИЕ прежде всего и преимущественно чувственно-физиологическая реакция, тогда как РАДОСТЬ имеет более высокую чувственно-психическую природу» [Пеньковский 2004: 63]. Радость является положительной эмоцией, опосредованной мыслью [Там же: 247]. При этом стимулом удовольствия могут быть не только «физиологически-телесные и физические действия», но и «высокие ментальные действия, если они имеют доступную физическую подоснову [Там же: 64].

Мы выделили следующие типы переходов, лежащих в основе номинации этих эмоций или полисемии лексических единиц, их обозначающих³¹.

1. Переходы, в которых задействованы компоненты прототипического сценария удовольствия и радости — причина и стимул, контролируемые поведенческие и речевые реакции.

2. Переходы, в которых задействованы инцидентные следствия ситуации удовольствия и радости.

3. Переходы внутри семантического поля удовольствия и радости.

4. Переходы, в которых смысл ‘удовольствие от P’ трансформируется в общеоценочное суждение.

5. Переходы, в которых общеоценочное суждение трансформируется в смысл ‘удовольствие от P’.

6. Семантические переходы с участием предикатов, описывающих действия, мотивировкой которых является доставление удовольствия или радости.

II. Прототипическая ситуация

II. 1. Причина/стимул.

А. Б. Пеньковский разграничивает в ситуации удовольствия стимул и источник. Стимулом удовольствия может быть: 1) активное, намеренное, целенаправленное действие самого субъекта; 2) активное недействие (*сладкое ничего не делание*); 3) намеренное активное пребывание в том или ином состоянии (*сидеть, валяться, лежать, спать с удовольствием*). Действия, совершаемые другими людьми, рассматриваются как источник удовольствия (*Я получил удовольствие от вашей игры*). Стимулом же здесь будет собственное действие человека, получившего удовольствие (*слушал вашу игру, смотрел на вашу игру, следил за вашей игрой*) [Пеньковский 2004: 64].

³¹ В данной главе использованы материалы статьи [Иоанесян 2017в].

Итак, ситуация удовольствия включает в качестве обязательного компонента стимул. Компонентом прототипической ситуации радости (несмотря на то, что человек способен ощущать *беспрчинную радость*) является наличие некой приятной/благоприятной для субъекта ситуации Р: радоваться — это испытывать такое приятное чувство, «какое бывает, когда то, что субъект оценивает или ощущает как хорошее для себя, имеет место» [Апресян 1997: 312].

II.1.1. Удовольствие.

II.1.1.1. Прежде всего удовольствие связано с сенсорными ощущениями — зрительными, слуховыми, вкусовыми и т.п. Это отражается, в частности, в семантических переходах вида ‘вкус’ — ‘получать удовольствие’; ‘есть’/‘пить’ — ‘получать удовольствие’, ‘смотреть’/‘слушать’ — ‘получать удовольствие’. Например:

(1) Русский глагол *смаковать*, производный от *смак* ‘вкус’, имеет значение «Есть или пить, наслаждаясь вкусом чего-нибудь, обнаруживая чувственное удовольствие» [УШ].

(2) Ит. *assaporare*, франц. *savourer*, порт. и исп. *saborear* (восходящие к лат. *sapor* ‘вкус’) используются в значениях ‘смаковать’ и ‘наслаждаться’ [VT; TR; DCD; DCA].

(3) Португальское существительное *gosto* — ‘вкус (одно из пяти чувств)’, ‘вкус, вкусовое ощущение’ и ‘удовольствие’ [РЕ]. Глагол *gostar* имеет значения ‘пробовать на вкус’, ‘считать, находить что-л. вкусным’, ‘испытывать удовольствие от чего-л.’: [DCA; PRB].

Аналогичная полисемия отмечается у испанских когнатов *gusto* и *gustar* и итальянских *gusto* и *gustare*. См. также франц. *goûter* — ‘пробовать на вкус’ и ‘наслаждаться’ [PR: 795]. Англ. *gusto* (от ит. *gusto*) имеет значение ≈ ‘огромное удовольствие, наслаждение’ [RHD]. Пол. *gustować* (от лат. *gustus*) — ‘любить, находить удовольствие в чём-л.’ [SJP].

(4) Рус. *упиваться* — ‘напиваться до полного насыщения или допьяна’ и ‘наслаждаться чем-либо’ [Ефремова].

(5) Английский фразовый глагол *to drink in (drink* — ‘пить’) имеет значение ‘наслаждаться, упиваться чем-л.’: «*They sat out on the terrace and drank in the stunning view*» [MD].

(6) Немецкий глагол *genießen* имеет значения ‘есть, пить’ и ‘наслаждаться’ [Duden]. Аналогичная полисемия представлена в отглагольном существительном *Genuß*.

(7) Английский глагол *to treat* имеет значения ‘угощать’ и ‘доставлять удовольствие’: «*to provide with free food, drink, or entertainment: За. they treated us to lunch; 3b. to provide with enjoyment or gratification*» [MWD]. Полисемия ‘угощение’ — ‘удовольствие, наслаждение’ представлена и в образованном от этого глагола существительном *treat*: «*1. the act of providing another with free food, drink, or entertainment <...> 2. an especially unexpected source of joy, delight, or amusement // seeing her again was a treat*» [Там же].

(8) Переход ‘удовольствие’ → ‘есть’ представлен санскритскими *valbh* ‘enjoy’ — ‘to eat’ и *bhu-* ‘enjoy’ — ‘eat’ [DB].

II.1.1.2. Источником-стимулом удовольствия могут быть и ментальные действия. Одним из стимулов удовольствия является чтение. Это объясняет переход ‘читать’ — ‘читать (и перечитывать) с удовольствием’. Примером этого является рус. *зачитываться*, в котором синкетично обозначены источник-стимул (чтение) и реакция (удовольствие).

II.1.1.3. Еще одним стимулом удовольствия являются всякого рода забавы, развлечения, вечеринки. Это лежит в основе переходов вида ‘удовольствие’ → ‘забава, развлечение’/‘вечеринка’.

(1) Украинское слово *приємність* — ‘удовольствие’ — в диалектах используется в значении ‘увеселение, развлечение’ [СУМ].

(2) Немецкое существительное *Vergnügen* сочетает значения ‘удовольствие’/‘радость’ и ‘развлечения’ «1. inneres Wohlbehagen, das jemandem ein Tun, eine Beschäftigung, ein Anblick verschafft; Freude, Lust; vor *Vergnügen lachen, schreien, in die Höhe springen*; 2. a. etwas, woran man Vergnügen findet, was einem Vergnügen bereitet; angenehmer Zeitvertreib; Spaß; Amusement» [Duden].

(3) Англ. *picnic* имеет значение ‘пикник, загородная прогулка с едой’ и ‘приятное времяпрепровождение, удовольствие’: «an enjoyable experience or time, easy task, etc.: *Being laid up in a hospital is no picnic*» [RHD].

II.1.2. Радость.

Неотъемлемым компонентом прототипического сценария радости является наличие приятной для субъекта ситуации.

(1) Переход ‘имеет место положительная для субъекта X ситуация P’ ↔ ‘X радуется, что P’ представлен латинским прилагательным *festus*, имевшим значение ‘праздничный’ — о днях, посвященных религиозным праздникам, в которые люди не работали. От этого значения произошло другое значение этого прилагательного — ‘радостный, ликующий’: «1. de fête, qui est en fête; // joyeux, gai: *festior annus Claud III Cons. Honor. 3, année plus heureuse*» [DLFG]. Здесь, как нам представляется, имел место переход ‘причина радости’ → ‘радость’ [‘праздник’ → ‘радость’].

Полисемию ‘праздник’ — ‘радость’ унаследовали ит. *festa, festoso, festosamente* [GDH; VT]. Франц. *fête* — ‘праздник’ в конструкции (*être*) *en fête* может выступать в значении ‘(пребывать) в состоянии радости’ [TR]. См. также английское существительное *festivity*, демонстрирующее полисемию ‘веселье, радость’ — ‘праздник’: «1. The condition of being festive; social joy or exhilaration of spirits at an entertainment; joyfulness; gayety. *The unrestrained festivity of the rustic youth.* — Bp. Hurd. 2. A festival; a festive celebration» [WRU 1913].

(2) Рус. *праздник* употребляется в значении ‘радость’/‘удовольствие’: «*На душу празднику* (перен.: радостно)» [ОЖ].

Обратный переход ‘радость’ → ‘праздник’ представлен франц. *réjouissance*: ‘общая радость, веселье’ — ‘празднства’ [ГТ]. Исп. *regocijo* имеет значения:

1. ‘бурная радость, ликование’, «Alegria intensa o júbilo» [DRAE]; 2. ‘праздник, гулянье’ [ИСРС: 656].

II.2. Контролируемые поведенческие и речевые реакции.

Для некоторых эмоций характерны определенные внешние проявления. Ликование, как особый вид радости, проявляется в восклицаниях, плясках, песнях и т.п. Это объясняет семантические переходы типа ‘танцевать’/‘прыгать’/‘радостно воскликать’ → ‘ликовать’ и т.д. Например:

(1) Лат. *exsultare*: ‘прыгать’ — ‘ликовать’ [ЛРС; DLFG].

(2) Лат. *jubilare*: ‘издавать громкие крики, торжествующие возгласы’ — ‘ликовать’ [ЛРС].

(3) Русский глагол *ликовать* образован от *лик*, которое было заимствовано «из гот. *laiks* “танец”, *laikan* “скакать, прыгать”» [ФЭ].

(4) Одно из основных значений испанского глагола *bailar* — ‘танцевать’. В некоторых странах Латинской Америки у него отмечается также значение ‘проявление бурной радости’: ‘ликовать, быть на седьмом небе, не помнить себя от радости’ [БИРСЛА].

III. Инцидентные следствия

III.1. ‘Удовольствие’/‘радость’ — ‘желание’.

Одним из инцидентных следствий прототипической ситуации удовольствия и радости является желание испытать эти эмоции еще раз: удовольствие как положительная чувственная реакция предполагает возможность желания и переживать его вновь и вновь. С другой стороны, желание осуществления какой-то ситуации может быть обусловлено оценкой субъектом этой ситуации как способной доставить ему удовольствие. См., например, толкование глагола *любить* 2 в [Апресян 2000: 180], в котором связь между желанием и удовольствием выражена эксплицитно: «*X любит <обожает> P* = ‘X имеет свойство хотеть P, потому что всякий раз, когда X делает P, использует P или находится в контакте с P, он испытывает большое удовольствие’»³².

Связь между желанием с одной стороны, и удовольствием и радостью, с другой, лежит в основе переходов ‘желание’ — ‘удовольствие’.

(1) Немецкое *Lust*: ‘желание’ (в том числе сексуальное) — ‘удовольствие’ (в том числе сексуальное) [DWDS].

Английское существительное *lust* тоже имеет значение ‘желание’: «1. usually intense or unbridled sexual desire. 2. an intense longing: craving //a lust to succeed» [OD]. В словарях, кроме значения ‘желание’, отмечается также устаревшее значение ‘удовольствие’: «*obsolete. a. pleasure, delight*» [Там же].

(2) Рус. *охота* имело значения ‘желание’ и ‘удовольствие’. Выражение *в охоту* в русских диалектах использовалось в значении «с удовольствием, в охотку» [СРНГ].

³² Поскольку инцидентные следствия соединяют ассоциативной связью две ситуации — P_1 и P_2 , то, по-видимому, каждая из этих ситуаций P_1 и P_2 является инцидентным следствием для другой.

Охотно имело два круга значений: 1) «Приятно, весело. Пойдем вместе, охотней будет. Костром.» [Там же]; 2) «В знач. безл. сказ. Хочется, охота. Жарко, а холодного-то охотно (хочется). Твер. Твер., 1910» [Там же].

В русском литературном языке наречие *охотно* на протяжении всего XIX в. функционировало в качестве дублета выражения *с удовольствием* [Пеньковский 2004: 252]: «Я захохотал, и тем охотнее, что предо мной сдержал коня своего незнакомец, проезжая в санках мимо...» (А. А. Бестужев-Марлинский. Страшное гаданье). <...> употребление *охотно* в значении ‘с удовольствием’ — для литературного языка прошлого века массовое, обычное и «спокойное» — явно противоречит слову *и* *ненно* *узы ально* *и орме* [Там же: 253]³³.

(3) Польское *cheć* в старопольском языке имело значение ‘вкус’, ‘приятность, удовольствие’, в современном языке оно используется в значении ‘желание’ [ЭССЯ 8].

(4) Латинское *libido* (*lubido*) сочетало значения ‘желание’ и ‘удовольствие’ [ЛРС; JWH].

(5) В статье праслав. **olkomiti* (*se*) [ЭССЯ 32] отражено разное семантическое развитие соответствующих славянских глаголов: некоторые предикаты имеют волитивное значение, другие — значение удовольствия, например: «**olkomiti* (*se*): цслав. *лакомити* *ся* *сирере* (Mikl. LP), \Leftrightarrow макед. *лакоми* *се* ‘зариться на что, жадно хотеть чего’ (Макед.-русск.), сербохорв. *läkomi* *ti se* ‘жаждать, сильно желать’, \Leftrightarrow русск. *лакомиться* ‘наслаждаться (сластями, чем-н. особенно вкусным)’, \Leftrightarrow укр. *лакомитися* ‘лакомиться’ (Словн. укр. мови, IV, 433)».

(6) Итальянское прилагательное *vago* имеет значения ‘жаждущий, мечтающий’ и ‘приятный’: «(fig., lett.) a. che prova desiderio di qualcosa, con la prep. *di*. <...> \approx desideroso, voglioso. ↑ avido, (lett.) bramoso, (lett.) cupido, smanioso; b. che ha aspetto piacevole e delicato, generalm. anteposto al sost.: *Tre vaghissime donne a cui le trecce Infiora di felici itale rose Giovinezza* (U. Foscolo)» [SCT].

(7) Рус. *рад.* См. словарную статью этого слова в [ФЭ]: ‘*прáда*, *ráдо*, *укр. рáдий*, *рад*, *блр. рад*, *др.-русск.*, *ст.-слав. радь* *περιχάρις* (Остром., Супр.), *болг. рад*, *сербохорв. раđ*, *рађа*, *раđо* “охотный”, *словен. ràd, ráda* “рад, охотный”, *чеш. rád* — то же, *слвц. rád*, *польск. –*, *в.-луж. n.-луж. rad*». Ср. русское выражение *рад-радехонек*, у которого тоже выделяют значение ‘желание, готовность, намерение’ [Словарь-тезаурус].

(8) Синонимия ‘нравиться’ — ‘хотеть’ отмечена авторами каталога семантических переходов в языке яравара: «Polysemy: Jarawara nofa ‘to want’ — ‘to like, love’. Example for the meaning A: Iyawa hinita kabi on-ofarini ‘I don’t want to eat manioc meal by itself’; Example for the meaning B: Bahi kona ehene nofatere amaka. ‘thunder doesn’t like fishing with poison’» [DB].

(9) У английского глагола *love*³⁴ в каталоге семантических переходов отмечена полисемия ‘любить’ — ‘хотеть’: «Polysemy: English *love* ‘to love’ — ‘to

³³ Разрядка А. Б. Пеньковского.

³⁴ «Old English *lufu* “feeling of love; romantic sexual attraction; affection; friendliness; the love of God;

desire, to long for'. Example for the meaning B: I'd love to stay with you. 'Я бы с удовольствием остался с вами'» [DB].

III.2. ‘Удовольствие’/‘радость’ — ‘благодарность’.

Избавление человека от каких-то неприятностей или, наоборот, достижение каких-то целей, получение удовольствия в результате действий стороннего лица часто связывают воедино чувства радости и удовольствия и чувство благодарности. Это отражается в языке в форме семантического перехода ‘благодарность’ ↔ ‘удовольствие’/‘радость’. Например:

(1) Англ. *thankful* — ‘благодарный’ и ‘довольный, радующийся’: «1. conscious of benefit received // for what we are about to receive make us truly thankful. 3. well pleased: GLAD // was thankful that it didn't rain» [MWD].

(2) Латинское прилагательное *gratus* имело значение ‘приятный, желанный’, ‘принимаемый с благодарностью’ и ‘благодарный, испытывающий благодарность’: «accepté avec reconnaissance; reconnaissant» [JWH]. Англ. *grateful*, восходящее к лат. *gratus*, имеет те же значения: «1. thankful for gifts, favours, etc; appreciative. 2. showing gratitude: a grateful letter. 3. favourable or pleasant: a grateful rest» [CED].

III.3. ‘Удовольствие’/‘радость’ — ‘покой’.

Наличие переходов ‘покой’ — ‘удовольствие’/‘радость’ говорит о том, что в картине мира разных языков удовольствие и радость/веселье ассоциируются с состоянием внутреннего покоя. Указанный переход реализуется в двух вариантах:

1. ‘человек находится в состоянии покоя’/‘человек пришел в состояние покоя’ — ‘человек испытывает удовольствие/радость’.

2. ‘объект находится в состоянии покоя’ — ‘объект вызывает удовольствие/радость человека’.

(1) Примером перехода первого типа являются рус. *тешить*, *утешать*, тихий, укр. *тишити*, восходящие к праслав. **tixъ*» [ФЭ]. Др.-русск. *тѣшити* имело значение ‘успокаивать’: «утѣшать, успокаивать» [CP]. В словарях у слов *утешать*, *утешение*, *тешить* и т.п. отмечается устаревшее сейчас значение ‘доставлять удовольствие/радость’: «услаждать, доставлять отраду, удовольствие. Ну уж утешил он нас вечерась: со смеху поморил! Путные дети собою отца-матерь утешают, радуют, покоят» [Даль]; «Радовать, доставлять кому-нибудь отраду. Меня утешают успехи сына» [УШ].

В некоторых словарях у глагола *утешать* отмечается синкетичное значение ‘успокаивать чем-то, что доставляет радость’: «Вызывать (вызывать) у кого-л. состояние спокойствия, уравновешенности, успокоив чем-л. радостным и облегчив кому-л. горе, страдание» [БТСРГ].

Love as an abstraction or personification,” from Proto-Germanic **lubo* (source also of Old High German *lubi* “joy,” German *Liebe* “love;” Old Norse, Old Frisian, Dutch *lof*; German *Lob* “praise;” Old Saxon *liof*, Old Frisian *liaf*, Dutch *lief*, Old High German *liob*, German *lieb*, Gothic *liufs* “dear, beloved”). The Germanic words are from PIE root *leubh- “to care, desire, love”» [OED].

(2) Переход ‘спокойный’ → ‘веселый, радостный’ зафиксирован у шведского прилагательного *rolig*: [DB]. В современном языке слово используется и в значении ‘доставляющий удовольствие или радость’, например: «*det är roligt att få vara med* — приятно, что меня позвали» [LSR].

(3) Обратный семантический переход — от ‘удовольствия’ к ‘покою’ — реализован в испанском прилагательном *suave*, сочетающем значения ‘приятный’ и ‘спокойный’: «2. Blando, dulce, grato a los sentidos. 3. Tranquilo, quieto, manso» [DRAE]; «1. Que es liso y agradable al tacto: una toalla suave, un suave pelo. El carpintero ha lijado el tablero y ha quedado muy suave. 2. (antepuesto/pospuesto) Que es agradable: una suave temperatura, un clima suave» [GCD].

Аналогичная полисемия отмечается у порт. *suave* и ит. *soave*.

Suave: «1. Que causa sensação agradável aos sentidos: “Ele se aproxima da esposa, descansa ambas as mãos nos ombros dela e diz com voz quase suave: — Me perdoa” (EV). 5. Que transmite tranquilidade» [DA].

Soave: «1. Che dà ai varfi sensi e all’animo un’impressione di dolcezza delicata e gentile: *sapore, profumo s.*; 2. Tranquillo, placido» [VT]; «1) нежный, сладостный, деликатный, приятный. 2) тихий, спокойный; *sonno soave* — спокойный <безмятежный> сон» [СМИ: 810].

(4) Латинский глагол *mulcere* сочетал значения ‘гладить’/‘легко касаться’, ‘успокаивать’ и ‘доставлять удовольствие’: «to soothe, soften, appease, allay, to caress, flatter, delight» [LSL].

NB: ‘Гладить’ осмыслялось как успокаивающее движение руки, что, как представляется, послужило у глагола *mulcere* основой для перехода от значения ‘гладить’ к значению ‘успокаивать’³⁵: «Mulceo, I soften, soothe, appease. Also, I touch gently or stroke with the hand in a soothing manner» [EDLV].

III.4. ‘Удовольствие’/‘радость’ — ‘гладкий’.

Семантические переходы вида ‘Х’ — ‘приятный’, где Х — название какого-л. качества, отражают имеющиеся в картине мира того или иного языка представления о том, с какими свойствами объекта ассоциируется у человека чувство удовольствия и радости. Одним из таких свойств является свойство ‘гладкий’.

(1) В польском языке прилагательное *gładki* имеет значения ‘гладкий’ — ‘красивый’³⁶: (a) <...> bo prócz tego, że *gładka*, jeszcze i posażna była (Andrzej Sapkowski. Boży bojownicy (2) (2004)). <...> потому что она была не только хороша собой, но и богата [НКРЯ]. (б) *Pewnikiem nie był gładzy niżli ty* (Zofia Kossak. Król trędowaty (1937)). Не думаю, чтобы он был красивей тебя [НКРЯ].

(2) В каталоге семантических переходов зафиксирован семантический переход ‘гладкий’ — ‘радостный’: «3046. smooth — glad. Cognates: German *glatt* ‘smooth’ — English *glad* ‘glad’» [DB].

³⁵ В этой связи интересно, что у глагола *m̄šišuti*, о котором говорилось выше, тоже отмечалось значение ‘гладить’ [CP].

³⁶ Красивый — это ‘доставляющий наслаждение взору, приятный внешним видом, гармоничностю, стройностью’ [ОЖ], ‘доставляющий удовольствие своим внешним видом’ [Ефремова].

(3) Полисемия ‘гладкий, мягкий’ — ‘красивый, прекрасный’ представлена выражением *ləməštəs bälä* языка тигрины (семитская группа): «1998. smooth — beautiful. Polysemy: Tigrinya ləməštəs bälä “to be soft, smooth” — “to look fine”» [DB].

III.5. ‘Удовольствие’ — ‘сладкий’.

Свойство ‘сладкий’ во многих языках устойчиво связывается с приятными вкусовыми ощущениями. См., например, русское прилагательное *сладкий*: «1. Имеющий вкус, свойственный сахару, меду и т.п. 2. разг. Вкусный» [Ефремова]. На следующем этапе семантической эволюции слово получает и более широкое значение (значение обобщенной гедонистической оценки) — ‘приятный, доставляющий удовольствие’ [ОЖ и др.]. См. также производные *наслаждаться* и *наслаждение*. Переход ‘сладкий’ — ‘приятный’ отмечен в разных языках, например:

(1) Английское *sweet* — ‘сладкий’ и ‘приятный’: «1. having or denoting a pleasant taste like that of sugar; 2. agreeable to the senses or the mind ⇒ *sweet music*» [CED].

(2) Первым значением латинского *dulcis* было ‘сладкий’³⁷: «1) *au propre, opp. à amarus;*» [GDL]. Вторым значением прилагательного был смысл ‘приятный’: «*au fig., doux, c.-à-d. agréable, aimable*» [Там же].

Аналогичная полисемия обнаруживается и в словах, восходящих к указанному латинскому прилагательному. Примером такого рода является ит. *dolce*, имеющее значения ‘сладкий’ и ‘приятный’: «1. a. [del sapore dello zucchero] ≈ zuccherino, zuccheroso. 3. (fig.) che dà sensazione gradita all’animo: il d. suono d’un violino; un d. ricordo» [SCT]. См. также франц. *doux*, порт. *doce* — ‘сладкий’ и ‘приятный’ и т.п.

Английское прилагательное *dulcet* (заимствование из старо-французского [OED]) имело значение ‘сладкий’ (устар.): «Sweet to the taste; luscious. [Obs.] She tempers dulcet creams. Milton» [WRU 1913]. В настоящее время прилагательное употребляется в значении ‘приятный на слух’: «pleasant to the ear; melodious: *the dulcet tones of the cello*» [RHD].

(3) Латинское *suavis* — ‘приятный’ (о сенсорных ощущениях) и ‘приятный’ (общая оценка): «I) qui affecte agréablement les sens. II) agréable à l’esprit ou au coeur» [GDL]. Существительное *suavitas* означало «приятность, привлекательность (*oris, vocis, odoris, cibi*); удовольствие, наслаждение» [ЛРС].

(4) Рус. *лакомый*: «1. Доставляющий вкусовое наслаждение, очень вкусный. 2. перен. Приятный» [Ефремова]. *Лакомиться*: «1. Есть, наслаждаясь чем либо вкусным. 2. перен. Наслаждаться чем либо приятным» [Там же]. Примеры на второе значение встречаются довольно редко, но тем не менее есть: (а) *Восток, получалось, Европу в упор не видит, кроме каких-нибудь декадентствующих*

³⁷ «*Dulcis: from gulcis, by dissimilation; cf. ten-ebrae from root tam-; root in Sanscr. gul-jam, sweetness; Gr. glukus, glukeros, sweet], sweet» [LSL].*

японцев, лакомящихся французским символизмом (Анатолий Найман. Славный конец бесславных поколений (1994)) [НКРЯ]; (б) Чтоб они не лакомились теми стихами, которые доставляют им радость! (Л. К. Чуковская. Памяти детства: Мой отец — Корней Чуковский (1971)) [НКРЯ].

И сам сахар в языке может ассоциироваться с удовольствием, напр., русское слово *sахар*, в переносном употреблении означает «то, что приятно, что доставляет удовольствие, наслаждение» [Ефремова]. Правда, это значение ограничено рамками отрицательных конструкций: «Не сахар кто (что) (разг.) о ком-чём-н. неприятном, трудном, не мёд, не подарок. *Характерец у тебя не сахар*» [ОЖ]. Такое же значение есть и у другого «сладкого» слова — слова *мед*³⁸: *Не то что под Сморгонью, хотя там тоже было не мед* (В. П. Катаев. Юношеский роман (1980—1981)) [НКРЯ]. Ит. *zuccherino* имеет значения ‘маленький кусочек сахара’, ‘конфета’. Подобно русским *сахар* и *мед*, в конструкциях с отрицанием оно означает неприятную ситуацию: «*Non è uno zuccherino, è una cosa spiacevole*» [GDH].

Англ. *jam* ‘варенье, джем’ используется также в значении ‘что-л. приятное’ [НБАРС].

По-видимому, сладкий вкус малины, определил и переносное значение соответствующего русского слова: «перен. Нечто приятное, весьма хорошее, прямо прелесть. *У нас житье — малина*» [УШ].

Напротив, кислый вкус ассоциируется с неприятными ощущениями, и ряд слов со значением ‘кислый’ развили значение ‘неприятный’. См, например, англ. *sour* — ‘кислый’: «1. Something that is sour has a sharp, unpleasant taste like the taste of a lemon. 5. If a situation or relationship turns sour or goes sour, it stops being enjoyable or satisfactory. *Everything turned sour for me there*» [CED]. Франц. *tourner à l'aigre*, (*aigre* — ‘кислый’) используется в значении ‘принимать плохой, неприятный оборот’ [ГрГр: 20]. Аналогичный пример — слово *vinaigre* ‘уксус’; *tourner au vinaigre* — ‘принимать плохой, неприятный оборот’ [DFC].

IV. Семантические переходы внутри семантического поля удовольствия и радости ‘Удовольствие сенсорное’ — ‘Удовольствие’

В разных языках представлены переходы вида ‘приятное ощущение’ → ‘удовольствие’ («обобщенная гедонистическая оценка, не дифференцирующая различные сенсорные зоны» [Пеньковский 2004: 249]).

(1) Первое значение французского глагола *chatouiller* — ‘щекотать’. От этого значения произошел переход к значению ‘вызывать приятное сенсорное ощущение’, и далее — к более общему значению ‘вызывать удовольствие’: 1. «Causer en certaines parties du corps, par un attouchement léger, un tressaillement involontaire, qui provoque ordinairement un rire convulsif. *Chatouiller quelqu'un*

³⁸ В словаре [Ефремова] этому слову приписывается значение «приятные слова, речи».

aux côtés» [AD 1935]; 2. «Exciter doucement (les sens) par des impressions agréables. Vin qui chatouille le palais. ⇒ flatter, titiller. Parfum qui chatouille l'odorat» [PR: 265]; 3. «Fig. Exciter doucement par un sentiment, une émotion agréable. Chatouiller l'amour-propre de qqn.» [Там же]; «La musique chatouille l'oreille» [AD 1935]; «Absolument. Il n'y a rien assurément qui chatouille davantage que les applaudissements que vous dites, MOL. Bourg. gent. I, 1» [EL].

(2) Англ. *tickler* — ‘щекотать’ имеет также значения ‘забавлять, веселить’ и ‘доставлять удовольствие’: «1. to move your fingers gently on someone's skin in order to give them a pleasant feeling or to make them laugh. 2. if something such as a remark or an idea tickles you, you think it is funny: *It tickled him to think that she'd asked him for advice.* a. if something tickles you, it makes you feel pleased: *It always tickled her to get a card from them*» [MD].

(3) Франц. *titiller* и англ. *titillate* имеют значения ‘щекотать’ и ‘приятно возбуждать’. См., например, толкование английского глагола: «1. to stimulate or excite pleasantly. *Our curiosity was titillated by the article.* 2. to excite or produce a pleasurable feeling in, usu. by tickling or stroking lightly» [WED]. При этом приятное ощущение может быть вызвано также воздействием на вкусовые рецепторы: «...*food to titillate the most jaded of palates*» [CED].

(4) Аналогичная полисемия отмечается у итальянского глагола *vellicare* — ‘щекотать’: «In senso fig., stimolare, eccitare piacevolmente: *suoni che vellicano l'udito; erano immagini che gli vellicavano la fantasia*» [VT].

(5) У русского ‘щекотать’ также выделяется значение ‘приятно возбуждать’: «Приятно возбуждать, тешить. Щекотать самолюбие. Щекотать нервы» [УШ].

(6) Немецкий глагол *kitzeln* имеет значения ‘щекотать’ (шею, ноги и т.п.), ‘вызывать приятное сенсорное ощущение’ (воздействие на вкусовые рецепторы или рецепторы слизистой оболочки носа) и ‘вызывать приятное чувство’: «1.a. bei jemandem durch wiederholtes Berühren an bestimmten, empfindlichen Körperstellen eine Empfindung auslösen, die meist zum Lachen reizt: *jemandes Fußsohlen kitzeln.* 2.a. einen angenehmen Sinnesreiz hervorrufen: *der Duft kitzelt sie in der Nase, kitzelte ihre Nase. gutes Essen kitzelt den Gaumen; jemandes Eitelkeit kitzeln (jemandem schmeicheln)*» [Duden].

NB: Заметим, что ‘ощущение, вызываемое щекотанием’, совсем не всегда ассоциируется с удовольствием, поэтому неудивительно, что в языках встречаются и переходы другого вида: ‘щекотка’ → ‘негативная эмоция’. Так, например, исп. *cosquilleo* имеет значения ‘щекотка (ощущение)’ и ‘беспокойство, тревога’: «Sensación que producen las cosquillas, u otra cosa semejante a ella: *el cosquilleo de un estornudo en la nariz.* Sensación de inquietud o nervios ante algo que produce temor» [ELM].

V. Семантические переходы, в которых смысл ‘удовольствие от Р’ трансформируется в общеоценочное суждение ‘Р оценивается положительно’

V.1. ‘Получать удовольствие’ → ‘обладать чем-л.’

Указанный переход реализован в виде полисемии франц. *jouir* и *jouissance*, ит. *godere*, исп. *gozar*, порт. *gozar* и *gozo*, англ. *enjoy* и *enjoyment*³⁹, восходящих к лат. *gaudere* (*enjoy* — заимствование из ст.-франц.). См., например, порт. *gozar*: «1. Tirar gozo ou prazer de (ex.: *gostamos de gozar a vida; gozar a calma e o silêncio*). = DESFRUTAR, FRUIR; 3. Estar na posse ou no gozo de (ex.: *o avô ainda goza de muito boa memória; a empresa goza de fama internacional*) = POSSUIR» [PRB].

Переход ‘получать удовольствие’ → ‘обладать чем-л.’ представляется довольно необычным. Для изложения нашей точки зрения на механизмы, лежащие в его основе, мы остановимся на некоторых моментах.

Презумпцией лексем, обозначающих чувство удовольствия или радости от какой-либо ситуации Р, является смысл ‘ситуация Р имеет место’. Рассмотрим предложения с франц. глаголом *jouir* ‘наслаждаться’ — *X jouit de P*. Презумпцией предложений вида — *X jouit de sa liberté/d'un long congé* — ‘Пьер наслаждается своей свободой/своим длинным отпуском’ является ‘Пьер свободен’ (‘имеет свободу’), ‘Пьер находится в отпуске’. Ассерцией рассматриваемых предложений является положительная оценка компонента Р, обозначающего стимул эмоции — свободы, отпуска: поскольку удовольствие, наслаждение являются положительно окрашенными эмоциями, их стимул оценивается положительно.

Переход от значения ‘наслаждаться, получать удовольствие от Р’ к значению ‘иметь Р, обладать Р’ состоит в следующем:

1. Изменяется статус компонента ‘иметь Р’ с презумптивного на ассертивный, а компонента ‘наслаждаться, получать удовольствие от Р’ — с ассертивного на презумптивный.

2. Происходит переход от значения ‘удовольствие’ к ассертивному компоненту его значения — положительной оценке Р.

Иными словами, как представляется, имеет место семантический переход ‘наслаждаться, получать удовольствие от Р’ к значению ≈ ‘иметь хорошее/нужное Р’.

На следующем этапе в качестве Р начинают выступать и отрицательно оцениваемые объекты и качества, а в качестве актанта X употребляются и неодушевленные объекты, например: *Надо сказать, что квартира эта — № 50 — давно уже пользовалась если не плохой, то, во всяком случае, странной репутацией* (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита (ч. 1) (1929-1940)). Il faut dire

³⁹ Англ. *enjoy* — заимствование из ст.-франц.: «late 14c., rejoice, be glad (intransitive), from O.Fr. enjoi to give joy, rejoice, take delight in, from en make (see EN (Cf. en) (1)) + joir enjoy, from L. gaudere rejoice» [OED].

que cet appartement — le n° 50 — jouissait, depuis longtemps déjà, d'une réputation, sinon déplorable, pour le moins étrange [НКРЯ].

Приведем другие примеры перехода ‘получать удовольствие’ → ‘обладать чем-л.’:

(1) Данный переход представлен в немецком глаголе *genießen* — ‘наслаждаться’ и ‘пользоваться’ и существительном *Genuss*⁴⁰: «genießen. <...> 2. Freude, Genuss, Befriedigung an etw. haben, sich an etw. freuen. 3. etw. erhalten, bekommen // etw. haben: die Achtung, Sympathie, Verehrung der Kollegen genießen; Beamte, Diplomaten und Militärs, sie alle genießen seit jeher der Immunität [Lernet-HolnenGraf 53]» [DWDS]. Приведем один пример из художественной литературы, в котором немецкий глагол использован в значении ‘иметь что-л., пользоваться чем-л.’: *Erst vorgestern hat in der Zeitung eine Erklärung gestanden, daß sie keine Vorzugsbehandlung genießen würden* [Erich Maria Remarque. Der schwarze Obelisk (1956)]. Только два дня назад в газете было напечатано разъяснение, что банкноты с красной печатью никакими привилегиями пользоваться не будут [НКРЯ].

(2) Португальский глагол *fruir* имеет значения ‘получать удовольствие от чего-л.’ и ‘обладать чем-л.’: «1. Estar no gozo ou na posse de. 2. Desfrutar; gozar» [PRB].

Португальский глагол происходит от лат. *fruor*, имевшего в числе прочих значение ‘наслаждаться, получать удовольствие’: «prendre plaisir à; ~ timore paventium, prendre plaisir à la crainte de gens épouvantés» [WA], «Recordatione nostrae amicitiae fruor. Cic. Je pren grand plaisir; et suis fort joyeux, quand il me souvient de nostre amitié» [EDL]. В некоторых словарях [LSL; GDL] специально подчеркивается смысл ‘удовольствие’, присущий этому глаголу: «to derive enjoyment from a thing, to enjoy, delight in» [LSL].

Следует отметить, что лат. *fruor*, порт. *fruir*, порт. *gozar* и некоторые другие глаголы из названной группы, помимо значения ‘иметь что-л.’, развили еще одно значение — ‘использовать что-л., извлекать пользу из чего-л.’⁴¹:

У латинского глагола *fruor* выделялось значение ≈ ‘пользоваться, извлекать доходы’ [ЛРС], ‘обладать правом пользования’: «avoir l'usufruit» [DLFN]. Аналогичное значение имеет и порт. *fruir*: «Jur. Usufruir de determinado bem (herança ou algo de que se tirou proveito). [td.: Fruia os bens paternos.] [tr. + de: Fruia da herança que recebeu dos avós]» [DCA].

Порт. *gozar*: «Usar ou aproveitar alguma coisa (ex.: gozar as férias). = FRUIR, USUFRUIR» [PRB]. Ср. перевод португальского текста, содержащего глагол *gozar*, на французский язык: *No entanto, a política do Governo neerlandês*

⁴⁰ Исходное значение этих единиц — ‘есть, употреблять в пищу’: «genießen. 1. Speise und Trank zu sich nehmen» [DWDS].

⁴¹ Это соответствует полисемии русского ‘пользоваться’: «2. Извлекать выгоду из чего-нибудь. Пользоваться своим преимуществом. 4. Обладать чем-нибудь. «Женщины пользуются правом избирать и быть избранными наравне с мужчинами» [УШ].

está agora orientada para moderar um pouco esse fenômeno e, em especial, para combater as administrações municipais que abrem “coffee shops” nas fronteiras – onde as instalações aduaneiras se encontram agora vazias –, para que cidadãos alemães, belgas e franceses de fora do município possam, eles próprios, gozar desta facilidade (Europarl8). Cependant, la politique du gouvernement néerlandais vise maintenant à réduire quelque peu ce phénomène et, en particulier, à lutter contre les autorités locales qui ouvrent des le long de la frontière, où les postes de douane restent à présent vides, afin que les Allemands, les Belges et les Français non résidents puissent profiter de cette facilité [<https://fr.glosbe.com>].

См. также пример использования франц. *jouir* в указанном значении: — *Видишь ли, в чем дело, мой друг. Самое лучшее и самое святое право королей — это право помилования. И я всегда чувствовал себя королем, так как безгранично пользовался этим правом* (А. П. Чехов. Скучная история (1889)). — Tu vas voir, mon amie. Le meilleur et le plus saint des droits royaux est le droit de grâce. Et je me suis toujours senti un roi parce que j'ai joui de ce droit, sans limites [НКРЯ].

(3) Переход ‘получать удовольствие’ → ‘обладать чем-л.’ реализован, на наш взгляд, в русском *похвастаться* (несов. — *хвастаться*), франц. *se vanter* и т.п. Для понимания наших дальнейших рассуждений приведем толкование глагола *хвастаться* в [Апресян 1995а: 53]: «Х хвастается У-ом перед Z-ом» = ‘Человек Х чрезмерно много или с преувеличением говорит человеку Z об объекте У, который является свойством или частью X-а или связан с X-ом и который представляется X-у ценным, с целью произвести на Z благоприятное впечатление’. Из приведенного толкования очевидно, что презумпцией рассматриваемых русских глаголов (как и их французского аналога) является значение ‘Х обладает У-ом’. На наш взгляд, в их значение входит также смысл ‘удовольствие’: хвастаясь, человек тешит свое тщеславие, т.е. получает удовольствие. Назовем глагол в этом значении (*по*)*хвастаться 1*.

Во втором значении глагола *похвастаться* — *похвастаться 2* — статус компонента ‘Х обладает У-ом’ меняется с презумптивного на ассертивный, а презумпцией глагола становится общеоценочное ‘У оценивается положительно’, и глагол начинает обозначать наличие у субъекта положительно оцениваемых свойств, статуса и т.п. Например: *Марья-то Михайловна тоже не может похвастаться здоровьем, по-видимому у нее чахотка* (М. А. Заверячев. Дневник (1888)) [НКРЯ]⁴².

Особенно ярко отличие *похвастаться 2* от *похвастаться 1* проявляется во фразах, в которых первая валентность глагола заполнена именем неодушевленного предмета, эпохи и т.п., например: (а) *Будущий пятизвездочный отель на 300 номеров тоже пока не может похвастаться роскошью отделки* (Василий Гулин. Недоскреб // «Столица», 1997.07.01.) [НКРЯ]; (б) *Древесная и кустарниковая растительность нижнего Анюя не может похвастаться разнообразием* (В. К. Арсеньев. В горах Сихотэ-Алиня (1937)) [НКРЯ]; (в) *Едва*

⁴² В этом значении глагол употребляется с отрицанием и модальным глаголом.

ли какая-либо другая страна и другая эпоха может похвастаться наличием миллионной армии людей, оторванных от всякой социальной базы, лишенных всякого социального чувства, всякой морали (И. Л. Солоневич. Россия в концлагере (1935)) [НКРЯ].

Аналогичный переход реализован во французском *se vanter* ‘хвалиться, хва-статься’, итальянском *vantare* и др. Ср. переводы русского глагола на французский и итальянский языки: \Leftrightarrow у Петровича есть жена, носит даже чепчик, а не платок; но красотою, как кажется, она не могла похвастаться (Н. В. Гоголь. Шинель (1842)). (а) франц. *Pétrovitch avait une femme, laquelle portait sur la tête une coiffe et non un fichu; mais il semble qu'elle ne pouvait se vanter d'être belle*; (б) итал. *Petrovič aveva una moglie, e che portava nientemeno che la cuffia, e non il fazzoletto; ma a quanto pare non poteva vantare una gran bellezza* [НКРЯ].

V.2. ‘Получать удовольствие от Р’ → ‘Р оценивается положительно’.

Пример замены компонента ‘удовольствие от Р’ на компонент ‘Р оценивается положительно’ представлен во франц. *agréer* и *agrément*. Глагол образован от *gré* [PR: 34], *gré* — от лат. *gratum*, ‘приятная вещь’: «*gré* — [gre] п. m. *Gred X^e*; lat. *gratum*, neutre de *gratus* «chose agréable» [Там же: 804]. Исходным значением французского глагола является смысл ‘нравиться, быть приятным’: «*Plaire. Cet homme m'agrée infiniment*» [EL], «а) *Agréer à qqn. Convenir, être agréable à quelqu'un. Je suis enchanté que mon petit cadeau vous agrée;* б) *Il m'agrée que, de. Il me plaît que, de*» [TR]; «*cela n'agrée pas à tout le monde* — это нравится не всем» [ГТ]. От глагола в этом значении произошло прилагательное *agréable* ‘приятный’. Потом глагол развел значение ≈ ‘благосклонно принимать, одобрять что-л.’, т.е. оценивать это положительно: «AGRÉER signifie aussi Trouver bon, approuver, ratifier» [AD 1935], «*agréer une demande* — благосклонно отнестись к чьей-л. просьбе» [ГТ].

Англ. *agreeable* (от ст.-франц. *agreeable* [OED]) имеет значения ‘приятный’ и ‘быть согласным’: «1. pleasing to the mind or senses especially as according well with one's tastes or needs <*an agreeable companion*> <*an agreeable change*>; 2. ready or willing to agree or consent <*was agreeable to the plan*>» [MWD]. Согласиться с чьим-то предложением, просьбой означает положительно отреагировать на них, см. определение русского *согласный* в [Богуславская 2000: 10]: «при положительном отношении к предложению собеседника естественно использовать синоним *согласный*: именно он выражает в чистом виде положительную реакцию на чужую инициативу». Значение ‘соглашаться’ имеет и глагол *to agree* (от ст.-франц. *agree* [OED]): «*to give consent; assent (often fol. by to): He agreed to accompany the ambassador*» [RHD].

VI. Семантические переходы, в которых общеоценочное суждение ‘Р оценивается положительно’

трансформируется в смысл ‘Р доставляет удовольствие/радость’

Этот переход отражен в полисемии таких прилагательных, как рус. *хороший*, франц. *bon*, англ. *good* и т.п. Например, *Good*: «1. morally excellent;

virtuous; righteous; pious: *a good man*. 2. satisfactory in quality, quantity, or degree: a good teacher; good health. 3. of high quality; excellent. \Leftrightarrow 19. agreeable; pleasant» [RHD]. *Хороший*: «5. Доставляющий удовольствие, радость» [Ефремова].

Рассматриваемый переход реализован также в виде полисемии латинского глагола *commendare*, английского *to commend*:

(1) Лат. *commendare*. В одном из своих употреблений глагол означал ‘рекомендовать кого-л. кому-л.’: «рекомендовать» [ЛРС]; «recommander, vanter, louer: de meliore nota commendare aliquem, Cic. Fam. 7, 29, 1: recommander qqn dans les meilleurs termes. — commendare aliquem alicui: recommander qqn à qqn» [JWH]. $X \text{ commendat } 1 Y_{\text{acc}} Z_{\text{dat}} \approx$ ‘*X* говорит человеку *Z*, что *Y* — хороший’⁴³.

Другой круг употреблений глагола представлен примерами следующего типа:

(а) «*Marmora commendantur maculis aut coloribus* (Plin. 36, 49): (различные) сорта мрамора славятся пятнистостью или окраской» [ЛРС], «ce qui donne du prix au marbre, ce sont les veines nuancées» [JWH] \approx ‘Цвета (прожилки) делают мрамор хорошим, ценным’, букв. ‘Цвета рекомендуют мрамор’ (в оригинале в этом примере и в следующем употреблена пассивная конструкция); (б) «*nulla re una magis orator commendatur quam verborum splendore et copia* Cic. Br. 216, pas une qualité, à elle seule, ne fait plus valoir l’orateur que l’éclat et la richesse du style» [JWH] \approx ‘Ничто не делает таким хорошим оратора, как блеск и богатство его речи’, букв. ‘Ничто так не рекомендует оратора, как блеск и богатство его речи’.

NB: По-видимому, переход от *commendare 1* — ‘субъект *X* рекомендует субъекта *Y* субъекту *Z*’ к *commendare 2* — ‘свойство *X* делает *Y*-а хорошим’ прошел через стадию «семиотического» значения глагола *commendare* (‘рекомендовать’). $X \text{ commendat } 2 Y_{\text{acc}} Z_{\text{dat}}$ (‘свойство *X* рекомендует *Y*-а *Z*-у’) \approx ‘Наличие свойства *X* означает для *Z*, что *Y* хороший’. Ср., о семиотических значениях рус. *говорить* в [Зализняк 2006: 182—185].

На следующем этапе общеоценочное ‘*У* хороший/ценный’ заменяется на смысл ‘*У* доставляет удовольствие’: «делать приятным, привлекательным («*vox commendat eloquentiam C*») [ЛРС], «rendre aimable, agréable \Leftrightarrow Ita commendare dicaces conveniet Satyros, faire agréer, faire goûter les satyres rieuses et railleurs Hor. P. 225» [GDL]. У отглагольного прилагательного *commendatus* отмечалось значение ‘приятный’: «aimable, agréable» [JWH и др.].

(2) Англ. *to commend* тоже представляет, на наш взгляд, пример реализации перехода от общеоценочного ‘*P* оценивается положительно’ к ‘*P* доставляет удовольствие’. У глагола выделяются значения ‘одобрять, хвалить’ и ‘рекомендовать’: «1. To express approval of; praise: *commended the volunteers for their hard*

⁴³ См. толкование рус. *рекомендовать* в [Апресян, Гловинская 1997: 393], в котором эксплицируется компонент ‘*P* оценивается положительно’: «СОВЕТОВАТЬ, РЕКОМЕНДОВАТЬ 1. *X* советует <рекомендует> *Y*-у сделать *P* = ‘Считая, что *Y*-а интересует мнение *X*-а о том, что *Y*-у лучше всего сделать в данной ситуации, *X* говорит, что, по его мнению, лучше всего для *Y*-а сделать *P*’.

work. See Synonyms at *praise*. 2. To represent as worthy, qualified, or desirable; recommend: *I commend her book to you*» [AHD]. В прономинальной форме глагол используется в значении ‘доставлять удовольствие’: «Cause to be acceptable or pleasing: *Neither view commends itself very strongly to the present author*» [Там же]. См. пример из художественной литературы: *I could tell you more concerning my voyages and the pleasant life I lead — at least, it is very pleasant to me, and by your attention I judge it commends itself to you* (Kenneth Grahame. The Wind in the Willows (1908)). Я мог бы тебе еще порассказать о моих путешествиях и о приятной жизни, которую я веду, ну, по крайней мере, она приятна для меня, а судя по тому, как ты внимательно меня слушаешь, она прельщает и тебя [НКРЯ].

(3) Положительная оценка содержится и в рус. *хвалить* и *хвалиться*: *хвалить* — «высказывать одобрение, похвалу кому либо или чему либо», *хвалиться* — «отзываться о том, что приобрёл или имеешь, с похвалой, с одобрением» [Ефремова]. Производный от глагола *хвалиться* глагол *нахваливаться* представляет пример семантической деривации от смысла ‘положительная оценка’ к смыслу ‘радость’. В контексте отрицания *нахваливаться* выступает как синоним глагола *нарадоваться* с тем, однако, отличием, что содержит речевой компонент: *Мы не можем нахваливаться нашей новой квартирой* = *Мы не можем нарадоваться нашей новой квартире*.

Следует оговорить, что в толковых словарях указанное значение у *нахваливаться* не отмечено, а примеры типа *нахваливаться чем-либо* толкуются следующим образом: «*Нахваливаться. 2. кем (чем). Усиленно, вдоволь похвалить (обычно с отриц.). Мать сыночком не нахвалился* (всё время хвалит его кому-н.)» [ОЖ]. Показательно, однако, что переводчики эксплицитно отражают выделяемый нами смысл ‘радость’ у глагола *нахваливаться*, например: (а) *Едят теперь Москвичи соленые рыжики и маринованные белые и не нахваляются ими и до чрезвычайности радуются этой переброске* (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита (1929—1940)). (богл.) Хапват си сега московчани маринованни рижки и бели гъби, не могат да им се нарадват и безкрайно са доволни от това преместване [НКРЯ]; (б) *The Watermans, Henry and George, were greatly pleased with the way he handled their accounts* (Theodore Dreiser. The Financier (1912)). Оба Уотермена — Генри и Джордж — не могли нахваливаться тем, как Фрэнк вел их отчетность [НКРЯ]; (в) укр. *Федір розказував усікі приповістки за дяків, за попа, Горпина утішалася* (‘радоваться’ — Е.И.) перед Христею своїми дітьми, котрі на полу натоптувались пирогами (Панас Мирний. Повія. Ч. 4 (1882)). Федор рассказывал всякие побасенки про дьячков, про попа, Горпина не могла нахвалиться Христе своими детьми, которые, сидя на постели, упсывали за обе щеки пироги [НКРЯ].

Аналогичная полисемия представлена в итальянском *lodarsi* и французском *se louer*.

Lodarsi: «хвалиться; non faccio per *lodarmi*, ma... — не хочу хвастаться, но ...; *lodarsi di qc* — быть довольным чем-либо» [СМИ: 478], «*Esaltare la propria*

persona, vantarsi. Compiacersi, proclamarsi soddisfatto di qlcu. o di qlco. sec. XIII» [SCD].

Se louer: «Se donner des louanges. C'est un homme qui se loue à tout propos. Se louer de quelqu'un, de quelque chose, Témoigner qu'on en est satisfait. J'ai sujet de me louer de lui, il en a fort bien usé avec moi. Je me loue fort du cheval que vous m'avez prêté [AD 1835]. При этом во французском языке, например, значение ‘радоваться’ у *se louer*, в отличие от русского глагола, реализуется не только в контексте отрицания. Особенностью французского глагола является также то, что речевой компонент, который характерен для рассматриваемой группы глаголов, в *se louer* отражен в возможности поверхностно-синтаксического заполнения валентности адресата речи: «Je me suis fort louée à Mlle de Scudéry de l'honnête procédé de M. de Péruis, SÉV. 18 déc. 1673» [EL].

VII. Семантические переходы в предикатах, описывающих действия, одной из мотивировок которых является желание доставить удовольствие или радость

VII.1. Лесть.

Лесть является одним из видов действий, направленных на то, чтобы доставить удовольствие адресату, хотя и предпринимаемых в корыстных целях. Это отражается в языках в переходах вида ‘льстить’ — ‘доставлять удовольствие’.

(1) Русский глагол *льстить* и его производные. См. в [Зализняк, Шмелев 2012] описание семантической эволюции глагола *льстить* и его производных — от лести как намеренного преувеличения достоинств адресата к значению ‘польщенности’: «в конструкции *Z льстит/польстило У-у*, где *Z* — обстоятельство или высказывание, свидетельствующее, что некий *X*, мнение которого почему-либо важно для *У-а* высоко оценивает те или иные качества *У-а*, и эта оценка приятна *У-у»* [с. 390]. Например, *его похвала польстила мне*.

(2) Семантический переход ‘льстить’ — ‘доставлять удовольствие’ отражен в полисемии испанского глагола *lisonpear*: «1) льстить, угождать кому; восхвалять; 2) (o факте) быть приятным, льстить кому» [ИСРС: 472]; «1. tr. adular. 3. tr. Deleitar, agradar» [DRAE].

Те же значения отмечаются у порт. *lisonpear*: «1. Enaltecer desmesuradamente, geralmente com algum interesse em mente. = ADULAR, BAJULAR. 2. Agradar a» [DA]; «1. Agradar ou tentar agradar com lisonja ou adulação para obtenção de favores, privilégios etc.; ADULAR [td.: *Gostava de lisonpear as mulheres*]. 2. Aprazer(-se), satisfazer(-se) ao receber agrado ou lisonja. [td.: *Muito me lisonjeia sua atenção*]; [tr. + com: *Lisonjeava -se com cada palavra elogiosa*]» [DCA].

(3) Еще более наглядным примером перехода вида ‘льстить’ — ‘доставлять удовольствие’ является франц. *flatter* — ‘льстить’, у которого, помимо значений, отмечающихся у русского *льстить*, имеется значение ‘доставлять эстетическое и сенсорное удовольствие’: «A. ♦ Louer excessivement ou faussement (qqn), pour plaisir, séduire. ⇒ adulter, encenser, flagorner. B. ♦ Louer excessivement ou faussement (qqn), pour plaisir, séduire. ⇒ adulter, encenser, flagorner. C. ♦ Affecter

agréablement (les sens). *Douce musique, harmonie qui flatte l'oreille. Mets qui flatte le palais»* [PR: 714—715]; «*Au premier coup de la cuiller, la panse laissa échapper un jus lié qui flattait à la fois la vue et l'odorat* (BRILLAT-SAV., Physiol. goût, 1825, p. 314). *Un parfum délié qui semble, plutôt qu'émaner, survivre, flatte la narine en récréant l'esprit* (CLAUDEL, Connaiss. Est, 1907, p. 97)» [TR].

Указание на существование значения ‘приятный’ мы встретили и у французского прилагательного *flatteur*, образованного от глагола *flatter*, в словаре [AD 1835]: «Il signifie encore simplement, Agréable. Un espoir flatteur. Une espérance flatteuse. De flatteuses illusions. Le son flatteur de sa voix». Однако в других словарях это значение не упоминается.

(4) Полисемия ‘льстить’ — ‘доставлять удовольствие’ отмечена также у английского глагола *flatter* (от старофранцузского *flater* [OED]): «1. Lavish insincere praise and compliments upon (someone), especially to further one's own interests: *she was flattering him to avoid doing what he wanted*; 1.2. Make (someone) feel honored and pleased; *at least I am flattered that you don't find me boring*; 1.5. archaic Please (the ear or eye): *the beauty of the stone flattered the young clergyman's eyes*» [OD].

(5) Значение ‘услаждать, радовать’ отмечено и у исп. *adular* ‘льстить’: «1) льстить (кому-либо); 2) услаждать, радовать (глаз, слух)» [ИСРС: 35]; «1. tr. Hacer o decir con intención, a veces inmoderadamente, lo que se cree que puede agradar a otro. 2. tr. deleitar» [DRAE].

(6) Пример семантического перехода ‘льстить’ — ‘доставлять удовольствие’ представлен испанским и португальским прилагательными *lisonjeiro* ‘льстивый’, ‘лестный’, у которых отмечается также значение ‘приятный’, например, *música lisonjera* (исп.) — ‘приятная музыка’. *Lisonjeiro_{исп.}*: «1. adj. Que lisonjea. U. t. c. s.; 2. adj. Que agrada y deleita. *Música, voz lisonjera*» [DRAE]; *lisonjeiro_{порт.}*: «1. Que lisonjeia; LISONJEADOR: *Você é muito lisonjeiro*; 3. Fig. Agradável, aprazível» [DCA].

(7) Русские слова *лестный* и *лестно* прошли еще один этап развития, который заключался в уходе на второй план субъекта У и его ощущений и выдвижении на центральное место компонента положительной оценки [Зализняк, Шмелев 2012: 393—394]: *книга получила много лестных отзывов/оценок [лестный 2]*.

См. также англ. *flattering*, франц. *flatteur*, у которых, кроме значений ‘льстивый’ и ‘лестный для кого-л.’ (лестный 1), отмечается также значение ‘лестный, хороший’ [положительная оценка, лестный 2]: (а) *The Doubtful Asphodel obtained many reviews, and most of them were long and quite flattering* (Vladimir Nabokov. The real Life of Sebastian Knight (1938)). Двусмысленный асфодель вызвал много рецензий, в большинстве пространных и вполне лестных [НКРЯ]; (б) Знаешь, Бегемот, я очень много хорошего и лестного слышал про этот дом (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита (ч. 2) (1929—1940)). Sais-tu, Béhémoth, que j'ai entendu dire beaucoup de choses excellentes et fort flatteuses sur

cette maison? [НКРЯ]; (в) *Она дала самые лестные рекомендации кому, объяснила, что знает его пять лет с тех пор, как он был котенком* (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита (ч. 2) (1929—1940)). Elle fournit sur son chat les références les plus flatteuses, expliqua qu'elle le connaissait depuis cinq ans, époque à laquelle il n'était qu'un petit chaton [[НКРЯ]].

VII.2. Проявления любви, нежности.

Действия, представляющие собой проявления любви, нежности к кому-л., тоже часто диктуются желанием доставить удовольствие объекту любви⁴⁴. Это отражается в переходах вида ‘ласкать/нежить/холить’ → ‘доставлять удовольствие’:

(1) Рус. *ласкать* имеет переносное значение ‘доставлять удовольствие’: «перен., кого-что. Доставлять кому-чему-нибудь приятное ощущение. «Северные звуки ласкают мой привычный слух» Пушкин» [УШ]. *Ласковый*: «1. Полный ласки, проникнутый нежностью. 2. перен. Доставляющий приятное ощущение; ласкающий» [Ефремова].

(2) Отмеченная полисемия присуща рус. *лелеять*: «1. кого-что. Ласкать, нежить, холить. «Мать лелеяла и баловала его, как балуют единственное чадо» Гончаров. 2. перен., что. Тешить, усаждать (душу, чувство). «Чтоб всю ночь, весь день, мой слух лелея, про любовь мне сладкий голос пел» Лермонтов» [УШ]. Кроме того, у него есть еще одно значение, в которое входит смысл ‘удовольствие’: «С удовольствием, отрадой предаваться чему-нибудь (какой-нибудь мысли, чувству). *Лелеять надежду*» [Там же].

(3) Исходное значение франц. *caresser* (от ит. *carezzare* «cherir») ‘ласкать, гладить’: «Toucher en signe de tendresse. *Caresser qqn de la main, des lèvres*» [PR: 230]. Затем у него отмечаются значения ‘льстить, доставлять удовлетворение’ (самолюбию, тщеславию и т.п.) и ‘лелеять’ (мечту, надежду и т.п.): а) «Littér. Flatter (un sentiment). *Les idées qui caressent leur vanité ou répondent à leurs espérances*» (France); б) «Entretenir complaisamment. (cf. Se complaire dans). *Caresser un projet, une idée, un espoir; un rêve*» [Там же]. Отметим, что у существительного *caresse* ‘ласка’ (16 в.) в 17 в. зафиксировано значение ‘лесть’: «1616. «flatterie, mots flatteurs» (HULSIUS, *Dict. fr.-all.*)» [TR].

(4) Испанский глагол *acariciar* имеет значения ‘ласкать, гладить’ и ‘лелеять’ (мечту и т.п.): «1. Hacer caricias; 2. (v. tr.) Rozar o tocar suavemente algo. 3. Complacerse en pensar una cosa con la esperanza de realizarla: *Acariciaba la idea de realizar un viaje*» [ELP].

NB: Движение ‘гладить’ может быть не только проявлением нежности и любви к кому-л., но и действием, направленным на то, чтобы успокоить другое существо (см. выше, п. III.3).

⁴⁴ См., определение слов *ласковый* и *нежный* в [Григорьева 1997: 227]: «Оба синонима указывают на то, что субъект испытывает симпатию по отношению к объекту и стремится сделать ему что-нибудь приятное».

VII.3. Потворство.

Потакать чьим-либо желаниям, капризам и т.п. означают действия, которые способствуют (или, по крайней мере, не препятствуют) удовлетворению желаний, капризов другого человека, и тем самым, в частности, доставляют тому удовольствие или радость. Это лежит в основе переходов вида ‘потакать, потворствовать’ — ‘доставлять удовольствие/радость’. Например:

(1) Английский глагол *to gratify* (от лат. *gratificari*) имеет значения ‘доставлять удовольствие; радовать’ и ‘потакать, потворствовать’: «1. to give pleasure or satisfaction; 2. to give in to; indulge; humor» [CAL]; «доставлять удовольствие; радовать; потворствовать, потакать (капризам), *to gratify children's whims* — потворствовать детским капризам» [НБАРС]. Характерно, что в толковании глагола *to humor (humour)*, который используется при описании *gratify*, эксплицитно отмечается цель действий субъекта: «Comply with the wishes of (someone) in order to keep them content, however unreasonable such wishes might be» [OD], «to do what someone wants so that they do not become annoyed or upset» [CAL]. Таким образом, на этом этапе произошло сужение идеи ‘доставить кому-л. удовольствие’ до ее частного случая — ‘доставить удовольствие путем потакания’.

(2) Франц. *flatter* (см. об этом глаголе также выше, п. VII.1.) представляет переход ‘доставлять удовольствие’ → ‘потакать, потворствовать’. Причем переход, возможно, произошел непосредственно от значения глагола ‘льстить’, т.к. в обоих случаях действия субъекта (если полагаться на данные словарей) продиктованы корыстными целями: «Encourager, favoriser, traiter avec une complaisance excessive (les goûts, les inclinations, les manies d'une personne) pour se l'attacher et lui plaire» [TR]. Иными словами, логическая связь между значениями ‘льстить’ и ‘потакать’ у *flatter* базируется на идеях корысти и удовольствия⁴⁵.

Итак, наша задача состояла в изучении способов номинации удовольствия и радости в нескольких языках. Проведенное исследование показало, что в основе семантических переходов в лексическом поле эмоций радости и удовольствия лежат следующие компоненты:

1. Семантические переходы, в которых задействованы компоненты прототипической ситуации удовольствия и радости — такие, как ‘причина’ и ‘стиmul’, контролируемые поведенческие и речевые реакции.
2. Семантические переходы, в которых задействованы компоненты, являющиеся инцидентными следствиями ситуаций удовольствия и радости.
3. Семантические переходы внутри семантического поля удовольствия и радости.
4. Семантические переходы, в которых смысл ‘удовольствие от Р’ трансформируется в общеоценочное суждение ‘Р оценивается положительно’.

⁴⁵ См. о возможности формирования многозначности слова на основе идеи, объединяющей разные его значения в [Бабаева 2006].

5. Семантические переходы, в которых общеоценочное суждение ‘Р оценивается положительно’ трансформируется в смысл ‘удовольствие от Р’.

6. Семантические переходы, в которых участвуют предикаты, описывающие действия, одной из мотивировок которых является доставление удовольствия или радости.

ГЛАВА 4. СОЖАЛЕНИЕ И РАСКАЯНИЕ

В этой главе мы обратимся к таким сложным эмоциям, как сожаление и раскаяние. Мы постараемся перечислить основные компоненты, импликации и инцидентные следствия прототипической ситуации этих эмоций.

I. Прототипическая ситуация и импликации.

Сожаление и раскаяние — близкие, но разные эмоции. В работе [Зализняк 2006: 97] сформулировано общее значение сожаления: «Некоторое положение дел, не существующее в действительном мире, но которое МОГЛО БЫ в нем существовать, представляется человеку как ЛУЧШЕЕ по сравнению с тем, которое существует». Это, в частности, означает, что человека не устраивает имеющая место ситуация, она ему не нравится, вызывает недовольство.

Раскаяние отличается от сожаления, во-первых, тем, что субъект оценивает с в о е д е й с т в и е, а сожаление может быть вызвано разными ситуациями, в том числе и неконтролируемыми субъектом эмоции (см. *сожалеть 1.1 vs сожалеть 1.2* в [Зализняк 2006]). Во-вторых, раскаяние в отличие от сожаления «предполагает абсолютную отрицательную оценку своего поступка, которую нельзя отвергнуть» [Там же: 516]. Однако в том случае, когда речь идет о поступках, сожаление и раскаяние сближаются, обозначая такое состояние, для которого «центральной является идея ошибочности выбора» [Там же: 102]. Для сожаления компонент ‘переживание’ является факультативным, для раскаяния он является обязательным [Там же: 569]. В основе раскаяния (а часто и сожаления) лежит чувство вины перед другим человеком.

В картине мира разных языков раскаяние ассоциируется со специфическими проявлениями, симптоматическими и коммуникативными жестами, например, рус. **бить себя в грудь, кусать губы** и т.п.

Итак, прототипическая ситуация сожаления и раскаяния включает:

1. Недовольство субъекта сложившейся ситуацией.
2. Осознание субъектом ошибочности своего поведения.
3. Наличие «переживания».
4. Чувство вины.
5. Определенная жестикуляция⁴⁶.

⁴⁶ См. [Иоанесян 2017a; 2020].

Кроме того, прототипическая ситуация рассматриваемых эмоций содержит импликацию ‘нанесение ущерба’, т.е. испытание негативных последствий своих поступков (см. главу 1).

II. Инцидентные следствия.

Чувство вины часто сопряжено с мыслью о наказании и даже о самонаказании: «Маэр утверждает, что переживание вины может заставить человека возжелать наказания <→> переживание вины — результат самонаказания, что, однако, не исключает участия внешних воздействий» [Изард 1999]⁴⁷.

Прототипический сценарий сожаления/раскаяния может включать еще одно лицо — пациента, человека, которому действиями субъекта был нанесен вред. Чувство вины часто сопровождается желанием попросить прощения у человека, пострадавшего в результате действий субъекта.

Человек, испытывающий раскаяние или сожаление по поводу того, что имеет место ситуация Р, способен испытать сострадание, сочувствие, жалость к людям, понесшим ущерб из-за этой ситуации.

Иными словами, мысли о неизбежности или справедливости наказания или самонаказания за свои поступки, желание получить прощение и сострадание к людям, пострадавшим от действий субъекта, являются инцидентными следствиями прототипической ситуации раскаяния⁴⁸ (см. также главу 1).

III. Метафора.

В основе обозначения эмоций в языке часто лежит «телесная метафора души», она «прослеживается во внутренней форме, во фразеологии и синхронной полисемии» [Зализняк 2006: 64]. Так, например, в обозначении чувств сожаления и раскаяния прослеживается метафора боли.

Перечисленные компоненты прототипической ситуации сожаления и раскаяния, импликации и инцидентные следствия, метафора часто лежат в основе номинации этих эмоций или в основе полисемии лексем, их обозначающих.

IV. Основные типы семантических переходов.

IV.I. Недовольство сложившейся ситуацией.

‘НЕДОВОЛЬСТВО СЛОЖИВШЕЙСЯ СИТУАЦИЕЙ’ — ‘РАСКАЯНИЕ’/‘СОЖАЛЕНИЕ’

Компонент ‘недовольство’, лежит, по-видимому, в основе полисемии латинского *poenitere* ‘быть недовольным’ — ‘сожалеть’/‘раскаиваться’. Согласно словарю [EDLV], глагол, происходит от существительного *poena*: по одной из версий от смысла ‘мука, страдание’, по другой — от смысла ‘кара, наказание’⁴⁹.

⁴⁷ См. в [Апресян, Гловинская 2003: 146] определение глаголов *сожалеть*, *жалеть* 2, *раскаиватьься*, *каяться* 2.

⁴⁸ «Если вы чувствуете себя виноватым, у вас возникает желание загладить свою вину или хотя бы принести извинения человеку, перед которым вы провинились. Такое поведение — единственно эффективный способ разрешения внутреннего конфликта, порожденного виной» [Изард 1999].

⁴⁹ И смысл ‘мука, страдание’, и смысл ‘кара, наказание’ могут лежать в основе семантического перехода к значению ‘сожаление’/‘раскаяние’, см. ниже.

У глагола выделялись следующие значения: 1. Быть недовольным: «*metet mei poenitet* (C.) — я сам на себя негодую; *an vos poenitet, quod salvum exercitum traduxerim?* (Cs.) — или вы недовольны тем, что я переправил армию в полной сохранности?» [ЛРС]. «*Nostri nosmet poenitet* (Terent.) Jamais rien de ce que nous faisons ne nous plaist, — Nous ne sommes jamais contents de nous mesmes; *Poenitet me verbi tui* (Cic.) — Ceste parole que tu dis ne me satisfait point» [EDL]. 2. Сожалеть/раскаиваться: «*poenitet me hoc fecisse* (C, Sen.) (quod hoc feci C, L) — я жалею о том, что сделал это» [ЛРС]. «*Eos peccatorum suorum maxime paenitet* (Cic. Div. 1, 63) — Ils regrettent vivement leurs fautes. *Sapientis est nihil, quod paenitere possit, facere* (Cic. Tusc. 5) — C'est le propre d'un sage de ne rien faire dont il puisse se repentir» [JWH].

Аналогичный семантический переход, как представляется, имел место в итальянском глаголе *dispiacere* и образованном от него существительном *dispiacere*. Исходное значение глагола *dispiacere* — ‘быть неприятным, не нравиться’: «[lat. **displacēre*, rifacimento del class. *displacēre*, comp. di *dis-1 e placēre* ‘piacere’] [VT]. Глагол имеет также значение ‘сожалеть’: «*dispiacére** I vi (e) (a qd, qc) 1) быть неприятным, не нравиться (+ D); 2) *impers.* жалеть, сожалеть; *mi dispiace* — мне жаль» [СМИ: 256]. «A v. intr. 1. Non piacere, riuscire sgradevole: un suono aspro che dispiace all'orecchio; un gusto che non mi dispiace. CONT. piacere 3. Rincrescere, provare rammarico, spec. come formula di cortesia: mi dispiace dovertelo dire; dispiace a tutti noi che questo sia accaduto; me ne dispiace sinceramente. В v. intr. pronom. *dispiacérsi*. Provare rammarico: mi dispiaccio di quanto ti è capitato; si è dispiaciuto molto per il tuo rifiuto» [GDH]. Например: *Amico mio, mi dispiace doverti dare una cattiva notizia!* (Carlo Collodi. Pinocchio (1883)). Мой дорогой друг, я должен, к сожалению, сделать тебе неприятное сообщение [НКРЯ].

Существительное *dispiacere* тоже сочетает значения ‘неприятное чувство, неудовольствие’ и ‘сожаление’: «неприятное чувство, неудовольствие; сожаление; *provare dispiacere* — испытывать неудовольствие; недовольство: *che dispiacere!* — как жалко!, жаль!» [СМИ: 256]. «Sentimento di dolore, di rincrescimento, di amarezza: profondo d.» [SCD]. «Con mio sommo dispiacere, non abbiamo potuto farlo prima di perdere così tante vite. To my deepest regret, we couldn't do it before so many lives were lost» [CID]. «Signor Presidente, è con un certo dispiacere che voterò a favore dei compromessi. Monsieur le Président, c'est non sans regret que je voterai en faveur des compromis présentés» [CID].

IV.2 Испытание негативных последствий своих поступков.

‘ВРЕД, УЩЕРБ’ — ‘СОЖАЛЕНИЕ’⁵⁰

Пол. *szkoda* имеет значение ‘ущерб, урон, убыток; вред’. Кроме того, оно используется в конструкции со значением ‘жалъ, жалко’: «1. «strata materialna

⁵⁰ См. в главе 1 пример перехода ‘вред, ущерб’ → ‘сожаление’ во франц. *dommage*.

*lub moralna». szkoda II «żal, przykro, że...» [SJP]. См. примеры из художественной литературы: (а) *I ktokolwiek się na nich poważy, szkodę ponosi* (Andrzej Sapkowski. Lux Perpetua (2) (2006)). И каждый, кто посягнет на них, пострадает [НКРЯ]. (б) *Жаль только, что я не удосужился спросить у профессора, что такое шизофрения* (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита (ч. 1) (1929—1940)). Szkoda tylko, że nie zdążyłem zapытаć profesora, co to takiego schizofrenia [НКРЯ].*

Укр. *шкода* представляет ту же полисемию: ‘вред, ущерб, шкода; (потеря) урон, лишение’ — ‘жалъ, жалко’ «1) Вредъ, убытокъ. Шкода нікому не мила. Ном. № 2301. 3) Какъ нарѣчіе: жаль. Теплий кожухъ, тільки шкода — не на мене шитий. Шевч. 124. Нема Петра, тілько Гриць, шкода ж моїх паляниць. Чуб. V. 101» [ГСУМ]. См. примеры из художественной литературы: (а) *И никому из людей от той белой птицы отродясь никакого вреда не бывало, нет и не будет* (Т. Н. Толстая. Кысь (1986-2000)). И нікому з людей од тієї птахи білої, скільки світ стоятиме, ніякої шкоди не було, нема й не буде [НКРЯ]. (б) *Aх, як шкода, что я не захопила магнітофона!* (Василь Бережний. В зоряні світи (1956)). Ах, как жаль, что я не захватила магнитофона! [НКРЯ].

Аналогичная полисемия представлена в глаголе *шкодувати*: «1) жалеть, со-жалеть; 2) вредить, причинять вред» [СУР].

В главе 1 мы привели пример перехода ‘сожаление’ → ‘вред, ущерб’, представленный в рус. *пожалеть*. Аналогичная полисемия отмечается у французского глагола *se repentir*⁵¹. См., например, его толкование во французских словарях: «Regretter (une action), souhaiter ne pas l'avoir faite; et par ext. Subir les conséquences désagréables (d'un acte). *Se repentir d'un acte* (cf. S'en mordre les doigts). *Se repentir amèrement d'avoir trop parlé. Il s'en repentira*, se dit par menace» [PR: 1521]. «Faire regretter qqn de qqc. Faire subir à quelqu'un les conséquences fâcheuses de son attitude; punir. *C'est dans cet endroit charmant, que vers l'année 1730, on envoya un fort détachement pour faire repentir les sauvages de leurs insultes continues* (BAUDRY DES LOZ., Voy. Louisiane, 1802, p. 22). *Je l'en ferai bien repentir (Ac.). “Je lui ferai payer cher” (Ac.)*» [TR].

Английское прилагательное *sorry* — ‘испытывающий или выражающий сожаление’⁵² в конструкциях *X was/will be sorry for P/that P* используется в значении ‘Х пожалел/пожалеет, что Р’: «*You'll be sorry used to tell someone that they will soon wish they had not done something, especially because someone will be angry or punish them: Don't you dare do that again, or you'll be sorry!*» [MD]. См. также об этом прилагательном в п. IV.7.

⁵¹ Этот глагол совмещает смыслы ‘сожалеть’ и ‘раскаиваться’ см. в [PR: 1521]: «1. Ressentir le regret (d'une faute), accompagné du désir de ne plus la commettre, de réparer ⇒ regretter: *Se repentir d'une faute, d'avoir commis une faute.* — Absolt «il y aura plus de joie dans le ciel pour un seul pécheur qui se repent que pour quatre-vingt-dix-neuf justes» (ÉVANGILE saint Luc)».

⁵² «Feeling regret or penitence. *He was sorry about what he had said*» [MWD].

IV.3. Осознание ошибочности своего поведения.

‘ОСОЗНАНИЕ ОШИБОЧНОСТИ СВОИХ МЫСЛЕЙ /ДЕЙСТВИЙ’ — ‘РАСКАЯНИЕ’/‘СОЖАЛЕНИЕ’

Осознание ошибочности выбора лежит, как представляется, в основе полисемии латинского глагола *resipiscere*⁵³, означавшего ‘одуматься, образумиться’⁵⁴ и ‘раскаиваться’ [ЛРС]; «1. reprendre connaissance. 2. revenir à la raison, recouvrer la raison, se repentir» [OLD]. Существительное *résipiscence* фиксируется в языке в начале 15 в. в значении ‘образумиться’: «une première fois en 1405 au sens de «retour à la raison» [BW: 550]; в 16 в. *résipiscence* используется в значении ‘раскаяние’: «1542; «retour à la raison» 1405; lat. ecclés. *resipiscientia*, même rac. que *sapere*. ♦ Relig. ou littér. Reconnaissance de sa faute avec amendement. ⇒ regret, repentir; pénitence» [PR: 1535]. Аналогичная семантическая деривация имела место у англ. *resipiscence*: «редк. раскаяние» [НБАРС], «Properly, wisdom derived from severe experience; hence, repentance. [Little used.]» [WRU 1913].

Осознание ошибочности своего поведения, мыслей и т.п. объясняет, на наш взгляд, полисемию ‘сожалеть’/‘раскаиваться’ — ‘изменить мнение/передумать/одуматься под действием сожаления о сделанном’ у исп. *arrepentirse*, порт. *arrepender-se*, ит. *pentirsi*, англ. *to repent*, восходящих к латинскому глаголу *poenitere*. См., например, толкование глагола *to repent* в [WNW] «to feel such regret or dissatisfaction over some past action, intention, etc. as to change one’s mind about». В дальнейшем, как это отмечается в толковых словарях, глагол начал обозначать и просто изменение человеком своего решения: «2 a: to feel regret or contrition; b: to change one’s mind» [MWD].

Приведем также толкование испанского глагола *arrepentirse*: «1. Sentir una gran pena por haber hecho algo malo o por haber dejado de hacer algo: *Me arrepiento de todos mis pecados*. 2. Cambiar de opinión o no cumplir un compromiso: *Dijo que vendría con nosotros, pero después se arrepintió y se quedó en casa*» [DCD].

Интересно, что в толкованиях испанского *arrepentirse* содержится прямое указание на изменение решения ‘вернувшись назад’, т.е. в точку принятия неправильного решения: «*Arrepentirse*: Lamentar haber hecho o dejado de hacer algo’ и ‘volverse atrás en una decisión’» [DPD]; «*Arrepender-se*: Mudar de ideia ou atitude, voltar atrás: *Álvaro ia pedir demissão, mas arrependeu-se*» [DCA]. Это звучно определению сожаления⁵⁵ и раскаяния в [Зализняк 2006: 571] как такого состояния, «в котором находится человек, когда, думая о некотором своем поступке Р, он считает, что, если бы можно было «вернуться назад» и снова принимать решение делать или не делать Р, он бы не сделал Р».

⁵³ Образован от глагола *sapere*, одним из значений которого был смысл ‘быть рассудительным, разумным’.

⁵⁴ См. в [ОЖ] определение рус. *одуматься*: «Одуматься. Подумав, переменив намерение, поняв ошибочность его».

⁵⁵ Речь в приведенной цитате идет о сожалеть 1.1., которое в указанной работе относится к сожалению о совершенных человеком поступках.

В церковно-славянском языке глагол *размыслити* означал ‘передумать, раскаяться, сожалеть’: «*<> ... зане размыслихъ, яко сотворихъ а* (и сказал Бог: истреблю человека, которого Я создал) ибо раскаялся, что создал их (*Быт. 6, 7*)» [СТС: 295].

Глагол *раскалтися* имел следующие значения: «1. взять назад, пожалеть о сделанном. 2. переменить мысль. *и видѣ бѣ дѣла ихъ... и раскаласа бѣ о злѣ, еже глаголаше сотворити имъ, и не сотвори* и увидел Бог дела их... и переменил Свою мысль о бедствии, о котором говорил, что сотворит им, и не сотворил (*Иона 3, 10*)» [Там же: 300].

IV.4. Наличие переживания.

Значение ‘сожаление’/‘раскаяние’ у некоторых слов появилось в результате семантического перехода от более широкого значения ‘душевная боль’. См., например, исп. *pesar*, сочетающего значения ‘душевная боль’ и ‘сожаление, раскаяние’[GCD]⁵⁶. Испанский глагол *apesarar* имеет значение ‘огорчать, опечаливать’ [ИСРС: 80], а прономинальная форма глагола — *apesararse* — в Чили используется в значении ‘каяться, раскаиваться’ [ИСРС: 80; БИРСЛА]. Полисемия ‘душевная боль’ и ‘сожаление’/‘раскаяние’ словари отмечают и у португальских существительного и глагола *pesar*: «*Sentimento ou dor interior. Arrependimento. Remorso*» [DA].

Семантический переход ‘оплакивать кого-л., что-л., ‘испытывать душевную боль по какому-л. поводу’ — ‘сожалеть’ представлен во французских глаголах *déplorer* (от лат. *deplorare*) и *regretter* и английских *regret* и *to regret*. Франц. *regretter*, в современном языке выступающий в значении ‘сожалеть’, предположительно происходит от др.-скандинавского *gråta* ‘плакать’ [PR: 1498—1499]. Изначально он означал ‘оплакивать чью-то смерть’: «*se lamenter sur un mort*» [BW: 543], затем начал использоваться в значении ‘горевать по поводу утраты кого-л./чего-л.’: «*ressentir de façon plus ou moins pénible la perte ou l'absence de quelque chose ou de quelqu'un*» (Bueve de Hantone, I, 725 ds T.-L.)» [TR]. Исходным значением англ. *regret* — ‘сожаление’, как отмечается в словарях, являлся смысл ‘душевная боль, переживание’: «[Fr. *regret*; either from the root of *grate*, or more directly from the root of Sp. and Port. *gritar*, It. *gridare*, Sw. *gråta*, Ice. *groet*, Dan. *græder*, Goth. *grietan*, W. *grydiaw*, to scream or cry out, to utter a rough sound; in some dialects to weep or lament. But *grate* and Sp. *gritar* are probably of the same family]. 1. Grief; sorrow; pain of mind. We feel regret at the loss of friends, regret for our own misfortunes, or for the misfortunes of others. Never any prince expressed a more lively regret for the loss of a servant. — Clarendon» [WRU 1828].

У испанского глагола *lamentar* (от латинского глагола *lamentari* — ‘рыдать’, ‘оплакивать’) также отмечается полисемия ‘сожалеть’/‘раскаиваться’ и ‘испытывать душевную боль’: «1. vt жалеть, сожалеть; *lamento que no esté aquí tu*

⁵⁶ Это явление отличается от семантических переходов, в основе которых лежит «телесная метафора души», см. ниже.

hermano — я сожалею, что здесь нет твоего брата; *es de lamentar* — это достойно сожаления; 2. *vi* горевать, сокрушаться; убиваться (разг.)» [ИСРС: 457]. Некоторые словари объединяют смыслы ‘душевная боль’ и ‘сожаление’/‘раскаяние’ у глагола *lamentar* в одно общее значение, см., например, в [DRAE]: «*Sentir pena, contrariedad, arrepentimiento, etc., por alguna cosa. Lamento haber llegado tarde.*».

У английского глагола *to lament* выделяются значения ‘горевать’ и ‘сожалеть’: 1. ‘горевать, сокрушаться’ [НБАРС], «1. Mourn (a person’s loss or death). 1.1. lament for/over [no object]. Express one’s deep grief about» [OD]; 2. ‘испытывать глубокое сожаление’: «Express regret or disappointment over something considered unsatisfactory, unreasonable, or unfair» [OD]; «to regret strongly: *He lamented his decision not to go to college*» [MWD].

Итальянский глагол *dolere* — ‘вызывать душевную боль’ — в прономинальной форме используется в значении ‘сожалеть, раскаиваться’: ‘причинять страдание, огорчать: *gli duole la tua condotta* — его огорчает твое поведение; сожалеть (*o + P*), раскаиваться (*ε + S*): *mi dolgo di averlo detto* — я сожалею о том, что сказал это» [СМИ: 265]. Следует оговорить, что в толковых словарях у прономинальной формы глагола отмечается общее значение ‘душевная боль, сожаление, раскаяние’: «*intr. pron. Provare dolore o pentimento di un fallo commesso, della propria condotta: mi pento e mi dolgo dei miei peccati; si è dovuto spesso d. della sua impulsività*» [VT]. См. также испанское *dolor*, у которого в словаре [ИСРС: 304] отмечены значения ‘печаль’ (‘душевная боль’) и ‘сожаление, раскаяние’: *j que dolor!* — какая жалость!

IV.5. Чувство вины.

В основе раскаяния, а часто и сожаления, как мы уже отмечали, лежит чувство вины, возникающее у человека от осознания того, что он совершил какие-то действия, нарушающие моральные, этические или религиозные нормы. Способность индивида к оценке своих действий с точки зрения их соответствия нравственным стандартам определяется его совестью: «Зрелая совесть и связанные с ней эмоции образуют аффективно-когнитивную структуру, которая оценивает каждый шаг человека на предмет его соответствия нравственным принципам» [Изард 1999]. Способность, готовность к раскаянию — одна из важных составляющих совести: «<...> совесть, по Мауреру, представляет собой, с одной стороны, способность устоять перед искушением, а с другой — способность к раскаянию» [Там же].

Каузальная связь «совесть — раскаяние/сожаление» представлена в полисемии английского слова *compunction*: «1. угрывзения совести, раскаяние. 2. сожаление; *to do smth. without compunction* — сделать что-л. без сожаления» [НБАРС]. «1. a sharp feeling of uneasiness brought on by a sense of guilt; remorse. 2. a feeling of slight regret for something done» [WNW].

Можно предположить, что связь между виной и сожалением лежит в основе появления значения ‘вина’ у украинского существительного *шкода* ‘сожа-

ление’ (см. выше) в диалектах: «розм. Те саме, що вина 1. Чия шкода, того й б’ють» [СУМ]⁵⁷.

IV.6. Наказание/самонаказание.

‘НАКАЗАНИЕ’/‘САМОНАКАЗАНИЕ’ — ‘РАСКАЯНИЕ’

Как уже отмечалось, одной из причин раскаяния может быть осознание субъектом того, что его действия причинили ущерб ему самому или другому человеку. У искренне раскаявшегося человека могут возникнуть мысли о возможности или неизбежности наказания за совершенные действия и даже о самонаказании. Это, как представляется, лежит в основе семантических переходов вида ‘раскаяние’ → ‘наказание’/‘самонаказание’.

Франц. *pénitence* — ‘раскаяние; покаяние’ происходит от латинского существительного *pænitentia* — ‘раскаяние’: «1050; lat. *pænitentia*, de *pænitere* «se repentir» [PR: 1265]. От значения ‘раскаяние’ произошел семантический переход к значению ‘епитимья’: «Une *pénitence*: peine que le confesseur impose au pénitent». А затем от значения ‘епитимья’ — к значению наказания в обычном, не религиозном смысле: «châtiment, punition. Pénitence infligée à un coupable. Pour ta *pénitence*, tu copieras cent lignes» [Там же].

У итальянского когната французского слова — существительного *penitenza*, также выделяют значения ‘раскаяние’ и ‘наказание’: «1. Pentimento per un male commesso. 2. estens. Castigo, punizione, spec. riservata ai bambini: oggi, per p., resterai senza gelato; lo mando a fare p. in un angolo della classe» [GDH]. Приведем примеры из художественной литературы: (а) *Dove Bencio da Upsala confida alcune cose, altre ne confida Berengario da Arundel e Adso apprende cosa sia la vera penitenza* (Umberto Eco. Il nome della rosa (1980)). Где Бенций Упсальский кое-что рассказывает, еще кое-что рассказывает Беренгар Арундельский, и Адсон узнает, каково подлинное раскаяние [НКРЯ]. (б) *Io ero stato male, non era giusta quella penitenza* (Niccolò Ammaniti. Io non ho paura (2001)). По-моему, он хватил через край — такое наказание было несправедливым [НКРЯ].

Еще один аналогичный пример представлен английским существительным *penance* (от старо-французского *pen(e)ance*, восходящего к уже упомянутому лат. *pænitentia* ‘раскаяние’ [OED; OUD]). В современном языке у этого слова выделяют значения ‘раскаяние’, ‘епитимья’ и ‘кара, наказание’. Приведем пример на последнее из указанных значений, поскольку оно отмечается не во всех англо-русских словарях: «*He believed the death of his child was penance for his sins*» [MD].

Заметим, что русское прилагательное *пенитенциарный* — ‘связанный с наказанием, преимущественно уголовным (в юриспруденции)’ [Ефремова], является галицизмом, тоже восходящим к лат. *pænitentia* ‘раскаяние’ [ИСГ].

⁵⁷ Другой возможный путь эволюции — от значения ‘ущерб’ к значению ‘вина’.

По-видимому, в основе возникновения значения ‘сожалеть, раскаиваться’ у английского глагола *to kick oneself* (букв. ‘ударять себя ногой’) лежит идея самонаказания⁵⁸. *To kick oneself*: «To heap reproaches upon (oneself) // kicked themselves for not going» [MWD]; «He kicked himself for not buying the house sooner» [MD]. См. также о русском глаголе *казниться* в главе 1.

IV.7. Просьба о прощении.

Раскаивающийся человек, осознающий свою вину перед человеком, понесшим ущерб от его действий, может испытывать желание попросить у этого человека прощения. Это обстоятельство отражено в семантическом развитии слов данной группы. Так, русский глагол *каяться* развил значение ‘виниться’, см. [Апресян, Гловинская 2003: 146]: «*каяться I, виниться: X~ перед Y-м в P = ‘Совершив плохой поступок P и испытывая неприятное чувство из-за этого, X говорит лицу Y, которое пострадало от P или имеет право наказывать X-а за такие поступки, что он совершил P; он говорит, чтобы испытать облегчение от своего признания, заслужить прощение или принять наказание за P’*».⁵⁹

См. также развитие значения ‘извиняться’ у англ. *sorry*. Английское существительное *regret*, имеющее значение ‘сожаление’ (обычно в форме множественного числа), используется в значении вежливого извинения-отказа: «a response declining an invitation: he sent his *regrets before the deadline*» [WNW], «I have had four acceptances and one regret» [RHD].

IV.8. Жалость, сострадание.

‘РАСКАЯНИЕ’/‘СОЖАЛЕНИЕ’ — ‘СОСТРАДАНИЕ’/‘СОЧУВСТВИЕ’/‘ЖАЛОСТЬ’

В значение слов, обозначающих раскаяние и сожаление, входит рациональная оценка ‘Х считает, что Р плохо’, и в прототипической ситуации этих эмоций содержится компонент ‘нанесение ущерба/вреда кому-л. своими действиями’ и, тем самым, ухудшение положения человека. Человек, испытывающий раскаяние или сожаление, считает, что следствием его действий является ситуация ‘субъекту Z стало плохо’. А это лежит в основе сострадания, сочувствия или жалости к пострадавшему человеку. Указанные инцидентные следствия прототипических ситуаций раскаяния и сожаления лежат в основе семантических переходов вида ‘раскаяние’/‘сожаление’ → ‘сострадание’/‘сочувствие’/‘жалость’.

(1) Этот переход представлен в развитии английского существительного *remorse*⁶⁰: «*Remorse, late ME [a OF. *remors* (mod F. *remords*), ad. late L. *remorsus*.] 1. R. of conscience (or mind) = 2. A feeling of compunction, or of deep regret and repentance, for a sin or wrong committed, late ME. 3. Sorrow, pity, compassion — 1700»* [OUD: 1701]».

⁵⁸ Это значение зафиксировано в 1891 г.: «*To kick oneself in self-reproach is from 1891*» [OED].

⁵⁹ В указанной работе смысл ‘раскаиваться’ закреплен за лексемой *каяться 2*, малоупотребительной в современном языке

⁶⁰ «*Remorse: 1. n. deep and painful regret for wrongdoing; compunction. 2. pity; compassion*» [RHD].

(2) Аналогичный переход имел место в истории английских существительного и глагола *rue*. Исходное значение этих слов — ‘сожаление, раскаяние’ и ‘сожалеть, раскаиваться’, соответственно: «*rue* (n) “sorrow, repentance,” Old English *hreow* “grief, repentance, sorrow, regret, penitence,” common Germanic (Frisian *rou*, Middle Dutch *rou*, Dutch *rouw*, Old High German (*h*)*riuwa*, German *reue*), related to the root of *rue* (v.)» [OED]. Затем (в среднеанглийский период, Middle English, см. [OUD]) у указанных слов появляются значения ‘жалость, сострадание’ и ‘вызывать жалость, сострадание’/‘чувствовать жалость, сострадание’⁶¹: «1. Repentance; regret: ‘with *rue* my heart is laden’. 1.1. Compassion; pity. ‘tears of pitying *rue*'; ‘Burginde came around the end of the waggon, and with a look of mingled pity and *rue*, helped me guide her charge back to our waggon’» [OD].

(3) Примером перехода ‘раскаяние’/‘сожаление’ → ‘жалость’/‘сострадание’ является испанское слово *compunción* (от лат. *compunctio* — ‘раскаяние’): «1. f. Sentimiento o dolor de haber cometido un pecado. 2. f. Sentimiento que causa el dolor ajeno» [DRAE]. «1. Arrepentimiento, contrición. 2. Sentimiento de tristeza o compasión ante las desgracias ajenas» [ELM].

(4) Полисемия ‘жалость’/‘сострадание’ — ‘сожаление’ представлена в английском прилагательном *sorry*: «1.1. sorry for: Filled with compassion for; *he couldn't help feeling sorry for her when he heard how she'd been treated*. 2. Feeling regret or penitence; *I was sorry for making him leave, I was sorry for not being able to save him, I was so sorry*» [OD]

(5) Украинский глагол *шкодувати* (см. выше) имеет значения ‘сожалеть’ и ‘жалеть, испытывать жалость-сострадание’: «Нарікати на що-небудь, жалувати, уболівати за ким-, чим-небудь. 2. Відчувати жалість, до кого-небудь» [СУМ].

(6) В русском языке имел место семантический переход ‘жалость-сострадание’ → ‘сожаление’: «от прототипической ‘жалости’ как сострадания чужому горю или боли» — к сожалению, «где от чувства уже ничего не осталось, оно трансформировалось в оценку [не-Р лучше, чем Р. Таков путь семантической эволюции русских *жалеть, пожалеть, жалко*]» [Зализняк 2006: 110].

IV.9. Симптоматические и коммуникативные жесты.

Симптоматические жесты выражают «эмоциональное состояние жестикулирующего», в отличие от коммуникативных жестов, они «в своем исходном употреблении не являются диалогическими» [Крейдлин 2002: 114]. Приведем примеры семантической деривации от значения жеста к значению производной от жеста идиомы — жестовым фразеологизмам, обозначающим эмоции⁶².

Следует отметить, что некоторые словари у производного значения — значения ‘сострадание, жалость’ — ставят помету ‘устаревшее’, например: «*Remorse*: 1) угрызения совести; раскаяние. 2) арх. жалость, сострадание» [НБАРС].

⁶¹ Это значение глагола имеет помету ‘устаревшее’: «To have compassion. [Obs.] God so wisely [i. e., truly] on my soul rue. Chaucer. Which stirred men's hearts to rue upon them. Ridley» [WRU 1913].

⁶² Подраздел IV.9. содержит материалы, уточняющие и дополняющие выводы, представленные ранее в статье [Иоанесян 2020].

Симптоматические жесты

(1) Французское выражение *se mordre la lèvre/les lèvres* (букв. ‘кусать себе губу/губы’) также, как и аналогичное русское *кусать губы* (см. [Крейдлин 2002: 114]), является номинацией симптоматического жеста: «*Se mordre la lèvre, les lèvres* (pour ne pas exprimer un affect intense, une réaction émotionnelle) *Se mordre les lèvres de colère, de dépit, de rage*» [TR] ≈ ‘*Se mordre la lèvre, les lèvres* (чтобы скрыть сильное чувство, эмоциональную реакцию), *кусать губы от гнева, досады, ярости*’. «*De rage, sans parler, je m'en mordais la lèvre* (RÉGNIER Sat. X)» [EL], ≈ ‘*молча, я кусал губы от ярости*’.

Производная от жеста идиома является жестовым фразеологизмом со встроенной эмоцией⁶³ и обозначает раскаяние, сожаление, досаду: «*Se mordre les lèvres de quelque chose, S'en repentir*» [AD 1935], ‘*Se mordre les lèvres de quelque chose*, раскаиваться в этом’; «*Au fig. Regretter ce qu'on a dit ou fait, s'en repentir*» [TR], ‘перен. Сожалеть о том, что сказал или сделал, раскаиваться в этом’. Например: — *Vive la France!* — *Vive l'Alsace-Lorraine! riposta Maloret. Et Haudouin se mordit les lèvres de n'y avoir pas pensé* (AYMÉ, Jument, 1933, p. 217). ‘— Да здравствует Франция! — Да здравствует Эльзас и Лотарингия! ответил Малоре. И Одуэн испытал досаду из-за того, что не подумал об этом (букв. ≈ ‘закусил губы от того, что не подумал об этом’).

В русском языке семантический переход от значения жеста **кусать губы**⁶⁴ к соответствующей жестовой идиоме, как представляется, не имел места. Этим, в частности, объясняется невозможность использования выражения *кусать губы* при переводе приведенного французского примера из романа Марселя Эме.

Необходимо остановиться на очень важном различии выражений, являющихся номинациями жестов, и производных от них жестовых фразеологизмов со встроенной эмоцией, а именно на различии их валентных структур.

У выражений, являющихся номинациями симптоматических жестов, мы выделяем следующие валентности: 1) субъекта; 2) причины — **эмоции, которой продиктован жест**⁶⁵. У жестовых фразеологизмов, представляющих собой выражения со ‘встроенной’ в их значение эмоцией, выделяются следующие валентности: 1) субъекта; 2) причины — **ситуации, которая вызвала эту эмоцию**. Поясним отмеченное нами различие между номинациями жестов и жестовыми фразеологизмами на примере французского выражения *se mordre la lèvre/les lèvres*:

У выражения *se mordre la lèvre/les lèvres*, являющегося номинацией жеста, валентность причины выражается предлогом *de + название эмоции: se mordre*

⁶³ См. о симптоматических выражениях со встроенной эмоцией в [Иоанесян 2020а].

⁶⁴ Мы сохранили жирный шрифт в номинациях русских жестов, поскольку в работе мы опирались на толкования этих жестов в работах Г. Е. Крейдлина и его соавторов, в которых жесты даются жирным шрифтом.

⁶⁵ См. ниже об английском выражении *to curl one's lip*, имеющем три валентности.

les lèvres de colère, de dépit, de rage — кусать губы от гнева, досады, ярости. Дополнение с предлогом *de* обозначает эмоцию, а именно эмоцию гнева, досады, ярости которой продиктован указанный мимический жест.

У жестового фразеологизма *se mordre les lèvres*, обозначающего сожаление или досаду, в значение которого эмоция сожаления или досады «встроена», валентность причины выражается предлогом *de* + существительное или глагол, например: — *Vive la France!* — *Vive l'Alsace-Lorraine!* riposta Maloret. Et Haudouin *se mordit les lèvres de n'y avoir pas pensé* (AYMÉ, Jument, 1933, p. 217). ‘Да здравствует Франция! — Да здравствует Эльзас и Лотарингия! ответил Малоре. И Одуэн испытал досаду из-за того, что не подумал об этом (букв. ≈ ‘закусил губы от того, что не подумал об этом’). В этом примере говорится о том, что субъект испытал чувство досады, сожаления — эмоции, встроенной в значение фразеологизма *se mordre la lèvre/les lèvres*. А дополнение с предлогом *de* — *de n'y avoir pas pensé* (*se mordre les lèvres de n'y avoir pas pensé*) обозначает причину этой эмоции: сожаление, досада героя на самого себя вызваны тем, что он необдуманно произнес слова, *de n'y avoir pas pensé* — ‘не подумав’.

(2) Английское выражение *to curl one's lip* является номинацией мимического жеста, выражающего негативную эмоцию или отношение — отвращение, скуку, досаду и т.п.: «to move the corner of one's lip up in an expression that usually shows disgust or disapproval» [MWD]. Актант, обозначающий эмоцию, которой обусловлен этот жест, вводится дополнением с предлогом *in* или *with* или соответствующим наречием: «*I curled my lip in condescension, He curls his lip contemptuously*» [OD], «*Her lip curled with scorn*» [COBUILD].

Следует отметить, что выражение *to curl one's lip*, кроме отмеченного семантического актанта ‘эмоция, симптомом которой является указанный жест’, имеет также валентность ‘причина эмоции, лежащей в основе жеста’. Эта валентность выражается предлогом *at* + существительное или глагольная конструкция, например: «*Her lip curled at what he said*» [CAL]. Приведем пример, в котором обе указанные валентности выражены на поверхностном уровне: «*She curled her lip in disgust at the suggestion*» [MD]; *in disgust* — обозначение эмоции, которой продиктован жест, *at the suggestion* — обозначение причины этой эмоции, квалифицированной как *disgust* ‘отвращение’.

Производная жестовая идиома обозначает презрение, приведем пример из художественной литературы: <...> *resolved that if my world could not be yours, I would make yours mine; that no pride of birth should curl the lip at you, for I would turn from it* (Charles Dickens. Oliver Twist (1838)). <...> я решил, что ни один из тех, кто чванится своим происхождением, не будет презрительно смотреть на вас, ибо я отвернусь от них [НКРЯ].

Ср. аналогичный русский мимический жест **кривить рот** (пример (а)) и производную идиому **кривить рот**: (пример (б)): (а) *Азазелло вынул второй револьвер из второго заднего кармана брюк и вместе с первым, презрительно*

крявя рот, протянул их хвастуну (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 2 (1929—1940)) [НКРЯ]; (б) *Например, Н. М., с которой мы часто вздорили и сторонились друг друга, которая, стоя с другими, часто кривила рот по моему адресу* (А. И. Батюто. Дневник (1938)) [НКРЯ].

(3) Русский мимический жест **опустить глаза** выражает смущение, скромность, стыдливость (см. [Крейдлин 2002: 378]). Во французском языке номинацией аналогичного симптоматического жеста является выражение *baisser les yeux*: «*Baisser les yeux par timidité, pudeur, humilité, confusion, honte*» [PR: 138], ‘опустить глаза из-за робости, стыдливости, смиренния, смущения, стыда’. Данная номинация жеста лежит в основе жестовых фразеологизмов со встроенной эмоцией. Идиома *baisser les yeux* обозначает ‘смущение’, производная каузативная конструкция *faire baisser les yeux à qn* (‘заставить человека опустить глаза’) имеет значение ‘смутить, привести в замешательство или пристыдить человека’ [ФРФС: 756]: «*Je sors du casin de San Paolo. De ma vie je n'ai vu la réunion d'aussi belles femmes; leur beauté fait baisser les yeux*» (Stendhal, Rome, Naples et Florence.) — Я только что вернулся из дворца Сан-Паоло. Никогда в жизни я еще не видел в один вечер столько необыкновенных красавиц; их красота приводит в замешательство» [Там же].

(4) Интересный пример представлен французским жестовым фразеологизмом *baisser l'oreille* (букв ‘повесить ухо’) или синонимичным выражением — *avoir l'oreille basse*, имеющими значение ‘впасть в уныние’. Выражение *baisser l'oreille* происходит от «собачьего» симптоматического жеста, вызванного, в частности, страхом наказания: «*Cette locution, qui s'applique, au sens propre, aux chiens chez lesquels on remarque ce mouvement particulier lorsqu'ils redoutent un châtiment <...> s'applique aussi figurément aux hommes pour marquer la confusion ou le découragement*» [RD: 39], ≈ ‘Это выражение, которое в исходном употреблении применяется по отношению к собакам, у которых опущенные уши являются признаком того, что они испытывают страх в ожидании наказания, в переносном употреблении используется по отношению к людям, испытывающим смущение или уныние’.

Коммуникативные жесты.

Коммуникативные жесты несут ‘информацию, которую жестикулирующий в коммуникативном акте намеренно передает адресату. Таким образом, по своей природе это чисто диалогические жесты’ [Крейдлин 2002: 99].

Жесты часто лежат в основе метафорических значений лексических единиц, входящих в номинацию жеста, см., например, в [Крейдлин 2002: 330—331] о жесте **отвернуться 1** и глаголе *отвернуться*.

Существует целый класс единиц, являющихся номинациями коммуникативных жестов, в метафорическом употреблении выступающих в функции предикатов эмоционального состояния — чаще всего предикатов, обозначающих каузацию определенного эмоционального состояния. Например, русское слово *пощечина* обозначает ‘отрицательный жест касания’ [Там же]. В ме-

тафорическом употреблении оно означает оскорбление, т.е. каузацию чувства обиды.

Значение ‘оскорбление’ зафиксировано в 18 в. и у английского выражения *slap in the face* — ‘пощечина’: «Figurative meaning “insult, reprimand” is attested from 1736» [OED]. Приведем пример из художественной литературы: *Буш отозвался о «Жизни Чернышевского», как о пощечине марксизму* (В. В. Набоков. Дар (1935–1937)). Busch reacted to the Life of Chernyshevski as to a good slap at Marxism.

Полисемия ‘пощечина’ — ‘оскорбление, унижение’ имеет место и у итальянского существительного *schiaffo*: «1. Colpo dato sulla guancia con la mano aperta <...> 3. fig. Grave smacco, insulto o sconfitta umiliante: ricevere uno s. morale» [VT], ‘1. удар по щеке ладонью’ <...> 3. ‘сильное оскорбление, унизительное поражение: (букв.) получить моральную пощечину’. Аналогичная полисемия отмечается у испанского слова *bofetada* [ELP] и французского существительного *soufflet* [AD 1935] и др.

IV.10. Метафора.

Номинации эмоций в языке могут основываться на уподоблении ощущений души ощущениям тела — существуют эмоции, которые «концептуализуются в языке так же, как физические состояния» [Апресян 1995а: 460]. Так, например, жалость, выступающая как чувство сострадания к другому человеку, связана с болью (*жалость колнула, пронзила*): душа человека, испытывающего жалость, ‘чувствует нечто подобное тому, что ощущает тело человека, когда ему больно; тело человека реагирует на такое чувство как на боль» [Там же: 464]. Связь жалости с болью подтверждается и этимологическими данными. Так, русское *жалеть* «родственно лит. géliti, gélia, géelé “очень болеть, жалить”», gilstu, gilaï, gilti “заболеть”, д.-в.-н. quēlan “испытывать боль”» [ФЭ]. И само русское слово *боль* развило значение ‘жалость’ [Апресян 1995а: 460].

Метафора боли обнаруживается и в обозначении чувств сожаления и раскаяния. Исходными значениями латинского существительного *compunctio*, образованного от глагола *compungere* ‘колоть’, были смыслы ‘укол’ и ‘колющая боль’. Кроме того, у слова имелось значение ‘раскаяние (религиозное)’: «1. point, douleur piquante; 2. componction (Bib.)» [WA]; «1. piqûre, douleur perçante; 2. ecclésiastique componction, repentir» [OLD]. Значение ‘раскаяние’ имеет и производное от указанного латинского существительного французское слово *componction*: «XIIe; lat. chrét. compunctio, de compungere «piquer». 1. ♦ Relig. Sentiment de tristesse, éprouvé par le croyant devant son indignité à l’égard de Dieu. ⇒ contrition, repentir» [PR: 315]. Английское *compunction* (заимствование из старо-французского [OED]) обозначает ‘угрызения совести; сожаление’: «Compunction is the pain occasioned by a wounded and awakened conscience» [WRU 1913], «a feeling of remorse, guilt, or regret» [CED]. См. также исп. *compungir* — ‘вызывать раскаяние (сожаление)’, ‘мучить (о совести)’, *compungirse* — ‘раскаиваться, каяться, испытывать угрызения совести’: «tr.

desus. Dicho de la conciencia: Remorderle a alguien. prnl. Dicho de una persona: Contristarse o dolerse de alguna culpa o pecado propio, o de la aflicción ajena» [DRAE].

В некоторых языках сожаление и раскаяние обозначаются через метафору раздробления и, таким образом, уничтожения. См., например, лат. *contritus*, имевший в классическую эпоху значение ‘раздробленный, измельченный’, а затем развивший значение ‘раскаивающийся’: «1. broyé, pilé, écrasé. 2. usé, commun, banal. 3. (Vulg.) contrit, repentant» [JWH]. Значение ‘сожалеющий, раскаивающийся’ имеет и образованное от латинского *contritus* французское прилагательное *contrit*: «v. 1174; lat. *contritus* «*broyé*» 1. ♦ Relig. Qui est profondément touché du sentiment de ses péchés. ⇒ pénitent, repentant. Un cœur contrit. 2. ♦ Cour. Qui marque le repentir» [PR: 346].

Значение ‘раскаяние’ отмечено и у французского существительного *contrition*: «v. 1200; «destruction» v. 1120; lat. *contritio*. 1. Relig. Douleur vive et sincère d’avoir offendé Dieu. 2. Littér. Remords, repentir. ⇒ compunction, résipiscence» [Там же].

Тот же путь прошло и английское *contrition*⁶⁶, заимствованное из старофранцузского языка: «1. The act of grinding or ribbing to powder; attrition; friction; rubbing. [Obs.] 2. The state of being contrite; deep sorrow and repentance for sin, because sin is displeasing to God; humble penitence; through repentance. Syn. repentance; penitence; humiliation; compunction; self-reproach; remorse. — Contrition, Attrition, repentance» [WRU 1913].

Первым значением глагола *dolere*, о котором мы писали выше, являлся смысл ‘испытывать физическую боль’: «1. v. intr. Far male, detto di parte del corpo che è sede di una sensazione dolorosa: *mi duole la testa; mi doleva il dente*» [VT]. В прономинальной форме глагол имеет значения ‘жаловаться, сетовать (на что-л.)’ и ‘сожалеть, раскаиваться’: «2. intr. pron. a. Sentire o esprimere dolore, dispiacere; rammaricarsi: *mi dolgo di non averlo saputo in tempo*; b. Provare dolore o pentimento di un fallo commesso, della propria condotta: *mi pento e mi dolgo dei miei peccati*» [VT]. Таким образом, в этом глаголе имел место двойной переход: ‘физическая боль’ — ‘душевная боль’ — ‘сожаление, раскаяние’.

В основе обозначения душевной боли, переживания —‘терзаться, раскаиваться; жалеть (*о чём-либо*)’ — испанским и португальским глаголами *pesar*, исходное значение которых ‘иметь вес, быть тяжелым’, лежит метафора тяжести: душа человека испытывает нечто подобное тому, что ощущает тело человека, когда ему тяжело, когда на него давит тяжесть.

Итак, мы попытались представить способы номинации сожаления и раскаяния в языке, опирающиеся на компоненты и импликации прототипической ситуации этих эмоций и инцидентные следствия из этой ситуации:

⁶⁶ «Contribution. c.1300, contrycyun, from O.Fr. *contricun* (Mod.Fr. *contrition*) and directly from L. *contritionem* (nom. *contritio*), noun of action from *contrit-*, pp. stem of *conterere*» [OED].

1. Имеет место некоторая негативная ситуация Р.
 2. Недовольство субъекта сложившейся ситуацией.
 3. Негативные последствия поступков, нанесение вреда, ущерба.
 4. Осознание субъектом ошибочности своего поведения.
 5. Наличие «переживания».
 6. Чувство вины.
 7. Мысли о возможности/неизбежности наказания за проступок
 8. Мысли о необходимости просьбы о прощении у пострадавшего человека.
 9. Чувство сострадания к людям, получившим ущерб от сложившейся ситуации.
10. Жестикуляция.

ГЛАВА 5. РАЗОЧАРОВАНИЕ

Данная глава посвящена описанию способов номинации разочарования. Материалом для исследования послужили предикаты, обозначающие разочарование в русском, латинском, французском, испанском, итальянском, немецком и польском языках⁶⁷.

В основе номинации разочарования или соответствующей полисемии могут лежать компоненты прототипической ситуации разочарования, а именно — причины, вызывающие ее.

Разочарование может быть обусловлено разными причинами. Среди основных причин следует назвать следующие:

1. Осознание человеком, что его обманули, в частности, обманули его надежды, его ожидания: «Разочарование — неприятное переживание в связи с обнаружением в ком-л., чем-л. любимом, приятном плохих сторон или меньшего, чем ожидалось, предполагалось» [Филиппов, Романова, Летягова 2011]. Смысл ‘ожидание’ входит в качестве строевого компонента в семантику многих слов, среди которых и предикаты со значением ‘разочарование’: «На роль строевого компонента претендует компонент ‘ожидание’, который входит в семантику большого числа самых разных слов: *спас*, *предотвратил* ⊃ ‘ожидалось, что будет плохое’; *удовлетворен X-ом* = ‘X соответствует ожиданиям’; *разочаровался в X-е* ⊃ ‘ожидал, что X лучше’» [Падучева 2004: 47].

2. Осознание человеком того, что он совершил какую-то ошибку, «обманулся». См., например, в [Апресян 2009: 387]: «Обманываться обозначает состояние, похожее на иллюзию: обнаружению ошибки обычно предшествует вера в то, что субъекта ожидает что-то хорошее для него; ср. Я обманулся в своих лучших мечтах и надеждах. Поэтому, когда ошибка обнаружена, субъект может испытывать чувство, близкое к разочарованию».

3. Какие-то неприятные, негативные события в жизни человека. Это могут быть, в частности, жизненные неудачи, осознание человеком, что он не до-

⁶⁷ В данной главе представлен, с незначительными поправками и добавлениями, сокращенный вариант статьи [Иоанесян 2018].

стиг намеченной цели, что его поставили в затруднительное положение, что он потерпел поражение и т.п.: «Разочарование — неприятное психологическое состояние, эмоциональное переживание человека, связанное с какой-либо серьезной жизненной неудачей» [Немов 1999: 285], «Анализ эмоций как состояний, непременно имеющих в своей основе какую-то цель, представляется адекватным для таких эмоций, как разочарование или удовлетворение. Действительно, эти эмоции возникают как результат, соответственно, провала или реализации какой-то цели. А именно, разочарование может возникать, когда человек не достиг своей цели или как-то иначе обманывается в своих ожиданиях, а удовлетворение вызывается противоположным положением дел» [Апресян В. 1994: 83]⁶⁸.

Итак, мы выделяем три типа семантических переходов, базирующихся на компонентах прототипической ситуации разочарования, которые лежат в основе номинации этой эмоции или полисемии единиц, ее обозначающих:

1. Семантический переход ‘обман’ — (‘обманутые надежды/ожидания’) — ‘разочарование’.
2. Семантический переход ‘ошибка’ — ‘разочарование’.
3. Семантический переход ‘негативное событие, негативная ситуация’ — ‘разочарование’. К классу негативных событий относятся общие неприятности, трудное или неловкое положение, неудача, поражение и т.п.

Семантические переходы

I. Семантический переход ‘обман’ — (‘обманутые надежды/ожидания’) — ‘разочарование’.

Этот переход представлен следующими предикатами:

(1) У латинского глагола *decipere* отмечались значения ‘обманывать’, в том числе — ‘обманывать ожидания’, и ‘доставлять разочарование’: «[fig.] attraper, tromper, abuser: — *illa amphibolia, quae Cræsum decepit, vel Chrysippum potuisset fallere*, Cic. *Div. 2, 116*, cette ambiguïté où Crésus se laissa prendre eût pu tromper Chrysippe lui-même; — *decipere exspectationes*, Cic. *de Or. 2, 289*, *tromper les attentes* <> *décevoir — sunt qui ita pronuntient festinatam sementem saepe decipere*, Plin. *18, 204*, il y a des gens qui prétendent qu’une semence hâtive cause souvent des déceptions» [DLFG]. Аналогичная полисемия имела место и у существительного *deceptionis*: «*déception, tromperie. — Aug. Civ. 22, 22*» [Там же]; «*duperie, manigance, tromperie, déception*» [OLD].

(2) У французского глагола *décevoir* (от лат. *decipere*) отмечается устаревшее значение ≈ ‘обманывать, обольщать’, значение ‘обманывать’ в сочетании со словами *la confiance, l'attente, les espérances* — ‘обманывать доверие, ожидание, надежды’, и значение ‘разочаровывать’: «XIIe; lat. *decipere* «*tromper*». 1 ♦ Vx. *Tromper, séduire par une apparence engageante, par qqch. de spécieux.* 2 ♦ (XVIe) Mod. Littér. *Ne pas répondre à (une attente).* ⇒ frustrer. *Décevoir la*

⁶⁸ В работе К. Изарда [Изард 1999] разочарование рассматривается и как причина, и как следствие чувства стыда.

confiance, l'attente, les espérances de qqn. ⇒ tromper. ◇ (XIXe) Cour. Tromper (qqn) dans ses espoirs; donner une impression moins agréable que l'impression attendue. ⇒ désappointer. Cet élève m'a déçu» [PR: 410]. Значение ‘разочарование’ имеет и отглагольное существительное *décepcion*.

Значение ‘разочарование’ и ‘разочаровывать’ отмечаются у испанских и португальских когнатов французских слов. Исп. *decepción* и *deceptionar*. *Decepción*: «Del lat. tardío *deceptio*, -ōnis. 1. f. Pesar causado por un desengaño. 2. engaño (|| falta de verdad)» [DRAE]. *Deceptionar*: «Desengañar, desilusionar» [DRAE]. Порт. *decepção* и *deceptionar*. *Decepção*: «[F.: Do lat. *deceptio*, *onis*.] Sentimento de tristeza ou frustração ante o fracasso de expectativas (*decepção amorosa*); DESAPONTAMENTO; DESILUSÃO» [DCA]. *Deceptionar*: «Provocar ou sofrer decepção; DESAPONTAR; DESILUDIR [td.: *Sua irresponsabilidade decepciona os pais*]» [Там же].

(3) Испанское существительное *chasco* имеет значения ‘шутка’/‘обман’ и ‘разочарование’: «1. Decepción que produce un suceso adverso o contrario a lo que se esperaba: *Me llevé un chasco cuando comprobé que se había olvidado de mi cumpleaños*. 2. Burla o engaño que se hace a alguien: *Me dio un buen chasco al esconderme la ropa mientras me bañaba*» [DCD]; «(Voz onomat.) 1. m. Burla o engaño que se hace a alguien. 2. Decepción que causa a veces un suceso contrario a lo que se esperaba. *Buen chasco se ha llevado Mariano*» [DRAE].

(4) Латинский глагол *deludere* выступал в значении ‘обманывать; насмеяться’ [ЛРС]: «se jouer de, abuser, tromper: Cic. Agr. 2, 79; Hor. S. 2, 5, 56» [DLFG]; «~ me dolis, il me trompe avec ses ruses, Ter. Andr. 3, 4,4» [GDL]. Даный предикат употреблялся также со словами, имеющими значение ‘надежда’, ‘ожидание’: «au fig. Quem spes delusit, huic querela convenit, quand on est trompé dans ses espérances, on peut se plaindre, Phœdr. 5. 7. 7» [GDL].

А итальянский глагол *deludere*, восходящий к вышеназванному латинскому глаголу⁶⁹, имеет не только значение ‘обманывать’, в том числе в сочетаниях ‘обманывать надежды и ожидания’ [СМИ: 229], но и значение ‘разочаровывать’: «1. Venire meno alle aspettative e alle speranze suscite in qualcuno: *quel ragazzo mi ha deluso; non d. le mie speranze*; 2. ant., lett. Illudere, ingannare» [GDH]; «Rendere vane le speranze, venire meno all’aspettativa di qualcuno: *lo spettacolo mi ha profondamente deluso*» [VT].

(5) Немецкий глагол *enttäuschen*, образованный от глагола *täuschen* ‘обманывать’, используется в значении ‘обмануть, не оправдать чьи-л. ожидания, доверие, надежды’: «jmds. Hoffnung, Vertrauen enttäuschen» [DWDS]; «jemandes Hoffnungen, Erwartungen nicht erfüllen, sodass er unzufrieden, niedergeschlagen, verstimmt ist» [Duden]. Глагол выступает также в значении ‘разочаровывать’: «das Buch hat mich sehr enttäuscht» [DWDS]; «das Match enttäuschte» [Duden].

(6) Французский глагол *attraper* (исходное значение — ‘поймать’) используется в значении ‘обмануть, провести кого-л.’, «*Attraper qqn. Tromper, duper*»

⁶⁹ «[dal lat. *deludere* «prendersi gioco», der. di *ludus* «gioco»]» [VT].

[TR], например: *Mais vous m'attrapez, monsieur, dit le Commis-Voyageur, ceci est du vin de Madère, vrai vin de Madère* (Honoré de Balzac. L'illustre Gaudissart (1832)). Вы меня провели, сударь, — сказал коммивояжер, ведь это мадера, настоящая мадера! [НКРЯ]. В разговорной речи у глагола отмечается значение ‘разочаровывать’: «(XIIIe) Fig. Tromper par une ruse, un artifice. ⇒ abuser, duper. *Il m'a bien attrapé* (cf. fam. *Il m'a eu*). ⇒ attrape-nigaud. *Elle s'y est laissé attraper*. ◇ *Être attrapé, bien attrapé*: avoir subi une déception, une surprise désagréable (qu'on ait été trompé ou non)» [PR: 115].

(7) Испанский глагол *defraudar*, образованный от лат. *defraudare* — ‘обманывать, обманом путём обобрать’ [ЛРС], кроме значения, соответствующего значению латинского предиката, имеет значение ‘разочаровывать’: «1) отнимать; обманом лишать (чего-либо); <...> 4) см. *decepcionar*» [ИСРС: 267]; «1. tr. Privar a alguien, con abuso de su confianza o con infidelidad a las obligaciones propias, de lo que le toca de derecho. 2. Frustrar, desvanecer la confianza o la esperanza que se ponía en alguien o en algo» [DRAE].

II. Семантический переход ‘ошибка’ → ‘разочарование’.

(1) Исходное значение французского существительного *mécompte* — ‘ошибка’: «просчёт, ошибка в предположениях» [ГТ]; «mescomte v. 1200; de l'a. fr. *mécompter* «se tromper», de *mé-* et *compter*. 1. ♦ Vx. Erreur dans un compte, un calcul» [PR: 1061]. В XVII в. у него зафиксировано значение ‘разочарование’: «разочарование (*déception*); обманутая надежда» [ГТ]; «Espérance déçue. Synon. *déception, désillusion*; anton. *espoir*. Avoir, produire du *mécompte*, s'exposer à des *mécomptes*» [TR].

(2) Английский фразовый глагол *to slip up* имеет значение ‘ошибиться, совершив ошибку’: «to make a mistake. If you slip up in copying the data, the final result will of course be wrong» [MWD]. В австралийском варианте английского языка он используется также в значении ‘разочаровать’ (и, к тому же, в значении ‘обмануть’) [НБАРС].

(3) У английского существительного *balk* выделяются значения ‘ошибка’, ‘промах, упущение’: «ошибка, упущение; *to make a balk* — совершить промах» [НБАРС]; «a miss, slip, or failure: *to make a balk*» [RHD] (следует отметить, что в некоторых словарях значение ‘ошибка’ дается с пометой «устар.»: «Obs. a blunder; error» [WNW]). Кроме того, у слова выделяется значение ‘разочарование’: «разочарование ◇ *to have a sad balk* — горько разочароваться» [НБАРС]; «A frustration; disappointment» [WRU 1828], «a disappointment 1733» [OUD: 139].

Значение ‘разочаровывать’ мы находим и у глагола *to balk* в [WRU 1913]: «To disappoint; to frustrate» (см. также ниже, п. IV).

III. Семантический переход ‘негативное событие/негативная ситуация’/‘неудача’ — ‘разочарование’.

(1) Указанный переход представлен в истории английского глагола *to disappoint*, заимствованного из французского языка в значении ‘лишить ко-

го-л. должности'. Затем, в конце XV в., у него зафиксировано значение 'разочаровать': «*disappoint early 15c.*, "dispossess of appointed office", from M.Fr. desappointer (14c.) "undo the appointment, remove from office" from des- (see DIS- (Cf. dis-)) + appointer "appoint" (see APPOINT (Cf. appoint)). Modern sense of "to frustrate expectations" (late 15c.) is from secondary meaning of "fail to keep an appointment"» [OED]. См. также в [WED]: «*Disappoint comes from an early French word that means "to dismiss from an appointment or job"*».

Исходное значение отглагольного существительного *disappointment* — 'разочарование': «1. 1614. The fact of disappointing; the frustration or non fulfilment of expectation, intention, or desire» [OUD: 517]. В 1765 г. у слова отмечается значение 'какое-то обстоятельство или человек вызвавшие разочарование': «3. A thing or person that disappoints 1765» [Там же]. Приведем пример употребления существительного *disappointment* во втором значении — в значении 'негативное событие, вызвавшее разочарование': *Thus, hope and expectation would be kept alive; none would complain of broken promises, but impute their disappointments wholly to fortune, whose shoulders are broader and stronger than those of a ministry* (Swift, Jonathan / Gulliver's travels into several remote nations of the world). Таким образом, у сенаторов всегда будет поддерживаться надежда на получение места; никто из них не станет жаловаться на неисполнение обещания, и неудачники будут взваливать свои неудачи на судьбу, у которой плечи шире и крепче, чем у любого министра [ABBYY].

Таким образом, в развитии слова *disappointment* представлен еще один переход, теперь уже обратный — от значения 'разочарование' к значению 'негативное событие'.

(2) Исходное значение французского существительного *déconvenue* (XII в.) — 'неудача': «1178 malheur, insuccès» [TR]. В XIX в. у этого слова фиксируется значение 'разочарование': «*Désappointement causé par un insuccès, une mésaventure, une erreur*» [PR: 416], «1822 "désappointement"» [TR].

(3) Обратный переход 'разочарование' → 'неудача' ('разочаровать' → 'потерпеть неудачу') произошел в португальском глаголе *decepçionar* (см. выше): «1. Provocar ou sofrer decepção; DESAPONTAR; DESILUDIR. 2. Ser um fracasso; sair-se mal em algo, frustrando todas as expectativas» [DCA].

(4) Переход 'разочарование' → 'неприятности' имел место в семантическом развитии французского глагола *déboire* (исходное значение — 'неприятный привкус во рту (от выпитого)': 1) 'разочарование': «*Impression pénible laissée par l'issue fâcheuse d'un événement dont on avait espéré mieux. ⇒ déception, déconvenue, désillusion. Par ext. Événement fâcheux. V. Échec, ennui, épreuve*» [PR: 406]; «*Amer déboire; avoir, éprouver du déboire, des déboires*» [TR]; 2. 'неприятности': «*P. méton., souvent au plur. Événement qui suscite la déception. Synon. ennui, échec, épreuve. L'amertume profonde et durable que lui laisse ce déboire* (GIDE, Journal, 1948, p. 328)» [TR].

(5) Семантический переход ‘затруднительное положение’ → ‘разочарование’ (‘ставить в затруднительное положение’ → ‘разочаровывать’) представлен английским фразовым глаголом *to let down*. В одном из своих употреблений глагол означает ≈ ‘подводить кого-л.’: «подводить» [НБАРС]. Подводить кого-л. означает «неожиданно ставить в затруднительное, неловкое положение. отт. разг. Навлекать на кого-либо какие-либо беды, неприятности» [Ефремова]: «If something lets you down, it is the reason you are not as successful as you could have been. Many believe it was his shyness and insecurity which let him down» [CCA]. Глагол имеет также значение ‘разочаровывать’: «disappoint: the plot lets you down at the end; afraid of letting his father down» [MWD].

(6) У английского существительного *balk*, имеющего значение разочарование’ (см. выше), в словарях фиксируется также значение ‘поражение’: «defeat 1660» [OUD: 139], «редк. поражение ◊ to meet with a *balk* — потерпеть поражение» [НБАРС]; «sports: failure of a competitor to complete a motion (such as a jump, vault, or dive)» [MWD].

(7) Польский глагол *zawieść* — *zawodzić* сочетает значения ‘подвести кого-л.’, ‘обмануть’, ‘оказаться безрезультатным’ и значение ‘разочаровать’:

1) ‘подвести кого-л.’: «nie zrobić tego, na co ktoś liczył» [SJP], «Dobrze, przełożę termin splaty, ale proszę mnie nie zawieść, bo obie będziemy miały problemy. Nie zawiodę pani. Okay, I'll postpone the payment, but please don't fail me or we're both going to have serious problems. I won't fail you. (Sous-titres de films/séries)» [<http://context.reverso.net>].

При этом речь может идти не только о человеке — может «подвести» ум, голос и т.п., например: (а) ◊ *и мне было нехорошо, у меня срываются голос, я невпопад отвечал, бледнел* (Гайто Газданов. Вечер у Клер (1930)). ◊ *i było mi niedobrze, zawodził mnie głos, odpowiadałem od rzeczy, bladłem* [НКРЯ]; (б) *Мой ум не служит мне большие* (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита (ч. 1) (1929—1940)). *Mój umysł mnie zawodzi* [НКРЯ]; (в) *Kto????!! W tym miejscu wyobrażenia zawiodła* (Joanna Chmielewska. Wszyscy jesteśmy podejrzani (1966)). Кто????!! В этом месте воображение меня подвело [НКРЯ].

2) ‘обмануть’ — обмануть ожидания, чье-н. доверие, бдительность и т.п., и (в прономинальной форме) ‘ ошибиться’: (а) «*Jednocześnie nie możemy w Europie zawieść tych oczekiwania*. Aujourd’hui en Europe, nous ne pouvons pas décevoir ces attentes (Parlement européen)» [<http://context.reverso.net>]; (б) *Tak ja rozumiem miłość, takiej spodziewałam się od ciebie i dawno już wiem, że mi się zawiodła* (Eliza Orzeszkowa. Nad Niemnem (1886—1887)). Вот как я понимаю любовь, вот какой любви я ожидала от тебя, но давно уже вижу, что ошиблась» [НКРЯ]; (в) *Umieli zawodzić znakomicie jego czujność i przyprawiać ciało pedagogiczne o zgrozę, rozpaczą i przedwczesne łysiny* (Stefan Żeromski. Popióły (1) (1902)). Они ухитрялись отличнейшим образом обманывать его бдительность и доводили весь педагогический синклит до ужаса, отчаяния и преждевременных лысин [НКРЯ].

3) ‘оказаться безрезультатным, безуспешным’: «o urządzeniach, zmysłach, organizacji czegoś itp.: okazać się nieskutecznym» [SJP]; «nie stawać na wysokości zadania; nie udać się» [DOS]; *Wszystko zawiodło* (Henryk Sienkiewicz. *Quo vadis* (1895—896)). Да, все оказалось тщетным [НКРЯ].

4) ‘разочаровать’ и (в прономинальной форме) ‘разочароваться’: «rozczarować» [DOS], «doznać zawodu; rozczarować się; zniechęcić się» [DOS]. Примеры: (a) *Masz pani dobrą twarz, więc jako doświadczony, poradzę ci, ile razy cierpisz, zawodzi cię wszystko, boli cię życie –uciekaj z miasta, idź w pola, oddychaj powietrzem czystym, kąp się w słońcu, wpatruj się w niebo, myśl o nieskończoności i módl się... a zapomnisz o wszystkim* (Władysław Reymont. *Komediantka* (1896)). У вас хорошее лицо, и я как человек бывалый советую, всякий раз, когда стра-даешь, разочаровываешься, когда удручаешь жизнь — беги из города, иди в поле, дыши чистым воздухом, купайся в лучах солнца, смотри на небо, думай о вечности, молись... и забудешь обо всем [НКРЯ]; (б) *Wiele razy zawiódł się i nie chce zbyt tanich pocieszeń, które zostawiają później tym większe przygnębienie.* [Czesław Miłosz. *Zniewolony umysł* (1953)). Много раз он разочаровывался и не хочет слишком дешевых радостей, оставляющих потом еще большую удручен-ность [НКРЯ].

Значение ‘разочарование’ имеет и существительное *zawód*: «niemiłe uczucie, jakie się pojawia, kiedy nie stało się coś, na co człowiek czekał (ждать) i czego pragnął» [WSJP]. Например: (a) — *Nie podobało się wam... — powtórzyła przeciągle, jakby z zawodem* [Zofia Kossak. *Król trędowaty* (1937)]. — Так вам не понравилось... — разочарованно протянула Сибилла [НКРЯ]; (б) *Nie miał zresztą większej nadziei, aby mógł się czekolwiek dowiedzieć. Był przygotowany na jeszcze jeden zawód* (Jerzy Andrzejewski. *Popiół i diament* (1948)). Впрочем, он не возлагал на это посещение особых надежд и заранее приготовился к новому разочарованию [НКРЯ].

(8) У французского глагола *échauder* словари фиксируют синкетичное значение ≈ ‘причинить кому-л. вред, разочаровать (и послужить уроком)’: «Échauder: Faire du mal, attraper, décevoir et servir de leçon. *Un avorton* (...) que d’anciennes aventures auraient échaudé (BLOY, *Femme pauvre*, 1897, p. 10)» [TR]; «Se faire échauder, être échaudé: être victime d'une mésaventure, éprouver un dommage, une déception» [PR: 530].

В этой главе мы представили способы номинации разочарования в нескольких языках, которые прослеживаются во внутренней форме слов и синхронной полисемии. Представленный материал свидетельствует о том, что в основе номинации разочарования или соответствующей полисемии лежат семантические переходы, опирающиеся на один из компонентов прототипической ситуации разочарования — на причину, вызывающую эту эмоцию. Мы выделили три основных причины указанного эмоционального состояния:

1. Осознание человеком, что его обманули, обманули его надежды.
2. Осознание человеком, что он совершил какую-то ошибку, «обманулся».

3. Неприятные, негативные события в жизни человека (жизненные неудачи, понимание, что человек не достиг намеченной цели, что его поставили в затруднительное положение, что он потерпел поражение, что его подвели и т.п.).

Следует оговорить, что мы не рассматривали «тривиальные» деривации вида итальянских *ingannare* и *disingannare*. *Ingannare* означает ‘ввести в заблуждение, обмануть’ — обмануть противника, клиента, в частности, обмануть чьи-л. ожидания, надежды и т.п. В соответствии со значением приставки *dis*- глагол *disingannare* означает ‘вывести из заблуждения’, в частности, ‘разочаровать’. Аналогичные пары — исп. *engañar* и *desengaÑar*, франц. *illusionner* и *désillusionner*, ит. *illudere* и *disilludere* и т.п. По аналогичным соображениям мы не останавливались на парах *очаровать* — *разочаровать*, исп. *encantar* — *desencantar*, ит. *incantare* — *disincantare* порт. *encantar* — *desencantar* и т.п.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, в этом разделе мы представили основные типы семантических переходов, лежащих в основе номинации эмоций страха, разочарования, сожаления и раскаяния, радости и удовольствия в разных языках. Как показал наш материал, в основе номинации эмоций часто лежат семантические переходы, базирующиеся на компонентах, импликациях и инцидентных следствиях прототипической ситуации эмоции. Исследовались способы номинации эмоций, которые отражены во внутренней форме слов, синхронной полисемии и фразеологии.

Современный этап развития семантики характеризуется повышенным интересом к изучению языковой картины мира — наивной геометрии, физике, биологии, психологии и т.п., воплощенным в конкретном языке. Одним из эффективных способов исследования и описания языковой картины мира является составление инвентаря индивидуальных семантических переходов. Предложенные модели семантических переходов позволяют выявить как универсальные, так и специфические черты картины мира разных языков. Полученные данные могут оказаться полезными при построении объяснительных моделей языка, семантической типологии.

Изучение семантических переходов интересно и с той точки зрения, что, как показал сравнительный анализ параллельных текстов на разных языках, трансформации при переводе предикатов эмоционального состояния часто перекликются с семантическими переходами, опирающимися на компоненты, импликации или инцидентные следствия прототипической ситуации той или иной эмоции (см. [Иоанесян 2016; 2016а]). Мы выделили два вида трансформаций при переводе: 1. Замена при переводе лексемы со значением ‘эмоциональное состояние’ языковыми единицами, эксплицирующими какой-либо из компонентов прототипической ситуации этого состояния. 2. Замена обозначения какого-либо компонента прототипической ситуации эмоционального состояния лексемой со значением этого состояния.

Необходимо отметить, что указанные трансформации не являются следствием отсутствия в языке перевода соответствующих лексических эквивалентов: они «являются необязательными операциями перевода», но их нельзя считать и «нестандартными эквивалентами» (см. об этом в [Разлогова 2015: 246—248]), поскольку они встречаются при переводе разных авторов и разными переводчиками.

ЧАСТЬ II

ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ СФЕРА ЧЕЛОВЕКА: ИНТЕГРАЛЬНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО, РАЦИОНАЛЬНОГО И ЭСТЕТИЧЕСКОГО В СОСТОЯНИЯХ СОЗНАНИЯ, ЯЗЫКЕ И КОММУНИКАЦИИ¹

H. K. Рябцева²

Введение

Данный раздел посвящен изучению взаимодействия эмоционального, рационального и эстетического в сознании человека, в языке, речи и коммуникации. Особое внимание уделяется в этом аспекте особенностям научной коммуникации и ее метанаучной, в особенности прагмаэстетической, квалификации.

Раздел состоит из четырех частей: «Интегральное представление эмоционального, рационального и эстетического в состояниях сознания, речи и коммуникации», «Интеграция рационального, эмоционального и эстетического в современной научной коммуникации»; «“Эмоциональный интеллект”: количественное и качественное соотношение эмоционального и рационального в состояниях сознания. Лингвистический аспект»; «Синкремизм эмоционального, рационального и эстетического в современной научной коммуникации».

Глава 1. Интегральное представление эмоционального, рационального и эстетического в состояниях сознания, речи и коммуникации

В данной главе рассматривается взаимодействие эмоционального и рационального в состояниях сознания и их интегральное представление. Систематизируются средства отражения в языке и речи состояний сознания, синтезирующих эмоциональное и рациональное, а также выявляется их роль и функции в научном познании. Особо подчеркивается взаимодействие эмоционального, рационального и эстетического в состояниях сознания и их полимодальность, составляющая объект одного из наиболее перспективных направлений в современных когнитивных, коммуникативных и прикладных исследованиях.

Предварительные замечания

Изучение эмоциональной сферы человека ввиду ее чрезвычайной значимости было и остается актуальной областью исследований в целом ряде наук, особенно в психологии, социологии, философии, лингвистике (см., например, [Апресян 1995; 2006; Арутюнова 1988; 1999] и мн. др.). В настоящее время изучение эмоций стало одним из отдельных направлений в когнитивных науках, в частности, в нейронауке. В соответствующих работах подчеркивается, что исследование сознания и мозга не может игнорировать особо важную роль эмоций в самых разных когнитивных процессах. Именно эмоции часто лежат в основе таких рациональных явлений, как выбор, принятие решения и мн. др. [Ekman 2004; Damasio 2010; Barret 2017]. Тогда как ранее длительное время

¹ В данном разделе представлены переработанные и дополненные материалы, опубликованные в рамках исследовательского проекта № 18-012-00736а, поддержанного РФФИ.

² © Н. К. Рябцева, 2020

считалось, что эмоции и ментальные процессы следует рассматривать отдельно друг от друга. Полученные в новейших исследованиях данные о когнитивных и нейронных процессах, лежащих в основе обработки эмоций, требуют пересмотра этого подхода в пользу изучения взаимодействия когнитивного и эмоционального в деятельности человека [Zajonc 2000; Smith 2017]. В результате можно констатировать, что одной из наиболее перспективных проблем в системном описании внутреннего мира человека выступает интегральное представление взаимодействия эмоционального и рационального в его состояниях сознания — с одной стороны, и выявление «лингвистических» способов объективации этого взаимодействия — с другой.

Так, о том, что рациональное и эмоциональное тесно и непосредственно связаны друг с другом, свидетельствует тот простой и убедительный факт, что вполне и исключительно «рациональное явление» может естественным образом вызвать «эмоциональную реакцию». Например, показательно, что в коммуникации проявляется асимметрия в оппозиции «знаю» — «не знаю» и в связанных с ней психологических состояниях, а также в их вербализации. Она объясняется связью состояния «не знаю» с *неуверенностью, сомнениями* и др. состояниями «психологической и эмоциональной нестабильности», тогда как состояние «знания» придает говорящему *уверенность* в своих словах, делах и поступках.

Человек, воспринимая объекты, явления, события мира и другие его факты, пропускает их через «сознательный процесс рефлексии», в который «включаются эмоции и чувства человека» [Малинович 2011; Топка 2017]. При этом состояния «знать» и «не знать» асимметричны относительно их связи с внутренними психологическими и эмоциональными состояниями, а также относительно экспрессивности содержащих их высказываний и развертывания последующего «текста»: осознание (рефлексия) текущего когнитивного состояния — особенно незнания, «отсутствия в памяти» и т. д. часто сопровождается эмоциональными переживаниями и, соответственно, неуверенностью.

Таким образом, непосредственное отношение знания к эмоциональной сфере человека связано не столько с собственно знанием, сколько с незнанием — с отсутствием знания, с его неполнотой, неточностью, с осознанием «пробелов», проблем и т. п. Так, в результате осознания своего незнания говорящий может потерять эмоциональное равновесие, контроль над своим поведением, испытывать беспокойство и т. п., что может привести к усугублению эмоциональных переживаний различной «тяжести» — от аффекта до агрессии [Топка 2017]. Соответствующая эмоциональная нестабильность может быть выражена и эксплицирована речевыми маркерами (ср. *говорить неуверенно, дрожащим голосом* и т. п.), названа (ср. *to hesitate, колебаться*) и описана. Она проявляется в экспрессивности и эмоциональности речи, может быть охарактеризована адресатом или наблюдателем, а также идентифицирована и квалифицирована ими или самим субъектом, часто ретроспективно.

Таким образом, исходные метакогнитивные состояния «знаю — не знаю» образуют бинарную оппозицию, где семантически «сильную» позицию занимает состояние «знаю» — благодаря своей прототипичности и значимости. Однако в коммуникативном отношении состояние «не знаю», помимо собственно рационального компонента, подразумевает целый спектр психологических и эмоциональных состояний и явлений: неуверенность, сомнение, растерянность, волнение, колебания, стресс, паника и т. п., т. е. эмоциональное *переживание* незнания и, тем самым, его связь с эмоциями.

Знание, напротив, внушает уверенность, эмоциональную стабильность, уравновешенность и даже «повышенную активность» (ср. [Топка 2017]), коммуникативное «доминирование» и т. п.: *Все нормально. Я такие вещи знаю по себе* (Довлатов); — *Правду говорить легко и приятно*, — заметил арестант. — *Мне не нужно знать*, — придушенным, *злы́м* голосом отозвался Пилат, — приятно или неприятно тебе говорить правду (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

Асимметрия исходных элементарных рационально-когнитивных смыслов «знаю» — «не знаю» проявляется естественным образом и в лексике, содержащей соответствующие смыслы: *помнить* — *забыть*, *подумать* — *раздумать*, *решительность* — *нерешительность*, *быть уверенным* — *колебаться*, *сомневаться*, *недоумевать* и мн. др. Так, в английском языке конструкции с эмотивными предикатами типа *looking doubtfully*, *hesitatingly replied*, *much troubled*, *replied doubtfully*, *puzzled*, *he hesitates*, *she felt undecided*, *less certain*, *gasped in astonishment*, *was not sure* и т. п. указывают на «характер речевых поступков» и являются средствами выражения ситуации неуверенности, эмоциональной нестабильности и тревоги. При этом предикат *to hesitate*, например, препрезентирует внешнего наблюдателя в ситуации неуверенности, которым может быть как адресат, так и третье лицо, фиксирующее и интерпретирующее состояние говорящего субъекта: «Внешние, наблюдаемые признаки неуверенности свидетельствуют о двойственности ментального состояния» субъекта коммуникации [Топка 2015: 215]. Таким образом, состояние «не знаю», помимо собственно рационального компонента, подразумевает целый спектр психологических и эмоциональных состояний и явлений: неуверенность, сомнение, растерянность, волнение, колебания, стресс, паника и т. п., т. е. эмоциональное *переживание* незнания и, тем самым, его связь с эмоциями.

Интегральное представление эмоциональной сферы человека: Исходные положения

1. Эмоциональная сфера человека порождается и предопределяется его внутренней психологической реакцией на внешнюю или внутреннюю ситуацию — текущую, прошлую или будущую, и ее (интеллектуальной, рациональной) оценкой: аксиологической интерпретацией, положительной или отрицательной [Апресян 1996: 52; Tart 1972; Спивак 1986; Спивак Л. И., Спивак Д. Л. 1996; Wilber 2000; Hobson 2007; Рябцева 2010; Рябцева 2011].

2. Эмоциональная сфера человека непосредственно связана с его рациональной сферой. Рациональное и эмоциональное находятся в отношениях взаимосвязи, взаимозависимости и взаимодополнительности [Апресян 1996: 53; Рябцева 2018в; 2019в; Riabtseva 2010]: рациональное регулирует и контролирует поведение человека, его чувства и эмоции. «Сознание — это следящее устройство, способное со стороны наблюдать за поведением человека (ср. *видеть себя со стороны*). Если сознание обнаруживает в поведении признаки неразумности, оно отдает распоряжение воле, которая возвращает поведение к норме. Ср. *Он понял, что боится, и усилием воли попытался подавить свой страх*» [Апресян 1996: 46].

Кроме того, эмоциональное и рациональное дополняются эстетическим отношением к объективному и субъективному миру [Рябцева 2018в]. Эмоциональное, рациональное и эстетическое в человеке связаны через его состояния сознания, которые синтезируют, интегрируют и синкетично соединяют в единое целое внутренний психологический мир человека.

3. Внутренний психологический мир человека носит аналоговый характер и не поддается непосредственному наблюдению. Наиболее показательным и информативным источником сведений о состояниях сознания вообще и о внутренней эмоциональной сфере человека в частности, а также о ее внешних проявлениях и соотношении с рациональным и эстетическим, выступает естественный язык и особенности его использования в речи и коммуникации. Можно сказать, что язык, «означивая» внутренние «аналоговые» состояния сознания, «оцифровывает» их и тем самым представляет в «наблюдаемом» и «дискретном» виде.

Лингвистическаяreprезентация эмоционального и рационального в состояниях сознания

Естественный язык (особенно в естественных, а не экспериментальных условиях) является наиболее надежным источником знаний о своем носителе и о его внутреннем мире. Соответствующие знания представлены в языке разнообразными способами: намеренно и ненамеренно, сознательно и подсознательно, прямо и косвенно, эксплицитно и имплицитно, дискретно и синкетично, лексически и грамматически, семантически и прагматически, номинативно и дескриптивно, «звукосимволично» и фразеологически, формально и содержательно, терминологически и стилистически маркировано, с ироническим, эстетическим и т. п. подтекстом, т. е. не всегда очевидным образом. Их выявление представляет собой самостоятельную, актуальную и важную задачу, цель которой — понять накопленный человеком опыт в данной сфере и принципы его использования на практике, или как сейчас говорят, «трансферизации» [Dechert, Raupach 1989; Демьянков 2015]. Основой этого опыта выступает зафиксированная в языке идея о том, что речь неразрывно связана не только с поведением, ситуацией и целью общения, отношениями между коммуникантами, их настроением, характером, статусом и т. п., но и с

их эмоциональными и рациональными состояниями сознания (ср. [Гак 1994]), точнее, со всем лингвистическим и экстралингвистическим контекстом [Рябцева 2019а].

Далее будет показана связь эмоциональных и рациональных состояний сознания с языком и речью, дана характеристика языковых средств, отражающих эмоциональные и рациональные состояния сознания, выведены принципы отражения в языке и речи эмоциональных и рациональных состояний сознания, показано воздействие слова на подсознание говорящего и адресата, а также сущность суггестивной функции языка и ее связь с «жанрами позитивного настроя»; выделена роль естественного языка в когнитивном моделировании сознания вообще и научного познания — в особенности, а также в изучении полимодальности эмоциональной сферы человека.

Проявления эмоционального и рационального в языке и речи

Лингвистический материал показывает, что эмоциональные и рациональные состояния сознания связаны между собой, так же, как и с языком и речью, в трех важнейших отношениях:

1. Эмоциональные и рациональные состояния явным образом проявляются в речи и речевом поведении, ср. *клокотать от злости, язык заплетается от усталости, заикаться от волнения, голос дрожит от страха, потерять дар речи от изумления, обольщаться, ликовать, восторгаться* и мн. др.; см. выделенный курсивом фрагмент: «— Завязка есть! — закричал я в восхищении, — об развязке этой комедии мы похлопочем!» (М. Лермонтов. «Герой нашего времени»).

2. Состояния сознания как интеграция рационального и эмоционального во внутреннем мире человека идентифицируются, квалифицируются и характеризуются в языке целым комплексом лексических, грамматических и фразеологических средств: *заслушаться* (и забыть обо всем), *заиграться* (и не услышать звонка), *потерять голову (от любви), любить/ ненавидеть до потери сознания, на грани нервного срыва, шок, стресс, эйфория, фрустрация, убитый горем, вешать нос, не видеть дальше своего носа, закрывать глаза на ч.-л., смотреть сквозь розовые очки, строить иллюзии, потерять чувство реальности, пылать страстью, пристраститься, зациклиться на ч.-л., все трянь-трава, бесшабашный, отрешенно (сидеть), самозабвенно (петь), держать ушки на макушке, душа поет (от радости)* и мн. др. Например: «Приступление энтузиаста обдает меня креценским холодом, и, я думаю, частые сношения с вялым флегматиком сделали бы из меня *страстного мечтателя*» (М. Лермонтов. «Герой нашего времени»). При этом видно, что чем более эмоционально текущее состояние субъекта, тем менее в нем рационального.

3. Текущее (преимущественно) эмоциональное или рациональное состояние сознания поддается изменению с помощью или под воздействием речи. Причем язык является одним из наиболее эффективных средств его изменения: «*нейролингвистическим программированием*» сознания, не только чу-

жого, но и своего, как сознательно, так и подсознательно, человек занимался задолго до изобретения этого термина, ср. *самовнушение* (*вбить себе в голову, браться за ум*), *напутствие, молитва* и др.; пример: *Старик напутствовал детей теплыми словами*.

Языковые средства в первом случае отражают симптоматику состояний сознания и соответствующих эмоций, во втором производят их дифференцию, дескрипцию и номинацию, а также выделяют их характерные признаки и проявления (*бежать сломя голову* (так, что *не замечать* ничего вокруг); *биться как рыба об лед* (не просто *отчаянно* и безрезультатно пытаться что-то сделать, но еще и при этом *выбрать* способ действия, *неадекватный* ситуации/ *неэффективный*) и т. д. В третьем случае языковые средства и приемы разграничают различные «жанры» воздействия на сознание и подсознание, на эмоциональное и рациональное. При этом «сила слова» оказывается многогранной, разнообразной, действенной или драматичной и опасной, ср. *глаголом жечь сердца людей, слово лечит и калечит, злые языки страшнее пистолета, накликать беду, вынимать душу, играть на нервах, выставить на посмешие* и др.

В целом отражающие эмоциональные и рациональные состояния сознания языковые средства включают как номинативные терминологические единицы и книжную лексику (*апатия, амбиция, азарт, ажиотаж, наваждение, мания, маразм, максимализм, катарсис, аффект, экзальтация* и т. п.), так и аксиологически маркированную разговорную (в том числе и сниженную) лексику (ср. *набычиться, артачиться, взбелениться, выкрутасы, балбес, мозги набекрень, башковитый* и мн. др.), а также морфологические, синтаксические и лексико-грамматические модели, особенно такие, что выражают смысл «интенсивность» (Magn, в терминах модели «Смысл—Текст» [Иорданская, Мельчук 2007]): *разбегаться, переволноваться, растревожиться, убиваться, разгуляться, заработать, зачиться, засмотреться, залюбоваться, кипеть от негодования/ возмущения* и т. п.

Но более всего состояния сознания, особенно «отклонения» от нормально-го состояния, эмоционального и рационального, отражаются во фразеологии — в наиболее экспрессивно маркированном и потому самом выразительном языковом средстве (ср. *встать не с той ноги, метать громы и молнии, белены объестся, не от мира сего* и т. п.). Самое показательное здесь то, что большинство таких фразеологизмов также выражает смысл «интенсивность» проявления эмоций: *пороть горячку, наломать дров, рвать на себе волосы (от отчаяния), встать поперек горла, быть на седьмом небе от счастья, головокружительный успех* и т. д.

В лингвистическом отношении языковые средства, отражающие состояния сознания, эмоциональные и рациональные, важны в нескольких отношениях.

Во-первых, показательно, что «научные понятия», отражающие (преимущественно) эмоциональные состояния сознания (*эйфория, прострация* и

т. д.), имеют разговорные параллели, в которых отражен «донаучный» опыт носителей языка в квалификации соответствующих состояний (ср. *кайф*, *улет*, «отключиться»; *грезить — витать в облаках, крыша поехала* (*от радости и т. п.*) и мн. др.). Особо подробно в обыденном языке разработана тема *стресса* (потери душевного равновесия), недоброжелательного или отрицательного эмоционального воздействия на другого человека — *манипулирование его сознанием* («психологическое давление», обман, ложь и т. п.) и др., ср.: *места себе не находить, оказаться между молотом и наковальней/ меж двух огней, готов сквозь землю провалиться (от стыда), душа ушла в пятки (от страха)/ не на месте, вешать нос, попасть впросак/ в переплет, сесть в калошу, опростоволоситься, быть не в соей тарелке/ не в себе/ не в духе, спуститься с небес на землю, вынимать душу, лезть в душу, выбить из колеи, буйствовать, быть вне себя от гнева/ возмущения, точить зуб на к.-л., завлекать в свои сети, мутить воду, перекладывать с большой головы на здоровую, пристать, как банный лист, портить кровь, выставить на посмешище, вешать собак на к.-л., натравливать, смешать карты, брать на испуг, вешать лапшу на уши, всучить кота в мешке, обвести вокруг пальца и мн. др.* (Подробнее см. ниже).

Во-вторых, эмоциональные и рациональные состояния человека часто описываются переносными или метафорическими значениями, причем особо выделяются выражения, уподобляющие человека животному (или другому живому существу, и др.), ср. *набычиться, смотреть волком, петушиться, ершиться, вертихвостка, молчать, как рыба* и мн. др.

В-третьих, становится ясно, что в полное (словарное) толкование соответствующих выражений может быть включена не только эмоциональная характеристика состояния сознания, в котором находится субъект, но и рациональная. Так, *бояться собственной тени* значит не просто «бояться того, чего бояться не стоит», но еще и *безосновательно бояться: неадекватно оценивать (текущую) ситуацию, т. е. вести себя слишком эмоционально и потому иррационально*.

Таким образом, лексика, грамматика и фразеология, отражающие зафиксированные в языке представления его носителей о соотношении эмоционального и рационального в состояниях сознания, отличаются многообразием и прямо или косвенно связывают состояния сознания с их проявлением — в поведении, речи, внешнем виде, с выражением лица и глаз, с настроением, характером, манерами и т. п. (ср. [Tart 1972]), ср. *отсутствующий взгляд, смотреть заворожено/ зачарованно, счастливое лицо* и т. п., пример: «Го был ослепительный, но холодный взгляд»; «Кто этот господин, у которого такой неприятный тяжелый взгляд?»; «Через минуту она вышла из галереи с матерью и франтом, но, проходя мимо Грушницкого, приняла вид такой чинный и важный — даже не обернулась, даже не заметила его *страстного взгляда*, которым он долго ее провожал» (М. Лермонтов. «Герой нашего времени»).

Кроме того, в самом языке отражаются сила слова и его суггестивные возможности [Базылев 2009: 130–145]. Здесь особо выделяются «жанры позитив-

ногого настроя»: передающие и создающие положительный «посыл», оптимистический стимул, хорошее/ приподнятое настроение, рождающие положительную эмоциональную установку на благоприятный ход развития событий и т. д. К ним относятся *приветствие, поздравление, пожелание, напутствие, тост, здравица, шутка, анекдот, комплимент, похвала, утешение, молитва, проповедь* и т. п. Их особенностью выступает намерение выразить и передать свое позитивное отношение к адресату/ окружающим, эмпатию. Им противостоят жанры и приемы манипулятивного и потому отрицательного для адресата (языкового) эмоционального и рационального воздействия на его сознание (*ложь, введение в заблуждение, утаивание информации* и т. д., см. [Рябцева 2005: 140—142, 203, 261—268]. Такие «жанры» *сужают* сознание, делают его ограниченным, тогда как первые — *расширяют* его и заряжают положительным эмоциональным настроем.

Как показывает естественный язык, эмоциональные и рациональные состояния человека в норме постоянно изменяются под воздействием внешних и внутренних факторов и представляют собой важный объект не только теоретического изучения, но и практического (само)контроля. Особого внимания при этом заслуживают способы и приемы сужения и расширения сознания, которые более всего связаны с социальными и культурными факторами жизни человека и общества.

Таким образом, лингвистический анализ отражения в языке эмоциональных и рациональных состояний сознания говорит, что в языке фиксируются знания и опыт, полученные преимущественно подсознательно и подсознательно заложенные в язык, что состояния сознания бывают разных типов и видов, они имеют отношение ко всем другим психологическим сущностям человека: к речи, поведению, внешнему виду, душе, настроению, духу, что эмоциональные состояния поддаются рациональному контролю и что положительный настрой в целом повышает качество жизни и способствует самореализации личности.

Из изложенного материала следует ряд следствий. Главными из них являются следующие. В языке отражен богатейший опыт и знания носителя языка о связи эмоциональных и рациональных состояний сознания, и особенно отклонений от нормального состояния с их проявлениями, «симптомами», признаками, причинами и характеристиками, ср. *доиграться, допрыгаться* («легкомысленным поведением довести себя до неприятностей» (С. Ожегов)), *кипятиться, горячиться, места себе не находить* (от беспокойства) и мн. др. Эмоциональные и рациональные состояния сознания теснейшим образом связаны с состояниями тела, души и духа, а также (и потому) с настроением, здоровьем и т. д., ср. *терзаться сомнениями, иссохнуть от горя, падать духом, отвести душу, за душу брать, одухотворенный, душевный подъем, задушевный (разговор), добрая душа, жизнерадостный, сердце болит (за к.-л.) / замирает от восторга, заразить оптимизмом, здравомыслие, зрелое решение* и мн. др. Важным инструментом эмоционального и рационального саморегу-

лирования и воздействия выступает речь [Рябцева 2012].

Таким образом, видно, что в широком теоретическом и практическом контексте содержащиеся в языке данные о соотношении эмоционального и рационального в состояниях сознания позволяют дополнить имеющуюся научную картину в соответствующей области знаний. Кроме того, они позволяют показать, что эмоциональное и рациональное в состояниях сознания взаимодействуют не только в практической и социальной жизни, но и в научном познании.

Соотношение эмоционального и рационального в языке науки

Вопреки распространенному мнению о «бесстрастности» и «объективности» научного изложения, оно высоко аксиологично [Riabtseva 2019] и потому имеет непосредственное отношение к сочетанию рационального и эмоционального (ср. понятие «knowledge emotions» и интерпретацию «когнитивной эмоции» *surprise* в [Hu, Chen 2019: 158], а также к соотношению объективного и субъективного, индивидуального и «общепринятого», ср. [Hyland 2005; Hyland, Jiang 2018]).

С одной стороны, это объясняется наличием в языке науки средств, сочетающихся в себе предметный (дескриптивный) и аксиологический смысл, с другой — pragматической нагруженностью оценки и ее активным участием в рассуждении: в аргументации, объяснении, сравнении и выборе, в способности оценки мотивировать действия, в ее модальности и «импликатурности», и в целом — в ее связи с психологически и рационально значимыми эмоционально маркированными состояниями уверенности, убежденности, намеренности и т. п., или, напротив — с эмоциональными и «эмоционально-рациональными» состояниями сомнения, неуверенности, колебания, опасения, недоверия и т. д. (ср.: «It is concerned with the expression of the writer's personal feelings, attitudes, value judgements, or assessments» [Biber 2006: 87]).

Так, многие общеначальные понятия, обозначающие познавательные процедуры, операции и действия, а также большое количество их разного рода квалификативных характеристик, подразумевают «небезразличное», «эмоционально маркированное» отношение к ним, а также к научному познанию, к изложению его результатов и особенно — к его перспективам. Сочетание в таких случаях рациональной оценки с эмоциональным отношением носит синкетичный характер, проявляется в экспрессивности изложения и может относиться к самым разным объектам. Так что экспрессивность, оценочность и эмоциональность тесно между собой связаны: «экспрессивность оценочных выражений направлена на то, чтобы усилить эмоциональное воздействие на собеседника» [Вольф 2002: 42].

Если в практической жизни за оценкой стоит дескрипция: *хороший нож* — ‘острый и хорошо режет’, то в рассуждении многие дескрипции подразумевают оценку, ср. *недостаточно обоснованное суждение* — ‘почти ложное’. Оценочность и экспрессивность не только не снижают качества изложения, но напротив, позволяют его «свертывать», «развертывать» и организовывать. Так

что, хотя наука стремится к объективной истине, собственно истинность суждений составляет предмет философии и логики. В остальных научных областях познание сосредоточено на правильности и обоснованности рассуждений и выводов, их непротиворечивости и значимости, ср. *правомерный* (*закономерный, резонный, точный, поспешный, неожиданный, важный, правильный, ошибочный*) *вывод*. За модальной (в широком смысле) характеристикой при этом стоит не только оценка и отношение к предмету речи, но и программа действий, ср. *неточный, неполный, недостаточный, ошибочный, поверхностный, односторонний, расплывчатый, противоречивый, запутанный — уточнить, дополнить, переосмыслить, сравнить, сопоставить, выяснить, установить, выявить, прояснить. Странные, интересные, новые, непонятные явления и факты задают эпистемическую перспективу их изучения, объяснения, систематизации, обобщения и т. п.*

Каждый класс теоретических объектов и ментальных операций имеет свои критерии оценки: выводное знание — гипотезы, подходы, методики и пр. квалифицируются по их обоснованности, обобщения — теории, концепции и пр. — по объяснительной силе, классификации — по основаниям, события — по вероятности, законы — по области действия, построения — по сложности (ср. *a sophisticated system*), рассуждение и изложение — по непротиворечивости, непредвзятости, глубине, понятности, полноте, результаты — по значимости, новизне и т. п., ср. *an accurate/ biased/ detailed/ comprehensive/ full/ resourceful account* и т. д. (здесь и далее примеры из [Riabtseva 2019]).

Прагматическая функция оценки, таким образом, проявляется в ее участии в рассуждении, в его обосновании, в способности задавать перспективу изложения. В результате отличительной особенностью отражения в научной речи состояний сознания, эмоционального и рационального в них, выступает синкретичное сочетание эмоционального и аксиологически маркированного. Соответствующие средства синкретичного отражения эмоционального и рационального характеризует целый комплекс свойств: 1) метакогнитивность — связь с рефлексией субъекта речи над процессом изложения своих мыслей (ср. «*We can support this idea by the fact that P*»); 2) риторичность — связь с порядком изложения (ср. «*Let us (now) check this conclusion*»); 3) аргументативность — связь с инферентными компонентами научного текста [Рябцева 2017в]; 4) полемичность — связь с метанаучным контекстом [Hobson 2007]; 5) фокусирование и привлечение внимания — выделение главного, нового, актуального и т. п. [Hu, Chen 2019: 164].

В целом подобные лингвистические средства представляют собой синкретичное выражение эмоциональных, модальных, аксиологических, дискурсивных, коммуникативных и когнитивных смыслов, средства номинации которых нуждаются в идентификации, систематизации и экспликации. Так, аксиологически и эмоционально маркированная лексика присутствует во всех классах общенаучной лексики. Даже такое, на первый взгляд, рациональное общенауч-

ное понятие, как «проблема» способно передавать эмоциональное отношение и выступать в качестве экспрессивного средства в коммуникации, ср. «У меня проблема», «С тобой одни проблемы» — ‘трудности’.

К наиболее типичным средствам повышения экспрессивности изложения в научном тексте относятся, помимо аксиологической и эмоционально окрашенной лексики, «усилительные» конструкции, а также разнообразные стилистические, грамматические, лексические, синтаксические (инверсия, эмфаза и др.), фразеологические и прагматические средства создания экспрессии и их сочетание, цель которых в целом — усилить выразительность и убедительность речи, передать небезразличное отношение, оказать воздействие на адресата, подчеркнуть логику рассуждения, важность получаемых результатов и т. п.

При этом в научной коммуникации наиболее ярким экспрессивно маркированным средством выступают так называемые «интенсификаторы» [Денисова, Петухова 2018; Riabtseva 2019]. Они бывают разных типов и видов, имеют непосредственное отношение к выражению таких аксиологически и эмоционально маркированных смыслов, как уверенность, убежденность, намеренность, «подчеркивание и выделение наиболее значимого» и мн. др., т. е. к рассуждению, обоснованию, объяснению и пр. Ср. сочетание приведенных ниже и выделенных п/ж шрифтом интенсификаторов с оценочной (*clear, clearcut* и т. д.), эмоционально маркированной (*important, interesting* и т. д.), «эмоционально-рациональной» (*appropriate, different, correct, detailed, goal-directed* и т. д.), экспрессивно значимой (*problematic, valid, stringent, apparent, significant* и т. д.) лексикой:

absolutely clear/ different/ reliable; to adequately cover/ define; completely comprehensive/ irrelevant/ unacceptable/ typical/ convinced/ agree; considerably different/ change/ differ/ more difficult to assess/ in error; to effectively cover a gap/ decode/ measure/ base on; entirely appropriate/ different; equally valid/ forgotten/ conveniently (applied); especially difficult/ important/ regular/ problematic/ significant/ with respect to; essentially correct/ right/ computational/ the same/ goal-directed/ unchanged; exactly the same type (way/ members)/ once/ the case; to concern exclusively with; extremely large/ common/ complex/ difficult/ empirical/ important/ interesting/ interested/ precise/ stable/ stringent; fully automatic/ determinate/ fledged (theory)/ aware of/ determined by/ understood/ dealt with/ elucidate a (problem)/ agree; fundamentally conventional/ different/ differ; to add/ affect/ appreciate/ contribute/ deform/ differ/ impress/ vary greatly, highly complex/ detailed/ developed/ desirable/ original/ probable/ similar/ variable/ amenable to investigation/ sophisticated/ controversial; (almost) immediately apparent/ evident/ accessible/ testable/ aware/ after; to inevitably arise/ be concerned with; keenly aware of (difficulties); largely irrelevant/ parallel/ ignore/ restricted/ unaddressed/ unexplored; (a theory) of manifestly superior status; to markedly advance understanding; naturally (we can apply the computer to various scientific problems); (not) necessarily identical/ informal/ limited/ rely on/ contain/ imply; particularly

detailed/ important/ informative/ interesting/ necessary/ significant/ suitable/ useful/ for the teacher/ through this work/ in understanding/ if P can be obtained/ when/ with respect to; perfectly acceptable/ clear; precisely this/ because of, primarily conventional/ formal/ functional/ concerned with/ designed for; purely abstract (consideration)/ formal model (way)/ human purpose/ mechanical (in conceptual representation)/ negative (remark)/ technical (in nature) ; to change/ modify radically; radically diverse; really fruitful/ just an extension/ only skin deep/ entail/ need/ relate to/ involve/ do hold for/ at stake; significantly easier/ greater/ affect; to use solely to signal P; specially concerned with; to specifically associate/ consider P; to affect/ depend/ indicate/ influence/ maintain/ vary strongly; strongly biased/ encouraged/ temperature dependent; totally clearcut/ self-sufficient/ naturalistic (explanation)/ agree; truly in a race/ green economics/ interact; ultimately depend on an ability/ receive empirical interpretation; uniquely near P/ correct inventory (way)/ human mode of adaptation; to debate/ defend/ deny/ flourish vigorously.

Приведенные примеры показывают, что в общенаучном контексте соответствующие «интенсифицированные» выражения подразумевают противопоставления, т. е. им соответствуют выражения с противоположной оценкой и потому с противоположным к нему («рационально-эмоциональным») отношением, ср. *clear — unclear, regular — irregular, relevant — irrelevant, acceptable — unacceptable, negative — positive, aware — unaware* и т. д.

Так, в создаваемом в настоящее время информационном ресурсе, основанном на книге [Riabtseva 2019] и описывающем особенности научной речи на английском языке: «Academic Writing Speech Activator» [Рябцева 2017а], особо выделен класс оценочных слов и выражений, имеющих явную или имплицитную эмоциональную направленность: «Evaluation» (assessing characteristics, actions, states, etc.) со следующими подклассами: 1. *Priorities*; 2. *Qualifications*; 3. *Promoters*; 4. *Rationalizing*; 5. *Specifications*; 6. *Mode*; 7. *Problematizing*; 8. *Positive qualities*; 9. *Negative qualities and effects*; 10. *Evaluative procedures*; 11. *Distinctions*; 12. *Manifestations*; 14. *Comparisons and Preferences*; 15. *Uncommon features and obstacles*; 16. *Gradations*; 17. *Promoting applications: Improvements. Positive qualities and processes. Problems to be solved*; 18. *Emphasis*; 19. *Emphasizing results vs. Marginalia*; 20. *Qualities. Style*.

Следует отметить, что методологические и практически ориентированные проблемы изучения синкетичного выражения «рационально-эмоциональных» состояний в научной коммуникации имеют непосредственное отношение к такой важной прикладной проблеме, как преподавание предмета «научная речь на английском языке» — с одной стороны, и к методологической проблеме изучения научного стиля мышления на иностранном языке — с другой (подробнее см. [Рябцева 2018г; 2018д]). Тем более, что такие синкетичные средства выражения принимают непосредственное участие в таких чрезвычайно распространенных в научной речи коммуникативных «приемах» изложения, как имплицирование и «сворачивание» информации, на которые обращает

внимание в своих последних исследованиях выдающийся британский специалист по языку науки Дуглас Байбер [Biber 2006; Biber 2010; Biber, Gray 2016]. Кроме того, они оказываются также непосредственно связанными с установлением мультимодальности состояний сознания вообще и эмоциональных состояний — в частности, уже хотя бы потому, что имеют непосредственное отношение к интенциональности и проспективизации изложения.

Мультимодальный характер состояний сознания: Эмоциональное, рациональное и эстетическое в культуре, искусстве и науке

Эмоции являются неотъемлемой чертой коммуникации и в ней наиболее ярко проявляют свой мультимодальный характер. Он заключается в возможности его разнообразного отражения и в существовании разнообразных форм его проявления: эмоции могут проявляться различным, в том числе «синкретичным» способом, например, отражаться (и присутствовать) одновременно в выражении лица, жестах, движениях, настроении, голосе, речи, интонации, тембре, ритме, а также в отношении к себе, окружающим и миру, в поведении, в межличностных отношениях и т. п.

Основным «коммуникативным» свойством эмоций выступает их семиотичность и «дискурсивность» — способность эмоций выражаться и проявляться в дискурсивно присутствующих «субъективных смыслах», отражающих внутренние состояния субъекта речи. Причем это отражение может происходить как «естественно» и «спонтанно», так и «культурно-значимо» и «культурно-опосредованно», ср. музыка, танец, песня, театр, кино и т. д. Последние основаны на намеренном и культурно значимом отображении, воплощении и выражении чувств и эмоций человека — при помощи (разнообразных) эстетически значимых семиотических средств [Рябцева 2019а].

Соответственно, современная когитология все более пристальное внимание уделяет таким культурно значимым модальным средствам воплощения эмоционального мира человека, как произведения культуры, искусства (музыкального, сценического, изобразительного, хореографического, кинематографического и т. д.), литературы, поэзии, зодчества, архитектуры и мн. др. Ср. «Заложенная внутри пьесы полимодальность обусловлена сценичностью текста, «заряженного» выразительными возможностями зрительного, слухового, тактильного и других модусов как способов выражения и передачи смыслов в ходе коммуникации» [Логинова 2018: 152].

Эмоции и настроение отражаются и воплощаются в (достаточной степени) сознательно сотворенном и эстетически обработанном звуке, свете, красках, оттенках, композиции, ритме, «линии», «конфигурации» и т. д. Так, по Лотману [Лотман 2005: 27], языки искусства как вторичные моделирующие системы относятся к наиболее сложным знаковым системам и являются особым кодом, транслирующим социокультурное эмоционально-маркированное знание. Значимость эмоционального компонента, его ключевую роль в процессе художественной коммуникации подчеркивает В. П. Бранский, отмечая,

что «коммуникативная функция художественного творчества в большинстве случаев определяется способностью художника вызвать сопереживание у реципиента, которое связано с выразительностью художественного образа, с помощью которого художник передает свое эмоциональное отношение к соответствующему объекту» [Бранский 2000; Денисова, Петухова 2018: 88].

Особо важное место здесь занимают невербальные средства выражения внутренних состояний, которые свидетельствуют о междискурсивной, межсемиотической и мультимодальной сущности эмоций (ср. [Sobrino 2017]). В них происходит совмещение и сочетание вербального и невербального, эмоционального и рационального, замещение вербального невербальным и наоборот. (Cp.: «The generation of musical meaning is a singular cognitive operation — a cross-modal, cross-domain, or cross-space mapping between the musical structure and an extramusical experience» [Antović 2017: 118]; см. также [Bhatara et al. 2014; Giordano et al. 2014].) Подобные средства выражают, объектифицируют и интерпретируют в эстетически значимой форме внутренние состояния отправителя сообщения и призваны порождать ответные аналогичные эмоциональные и эстетические чувства и реакции у получателя сообщения.

Наиболее значимыми формами их идентификации, экспликации и интерпретации выступают разного рода комментарии, в первую очередь профессиональные [Shamaieva 2018], а также художественные описания и представления, см. художественно-поэтическое осмысление состояний сознания, души и духа в виде образа невидимого симфонического оркестра, все инструменты которого сливаются в своем звучании воедино: *«My soul is like a hidden orchestra; I do not know which instruments grind and play away inside of me, strings and harps, timbales and drums. I can only recognize myself as a symphony»* (Fernando Pessoa, *The Book of Disquiet*).

В целом отражение и осмысление эмоциональной сферы человека связано с широким научным, культурным и социальным контекстом: с философией, религией, медициной, физиологией, биологией, психологией, когнитивистикой, нейронауками, культурой, искусством, филологией, литературоведением, лингвистикой, этикой, эстетикой и др. Исходным моментом в осознании эмоций служит их различие и обозначение. Так, важным способом (косвенного) выражения эмоций выступает описание проявления эмоций и описание причин их возникновения [Shamaieva 2018] с точки зрения взаимодействия эмоционального и рационального в них.

Новым перспективным направлением изучения эмоциональной сферы человека выступает моделирование полимодальности ее проявлений, а также культурологически значимых интенциональных эстетических форм ее воплощения.

Глава 2. Интеграция рационального, эмоционального и эстетического в современной научной коммуникации

Объектом изучения в данной главе выступают два важнейших типа явлений в научной коммуникации, тесно между собой связанных. Это так называемые «авторские (научные) термины» и названия научных текстов на русском и на английском языке. Их особая значимость в научной коммуникации заключается, в первую очередь в том, что авторские термины представляют собой личный яркий вклад ученого в развитие научной дисциплины, которой он занимается. Названия научных текстов (статей, докладов, книг, диссертаций и т. п.), в свою очередь, несут все более возрастающую содержательную и прагматическую нагрузку в современной научной коммуникации. Объединяющим их свойством выступает их способность нести дополнительный эмоциональный, экспрессивный и даже эстетически маркированный смысл (не говоря уже об информационном). Это значительно повышает значение и «импрессивный» характер таких важных явлений, как авторские термины и названия научных публикаций в современной научной коммуникации.

Так, современная научная коммуникация интенсивно изменяется под воздействием целого комплекса внешних и внутренних факторов и в настоящее время характеризуется рядом инновационных черт. Среди этих факторов такие явления, как глобализация коммуникации вообще («медиа-глобализация») и глобализация и интеграция научной коммуникации — в частности, растущий цифровой характер коммуникации вообще и научной коммуникации — в частности, ориентация научной коммуникации на интернет-пространство, тенденция всех видов и форм коммуникации к демократизации и интерактивности, а также непосредственное воздействие на них со стороны общемирового тренда к гипермодализации общения (подробнее см. [Рябцева 2015; 2017б; 2017в; Riabtseva 2016; 2017]).

В результате одной из наиболее ярких черт современной научной коммуникации выступает ее сближение по целому ряду параметров с обычными типами и видами коммуникации, вызванное, в первую очередь, «гипермодальным» развитием интернет-пространства. Благодаря этой тенденции происходит не только активное использование разнообразных эмоционально- и экспрессивно-маркированных средств в научной коммуникации, но и осознание важности ее ориентации на определенные эстетические ценности.

Названия научных публикаций становятся все более значимыми также потому, что, в частности, в свернутом виде отражают чаще всего не только их тему и содержание, но и научный стиль мышления носителя языка, а также научный стиль речи, сложившийся в данном языке [Riabtseva 2018]. По этой причине (а также по ряду других) название научного произведения, как и названия произведений других стилей и жанров, давно и постоянно привлекают внимание лингвистов разных специальностей и направлений (см., например, [Куликова, Салмина 2015; Табанакова 2016, Котюрова, Соловьева 2017] и мн.

др.). В настоящее время можно говорить о растущей значимости названий текстов всех без исключения типов, особенно в связи с постоянно возрастающим потоком информации, «интернетизацией» коммуникации, ее «прагматизацией», «гипермодализацией», ее растущей оперативностью, технологичностью, выразительностью и т. д. И именно поэтому названия становятся все более «компрессированными», сжатыми и «экспрессивно-маркированными». Более того, они становятся «конкурирующими» друг с другом дискурсивными объектами, вовлеченными в информационные и потому в большей или меньшей степени коммерческие проекты (ср. [Демьянков 2015: 16]).

При этом названия научных текстов на русском языке все более ориентируются на новые тенденции в научной коммуникации на английском языке, которая становится ведущим и потому глобально значимым форматом представления новых научных знаний в мире. Это «представление» (знаний), в свою очередь, показывает яркую «интернет-зависимость» и «интернет-ориентированность».

Интернет-коммуникация и названия научных текстов

Особенности интернет-коммуникации находят непосредственное отражение, в первую очередь, в заголовках интернет-сообщений средств массовой информации. Заголовок в них становится их важнейшим содержательным и структурным компонентом, вбирает в себя не только главное в содержании соответствующей публикации, но и все инновационные тенденции интернет-коммуникации, включая элементы разговорной речи, т. е. маркеры непринужденности общения и мн. др. Доминантными стилеобразующими характеристиками интернет-коммуникации при этом становятся экспрессивность, образность, эксплицитная и имплицитная аксиологичность, интертекстуальность, стилистическая маркированность, выразительность и др. (подробнее см. [Riabtseva 2016]).

«Усилителями» выразительности заголовков выступают разнообразные стилистические средства: тропы, цитаты и прецедентные выражения, бессоюзные конструкции с двоеточием (ср. стилистический прием «именительный темы») и с точкой, высказывания в виде вопроса и т. п. Так, бессоюзные конструкции с двоеточием или парцеляцией (с точкой) в заголовках интернет-сообщений усиливают их компрессию, информационную насыщенность, экспрессивность и выразительность. Примеры новостных интернет-заголовков (май 2018): *«Кто может войти в новое правительство?»*; *«Новый недорогой кроссовер Volkswagen: тиражи будут огромными»*; *«Ангелы и кресты. В Нью-Йорке прошел Бал Института костюма»*; *«Осторожно: это сообщение сломает WhatsApp!»*. Закон средств массовой информации при этом состоит в том, что, чем привлекательнее заголовок, тем больше шансов, что соответствующая статья обратит на себя внимание и будет прочитана, ср. игру слов в заголовке газеты «Коммерсантъ» от 16.05.2018: *«Госдума все принимает близко к санкциям»* (в котором обыгрывается выражение *принимать близко к сердцу*) (ср. [Дронов, Полян 2015]).

Соответствующие явления и лингвистические средства становятся характерными и для названий научных текстов. Такие заголовки получили название «аттрактивных».

«Аттрактивные заголовки» в современной научной коммуникации

Аттрактивные заголовки (ср. англ. *attention attracting titles*) были изначально свойственны, как уже отмечалось, средствам массовой информации, в которых они все более широко используются не только для привлечения внимания, но и для активного воздействия на аудиторию. При этом лингвисты давно научились «вычитывать» скрытые, свернутые и «закодированные» в них смыслы: подтекст, пресуппозиции, инференции, «эмоциональные посылы», экспрессию, эстетические детерминанты и т. п. (см., например, [McCarthy, Carter 1994: 155–158; Terence 2012] и мн. др.).

Использование аттрактивных заголовков в средствах массовой информации значительно «интенсифицировалось» в связи и в процессе развития интернета. При этом наиболее ярким и эффектным способом вербализации заголовков в средствах массовой информации, как «бумажных», так и «цифровых», выступает языковая игра. По целому ряду (перечисленных выше) причин аттрактивные заголовки стали все более активно использоваться и в названиях научных текстов. Наиболее ярко эта тенденция проявляется в научной речи на английском языке, которая, как известно, отличается от научной речи на русском языке по целому ряду параметров.

Отличительные особенности научной речи на английском языке

Аттрактивные заголовки имеют целый ряд преимуществ перед обычными и потому все более активно распространяются в современной научной коммуникации на русском языке. Одной из ведущих причин этого выступает то, что современная научная коммуникация, все более ориентируясь на принципы научной коммуникации на английском языке, осознает важность господствующих в ней положительных коммуникативных принципов: ориентация на читателя, доступность изложения, избегание усложненных, громоздких и пространных способов изложения, непринужденность обращения к адресату, «персонифицированность» развития мысли, использование эмоционально маркированных элементов и, наконец, стремление к необычной и потому эстетически значимой форме выражения.

Так, в следующей цитате выделенные компоненты показывают, что для научной речи на английском языке характерна «ориентация на читателя» и потому прозрачность, упорядоченность и эксплицитность изложения: «*Contrastive rhetoric analyses of scientific discourse have drawn attention to the existence of differences in the level of explicitness between languages. English is usually said to lie at the higher end of the scale of explicitness of text organisation, clarity, and coherence*: English readers indeed expect and require **landmarks** of coherence and unity as they read, and writers need to provide these transitional statements. Texts written in English thus reflect a **more reader-oriented attitude**: explicit statements

are regarded as **polite** to readers and implicitness as impolite. When compared with the scientific rhetoric of Anglo-American writers, writers in other languages are much less inclined to regard explicitness as their responsibility» [Curry, Chambers 2017: 330], cp. [Salager-Meyer 2011: 71; Pic, Furmaniak 2014].

В результате научный текст на английском языке синтаксически разворачивается преимущественно линейно, состоит из довольно коротких слов, выражений и предложений, эксплицитно соединенных ключевыми словами и логическими коннекторами, и потому достаточно легок для восприятия и понимания, и т. п., cp. [Swales, Feak 2010; Wallwork 2011; McCarthy, O'Dell 2012] и мн. др. Особенno важно учитывать это обстоятельство при переводе на английский язык научных текстов (и их названий), написанных на русском языке, которые традиционно строятся на совсем других коммуникативных принципах.

Инновации в научной коммуникации на русском языке

Для научной речи на русском языке традиционно характерно максимально развернутое изложение с использованием большого количества абстрактной и отглагольной лексики, синтаксически сложных конструкций и оборотов, достаточно длинных предложений с «пересекающимися» синтаксическими связями, а также достаточно «отстраненный» и «бесстрастный» способ изложения и мн. др. При этом понимание текста затрудняется, особенно в результате использования формальных средств связности: местоименных и др. грамматических показателей, создающих в научном тексте на русском языке несколько уровней связности, в том числе и «нелинейных» (см. [Котюрова 2016; Котюрова, Соловьева 2017]).

Указанные черты научного стиля на русском языке находят свое непосредственное отражение в организации и структуре названий научных произведений на русском языке. Последние, таким образом, приобрели форму единой развернутой именной группы с большим количеством препозитивных и постпозитивных компонентов, преимущественно в виде отглагольных или абстрактных существительных, особенно в родительном падеже. В результате до сих пор среди названий научных текстов на русском языке можно встретить конструкции типа «*Технология коучинг как метод повышения эффективности процесса обучения иностранному языку студентов ВУЗов*». Ср. выделенные п/ж генитивные формы в следующих, еще типичных для научной речи на русском языке названиях научных докладов (НД) и статей: «*Разработка технологии формирования моделей реализации коммуникативных действий в разных культурах и системах*»; «*Некоторые стилистические приемы передачи юридического дискурса в текстах Ж. Сименона*» (НД 2017); «*Беседы Иоанна Златоуста на Деяния и Послания апостольские как источники перевода Нового Завета книжного круга Епифания Славинецкого*»; «*Место перевода «Атласа Блау» в формировании лингвокультурологической ситуации кануна петровских реформ*» (Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. «Филология», 2017).

Сами по себе такие названия могут и не вызывать вопросов и «стилистических» нареканий. Однако в принципиально изменившейся коммуникативной ситуации в современной науке, в первую очередь, в нашей стране, такие названия порождают множество проблем. Главная из них заключается в том, что в настоящее время почти все отечественные издания (журналы, сборники научных статей, материалы научных конференций и т. п.) требуют от авторов перевести название своей научной статьи или доклада, а также аннотации к ним на английский язык. В подавляющем большинстве случаев такие переводы выполняются пословно. В результате появляются конструкции, совершенно неприемлемые с точки зрения стилистики английского языка вообще и научного стиля изложения на английском языке — в особенности. Ср. переведенное на английский язык (почти) пословно (довольно громоздкое) название научной статьи на русском языке: «*Цветовой эксперимент как метод выявления особенностей восприятия гетерогенных составляющих полимодального текста рекламного ролика*» — «*Color Experiment as a Method to Detect Peculiarities of Heterogeneous Components Perception in Polymodal Text of Advertising Video*» (Вопросы психолингвистики, 2018).

В противоположность приведенному названию и его переводу можно привести типичные для названий научных текстов на английском языке более доступные для восприятия модели: C. Day. *Developing Teachers: the Challenges of Lifelong Learning*. Psychology Press, 1999; P. Howarth. *Phraseology and Second Language Proficiency* // Applied Linguistics. 1998. N. 19 (1), p. 24–44 (подробнее см. [Рябцева 2018б]).

Так что в настоящее время наблюдается отказ от традиционно присущих научной речи на русском языке названий в виде развернутых единых конструкций с «нанизыванием» имен существительных в родительном падеже. Ср., тем не менее, более «официальный» характер перевода названия с английского языка на русский в журнале «Вопросы ономастики» (2017), с исходным названием на английском языке: «*Несколько аргументов за и против переименования географических объектов: кросс-культурный очерк*» vs. *Some Good Reasons for Renaming Places, and Some not so Good Ones: A Cross-Cultural Sketch*. Здесь выделенные п/ж шрифтом оценочные фрагменты придают названию научной статьи на английском языке менее формальный и более непринужденный, «доверительный», «интерактивный», «reader-oriented» характер, и которые не получили эксплицитного выражения в переводе.

Среди целого ряда инноваций, которыми характеризуется современная научная коммуникация на русском языке, следует особо выделить следующее явление. Одним из ярких принципов построения названия научной статьи или доклада стало в настоящее время вопросительное предложение, которое ранее хотя спорадически использовалось в научной коммуникации (как в русском, так и в других языках), но более всего было присуще информационным сообщениям, научно-популярным статьям и книгам, а также учебной литературе.

Ср. подзаголовки в предисловии к (популяризаторскому) учебному пособию *English for Writing Research Papers* (Wallwork 2011):

Who is this book for?

I have never written a paper before. Will this book help me?

I have written many papers before. Will I still learn something from this book?

What are the three most important things I will learn from this book?

И хотя использование вопросительных предложений не только в изложении содержания, в его организации и «проспективизации», но и в названии всегда было прерогативой научно-популярной литературы, в настоящее время такого рода названия становятся важным стилистическим приемом и в научной литературе [Ball 2009; Curry, Chambers 2017].

При этом становится очевидным, что прагматическая функция вопросительных предложений в научном тексте (и его названии) заключается «в организации дискурса и упорядочении изложения, а также в установлении прямого контакта с адресатом и его вовлечение в процесс рассуждения» (ср. «The pragmatic functions of questions in linguistics research articles in English and French... show their roles as engagement markers... of overtly interacting with the reader... as well as ‘framing the discourse’ and ‘organising the text’» [Curry, Chambers 2017: 328, 332]). Тем более что важнейшей когнитивной и психологически маркированной функцией вопроса является «осознание незнания» [Рябцева 2018в], что само по себе в научной коммуникации выражает некоторый дополнительный экспрессивный смысл (подробнее см. ниже). См. примеры названий научных статей на английском и русском языке в вопросительной форме:

Li J., Jurafsky D. *Do multi-sense embeddings improve natural language understanding? // Proceedings of the 2015 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing. Association for Computational Linguistics, 2015.* p. 1722–1732.

Mari Haneda. *Why should we care about academic language? // Linguistics and Education. Volume 26. June 2014. P. 126–135.*

Князев С.В. *Один согласный или два? // Вестник МГУ. Филология. 2000. № 1. С. 131–139.*

Тем не менее наиболее типичными моделями названий научных текстов на английском языке выступают «двусоставные» структуры.

Типичные модели названий научных текстов на английском языке и их влияние на организацию названий научных текстов на русском языке

В современной научной речи на английском языке, как уже указывалось в предыдущих публикациях (см., например, [Рябцева 2018б; Riabtseva 2018] и др.), наиболее типичными и распространенными моделями названий выступают двусоставные структуры, содержащие двоеточие (1), точку (2), неличные формы глагола (3), сочинительные и предложные конструкции (4) и (частично) сочетающие перечисленные выше средства (5):

- (1) J. Aitchison. *Words in the Mind: An Introduction to the Mental Lexicon*. Wiley, 2012.
- (2) J. Cummins. *Beyond language. Academic communication and student success // Linguistics and Education*, Volume 26. June 2014. P. 145–154.
- (3) M. McCarthy. *Accessing and interpreting corpus information in the teacher education context // Language Teaching*, 41. Cambridge University Press, 2008. P. 563–574.
- (4) A. M. Rush, S. Chopra, and J. Weston. *A neural attention model for abstractive sentence summarization // Proceedings of the 2015 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing. Association for Computational Linguistics, Lisbon, Portugal, September, 2015*. P. 379–389.

- (5) Kroeger P. R. *Analyzing Meaning. An Introduction to Semantics and Pragmatics (Textbooks in Language Sciences 5)*. Berlin, Language Science Press, 2018.

Аналогичные конструкции стали активно использоваться и в русском языке, что заметно облегчает их восприятие и понимание. Так, в последнем, 34-м выпуске журнала «Русский язык в научном освещении» из помещенных в нем двенадцати статей четыре содержат в своем составе двоеточие:

М. Л. Каленчук, и др. «Активные процессы в просодической системе русского языка: акцентуация прилагательных»; Г. М. Зельдович. «Русская возвратная дативная конструкция: невыразимый субъект, дефокусирование составляющих ситуации и проблема композициональности»; Г. Саяма. «Влияние объема корпуса на определение наиболее часто употребляемых слов: анализ частотных данных из пяти корпусов»; Е. В. Урысон. «Словарь vs. текст: акцентная структура союза хотя».

Таким образом, можно сказать, что в настоящее время в русском языке стали активно использоваться «международно признанные» формы и способы организации названий научных публикаций (а также еще целый ряд других инновационных средств оформления научных текстов, обсуждение которых выходит за рамки данного раздела).

Так, в ряде исследований подчеркивается, что названия научных произведений, в том числе и на русском языке, эволюционируют и приобретают новые и даже не свойственные им ранее черты [Табанакова 2016: 85-87]. Особым явлением в научной коммуникации, по перечисленным выше причинам, стало широкое распространение «аттрактивных» заголовков в первую очередь в английском, а затем и в русском языке.

Отличительные особенности аттрактивных заголовков в научной коммуникации

В названиях научных статей как на английском языке, так и на русском все чаще стали использоваться такие креативные стилистические приемы, как игра слов, употребление иронического или шутливого выражения или (неожиданной) цитаты, прецедентного «текста», метафорическое и т. п. переосмысление понятий, а также использование более тонких стилистических и своего

рода эстетических приемов, придающих заголовку, в том числе и научному, особую «аттрактивность» [Филоненко 2008].

Так, одна из представительных конференций по прикладной лингвистике, которая проходила в США в 2015 г., называлась «коротко, ясно и остроумно»: «*Applied Linguistics Applied*». Ср. также «нетипичные» для научного стиля экс-прессивно маркированные названия книг, статей и научных докладов (НД): Brookes I. *Painting the Forth Bridge: Coping with Obsolescence in a Monolingual English Dictionary* (2004); Cameron C. L. *The Discourse Dynamics Approach to Verbal Metaphor: Model and Method*; Haque M. Ch. *Discourse Patterns in Educational Ads: (Un)social Practices*; Федорова Е. В. «*Метафизический пластилин*, или концептуальная интеграция как способность создавать новые смыслы в критическом дискурсе» (НД 2014).

Аттрактивные заголовки в научной коммуникации отличаются целым рядом свойств и выполняют комплекс взаимосвязанных функций.

1. Аттрактивные заголовки, особенно содержащие игу слов, реминисценции, прецедентные фразы и выражения, в том числе подвергшиеся значимой модификации, сокращают дистанцию между автором и адресатом, придают коммуникации непринужденность, содержат и производят «де-автоматизацию» коммуникации, показывают необычность воплощения коммуникативного намерения автора и тем самым делают название научной публикации более привлекательным для читателя. Примеры:

Beun R. J. *Context and form: Declarative or interrogative, that is the question* // H. Bunt & W. Black (Eds.). *Abduction, belief and context in dialogue: Studies in computational pragmatics*. Amsterdam: John Benjamins. 2000, p. 311–326.

Spurrett D., Cowley S.J. *How to do things without words* // *Language Sciences*. 1994, vol. 5 (26), p. 443–466. (Cf. *How to do things with words* (J. L. Austin, 1962)).

Poulin-Dubois D., Sodian B., Metz U., Tilden J., Schoeppner B. *Out of Sight is Not Out of Mind: Developmental Changes in Infants' Understanding of Visual Perception During the Second Year* // *Journal of Cognition and Development*. 2007. 8 (4), p. 401–425. doi:10.1080/15248370701612951

2. Аттрактивные заголовки, содержащие цитацию (или «экземплификацию») материала исследования, предвосхищают обсуждаемый в научном тексте материал и тем самым интригуют читателя. Примеры:

Salager-Meyer F., Ariza M. A., & Zambrano N. *The scimitar, the dagger and the glove: Intercultural differences in the rhetoric of criticism in Spanish, French and English medical discourse (1930–1995)* // *English for Specific Purposes*. 2003, 22(3), p. 223–247;

3. Аттрактивные заголовки, начинающиеся с прецедентных текстов, стали характерными для отечественных публикаций не только на английском языке, но и на русском, причем даже в самых серьезных отечественных изданиях. Их важнейшее предназначение — придать названию научной публикации «художественное звучание» и «художественную направленность»; ср.:

Panchenko A. *Best of both worlds: Making word sense embeddings interpretable // Proceedings of the Tenth International Conference on Language Resources and Evaluation (LREC 2016)*, 2016.

Криницын А.Б. «**В начале жизни школу помню я...**»: проблемы интерпретации одного стихотворения у А. С. Пушкина // Вестник МГУ. Филология. № 2, 1999, с. 19–29;

Бойко С.С., Зайцев В.А. «**Пока в России Пушкин длиться будет...**»: Бум Окуджавы и поэты современники // Вестник МГУ. Филология. 1999. № 6. С. 7–18.

Такие нетривиальные заголовки привлекают внимание не только своей особы, «нестандартной», формой, но и экспрессивностью, а также эстетической значимостью, характерной для содержащихся в них поэтических и фразеологических «вкраплений» и фрагментов.

Таким образом, в изучении научного языка, стиля и мышления, а также научного познания и его осмыслиения важную роль играет выявление интеграции рационального, эмоционального и эстетического в интерпретации и вербализации получаемых новых научных знаний, особенно в виде нетривиальных названий научных текстов, а также в форме особо экспрессивных понятий и терминов.

Сочетание рационального, эмоционального и эстетического в научной терминологии

Сочетание рационального и эмоционального в научной терминологии прослеживается не только в традиционно приводимых в целях его демонстрации примерах из физики, астрономии и др. точных наук, ср. «звезда-карлик», «заторможенная частица», но и во множестве новых научных понятий и терминов, особенно в науке сегодняшнего дня, чувствующей свою связь не только с созданием или обнаружением нового, но и с творчеством, культурой, эмоциональной сферой и эстетикой. Равно как и *творчество* стало осмыслять себя как особый эстетический язык: «Современное искусство стало базировать свои принципы на языковых играх и лингвистических постулатах» [Фещенко 2016: 62; ср. Рябцева 2018г].

Например, целый ряд современных лингвистических терминов носит явно выраженный экспрессивный характер, содержит в своем значении неявно присутствующие эмоционально значимые и эмоционально-образные компоненты, а также аксиологически маркированные элементы (ср. [Котюрова, Соловьева 2017: 33]). Особенно ярко интеграция рационального, эмоционального и эстетического, их синcretичное выражение воплощается в авторских номинациях, понятиях и терминах [Табанакова 2016: 89], которые часто используются и в названиях научных статей. Примеры:

«*Портрет лексемы ‘вообще’*» (Вестник МГУ. Филология. 2002); «*Круговорот литературы в истории, или Были ли просветители модернистами?*» (Вестник МГУ. Филология. 2003); «*Немецкие «языковые острова» в Алтай-*

ском крае»; «*Эгоцентрические валентности и деконструкция говорящего*»; «*Ироническая грамматика: средний род в игровой неологии*» (ВЯ).

Так, новые авторские термины и понятия: «терминологический диссонанс» (конфликт формы и концептуального содержания термина), «*ложноориентирующие* термины-фантомы» (имеющие размытое концептуальное содержание), «*ономастический миф*», «*мифоэпоним*», *метод кросспрофессионального анкетирования, терминологические ловушки* и др., были не только введены в соответствующих научных публикациях, но и использованы в их названиях: «*Мифоэпонимы в зеркале кросспрофессионального анкетирования*» [Васильева, Тритенко, 2017]; «*Терминологические ловушки и терминообразование*» [Васильева 2015а] и др.

Важно, что такие яркие, прозрачные, системопорождающие понятия, как *антропонимический микротекст, антропономическая самоидентификация, прагматический мониторинг формулы имени (собственного), ономастическая рефлексия, имя (собственное) как конструктор идентичности, проприальная сфера языка и культуры, ономастические импликатуры, ономастическая амфиболия, ономастическое зеркало* (и др.) позволяют представить полученные научные результаты в свернутом, лингвистически корректном и креативном виде. Включенные в названия научных публикаций, они придают им индивидуальность, творческое звучание, экспрессивность и эстетическую значимость. Ср. «*Антропономическая самоидентификация в двух лингвокультурах*»; «*Прагматический потенциал русской формулы имени*»; «*Ономастические импликатуры текста*»; «*Ономастическая амфиболия как прием*»; «*Персонажи-двойники в ономастическом зеркале*» [Васильева 2017а; 2017б; 2014а; 2014б; 2015а; 2015б].

К авторским «терминам-экспрессивам» и «аттрактивам» относятся также выделенные п/ж шрифтом элементы в следующих названиях научных статей на русском языке: Иткин И. Б. *Об одном невероятном инфинитиве и о склонении некоторых русских существительных* (Русский язык в научном освещении, № 34, 2017); Рязанова В.А. *Мутантные аббревиатурно-композитные группы в словообразовательной системе языка* (Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология, № 6, 2017); Верина У.Ю. *Венок сонетологов и сонетистов: Альманах 7-го симпозиума Международного научно-творческого семинара «Школа сонета»* (Там же). Ср. также использование авторского термина *Zero Tolerance Approach* в названии книги, содержащем еще и аллюзию: Truss Lynn. *Eats, Shoots and Leaves. The Zero Tolerance Approach to Punctuation* (Profile Books, 2005).

В целом можно сказать, что в мировой, особенно «англоязычной» науке, при организации названия научной публикации широко используются средства, методы и приемы привлечения внимания адресата, характерные еще не так давно только для журналистики и средств массовой информации. Их основным приемом всегда было «обертывание» происходящего и сообщаемого

в яркие, поражающие воображение и экспрессивно насыщенные «обертки». В настоящее время все более часто встречаются и названия научных произведений (докладов, статей, книг, рецензий и т. п.), активно использующих такие действенные средства создания эффектного и одновременно эффективного названия, как цитация, аллюзия, аллитерация, эвфония, фразеология и идиоматика, игра слов или обыгрывание известных фраз, выражений и названий, а также организация «ритма» и даже рифмы в названии, дупликация звуковой формы, анафора и т. п., т. е. в целом — привлечение самых разнообразных не только стилистических, но и риторических приемов.

Кроме того, широко употребляются при этом такие стилистически маркированные средства, как метафора, метонимия, противопоставление/антитеза, повтор, хиазм, (обратный) параллелизм, гипербола, каламбур, создающие, в том числе, юмористический эффект, порождающие иронию, «превокационность» и т. д. [Филоненко 2008: 292]. Благодаря этому общение между автором и адресатом приобретает непринужденность, открытость и легкость. Само название становится остроумным и изящным, характеризуется «искусностью выражения» коммуникативного смысла, придающей названию диалогическую направленность. Название при этом не только воплощает эстетически ценные лингвистические свойства и «достоинства» проведенного исследования, но и соответствует тенденциям в мировой науке нового времени. Примеры:

Why Dictionaries are no Better Than They are — and no Worse (Robert Ilson // Proceedings of the XVII EURALEX International Congress: Lexicography and Linguistic Diversity. 6 — 10 September, 2016. Tbilisi. Edited by Tinatin Margalitadze, George Meladze. P. 49-60);

In Praise of Lexicography, and Lexicographers (Geoffrey Williams // Ibid. P. 77–91);

«Коннектом и когнитом: заполнение разрыва между мозгом и разумом» (К. В. Анохин. НИЦ «Курчатовский институт», МГУ им. М. В. Ломоносова, Институт нормальной физиологии им. П. К. Анохина (Москва) // Материалы конференции по когнитивной психологии. Светлогорск, 2016, с. 18–19);

«Многозадачность (гонка за двумя и тремя зайцами)» (Е. З. Мейлихов, Р. М. Фарзетдинова. НИЦ «Курчатовский институт» (Москва) // Там же: 421–423).

Следует добавить, что в современных исследованиях, в том числе когнитивных, подчеркивается возрастающая роль эстетического компонента во всех типах и видах коммуникации, включая научную, в частности, в связи с возрастающими возможностями цифровых технологий в представлении разнообразной информации, особенно в виде ярких, наглядных и выразительных изображений, таблиц, графиков, диаграмм, шрифтов и семиотических средств (подробнее см. [Рябцева 2016а; 2017б]). Кроме того, связь научного творчества со смежными креативными областями деятельности человека, а именно, с культурой и искусством, делает использование эстетически значимых приемов в оформлении получаемых научных знаний в виде новых понятий, терминов

и названий научных произведений вполне естественной и одновременно инновационной, новаторской, «повышающей градус» осмыслиения научной деятельности и ее значимости.

Таким образом, экспрессивно и эстетически маркированные компоненты научной речи, особенно вводимые автором новые научные понятия и термины, а также включающие их названия научных текстов придают современной научной речи, в том числе и на русском языке, персонифицированный характер, маркируют ее эмоциональные и эстетически значимые компоненты и в целом делают современную научную коммуникацию менее формальной, более не-принужденной, «дружественной» для адресата и даже в некотором роде развивают ее «стилистически значимые инновации».

Одной из самых последних и, как представляется, довольно неожиданных инноваций в организации названий научных публикаций стало появление новой модели, которая, тем не менее, начинает органично вписываться в научную коммуникацию в глобальном масштабе.

Инновационная модель названия научных публикаций

Принципиально новая модель названия научного текста появилась, как и следовало ожидать, в англоязычной научной литературе. Она представляет собой цельное, законченное, полное, содержательно предельно значимое и информационно насыщенное сообщение. Последнее чаще всего выражает основной результат или вывод проведенного научного исследования, его главный принцип, установку и т.д. Примеры:

Scalar Structure Underlies Telicity in «Degree Achievements» (Hay J., Kennedy C., Levin B. // SALT IX. CLC Publications, Ithaca, 1999. P. 127–144);

Not all ambiguous words are created equal: An EEG investigation of homonymy and polysemy (Klepousniotou E., Pike G. B., Steinhauer K., & Gracco V. // Brain and Language. 2012, 123 (1). P. 11–21);

'I don't believe in word senses' (Kilgarriff A. // Computers and the Humanities, 1997).

Такого рода названия стали появляться и в научной коммуникации на русском языке, например: «Связывание слуховых признаков проявляется на предвнимательной стадии сенсорной обработки» (Д. В. Брызгалов, Б. В. Чернышев, И. Е. Лазарев, А. С. Антоненко. Высшая школа экономики, МГУ им. М. В. Ломоносова, Институт медикобиологических проблем РАН (Москва) // Материалы конференции по когнитивной психологии. Светлогорск, 2016. С. 172–173). Экспрессивность подобных названий заключается в том, что они в явном виде не содержат эмоционально маркированных элементов. Напротив, они как бы намеренно «очищают» от всех впечатлений декларируемый тезис или получаемый результат. Сам факт оформления названия научного текста подобным образом привлекает к нему внимание, показывает сущность проведенного исследования или подчеркивает главное в нем в совершенно непринятой (и потому впечатляющей) для научной коммуникации форме.

Такой тип заголовка, что самое показательное, почти полностью соответствует заголовкам сообщений, которые все более активно вытесняют заголовки всех других типов в интернет-средствах массовой информации. Примеры названия интернет-сообщений (май 2018 г.): «*Apple с середины апреля блокирует обновление Telegram по всему миру*»; «*Яндекс выпустил «колонку» для дома, с которой можно разговаривать*»; «*Сегодня выйдет более доступная версия смартфона Xiaomi Mi :6X*».

Подобную модель заголовка можно условно назвать «презентатив текущего момента». Такие названия, ставшие нормой в интернет-СМИ, представляют собой законченные, синтаксически целостные и завершенные высказывания, чаще в виде простого предложения повествовательного типа с прямым порядком слов. Подобные «сообщения» — (не всегда) короткие, но выразительные, информационно насыщенные, — представляют собой предельно сжатый, рецидивированный и свернутый текст, независимый и самостоятельно ценный, дающий смысловую целостность и композиционную завершенность вводимого им текста. Такой заголовок берет на себя задачу формирования целостного представления о содержании сообщения. Он напоминает информационную «бегущую строку» или «заголовок-хронику», «заголовок-аннотацию» и т. п., по выразительности и насыщенности он почти не уступает короткому информационному сообщению, а по существу является развернутой гиперссылкой на соответствующий полный текст статьи.

Подобное «гипер-воздействие» можно назвать «импрессивностью». В научной коммуникации импрессивность — это «неявное воздействие», в частности посредством концентрированно выраженной главной информации, сжатого до одного предложения нового научного знания, яркий тезис-вывод, который обосновывается и иллюстрируется в вводимом таким образом тексте. «Предельно де-экспрессированная», «констатирующая» форма выражения соответствующего содержания как бы свидетельствует о том, что «результат говорит сам за себя и не может не произвести впечатления».

По этой причине в современной научной коммуникации, в том числе на русском языке, и появилась эта яркая инновация — названия научных текстов в виде (не всегда) короткого, насыщенного, точного и выразительного полного предложения, передающего главную идею или результат проведенного научного исследования. Еще один пример: «*Во время дневного сна подпороговая электрокожная стимуляция с частотой 1 гц ускоряет наступление парадоксальной фазы сна*» (А. А. Полищук, Ю. В. Украинцева, Е. А. Лукьянова, В. Б. Дорохов. Институт высшей нервной деятельности и нейрофизиологии РАН // Материалы конференции по когнитивной психологии. Светлогорск, 2016. Р. 497).

Таким образом, если традиционно заголовок газетного, научного и т. п. текста выражает его тему, то принципиально новый тип заголовка научной статьи — цельное законченное предложение — выражает главный результат

проведенного исследования. Так, в соответствии с новой тенденцией в организации названий научных статей в современной научной коммуникации название данной части раздела могло бы иметь следующую форму: «*В современной научной коммуникации наблюдается тенденция к интеграции рационального, эмоционального и эстетического*». Не исключено, что в ближайшем будущем такие названия будут востребованы, например, со стороны какой-то новой информационной системы. Уже хотя бы потому, что они становятся «сжатым текстом в тексте» или «свернутым текстом о тексте», который представляет собой самостоятельную и «законченную» информационную единицу, обладающую «композиционной завершенностью» и смысловой целостностью (ср. [Костомаров 2005]).

Важно, что название научной статьи представляет собой особо информативный и коммуникативно значимый компонент структурной организации научной статьи и имеет свои особенные функциональные, стилистические и pragматические характеристики. При этом явления глобализации и интеграции мирового научного сообщества влекут за собой не только более интенсивный научно-информационный обмен, но и заимствование положительно маркированных тенденций в развитии научной коммуникации в мире.

Одной из наиболее значимых и ярких из них выступает эволюция названий научных текстов, их все более pragматически и даже pragmaэстетически ориентированный и полимодальный характер [Рябцева 2019в]. Он заключается, в первую очередь, в интеграции рационального, эмоционального и эстетического в названии научного текста, в использовании разнообразных стилистических средств, способствующих повышению привлекательности и экспрессивности названия, или, напротив, в его эволюции ко все более отражающему основные результаты излагаемого исследования и потому — к его «импрессивности». И в том, и в другом случае могут использоваться экспрессивно маркированные «авторские понятия и термины». Они также отражают яркую индивидуальность автора научного текста, смысл проведенного им исследования и несут важную коммуникативную нагрузку — передать «небезразличное» отношение субъекта научной деятельности к объекту и предмету изучения, а также к адресату научной коммуникации.

Следует также отметить, что, используя «доминантные», как сейчас говорят, модели названий научных статей не только на английском языке, но и на русском, участник международной научной коммуникации, в том числе и носитель русского языка, имеет возможность названием своей научной работы привлечь к ней внимание своих коллег (из других стран) и вызвать их интерес к проведенному исследованию. Придавая названию своей статьи определенную экспрессивность, «эстетическую маркированность» или «импрессивность», он будет не только правильно понятым, но и по достоинству оцененным.

В качестве теоретической интерпретации изложенных здесь соображений можно сказать, что обсуждаемая проблема имеет непосредственное отноше-

ние как к когнитивной лингвистике, «коммуникативистике» и «интегративному переводоведению», так и к целому ряду прикладных проблем, связанных с преподаванием английского языка вообще и предмета «научная речь на английском языке» — в частности [Рябцева 2017а]. Она заключается в изучении отражения в стиле мышления структуры языка — с одной стороны, и в у становлении связи между устройством языка и его культурными коммуникативными моделями, которые обязательно должны учитываться в процессе перевода с языка на язык — с другой, а также в выявлении новых тенденций в межкультурной коммуникации и их отражении в преподавании соответствующих дисциплин, ср. [Болдырев 2016; Поликарпов 2017, Рябцева 2018д]. Не менее перспективной представляется изучение интеграции рационального, эмоционального, эстетического и «импрессивного» в современной коммуникации в целом (ср. [Riabtseva 2010; Рябцева 2016а; 2019б] и др.).

**Глава 3. «Эмоциональный интеллект»: количественное и качественное соотношение эмоционального и рационального в состояниях сознания.
лингвистический аспект**

В данной главе показана роль естественного языка в отражении количественного и качественного соотношения эмоционального и рационального в состояниях сознания, в формировании и функционировании эмоционального интеллекта и его связях с нейроэстетикой.

Состояния сознания (СС) бывают разных типов и видов, описываются в языке чрезвычайно разнообразно, часто синкетично или имплицитно, отражаются в способах репрезентации их «количества» и «качества», и, тем самым, подразумевают градиуруемость, интенсивность, степень отклонения от нормы, «минимальные» и «максимальные» пределы и мн. др. [Riabtseva 2010; Рябцева 2011; 2018в], ср. *слегка улыбнуться vs выйти из себя от возмущения*. Соответствующие эмпирические лингвистические сведения, наблюдения и обобщения весьма ценные не только для лингвистики, филологии, психологии, социологии, но и для новых перспективных когнитивных направлений в лингвистике: связи языка и эстетики [Рябцева 2019а; 2019б], связи языка и «эмоционального интеллекта», а также для целого ряда современных прикладных направлений «технологических» исследований.

Так, «эмоциональный интеллект» представляет собой индивидуальную способность личности воспринимать и идентифицировать «эмоциональную информацию», в том числе свое собственное эмоциональное состояние и эмоциональное состояние окружающих, производить адаптацию своего эмоционального состояния к данной ситуации и коллективу, его контроль и т. п. Все эти «способности» значительно облегчают жизнь человека и решение его конкретных практических, текущих и стратегических проблем и задач [Mayger, Salovey, Caruso 2008]. Особенно активно исследования в данном направлении развиваются в инженерной психологии (engineering psychology), психологии

развития (developmental psychology), «поведенческой экономике» (behavioral economics), семейной психологии (family psychology), педагогической, школьной [Сороколетова 2013; 2019], университетской и др. направлениях психологии [Payne 1996; Stein, Book 2000; Vernon, Petrides, Bratko, Schermer 2008] и мн. др.

Актуальность исследования эмоционального интеллекта постоянно растет и связана с недостаточной изученностью влияния эмоционального интеллекта на деятельность человека и межличностные отношения. В зарубежной психологии эмоциональный интеллеккт исследуется гораздо более активно, чем в отечественной. Так, ведущий современный специалист по эмоциональному интеллекуту Дэниел Гоулман определяет его как способность осознавать свои эмоции и эмоции других, чтобы мотивировать себя и других, чтобы хорошо управлять эмоциями наедине с собой и при взаимодействии с другими. Так, в своей книге «Эмоциональный интеллеккт» [Гоулман 2008] Д. Гоулман продемонстрировал, что эмоциональный интеллеккт имеет «национальные отличия» и оказывает влияние на успешность человека с вероятностью от 4 до 25% [Гоулман и др. 2005]. Кроме того, последние данные указывают, что эмоциональный интеллеккт непосредственно связан с «рациональным интеллектом» и активизирует его когнитивные функции и собственно интеллектуальные способности, их становление, развитие и возможности, развивает коммуникативные способности человека, а также свидетельствует о фрактальности в организации внутреннего мира человека.

Теоретическая модель эмоционального интеллеккта стала естественным продолжением когнитивных теорий эмоций, представляющих познавательные и эмоциональные процессы в единстве психической деятельности. Рассмотрение эмоциональных реакций и интеллеккта через призму их взаимовлияния позволило определить новые для исследования объекты, которые носят все более междисциплинарный характер. Так, предполагается, что «рациональный интеллеккт», «эмоциональный интеллеккт» и коммуникация выполняют в едином комплексе регуляторную, отражательную и «взаимодействующую» функции и неотделимы друг от друга (подробнее см. [Волов URL], при этом очень большое значение имеет также эстетический компонент восприятия (ср. [Павлова 2018; Рябцева 2019б]). Выявление этих взаимодействий в языке и речи составляет предмет проведенного исследования и интерпретации соответствующего языкового материала.

Эмоциональные и рациональные состояния сознания: норма и отклонения

Состояния сознания представляют собой сочетание эмоционального и рационального и их различные количественные «комбинации», указывающие на их «качественное» отклонение от исходного, естественного, нормального состояния — «спокойного бодрствования». Это «нейтральное» состояние, в котором человек пребывает в ситуации «Я — здесь — сейчас», и в норме находится

с ней в (интер)активном/ on-line «спокойном» взаимодействии, восприятии. Но он не только контролирует ее восприятие (происходящие в ней изменения), но и свое мышление (внимание, память, сознание, воображение и т. д.), физическую активность, поведение и речь (а также свой внешний вид, выражение лица, позы, деятельность и т. п.), так, чтобы они были адекватны текущей ситуации. Например, «если появилась/ грозит опасность, то нужно убегать», «если спрашивают, нужно отвечать» и т. п. Ср. ситуации, в которых интенсивность («количество») внимания (а также деятельности), направленное на какой-то один аспект ситуации, превышает «норму»: *заработатьсь, заслушаться, засторяться, залюбоваться, (глубоко) задуматься (о себе, о жизни, о будущем и т. д.), размечтаться, зачитаться, мучительно ('интенсивно, с усилиями') вспоминать о чем-либо (и забыть об окружающих, делах и пр.), распрыгаться, разбегаться ('сверх меры' — о детях), растревожиться, разгуляться (о людях), переволноваться и др.* Ср. «Оставшись одни, мальчишки принялись играть в летчиков и *заигрались до того, что забыли и тайну, и уроки, и свой дом*» (Г. Галахова). (Здесь и далее примеры из [НКРЯ], курсив наш — Н.Р.). «Он играл на пианино настолько *самозабвенно*, что казалось, внешний мир в этот миг не имел для него никакого значения» (Н. Дежнев).

Количественное и качественное соотношение эмоционального и рационального в состояниях сознания человека в норме постоянно изменяется под воздействием внешних и внутренних факторов, и как уже отмечалось выше, проявляется в его действиях, поведении, внешнем виде, речи и др. (и даже во взгляде: *отсутствующий взгляд, нездоровыи vs. озорной блеск в глазах, смотреть задорно/ заворожено/ зачарованно/ безразлично*). Наиболее показательными и наблюдаемыми количественными признаками таких изменений служат *скорость и темп передвижения, действий, речи и т. д., слишком большие или маленькие, не соответствующие норме, ср. тараторить, как заданный, заикаться и мялить от волнения, окаменеть от страха, онеметь от неожиданности, нестись сломя голову (и не замечать ничего вокруг), попротыкать горячку, лихорадочно перебирать (вещи) (ср. переборщить, перегибать палку и др.)*.

Происходящие в мире/ в текущей ситуации события воздействуют на эмоциональные и рациональные состояния сознания положительно или отрицательно, намеренно или ненамеренно, могут *вывести из равновесия*, или напротив, *придать уверенность*, и т. п. Причем часто на разных людей одно и то же событие может воздействовать в различной степени, с различными последствиями и с разным успехом. Чем более сильное впечатление оно производит на человека, тем более очевидным образом вызываемая эмоциональная или рациональная реакция проявляется в его внешнем виде, выражении лица и глаз, в позе, действиях, поведении, речи, эмоциях и т. п., ср. *потерять дар речи от изумления/ неожиданности/ восторга/ возмущения* (ср. [Рябцева 2014]).

Эмоциональные и рациональные состояния сознания и их квантитативная квалификация

Квалификация и классификация состояний сознания с точки зрения соотношения в них эмоционального и рационального. Особенностью «количественной» квалификации степени отклонения текущего эмоционального состояния сознания от нормы выступает ее синкетическое сочетание с качественной характеристикой, ее экспрессивность, ср. «Отклонения от нормы возбуждают не только внимание и коммуникативные центры, но и эмоции» [Арутюнова 1988: 305; 2005], а также аксиологичность, связь со шкалой/ градуируемость (и др.), ср. *размеренность — поспешность — стремительность, медлительно — импульсивно — лихорадочно* (делать что-то), *повесить нос — рвать на себе волосы от отчаяния, обрадоваться — быть на седьмом небе от счастья, витать в облаках — спуститься с небес на землю* и т. п. Так, «*количественно-качественная*» связь между эмоциональными и рациональными состояниями сознания, зрением и поведением зафиксирована в аксиологически маркированных выражениях *не видеть дальше своего носа, быть ослепленным любовью/ успехом/ ненавистью/ гневом, неосмотрительно отказаться/ согласиться/ пообещать/ поддержать* и т. п.

По степени отклонения от нормы («степени проявления») подобные выражения могут обозначать «максимальную степень проявления признака (эмоциональности)» (ср. *совершенно/ полностью/ совсем/ абсолютно потерять рассудок от горя, потерять голову от счастья, потерять дар речи от изумления, опьянеть от любви*), интенсивность (высокую/ большую степень, ср. смысл «Magn» (термин И. А. Мельчука) — *очень/ весьма/ сильно*) и чрезмерность (превышение нормы)/ избыточность/ максимальность/ предельность, ср. *предельно/ чересчур/ чрезмерно/ слишком/ крайне взволнован/ возмущен/ утомлен/ напуган/ разговорчив/ рассудителен, слишком близко к сердцу принять, непомерно грубый/ тщеславный*.

Количество и качество в эмоциональных и рациональных состояниях сознания и пределы отклонения от нормы. Кульминация, превышение меры, переход за грань — важнейшие параметры ситуации, требующие внимания и контроля [Сепир 1985]. Поэтому изучение соотношения количественных и качественных значений в конструкциях и выражениях, обозначающих имплицитную градацию признака, особенно показательно относительно таких параметров, как предельность, избыточность, чрезмерность, максимальность, беспределность в проявлении эмоциональных (и частично рациональных) состояний сознания/ отсутствие предела и т. п., ср. *предельно/ непомерно истощен/ искренен, больно умный, умничать (сверх меры), беспредельно (любить, уважать), беспрекословно повиноваться* и т. п. (Из сказанного, в частности, следует, что параметр «Magn» в принципе может означать три разные вещи: высокую интенсивность проявления признака, избыточность признака и полную степень проявления признака. В целом категория чрезмерности формирует

ется большим количеством разнообразных, преимущественно аффективных/ «эмоционально насыщенных» выражений, ср. *донельзя, перегруженный, переизбыток, неумеренный, сверх-, супер-, ультра-* и т. п., которые чаще всего используются в целях гиперболизации. При этом *вполне, достаточно, довольно* характеризуют соответствие норме: *вполне спокоен, достаточно уравновешен, довольно внимателен* (см. [Воротников 1999]).

Пределом отклонения от нормального, рационального состояния сознания считаются «потеря (помрачение) сознания/ ума (ср. *безумие*)/ рассудка (*безрассудство*)/ головы/ пульса/ речи» (ср. *до потери пульса*), а также «выход из себя» (ср. *сам не свой, не в себе/ не в духе, (чувствовать себя) не в своей тарелке, места себе не находить*) и «самозабывание» (*самозабвенно, отрешенно, не помня себя от радости/ горя и т. д.*). Ср. *потерять дар речи от неожиданности/ удивления/ счастья, быть вне себя от возмущения, быть без ума (от кого-чего), с ума сойти (как красиво)!* Пример: «Знобишин на время помрачился умом, увидев тебя живую» (Г. Алексеев). Резкое изменение эмоционального состояния сознания чаще всего наблюдаемо: *довести до истерики, смешино/ обидно до слез, до предела расстроиться, удивиться и т.п.*

Лингвистические особенности средств описания рациональных и эмоциональных состояний сознания в количественном аспекте

Количественное и качественное в эмоциональных и рациональных состояниях сознания и фразеология. Как уже отмечалось выше, самым показательным и выразительным языковым средством описания состояний сознания, особенно эмоциональных, и интенсивности их «количественного» проявления является фразеология, легко сочетающая в своем значении количественные, качественные, эмотивные и мн. др. смыслы: *быть не в духе, падать/ упасть духом, кипеть от негодования/ возмущения, оказаться между молотом и наковальней/ меж двух огней, готов сквозь землю провалиться (от стыда), душа ушла в пятки (от страха)/ не на месте, выбить из колеи, вынимать (всю) душу/ (все) мозги, пристать, как банный лист, портить кровь, белены объестся, не от мира сего, море по колено, встать не с той ноги, пороть горячку, наломать дров, далеко зайти, оказаться у разбитого корыта, рвать на себе волосы (от отчаяния), встать поперек горла и т. п.* (подробнее см. [Riabtseva 2010; Рябцева 2014; 2018д]).

Количество и качество в эмоциональных и рациональных состояниях сознания: терминология vs. «донаучные понятия». Показательно, что научные понятия, отражающие «экстремальные» и потому исключительно эмоциональные состояния сознания (максимально отклоняющиеся от нормы: *наваждение, мания, маразм, максимализм, катарсис, аффект, стресс, депрессия, экзальтация, грезы, эйфория, пространция, апатия, амбиция, апломб, азарт, ажиотаж и т. п.*), имеют, как также уже отмечалось выше, разговорные параллели, в которых отражен «донаучный», эмпирический опыт носителей языка в квалификации соответствующих «экстремальных» эмоциональных состояний:

кайф, улет, «по барабану»/ «до лампочки»/ «пофигизм» («глубоко безразлично»), «в осадке», в шоке, «отключиться»; войти в разг, крыша поехала (от радости и т. п.), выкрутасы, мозги набекрень, «глюки» и мн. др. (см. также [Рябцева 2010; 2019в]).

Эмоциональные и рациональные состояния сознания и «качественно-качественные» оценочные эпитеты

Отражающие различные отклонения от нормального состояния сознания языковые средства, такие как оценочные эпитеты, интенсификаторы и др., характеризуются целым набором свойств, в комплексе показывающим, что на подсознательном уровне человек понимает, насколько важно контролировать свое эмоциональное состояние и поведение, держать себя в руках, следить за развитием отношений с окружающими и т. п., а также представлять себе, какие объекты, явления и события способны лишить его душевного равновесия и что за этим может последовать.

Так, наиболее употребительные и преимущественно разговорные оценочные эпитеты, отражающие максимальную степень «рационально-эмоционального»/ аффективного воздействия на состояние сознания человека и его «качественно-качественную» эмоциональную реакцию на него: *умопомрачительный — головокружительный — сногшибательный* употребляются как интенсификаторы, сохраняя при этом семантически мотивированную сочетаемость: имеют сочетаемостные ограничения, ср. *умопомрачительный/ сногшибательный наряд, головокружительный успех, *головокружительный/ сногшибательный беспорядок*.

Данные эпитеты являются производными от выражений, отражающих чрезвычайно высокую степень воздействия на эмоциональные и рациональные состояния сознания, особенно *умопомрачительный* и *головокружительный*, которые связаны еще и с конструкциями с семантикой предела, ср. *до умопомрачения/ головокружения* vs. **до сногшибания*. Несмотря на то, что данные эпитеты употребляются как интенсификаторы, т. е. преимущественно в значении «в очень большой степени», они, тем не менее, различаются степенью семантической связи с исходной конструкцией и потому сочетаемостью. В целом они показывают, какие типы и виды ситуаций максимального воздействия на эмоциональные и рациональные состояния сознания выделяются в обыденном сознании.

Так, самым демотивированным и десемантизованным из данных эпитетов является разг. *умопомрачительный*. Он употребляется сразу в переносном, интенсифицирующем значении: «чрезвычайный, необычайный по силе, степени: *у. скорость*» (Ожегов), т. е. не используется в прямом значении, и, видимо, не имеет особых ограничений на сочетаемость. Более всего сохраняет семантическую мотивированность разг. *шутл.* эпитет *сногшибательный*, также, как и *умопомрачительный*, имеющий только интенсифицирующее, «переносное» значение: «поразительный, потрясающий неожиданностью»: с. *но-*

вость» (Ожегов). *Сногшибательный* как самый экспрессивный и более всего сохранивший «качественную» связь с исходной семантикой эпитет, имеет самую узкую сочетаемость и используется при этом чаще всего с положительно оцениваемыми явлениями: *фигура, наряд, платье* и т. п., и в этом отношении сближается с эпитетом *потрясающий*. *Головокружительный* — единственный из этого ряда имеет прямое, исходное значение: «вызывающий головокружение: *г. высота*», и достаточно тесно связанное с ним интенсифицирующее: «очень большой: *г. успех, перспективы*» (Ожегов). В результате чего его сочетаемость более ограничена, чем у *умопомрачительный*.

Головокружительный как интенсификатор сохраняет связь с исходным образом (остаточное качественное/ перцептивное значение) и потому охотнее всего сочетается с объектами и сущностями, которые действительно способны вызвать головокружение. Так, голова часто кружится от высоты, размеров, быстрого/ резкого движения, дистанции, скорости, запаха и др., ср. *головокружительный: высота, вышина, высъ, подъем, спуск, бездна, пропасть, откос, пустота, глубина, скорость, быстрота, темп, движение, взлет, восхождение, падение, рывок, прыжок, трюк, бросок, выраж, путь, тропа, хоровод, мельканье (звезд), отсюда головокружительно извилистая дорога/ высокие каблуки/ мелькающие колеса*. Примеры: «В следующее мгновение освободившийся конь сделал *головокружительный прыжок*, пытаясь избавиться от уцепившегося за его гриву Рамиля» (А. Геласимов); «Только они, эти горцы, знали тайные *тропы, головокружительные* и опасные, но всё-таки надёжно ведущие через становой хребет Заоблачного кряжа самым кратким путём» (М. Семенова); «Снежинки за окнами множились, превращаясь в беспорядочный *головокружительный хоровод*» (Е. Маркова).

Умопомрачительный и *головокружительный* сходны в том, что могут квалифицировать как отрицательные, так и положительные сущности и, соответственно, состояния сознания. Такая амбивалентность эпитетов *умопомрачительный* и *головокружительный* подчеркивает, что «помрачиться умом» или «почувствовать головокружение» можно не только от плохого, но и от хорошего, ср. *умопомрачительные/ головокружительные* (положительные/ очень хорошие) *перспективы, возможности* vs. (очень высокие, «слишком большие») *цены; умопомрачительный/ головокружительный: слабость, усталость, отчаяние, мытарства, умопомрачительно/ головокружительно опасная игра* vs. **сногшибательный: провал/ идиотизм/ цена*, ср.: «А башмаки — ну, их следует самим надраить до *умопомрачительного блеска*» (А. Рекемчук); «Коллекция Михаила Фёдоровича была *умопомрачительная по идиотизму*: вырезки из газет и журналов, касающиеся авиации» (Л. Улицкая).

Головокружительными все же чаще называют положительные *ощущения, чувства, впечатления, настроение* и «интенсивные» эмоциональные состояния сознания: *восторг, удовольствие, радость, любовь, страсть* (ср. *головокружительный вихрь впечатлений/ поворот судьбы*), рациональные, эмоци-

нальные, психологические и социальные явления: *секрет, тайна, мечта, фантазия, комбинация, успех, перевоплощение, приключение, игра, имена, жизнь, работа, карьера, отвага, чтение, карусель, любопытство* (исследователя), *открытие физиков*. Наречие также сохраняет связь с исходным «эмоционально-рациональным» состоянием: «Никогда в жизни я не был так головокружительно счастлив, как в ту безгрешную ночь» (А. Приставкин); «У меня никогда не кружилась голова от поцелуев, а тут я чуть не свалился со стула, так сладостно и головокружительно было это ее прикосновение» (Ю. Азаров); «Я испытывал головокружительное и восхитительное ощущение полета в затяжном прыжке» (А. Азольский); «Такого головокружительного настроения с ним не случалось никогда» (М. Чулаки).

При этом сами эпитеты *умопомрачительный, головокружительный* способны наводить положительную оценку, ср. «Природа, как известно, не терпит однообразия и стандарта, но всё её *умопомрачительное* разнообразие основано на более или менее стандартном исходном материале — на клетке» (В. А. Солоухин); «Он хитрил, отдаляя решение, надеясь, а вдруг и без этого примут, скажем, сочтут реферат уникальным, просто *умопомрачительным*» (В. Корнилов); «В то время как у множества обитателей земли существует тончайшее предвидение погоды чуть ли не за две недели, мы ошибаемся на каждом шагу, мы, вооруженные *умопомрачительными* вычислительными машинами» (В. А. Солоухин); «От всей его архитектуры, судя по фотографиям, веет неистребимым *головокружительным* духом шестидесятых — конечно же, золотой перстенек на мизинце, болотного цвета вельветовые штаны ...» (М. Голованивская); «Столов, со свойственной ему дерзостью большого таланта, подошёл к *головокружительной* бездне возможностей и заглянул в неё» (А. Т. Аверченко). Умопомрачительный к тому же гораздо более свободно сочетается с отрицательными сущностями: *умопомрачительный/ *головокружительный: уныние/ духота/ невежество/ бедность/ несчастья/ близорукость/ боль/ бледность/ беспорядок*, ср.: «Уныние в природе *умопомрачительное*. Наверное, в связи с этим и нищих в Петербурге прибавилось, и их немытые орды заполонили все паперти...» (Булат Окуджава).

Тем не менее, различная сочетаемость эпитетов показывает, что «помрачение ума» может произойти под воздействием большого разнообразия факторов, значительное количество из которых носит отрицательный характер. Тогда как «головокружение» чаще всего бывает вызвано эмоциональными переживаниями, связанными с восприятием, в основном, чего-то положительного. Данные эпитеты, кроме того, показывают, что важнейшим явлением, способным вызвать максимальное воздействие на эмоциональное состояние сознания (максимальный восторг или максимальное отвращение (осуждение), это не только его физические, психологические, социальные, гедонистические, этические свойства, но и эстетические: *головокружительный/ умопомрачительный/ сногшибательный наряд*.

Как показатель максимального эстетического воздействия умопомрачительный имеет самую широкую сочетаемость и употребляется с именами не только наблюдаемых объектов природы и всего окружающего мира, но и воспринимаемых всеми другими органами чувств: *умопомрачительный: пейзаж, закат, блеск, расцветка* vs. *запах, аромат, пение соловьев* (звук), *умопомрачительное обаяние юности, китайские веера* *умопомрачительной тонкости* (Б. Окуджава). Примеры: «*Умопомрачительный пейзаж: сине-черные горы, зеленые ели, голубая река*» (М. Голованивская); «*Цветы пахли умопомрачительно*»; «*умопомрачительный запах цветущих холмов*» (Ю. Буйда); «*Выдавал свои умопомрачительные соло гитарист по кличке Макс*» (А. Грачев). *Головокружительный* также передает эстетическое воздействие в сочетании с такими объектами, как *вид, обзор, закат, запах, черемуха, небо; вышивка, платье; удовольствие, обаяние юности, красота* и др. Ограничения касаются, в первую очередь, звуковых явлений, ср. **головокружительный: звуки, пение, песня, *головокружительное пение птиц*.

Особо выделенным объектом эстетического, и, соответственно, эмоционального восприятия выступает внешность, особенно женская, ср. *умопомрачительная фигурка, прическа, девица с умопомрачительной грудью/ с головокружительной длины ногами; головокружительное платье, кольцо, наряд, галстук, плащ, купальник, халат, модная одежда, рубашка, пижама*: «Иногда Мила давала Марине поносить какое-нибудь *головокружительное платье* или какие-нибудь *сногшибательные очки*» (С. Болмат). Производное наречие-интенсификатор *умопомрачительно* может терять эстетический компонент значения: «Из-под *умопомрачительно короткого платья* невозбранно торчали мослатые колени» (Е. Хаецкая). Тогда как эпитет *головокружительно* способен его сохранять: *головокружительно высокий город, головокружительно пахнет яблоками/ морем*.

Несмотря на то, что большинство наречий от интенсифицирующих прилагательных еще более десемантизируется и расширяет свою сочетаемость, наречие *головокружительно* сохраняет некоторые сочетаемостные ограничения, ср. *умопомрачительно* vs. **головокружительно мерзкий*: «Никто не скинет уже, — так безжалостно подумалось, — зато понизиться можно, совершив нечто *умопомрачительно мерзкое, антипартийное*» (А. Азольский). Соответственно, у наречия-интенсификатора *умопомрачительно* есть значение «предельно»: ... не все так *умопомрачительно лояльны, как вы*» (Е. Радов); «Он предполагал, что расчеты будут *умопомрачительно сложны*» (А. А. Бек). У *головокружительно* такого значения нет: ср. **головокружительно лояльны, *головокружительно-непонятный лозунг*, поскольку *головокружительно* все же не утрачивает семантическую связь с исходным прилагательным. Примеры: «Она вздрогнула, откинулась, замерла; потом резко вскочила с *головокружительно падающим сердцем*, вспыхнув неудержимыми слезами вдохновенного потрясения» (А. С. Грин).

Сочетаемость еще одного эмоционально-экспрессивного «количественно-качественного» наречия, отражающего высший уровень «увлечения» или «вовлечения в ситуацию» — *самозабвенно* — показывает, что *самозабвенно* увлекаются своим занятием, включая плач/ слезы и смех, и особенно игру, в первую очередь, дети: «Девушка шла ему навстречу легко и свободно мимо *самозабвенно играющей девчонки*» (В. Валеева); «*Рыдала самозабвенно, детски*, с соплями и почти на грани приличий» (А. Матвеева); «Он стоял и горько плакал, как плачут дети — *самозабвенно*, с полной самоотдачей: обильные слезы скатывались по щекам ...» (И. Безладнова).

О животных также говорят, что они *самозабвенно* поют (квакают, стрекочут), едят, занимаются любимым «делом»: «*Самозабвенно заливались* — словно набухали и лопались огромные тинистые пузыри — зелёные лягушки» (Ю. О. Домбровский), что говорит о естественной природе такого состояния. Поэтому «самозабвение» у взрослого человека в ряде случаев со стороны может вызвать беспокойство: «Взрослый человек, *самозабвенно* конструирующий личины, представляется в лучшем случае оригиналом» (М. Дяченко); «Такие макеты демонстрировали на ежегодных выставках в Доме железнодорожника солидные дядьки, игравшие в милые моему сердцу *игрушки* вполне *самозабвенно*, — ходили слухи, что негласным председателем у них был чуть ли не член Политбюро» (М. Бутов).

Самозабвенно — чаще всего подразумевает «хорошо» («Хорошо, *самозабвенно* пел высоким тенорком Диомидов» (М. Горький), однако, поскольку при этом критичность, и, потому, «rationальное сознание» по отношению к себе чаще всего снижается, качество выполнения действия может не отвечать каким-то определенным социальным, культурным или эстетическим требованиям: «*Играл самозабвенно*, но плохо. Подбородком двигал, как боксер на ринге» (С. Довлатов). Чаще и более всего *самозабвенно поют* (особенно что-то любимое, ср. *во все горло, с упоением* и в состоянии *опьянения*), *танцуют, музицируют* (*играют на пианино, гитаре, барабане* и т. д.), *декламируют, сочиняют стихи, рассказывают* (*описывают*) и пр. При этом могут закрывать глаза, забывать обо всем (остальном) и т. п.: «*Прижимаясь к бутыли и закрыв глаза, он самозабвенно пел во все горло*» (А. Геласимов).

Соответственно, для взрослого человека самое естественное — *самозабвенно* заниматься любимым делом, *призванием* (и посвятить ему всю жизнь), профессией или любимым занятием (например, *болеть за любимую команду*) или просто *самозабвенно* (и *преданно*) *любить* (*целоваться, обниматься*): «Он говорил им о философии, о мудрости, заложенной в том *искусстве*, которому *самозабвенно посвятил* всю свою жизнь» (А. Рыбин). Далее — начать делать что-то, особенно новое, и *увлечься, заниматься новым, интересным делом*, сделать его *хобби*: фотографировать, смотреть в телескоп: «Она могла *самозабвенно увлекаться* делом, знала вкус к точной и *сложной работе*» (Г. Е. Николаева). Чаще всего *самозабвенно* делают то, что делается по доброй

воле, охотно, старательно, с любовью, сердечностью, с желанием помочь, сделать добро, принести пользу — ухаживать, выхаживать: «Все это делалось охотно, старательно, даже самозабвенно — и потому с сердечностью» (Л. Карелин). Самозабвенно можно заниматься и любым другим «делом»: обыденным, трудным, сложным, и даже не всегда приятным, и т. п.: работать, трудиться, командовать, мастерить, изучать, учить, заниматься домашним хозяйством, готовить, чистить зубы, накладывать макияж, замечтаться (над книгой): «Фельдфебель командовал хрипло, самозабвенно» (В. А. Каверин). Самозабвенно можно хохотать/ смеяться — рыдать/ плакать, предаваясь горю: «Он почти ничего не утратил — ни от ума, ни в эмоциональном плане, и даже мог по-прежнему самозабвенно смеяться» (М. Бутов).

Таким образом, *самозабвенно* — значит долго, энергично, интенсивно, увлеченно, с удовольствием/ радостью, восторженно, с упоением, отдавая всего себя, вовлекаясь полностью, отрешенно, решительно, неистово, бурно, жадно, возбужденно, от души, не замечая ничего вокруг (иногда закрыв глаза), не отвлекаясь и забыв обо всем остальном: «Сема самозабвенно работал над мельницей много дней» (Ф. В. Гладков); «Я звонил так, словно утолял нетерпимую жажду, долго, жадно, самозабвенно звонил» (В. В. Набоков). *Самозабвенно* — значит «испытывая определенные сильные чувства», которые могут ослабить контроль за своим поведением и действиями: «Не оказалось в ней той Москвы, в которую закусив удила я рвался так яростно, самозабвенно, чтобы суметь в ней укорениться или, наоборот, погибнуть» (Л. Зорин).

В целом рассмотренные эпитеты показывают, что не только отрицательные, но и положительные или просто неожиданные явления и ситуации, и даже их эстетическое восприятие могут вызвать у человека достаточно сильную эмоциональную реакцию и тем спровоцировать аффективное состояние, стресс, неадекватное поведение и тем самым снижение самоконтроля.

Эмоциональные и рациональные состояния сознания и речь

Как уже отмечалось, важнейшим показателем эмоционального или рационального состояния сознания субъекта выступает его речь, причем не только ее качество, но и количество. Так, В. Г. Гак в одном из своих как всегда блестящих выступлений заметил, что в зависимости от силы чувства к женщине речевая деятельность мужчины претерпевает значительные изменения. В частности, желая привлечь к себе внимание понравившейся ему женщины, мужчина становится разговорчивым, остроумным и галантным. Если же женщина производит очень сильное впечатление на мужчину, то он в ее присутствии начинает теряться, заикаться, его речь становится сбивчивой и невнятной. Но вот если мужчина по-настоящему влюблен, то в присутствии своего объекта он просто теряет дар речи: *Иду к тебе, от страха замирая / Но голос, дрогнув, изменяет мне. / Лучистый взор твой встретить я не смею, / Я пред тобой безмолвен, я немею.* (Вийон) [Гак 1994:180].

Тонко подмеченная В. Г. Гаком связь между эмоциональным состоянием субъекта и его речевой деятельностью не ограничивается мутизмом, элоквен-

цией или афазией, а проявляется еще во множестве самых разнообразных явлений, прямо или косвенно связанных с эмоциональными, рациональными, а также эстетическими состояниями сознания. (Ср. «Гармония и дисгармония в душе человека отражается в его речи. Упорядоченный стиль мышления выражается в логичной (рассудочной, интеллектуальной) речи, а беспорядок в мыслях отражается в речи как бессвязность, невнятность, многоречивость, путаность, сбивчивость, зацикливание и т. п.» [Крылов 2003: 306]. Ср. «Вор Маско говорил таким путанным, уродливым языком, точно он перенес инсульт» (В. Пьецух).

Показательными и значимыми в определении и описании эмоциональных и рациональных состояний сознания выступают, таким образом, такие квантитативные и квалификативные особенности речи говорящего, как ее количество и качество, темп и тембр и т. п., ср. *многословный — немногословный — бессловесный*. При этом количественные и качественные, прямые и косвенные характеристики эмоциональных и рациональных состояний сознания оказываются принципиально важными для квалификации субъекта речи: его характера, свойств личности, склонностей, намерений и др. Ср.: «*Педантичный, немногословный*, он был чрезвычайно высокого мнения о своей персоне» (В. Кожевников); «*Валько* был человек *немногословный*, и никто никогда не знал, что совершается в душе его под цыганской внешностью» (А. Фадеев); «*Лихачёв* был *хмурый, сдержаный, немногословный*» (С. Довлатов); «Недавно выпи-
савшийся из клиники *хмурый немногословный* мужчина пришел к концу рабо-
чего дня» (Л. Зорин); «*Поначалу он и мне показался суров: ... хмуроватый и
немногословный*» (А. Крон); «*Дворецкий* был *сухой и немногословный* субъект
с лицом скопца» (Б. Хазанов).

В описании эмоциональных и рациональных состояний сознания обычно используется не одна, а несколько характеристик, которые оказываются взаимосвязанными. Так, *многословный* сочетается с *шумный, развязный, (говорить) восторженно, захлебываясь, болтливый, суевийский* и т. п.: «*Приехал из Тбилиси Лева, шумный и многословный*» (Б. Левин); «... за ближайшим столиком какой-то *развязный и многословный* субъект ожесточенно хвалил французскую поэзию» (Г. Газданов); «*Матильда, восторженно захлебываясь, превращала прощание с хозяйкой дома в многословный монолог*» (В. Набоков); «*Афанасий и заказчик между тем разговорились, языки их развязались, и они мало-помалу вступили в тот особенный, отчаянный, непередаваемый, болтливый и многословный торг*, который обычно имеет место только на толчке среди профессиональных толчковых перекупщиков» [Н. Никандров]; «*То и дело приезжали какие-то посланцы... один полный, суевийский, многословный, другой старик с тонкими губами на лисьем лице*» (В. Жаботинский).

Материал показывает, что *многословие* также связано с эмоциональностью, стыдливостью, неуверенностью, увлеченностью и др. переживаниями, свидетельствующими, что человек находится в не совсем уравновешенном эмоци-

нальном состоянии: «*Многословный приступ* и переход в церковнославянский регистр показывали, насколько он *стыдится* разоблачаться перед Вихровым» (Л. Леонов). При этом *немногословность* чаще всего интерпретируется как достоинство. Эта характеристика чаще всего сочетается со *спокойный, уравновешенный, сдержаный, тихий, благородный, мужественный, честный, герой, трудяга, трудолюбивый, одарённый, обходительный, любезный, скромный,ласково печальный, приятный в общении, (слегка) застенчивый, прямодушный, бесхитростный, ненадоедливый, (очень) славный, (феноменально) эрудированный (в своей области), степенный, симпатичный и др.*: «Наш *немногословный, спокойный папа*. Он не умел, как мама, знакомиться с известными актерами и дипломатами» (Н. Щербак); «Обычно *спокойный, уравновешенный и немногословный*, Матвеев сейчас несколько взволновался» (Г. Адамов) (см. также [Рябцева 2014]).

Эмоциональные и рациональные состояния сознания и «язык движений»

Бессознательное в речи имеет свою знаковую «мультимодальную» систему — «body language», «которая представляет собой наиболее достоверный способ передачи информации, особенно по сравнению со звучащей речью» (ср. [Зарецкая 2002: 152]), и которая, как явление сознательно контролируемое, позволяет легко и свободно порождать ложь, обман, введение в заблуждение и т. п. Показательно, что в языке существует множество оборотов и выражений, которые объективируют, «диагностируют», «расшифровывают», квалифицируют и квантифицируют эмоциональные и рациональные состояния сознания по их проявлениям и воплощениям в «языке тела»: *рвать на себе волосы (от отчаяния), падать/упасть духом, всыпить, кипеть от негодования/ возмущения, метать громы и молнии, оказаться между молотом и наковальней/ меж двух огней, попасть впросак/ в переплет, сесть в калошу, опростоволоситься, выбить из колеи, море по колено, не от мира сего, как в воду опущенный, встать не с той ноги, повесить/ понурить голову, пороть горячку, наломать дров, далеко зайти, оказаться у разбитого корытта, встать попerek горла, мутить воду и др.*

Так, одним из способов фиксации в языке «body language» (в широком смысле) выступает тот факт, что наблюдаемые эмоционально маркированные отклонения от нормального (ожидаемого), в том числе и речевого поведения, отражаются в аксиологически маркированной разговорной (обычно несколько сниженной) лексике, метафорически квалифицирующей их через уподобление поведению животных, ср. *набычиться, петушиться, ершиться, артаситься, хорохориться, взбелениться, буйствовать, собачиться, смотреть волком, на-дуться, как мышь на крупу, вертеться как уж, вертихвостка* и др.: «Да ты не еришись, я тебе не в укор говорю» (Н. Островский), ср. *молчать как рыба/ как сыр, трещать как трещотка*. Упрямство в поведении (ср. *артаситься*) приводит к отрицательным последствиям, склоняющим к конфликтам, ссорам и т. п.: «Режиссёр наш Григорий

Григорьевич Павлик предлагал устроить искусственный дождь, но оператор Кольчугин *настаивал на натуральном дожде, артачился и поссорился с директором картины Найманом*» (В. Аксенов).

Итак, лексика, грамматика и фразеология, отражающие знания и представления носителей языка о «количестве и качестве» эмоциональных и рациональных состояний сознания, зафиксированных в самом языке, как было неоднократно продемонстрировано, отличаются многообразием и прямо или косвенно связывают эмоциональные и рациональные состояния сознания не только с их внешним проявлением — в поведении, речи, внешнем виде, с выражением лица и глаз, но и с внутренними качествами: с настроением, характером, манерами и т. п., а также показывают, что главное — контролировать свое поведение, не отдаваться полностью своим чувствам, впечатлениям, эмоциям, занятиям и т. д., и не терять чувство реальности и контроля над собой, как в приводимых ниже примерах с употреблением соответствующих показателей *самозабвенно и засыпаться*.

Так, *самозабвенно* — значит «испытывая определенные сильные чувства», которые могут ослабить (рациональный) контроль над ситуацией, своим поведением и действиями или привести к его утрате, ср.: «И ему казалось, что это все-таки она, тоже она, и он влюблялся *исступленно, самозабвенно, слепо*» (В. Рыбаков); «Читал он *самозабвенно* и не замечал, как испуганный котенок царапал ему грудь сквозь рубашку» (С. Гандлевский); «Вечером напялила свитер, *самозабвенно* поглаживая мягкие волокна, и втихаря съела почти всю ореховую плитку, от чего ужасно разболелся живот» (Н. Щербак). *Засыпаться* обычно относится к детям и подразумевает, что они что-то не замечают: «И мгновенно вспомнил я, как часто, *засыпавши*, ты не откликался, когда тебя звали!» (Юрий Казаков). «*Засыпались* они, не заметили, как зашли глубоко в чащу» (Чингиз Айтматов). «Я семи лет овец пасла, с ягнятами *засыпалась*, овцы в огород зашли...» (Б. В. Шергин). «Один такой вот мальчишка ... шел за хлебом в ближайший магазин да *засыпался* на улице с пачанвой». (Афанасий Мамедов). «... как ребенок, *засыпавший* в прятки» (Павел Крусанов). «У нее здесь подруг полный дом, и все ее любят, — успокоил я. — Зашла к кому-нибудь и *засыпалась*» (Владимир Железников). Особенно опасно «увлечься» каким-то предосудительным делом, ср. *самозабвенно врать, обирать, истреблять*: «Она читала, как графы Грэхэм *самозабвенно истребляли* друг друга во славу Алой или Белой розы» (Р. Штильмарк); «— Да, пришлось повозиться, — стала *самозабвенно врать* Светка» (И. Антонова).

Увлечься игрой, «засыпаться», особенно в переносном смысле, могут не только дети, но и взрослые. «*Засыпавши*», человек *не слышит*, что ему говорят посторонние, *не замечает*, что происходит вокруг, забывает о времени, о делах, проблемах и т. д., теряет осторожность, *осмотрительность*, *контроль* над собой и т. д. Если при этом играют во «взрослые игры» (дела), то, *в конец засыпавши*, можно *запутаться*: «Человек сотворен, жить пущен, а ему, ишь,

другого себя подавай. Запутался, ох, запутался, вконец заигрался» (В. Распутин). Особенno активно и интенсивно втягивают *азартные игры* и действия: взрослый забывает о своих обязательствах, обязанностях, об осторожности, ответственности, опасности и т. п.: «Ну вот, мы играли, играли и *заигрались...*» (Б. Окуджава); Всегда *осторожный и осмотрительный* в отношениях с женщинами, он, похоже, на этот раз *заигрался*» (Д. Рубина); «Или я так *заигрался* в свои придурочные *игры*, что *потерял над собой контроль* и ввел в заблуждение даже этого старого, опытного врача?» (Ю. Нагибин); «А иногда так *заиграешься*, что начинаешь верить в собственное вранье» (С. Романов); «... молодость, красота, хочется все это сохранить, как можно дольше, а ей уже под тридцать. В каком-то смысле, она тоже *заигралась*. Вы оба *весьма азартны*» (С. Осипов); «Если бы парни из группы захвата принялись бороться с Осипом, он, чего доброго, мог *заиграться* и впрямь пустить в ход холодное оружие» (В. Рецептер); «Впрочем, взрослые сами виноваты, увлекшись побочными занятиями, *заигрались* в сыщиков и воров» (Э. Лимонов). В жизни оказывается очень важно уследить за тем, чтобы *игра* не привела к беде: «Я как-то сказал ей, что единственное занятие, единственная работа, которая не показалась бы мне противной, это — ловить *заигравшихся* детей на краю обрыва» (И. Ефимов).

Состояния сознания и их регуляция (по данным языка)

Отклонения от нормального («спокойного») эмоционально-рационального состояния сознания, как было показано, связаны со снижением самоконтроля: чем более отклоняется от нормы состояние сознания, тем в меньшей мере человек способен контролировать свое поведение. Важнейшим моментом в характеристике состояний сознания выступает их отношение к «пределу», достигнув которого субъект теряет здравомыслие: «чем больше аффект, тем меньше разума» в мыслях, поведении и даже внешнем виде: *на грани нервного срыва/ помешательства, на пределе возможностей, сводить с ума*. Так, «Сравнение «небо с овчинку показалось (кажется, покажется)» основано на представлении о том, что при болевых ощущениях и т. п. человек почти не воспринимает окружающий мир» [Шестеркина 2011: 243]). Причем *до потери сознания/ пульса/ памяти/ до умопомрачения* можно и любить, и ненавидеть, и бояться, и быть счастливым (ср. *потерять голову от горя/ радости vs. пребывать в здравом уме и добкой памяти*), безумными могут быть глаза и от любви, и от ненависти, ср. *обезуметь от счастья/ любви/ страха/ горя*.

Иначе говоря, не только отрицательное воздействие и отрицательные эмоции могут лишить человека внутреннего равновесия, но и положительные, когда их «градус» зашкаливает, ср. *безумная тоска/ радость/ любовь, безумное горе/ счастье*. Поэтому ни сильно унывать, ни сильно радоваться не рекомендуется, ср. *дикий восторг, blind optimism*. Количество «переживаний» может вызвать новое «качество» эмоционально-рационального состояния сознания — изменить его настолько, что оно окажется клинически опасным. Так, *от счастья* можно, с одной стороны, *просиять, ахнуть, вздрогнуть, под-*

прыгнуть, млечь, закрывать глаза, с другой — не помнить себя, задыхаться, завывать, чуть в обморок не упасть, обалдеть, умереть: «Когда Николай Андреевич прочёл эту фразу, ему показалось: прочесть о себе такие слова и умереть от счастья» (В. Гроссман), ср. *убитый горем*.

В практическом отношении чрезмерные/ «избыточные»/ крайние/ максимальные отклонения внутренних эмоциональных состояний сознания от нормы и их интенсивные проявления, а также достижение некоторого «предела» в эмоциональном состоянии сознания, независимо от того, являются ли они положительной или отрицательной реакцией на происходящее, чреваты серьезными последствиями: могут вызывать переход в «измененное состояние сознания» [Tart 1972], выход из которого может стать клинической проблемой, поэтому важно следить, чтобы не переступить предел, максимум, черту. Особенно если это касается подрастающего поколения, детей и подростков. В связи с этим в современной мировой педагогике, социологии и психологии все более отчетливо формулируется необходимость обучения детей эмоциональному самоконтролю и формированию новой практической дисциплины — «позитивная саморегуляция личности» (подробнее см. [Рябцева 2011]), а в педагогической науке активно разрабатывается тема «эмоционального интеллекта» (см. об этом ниже).

Тем не менее, хотя в современных психотерапевтических практиках эмоционально-рациональной саморегуляции личности учитываются, казалось бы, все существенные содержательные и лингвистические свойства текста, оказывающие эмоционально положительный суггестивный эффект, создаваемые при этом тексты значительно уступают аналогичным «традиционным» («народным», фольклорным, устным и т. п.) в том, что не учитывают важность эстетической функции языка и речи: ритма, рифмы, аллитерации и мн. др. (ср. пословицы, поговорки, частушки, считалки, загадки и т. п.).

В целом языковой материал показывает, что при описании эмоциональных и рациональных состояний сознания количество и качество непосредственным образом взаимодействуют друг с другом: количество и качество познаются в сравнении, которое, в свою очередь, связано с градацией. Эмоциональные состояния сознания в количественном отношении характеризуются понятиями мера, отклонение от нормы, градуальность, интенсивность (проявления), предельность и др., которые имеют качественный смысл и чаще всего при их квалификации характеризуются субъективностью (ср. [Рябинина 2003]). Эмоциональные состояния сознания связаны не только с их «количественными» внешними проявлениями (скоростью/ темпом речи, действий, реакции, степенью отклонения от нормы поведения и т. п.), но и с внутренними качествами личности: характером, склонностями, настроением, душой, духовным и даже эстетическим миром.

Таким образом, проведенное исследование показывает, что при анализе «рационально-эмоциональных» состояний сознания субъекта большое зна-

чение имеют количественные и качественные показатели эмоциональной реакции субъекта на свое и чужое поведение, слова, на вызываемые реакции и последствия межличностного взаимодействия. В настоящее время в мировой науке эти понятия объединяются в общенациональный концепт «эмоциональной интеллекта». При этом к основным принципам развития и функционирования эмоционального интеллекта субъекта относится контроль над «количеством» и «качеством» переживаемых и выражаемых им эмоций, а также связанные с ними самооценка, самосознание, саморегуляция, осознание эмоционального состояния участников коммуникации, возможности его регуляции и мн. др.

Так, человек с высоким эмоциональным самосознанием чаще прислушивается к своим эмоциям и знает, какое влияние оказывают чувства на его психическое, рациональное состояние и работоспособность. Такие люди способны хорошо чувствовать свои наиболее важные ценности и интуитивно избирать наиболее эффективный способ поведения в трудных ситуациях, оценивая благодаря интуиции ситуацию в общих чертах [Гоулман 2008]. В соответствие с этим в данной части раздела на широком лингвистическом материале было показано, что чем более эмоционально ведет себя человек, тем менее рационально он способен поступать: количество переходит в качество и перестает подчиняться своему субъекту. Следует добавить, что «эмоциональный интеллект» непосредственно связан с интеллектом культурным [Livermore 2010; Stein, Book 2000], который играет первостепенную роль в формировании «эмоционального интеллекта» и задействует элементы «нейроэстетики».

Эмоциональный интеллект и нейроэстетика

«Эмоциональный интеллект», как и «нейроэстетика», — это новые «отрасли» науки, изучающие реакции мозга, в первую очередь, реакции «фасцинативные», на художественные явления, в том числе на литературу и коммуникативные «события». Авторами нейроэстетики являются профессор нейробиологии Семир Зеки (Лондон) [Zeki 2001] и индийский невролог, директор Исследовательского центра высшей нервной деятельности Вилейанур Рамачандран [Рамачандран 2006], назвавшие базовые принципы восприятия красоты (ср. [Mayer, Salovey, Caruso 2008]). Что касается эмоционального интеллекта, то его первое научное упоминание обычно связывают с исследованием Уэйна Пейна «Исследование эмоций: Развитие эмоционального интеллекта» [Payne 1996], в котором «эмоциональный интеллект» определяется как способность не только контролировать свои эмоции, но и уметь их оценивать, а также оценивать различные эстетически значимые явления. Так, было установлено, что особое значение в восприятии эстетического вообще и художественных произведений в частности имеют такие явления и характеристики, как симметрия, гармония, упорядоченность, повторение, порядок, ритм и ритмизация, уход от стереотипности, индуцирование креативности, метафора и мн. др. (ср. [Потебня 1976]).

Эти процессы имеют общий механизм, расширяющий восприятие и понимание культурного явления. Они формируют повышенное внимание адре-

сата и его попытку познать первоначальный смысл явления, развивают автокоммуникацию, побуждают к интеллектуальной активности, креативности, самостоятельности, интерпретации и т. п., т. е. к возникновению особого эмоционально-эстетического состояния, позволяющего осознанно и глубинно воспринимать, в частности, художественное явление (ср. [Омельченко 2018: 74]).

Однако целый ряд последних исследований показывает, что нейроэстетический компонент играет более заметную роль в формировании эмоционального интеллекта и даже рационального интеллекта в принципе. Более того, принципы «эмоционально-эстетического» восприятия действуют в гораздо большем количестве самых разнообразных социальных и коммуникативных ситуаций. Особо подчеркивается его значение в образовании вообще и в обучении иностранному языку в частности [Анненкова 2018; Омельченко 2018: 75; Сороколетова 2019: 444]. Главная идея проводимых в этом направлении исследований — установление того, как «эмоциональный интеллект» влияет на «рациональный интеллект» и когнитивные способности человека, и как они взаимодействуют с эстетическим восприятием ситуации.

Кроме того, последние проведенные нами исследования в области научной коммуникации показывают явную тенденцию к интеграции рационального, эмоционального и эстетического в современной научной коммуникации в принципе — с одной стороны, и (этно)культурную маркированность такой интеграции — с другой (Рябцева 2018а; 2019б; Riabtseva 2020]. В связи с этим перспективным направлением дальнейших исследований научной коммуникации видится возможность использования в них нейроэстетических принципов исследования, способных, как представляется, более полно и точно охарактеризовать связь «эстетики» научной коммуникации с коммуникативными традициями и инновациями в разных языках, в частности, синкретизм эмоционального, рационального и эстетического в современной научной коммуникации.

Глава 4. Синкретизм эмоционального, рационального и эстетического в современной научной коммуникации

В данной главе дана интерпретация приемов выражения эстетических смыслов в названиях современных научных публикаций на русском и на английском языке. Показано, что отличительные особенности названий научных публикаций на этих языках начинают нивелироваться благодаря тенденции к использованию инновационных выразительных стилистических средств смежных стилей и жанров и их конвергенции и синкретизму, позволяющим не только придать названию эстетически значимое звучание, но и оказать активное воздействие на адресата научной коммуникации. Рассматриваются также когнитивные эмоции, их роль в научном дискурсе, способы их полимодальной вербализации и их прагмаэстетические функции, в частности, их способность к «перспективизации» коммуникации и ее восприятия.

Лингвистическая эстетика и современная научная коммуникация

Проблемы эстетики давно привлекают внимание лингвистов. Помимо изучения языка поэзии и художественной литературы (М.М. Бахтин, Ю.М. Лотман, И.И. Ковтунова, Демьянков 2013: 35 и мн. др.), а также таких особо выделенных в стилистическом, эстетическом и коммуникативном отношении лингвистических явлений, как фразеология и паремиология (З. К. Тарланов, В. Мидер и др.), объектом «эстетических» лингвистических исследований становятся самые разнообразные коммуникативные явления. Так, в XX в. заметное внимание в лингвистике, лингвопоэтике и теории текста получило взаимовлияние языка философии и поэзии. Этим вопросам были посвящены исследования Вяч. Вс. Иванова, Ю.С. Степанова [2009], Н.Д. Арутюновой [1999], О.Г. Ревзиной, В.П. Григорьева и мн. др. Было проведено системное описание конвергенции философского и поэтического текстов, а также выявлены теоретические основания сближения языка философии и поэзии. В числе этих оснований указываются такие явления, как актуализация семантической мотивированности грамматических, словообразовательных, фонетических и других ресурсов языка, признание эстетической функции слова и текста, а также способность языка к синкретичному выражению нескольких взаимосвязанных смыслов и т.п.

В XXI в. появляются исследования по сопоставлению лингвистической эстетики не только поэзии и языка философии, но и других видов коммуникации. Так, важными в теоретическом аспекте представляются работы ряда философов и лингвистов, в которых отмечается близость эмоционального, эстетического, маркетингового и политического дискурсов (Ю. Хабермаса, Ж. Бодрийяра, Ж. Делеза, Б. Гройса и др.). Они образуют класс «дискурсов активного воздействия», в исследовании которого делается акцент на «прагматически эстетическом» компоненте дискурса как коммуникативного действия, основным инструментом воплощения которого становятся запограммированные (отправителем сообщения) нарушения стандартных алгоритмов интерпретации текста.

Последние воплощаются в использовании неконвенциональных языковых средств, которые, в свою очередь, приводят к повышению усилий реципиента при декодировании передаваемой информации. В результате проявляется типологическое сходство и «параллельное развитие» заведомо разнородных типов дискурса с дискурсом поэтическим, эстетически маркированным. Становится актуальной проблема описания междискурсивного взаимодействия, которая требует сочетания целого ряда лингвистических методов: лингвистического, поэтического, коммуникативного и когнитивного с философским, семиотическим и культурологическим подходами.

Наиболее значимым свойством сходных в этом отношении типов дискурса выступает их активное воздействие на адресата за счет, в частности, уменьшения дистанции между адресантом и адресатом и повышения прагматического

эффекта сообщения. Активизация достигается в том числе и с помощью отступления от стереотипа, употребления нехарактерных для данного стиля общения средств, способных инициировать де-автоматизацию общения и придать ему креативный характер. Возникающий при этом «когнитивный диссонанс» между взаимодействующими в коммуникации и противопоставленными друг другу стилями и жанрами запускает механизм «разрушения алгоритмизированных моделей интерпретации» и активизирует творческие процессы восприятия. Так, использование языковых средств «смежных» языковых стилей и жанров: художественного, поэтического, публицистического и т. д. порождает не только «междискурсивное взаимодействие», но и освоение и заимствование отдельных дискурсивных элементов из других типов дискурса, а также своеобразную «интерференцию» стилистических средств разных жанров.

Происходящая таким образом «контаминация» различных типов дискурса и их синкретизм представляют собой конструктивный и креативный принцип их совмещения. Он манифестируется, в частности, в виде новых синтетических жанровых форм (реклама-стихи, агитпоэмы и пр.), адаптации и интеграции инновационных языковых приемов и коммуникативных стратегий. Так, образование новых жанров сопряжено с интенсивным поиском и выражением новых художественных смыслов, с созданием новых «жанров-гибридов», с «монтажом» и повышением «междискурсивной мобильности» стилистических средств смежных жанров, с активизацией благодаря этому фатической функции сообщения, с деавтоматизацией его восприятия и т. д.

Кроме того, особо значимая в настоящее время ограниченность сообщения во времени и пространстве формирует принцип передачи минимального информационного объема с помощью максимально эффективных средств воздействия, к которым относятся неконвенциональные, экспериментальные языковые элементы, стилистические и жанровые заимствования и т. п. Происходит использование разнообразных средств языковой компрессии, связанное с тенденцией к экономии и оптимизации языкового кода, а также повышение их экспрессивности за счет особо выделенных в эстетическом отношении средств, в том числе фоносемантической организации текста (подробнее см. [Степанов 2009; Азарова 2010; Соколова 2014: 18–49]).

В результате минимализация как прием структурной организации текста, в том числе и научного, в первую очередь его названия, способствует интенсификации семантического объема на минимальном пространстве и его более эффективному воздействию (ср. [Соколова 2014: 151]). Указанные тенденции проявляются все более активно в современной научной коммуникации вообще и в названиях научных докладов и публикаций — в особенности.

Эстетически маркированные названия в научной коммуникации стали впервые появляться и активно использоваться в публикациях носителей английского языка. Это, в свою очередь, объясняется более непринужденным и ориентированным на адресата характером коммуникации на английском язы-

ке в принципе (ср. «English academic writing requires a certain explicitness and reader friendliness» [Curry, Chambers 2017: 328]; см. также [Salager-Meyer 2011; Mauranen 1992; Orta 2010; Terence 2012; Рябцева 2018б].

Традиционно эстетический компонент в названиях научных публикаций, в первую очередь, на английском языке, в лингвистическом отношении связан с такими яркими стилистическими явлениями, как симметрия, гармония, особенно звуковая, звучание, ритм, параллелизм, противопоставление, повтор, игра слов и др., ср. Fishman J. *Bilingualism with and without Diglossia; Diglossia with and without Bilingualism* (The Journal of Social Issue. 1967. № 23. P. 29–38). Широко распространенная в названиях статей в современной научной коммуникации аллитерация выделена курсивом в следующих примерах: Jucker A. H., Taavitsainen I. *Diachronic corpus pragmatics. Intersections and interactions* (I. Taavitsainen, A. H. Jucker, J. Tuominen (eds.). *Diachronic corpus pragmatics*. Amsterdam: John Benjamins, 2014. P. 3–26); Swales J. M. *Research genres: Explorations and applications* (Cambridge: Cambridge University Press, 2004). Аллюзия присутствует в названиях типа Beun R. J. *Context and form: Declarative or interrogative, that is the question* (H. Bunt & W. Black (eds.).

Важным средством «аттрактивности» названия научной статьи [Филоненко 2008] стала цитация (выделена курсивом): Lutzky U., Kehoe A. «*I apologise for my poor blogging*»: Searching for Apologies in the *Birmingham Blog Corpus* (*Corpus Pragmatics*. 2017. №. 1. P. 37–56); Lutzky U., Kehoe A. «*Oops, I didn't mean to be so flippant*». A corpus pragmatic analysis of apologies in blog data (*Journal of Pragmatics*. 2017. № 3. DOI: 10.1016/j.pragma.2016.12.007); Kecske I., Kirner-Ludwig M. «*It would never happen in my country I must say*»: A corpus-pragmatic study on Asian English learners' preferred uses of *must* and *should* (*Corpus Pragmatics*. 2017. Vol. 1, № 2. P. 91–134).

Показательно, что в научной речи на русском языке также стали появляться названия докладов и публикаций указанного типа, например: О.А. Леонович. «*Слово и образ в поисках друг друга*»: позитивные и негативные последствия трансформаций в процессе интерсемиотического перевода (научный доклад на международной конференции — НД 2017); С.Т. Золян. «...*Образ мира, в слове явленный*». Людвиг Витгенштейн и иконическая семиотика (Слово.ру: Балтийский акцент. 2018. Т. 9. №2. С. 21–36) и мн. др.

Как уже отмечалось, если вопросительные предложения в научной литературе и ранее встречались (время от времени) в названиях научных публикаций, особенно научно-популярных, то сегодня они становятся более эмоционально насыщенными и «импрессивными», в том числе и на русском языке: Н.М. Перельгут, О.Я. Яковишак. «*Эволюция и революция в научном дискурсе?*» (НД 2014). При этом количество названий в форме вопроса, как показывают исследования на материале разных языков, еще значительно отличается друг от друга. Тем не менее, они становятся все более привычной формой «привлечения внимания» к научной публикации. Это объясняется тем, что прагматическая

интенция прямых обращений, реализованная в виде вопросительной формы, ориентирована не столько на диалог, сколько на повышение экспрессивности сообщения.

Вопросительная форма означает риторический вопрос, т. е. «выполняет иллокутивную функцию восклицательного или побудительного предложения» [Соколова 2014: 148] и тем самым совмещает в себе комплекс коммуникативных функций, включая эстетическую, например, как следующее название, содержащее поэтическую аллюзию: А.В. Кремнева. *«Всякий ли текст мечтает стать прецедентным?»* (НД 2014).

В целом эстетически маркованные смыслы в названиях научных публикаций на разных языках воплощаются и проявляются в единстве и гармонии формы и содержания, а также в их неожиданном сочетании. Так, предельно характерное для поэзии и художественной литературы средство «аспенса» — многоточие, теперь используется и в названиях современных научных публикаций: О.А. Гусева. *«Коммуникативно значимый... смех»* (НД 2014).

Приведенные примеры показывают, что в современной научной коммуникации намечается тенденция к эволюции научного стиля и в отражающих ее названиях научных публикаций. Последние становятся более компактными, выразительными и экспрессивно маркованными. При этом заметную роль в их организации играют соображения эстетического характера, и часто не традиционные, а новаторские, креативные, отражающие дух современной эпохи и непосредственно связанные не только с эмоциональным и «импрессивным» потенциалом инновационных средств выражения смысла, но и с особенностями современных цифровых технологий, ср. до сих пор беспрецедентно эффективное и уже упоминавшееся название известной книги выдающегося британского лингвиста: David Crystal. *Txtng: The Gr8 Db8* (Oxford: Oxford University Press, 2008).

Таким образом, «Эстетическая оценка... преобразует что в как» [Арутюнова 1999: 535], а эстетический компонент в названиях произведений в современной научной коммуникации преобразует эти названия в эстетически маркованный способ «активного воздействия на адресата». Происходит метасинтез научного и художественного языка: их сближение, взаимообогащение и эволюция. И если в течение долгого времени названия научных публикаций на английском и русском языках кардинально отличались друг от друга (подробнее см. [Рябцева 2018б; 2018е]), то в настоящее время наблюдается тенденция к их сближению и нивелированию различий между ними, особенно в связи с ростом публикаций в международных научных журналах и ростом количества самих этих журналов, издающихся на английском языке.

«Когнитивные эмоции», полимодальность научного дискурса и pragmaестетические эффекты

«Когнитивные эмоции» (англ. «knowledge emotions»), связанные с процессами понимания и осмысливания поступающей информации [Silvia 2009: 48;

Scheffner 2010], в настоящее время составляют новый перспективный объект современных когнитивных исследований. В последних подчеркивается, что при изучении сознания и мозга нельзя игнорировать особо важную роль эмоций в когнитивных процессах, а также в их взаимодействии. Так, уже отмечалось выше, что эмоции часто лежат в основе таких рациональных явлений, как выбор, принятие решения и мн. др. [Ekman 2004; Damasio 2010; Barret 2017].

В целом полученные в новейших исследованиях данные о когнитивных и нейронных процессах, лежащих в основе обработки эмоций, показывают необходимость изучения взаимодействия рационального и эмоционального в деятельности человека [Zajonc 2000; Smith 2017]. В результате можно констатировать, что одной из перспективных проблем в системном описании когнитивного мира человека выступает интегральное представление в нем взаимодействия эмоционального и когнитивного — с одной стороны, а также установление роли особых «когнитивных эмоций», представляющих собой органичный синтез эмоционального и когнитивного и возникающих в особых когнитивных ситуациях — с другой: «*While reason and feeling can be distinguished in theory, they are intimately related in our experience of them*» [Yob 1997: 44].

Наиболее характерными и типичными когнитивными эмоциями считаются уверенность (*confidence*), удивление (*surprise, astonishment*), любопытство и любознательность (*curiosity*), интерес (*interest*), сомнение (*hesitation*), замешательство (*confusion*), недоумение, растерянность и др. При этом когнитивные эмоции могут быть выражены или описаны с разной степенью «интенсивности», ср. *to our great surprise — somewhat unexpectedly*, а также при помощи разнообразных в грамматическом, лексическом, морфологическом и т. п. отношении средств, ср. *unusual, uncommon, intriguing, remarkable, exceptional, striking, amazing, extraordinary, impressed, unanticipated, unpredictable, unforeseen, not presumed, contrary to assumption, contrary to our expectations, least anticipated* и др. Когнитивные эмоции отражают одновременно как аффективное, так и эпистемическое состояние субъекта познания и коммуникации [Hu, Chen 2019: 156–168], их синкретизм. В частности, они или характеризуют *ожидания* (ср. без тени сомнения), или показывают, что имеющее место положение дел (в какой-то степени) соответствует или, что чаще, не соответствует *ожиданиям*. Показательно в этой связи наличие когнитивного смысла «знать» в толковании предиката *ждать* (в составе пресуппозиции): ‘зная или считая, что должно или может произойти некое событие, нужное субъекту или касающееся его, быть в состоянии готовности к нему....’ [Апресян 1997: 112].

Психологическое проявление эмоций принципиально отличается от их вербализации. Первое спонтанно, часто слабо контролируемо, проявляется внешне (в поведении, движении, взгляде и т. п.) и тем самым «наблюдаемо» [Рябцева 2019б]. Вербализация эмоций, напротив, предполагает их определенное «окультуривание»: называние, характеристицию, квалификацию, а иногда сдерживание или сокрытие. При этом обязательным условием возникновения

когнитивной эмоции, в частности удивления, выступает появление «триггера» — явления или факта, противоречащего ожиданиям, несоответствия между тем, что есть или возникло, и тем, что ожидалось.

Особую роль когнитивные эмоции играют в научном дискурсе. Несмотря на то, что научный дискурс считается, как уже отмечалось, основанным на фактах и аргументах и потому носит объективный «бесстрастный» характер, лишенный эмоциональной составляющей, ему вполне свойственны когнитивные эмоции, в первую очередь такие, как удивление, которые «участвуют в порождении нового научного знания» («Surprise and its expressions are fundamentally involved in the construction of scientific knowledge» [Hu, Chen 2019: 166]). Так, выражение когнитивных эмоций в научном дискурсе обусловлено выполнением отражающими их средствами целого ряда когнитивно-коммуникативных и pragматических функций, связанных с познанием и его изложением и способных к тому же обретать эстетически значимый смысл.

Не случайно, что в научном тексте при описании не соответствующей ожиданиям ситуации используемые для указания на это «маркеры удивления» (*surprise markers*) [Hu, Chen 2019: 156-168] часто стоят в начале предложения: *Somewhat unexpectedly, Surprisingly, To our great surprise, Contrary to prediction, What is immediately striking here is that* и т. п. Тем самым они «выполняют функцию риторического средства привлечения внимания» (appear to serve an attention-catching rhetorical function) [Hu, Chen 2019: 164]. В результате «маркеры удивления» как метадискурсивные и метакогнитивные компоненты речи в научном дискурсе призваны привлечь внимание адресата, «вовлечь» его в процесс «исследования» и благодаря этому повысить привлекательность текста [Рябцева 2018г]. Такой «полимодальный» прием привлечения внимания облегчает восприятие текста и его содержания, обеспечивая «диалогичность» научного дискурса и вовлеченность адресата в совместную деятельность получения нового научного знания и его проверки «на прочность»; ср. «Surprise generally involves the reader as a witness, and contributes, with other rhetorical markers, to “interlocutive” dialogism» [Tutin 2015: 415].

«Полимодальный характер» научной коммуникации придает «дискурсивное» проявление в ней когнитивных эмоций, которое оказывается вербально и стилистически опосредованным, «проспективным», pragmatically маркированным, а также когнитивно и коммуникативно значимым. Полимодальность в современном научном дискурсе создается благодаря объективации когнитивных эмоций при помощи разнообразных стилистических, модальных и аксиологических средств языка, основной функцией которых выступает привлечение и фокусирование внимания, а также выражение уверенности, убежденности, намеренности, подчеркивания и выделения новизны и важности сделанных выводов, надежности полученных результатов и т. п. К таким средствам относятся, в первую очередь, экспрессивно маркированные «интенсификаторы», призванные усилить выразительность и убедительность речи:

completely comprehensive/ irrelevant; considerably different; entirely appropriate; equally valid; especially important; essentially correct; exactly the same; to concern exclusively with; extremely large/ common/ complex/ difficult/ important; fully determinate и мн. др. [Рябцева 2019б] (подробнее см. выше). «В полимодальном тексте единицы неверbalного канала коммуникации манифестируются вербальными маркерами, что происходит благодаря способности человека смешивать разные семиотические коды в пространстве языка и производить интеграцию нескольких компонентов: пропозиционального (когнитивного, включающего денотативный и логический), модального и прагматического» [Берзина 2018: 84-85].

Однако наиболее показательными в когнитивно-коммуникативном отношении полимодальными средствами, связанными с «перспективизацией» когнитивных эмоций, выступают особые стилистически и «художественно» маркированные средства, способные создавать в научном дискурсе особый прагмаэстетический эффект. Соответствующими «триггерами» выступают разнообразные «заимствования» из других стилей и жанров: от каламбура и игры слов до сложных аллюзий и цитат. Чаще всего такие средства используются в особо значимых «точках» научного текста — в названии научной публикации, в названии содержащихся в ней рубрик, в аннотации и др. Так, одним из наиболее эффективных средств привлечения внимания адресата к научной публикации выступает ее название [Рябцева 2018б; 2018г].

Использование нестандартных, разнообразных в стилистическом отношении средств способствует созданию прагмаэстетического эффекта «неожиданности и удивления», например: *The Cognitive Emotions and Emotional Cognitions* [Yob 1997], Н. Б. Мечковская. *Белорусская «трасянка» как яблоко раздора и как оселок метода* (Русский язык в научном освещении. 2018. № 35. С. 226–250).

Так, «неожиданное» с точки зрения адресата встраивание цитаты, прецедентного текста или прямой речи в заголовок (в кавычках или без них) выступает в роли «триггера» и задает «перспективу» его «когнитивно-эмоционального» и потому «полимодального» восприятия, вызывая фасцинативный и, соответственно, прагмаэстетический эффект; примеры: *«To our great surprise»: A frame-based analysis of surprise markers in research articles* [Hu, Chen 2019]; *Experience Counts : Frequency Effects in Language* (ed. by Behrens Heike, Pfänder Stefan. De Gruyter, 2016); Л.Л. Иомдин. *«Хорошо меня там не было»: Синтаксис и семантика одного класса русских разговорных конструкций* (Grammaticalization and Lexicalization in the Slavic Languages. Verlag Otto Sagner. 2014. Band 55. P. 423-436); О.А. Шершукова. *О старом по-новому: Когнитивный подход к анализу количественной семантики гетерогенных имен* (Когнитивные исследования языка. Вып. XXXV. М., 2018, С. 419–426); «*Ты не повериши!*», или об изменениях в языковом «портрете» удивления [Шкапенко 2018].

Стилистически и эмоционально маркированный, «выделенный» и потому прагмаэстетический компонент в названиях публикаций в современной научной коммуникации на английском и теперь уже и на русском языке преобразует эти названия в полимодальный, «фасцинативный» способ создания когнитивного «прагмаэстетического» эффекта при их восприятии. Задается «перспективизация» порождения у адресата когнитивных эмоций, связанных с неожиданностью и удивлением, происходит метасинтез научного и художественного языка: их сближение, взаимообогащение и эволюция, а также создание особых прагмаэстетических дискурсивных средств «аттрактивности» и «вовлеченностии» адресата в коммуникацию. В результате текст приобретает «множественную дискурсивную принадлежность, значительно повышается его прагмаэстетический воздействующий потенциал, коммуникативные свойства и когнитивный заряд» [Иванова 2018: 639; Колесникова 2018: 621]. См. подзаголовки-«триггеры» в [Fillmore et al. 1988]:

- 1.2.1. *Unfamiliar pieces unfamiliarly arranged;*
- 1.2.2. *Familiar pieces unfamiliarly arranged;*
- 1.2.3. *Familiar pieces familiarly arranged.*

Таким образом, вербализация когнитивных эмоций в научном дискурсе придает ему полифонический и полимодальный характер, а их «программирование» и «перспективизация» при помощи специальных стилистически маркированных средств-«триггеров» способна создать «прагмаэстетический эффект» вовлечения адресата в коммуникацию.

Заключение

В целом приведенный материал показывает, что в настоящее время названия научных публикаций, как, впрочем, и сам научный стиль во всех языках, претерпевают серьезные стилистические и жанровые изменения и трансформации в связи с активным влиянием общекоммуникативных тенденций в современном мире. В целом их можно охарактеризовать как динамичные, инновационные, креативные, полидискурсивные, гетерогенные, «полимодально» и прагмаэстетически ориентированные. Не последнюю роль в них играет стремление к интеграции эмоционального, рационального и эстетического, а также к «перспективизации» и «программированию» рецептивных когнитивных эмоций.

ЧАСТЬ III

ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ОЦЕНКИ СТРАШНЫЙ: ЗНАЧЕНИЕ И УПОТРЕБЛЕНИЕ¹

М. Л. Ковшова²

Введение

Понятие страх существует как отрицание всего, что обеспечивает эмоциональное и физическое равновесие человека, его спокойствие, уверенность; то, что входит в противоречие с общечеловеческими потребностями в обеспечении витальности, а также нормативности, упорядоченности, необходимыми для позитивного существования человека. В Психологическом энциклопедическом словаре страх трактуется как острая негативная эмоция, возникающая в обстановке угрозы биологическому или социальному благополучию индивида и имеет разные степени интенсивности: опасение, боязнь, испуг, ужас [Еникеев 2007: 736]. Страх — наиболее общее понятие, которое относится к первичному чувству, связанному с ощущением непосредственной опасности для жизни и свойственное всем высокоразвитым живым существам. Слабым проявлением чувства страха является боязнь как неясное ощущение опасности, исходящей от определенного объекта или ситуации; внезапным проявлением чувства страха является испуг; максимально интенсивным проявлением — ужас, чувство, не совместимое ни с одним переживанием, полностью формирующий душевное состояние человека; самое сильное, подавляющее мысли и чувства, переживание страха именуется паникой. В культуре «принято различать два вида страха. Первый — это страх Божий, который продиктован любовью к Богу, стремлением выполнить Его волю и уберечься от неправильных действий и намерений. Но существует и другой страх, который “есть предвоображаемая беда; или, иначе, страх есть трепетное чувство сердца, тревожимое и сетующее от представления неведомых злоключений” (Прп. Иоанн Лествичник. Лествица, 21.3.)» [Иоанесян 2019: 71].

§ 1. Этимология слова. Словарные дефиниции

Этимология проясняет внутреннюю форму, мотивирующую эмоциональную оценку: **straxъ*; др.-русск. *страхъ*; «Это слово с первонач. знач. “оцепенение” сближается с лит. *stregti*, *stregiu* “оцепенеть, превратиться в лед”» [Фасмер 1987, III: 772]. На сенсорном уровне чувство страха выражается с помощью междометий и мимических реакций (связанных с первичной, аффективной, стадией восприятия), жестов и движений (визуального, слухового, вкусового, обонятельного, осязательного вида восприятия), направленных на остановку (фиксацию) восприятия объектов, сопряженных с чувством страха.

В русском языке о чувстве страха обычно говорят глаголами — *страшить*, *пугать*; *бояться*, *пугаться*, *опасаться*; описание и анализ см. в [Апресян 1997:

¹ Исследование осуществлено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 18-012-00736-а) в Институте языкознания РАН.

² © М. Л. Ковшова

406—408]. Образы страха в русской лексике и фразеологии исходят из физических ощущений, их мистической интерпретации и развиваются в физическом, духовном, этическом, эстетическом аспектах. Прототипическая ситуация страха выражается в конструкции: *X боится Y*, где *X* — субъект эмоции, *боится* — предикат эмоции, *Y* — объект/каузатор эмоции. Предикат связывает субъект эмоции и ее причину как свои семантические актанты. Таким образом, ядерная лексема *страх* есть свернутая дескриптивная модель, в которую включены субъект эмоции, эмоция и ее причина (объект эмоции) [Dronov, Ioanesyan, Kovshova 2019].

Прилагательное *страшный* является производным от существительного *страх*. *Страшный* — доминанта синонимического ряда, куда также входят прилагательные: *опасный*, *ужасный*, *жуткий*, *чудовищный* и др. Рассмотрим словарные толкования прилагательного *страшный* в их исторической динамике.

В Словаре Даля *страшный* tolкуется как «наводящий страх или пугающий, ужасный; || изумительный, крайне обильный, сильный»; также упоминаются: *страховитый* (областное); *страшноватый* «страшный, в меньшей степени»; *страшилый* «пугливый, боязливый, робкий»; *страхолюдный* «безобразный, уродливый, пугало» [Даль 2004, IV: 182].

Согласно Словарю Ушакова, «**СТРАШНЫЙ**, ая, ое; -шен, шна, шно. 1. Вызывающий, внушающий чувство страха, пугающий <...> || Внушающий опасения, изобилующий опасностями, опасный <...>. 2. Крайне сильный по степени проявления чего-н., весьма значительный. <...> 3. безл., в знач. *сказуемого* страшно, кому-чему. О чувстве страха, боязни, испытываемом кем-чем-н. <...> ◇ *Страшный суд* (церк.) — в нек-рых религиях: суд, к-рый будто бы будет устроен богом над всеми людьми, когда наступит «конец мира» [Ушаков 1940, IV: 551]. Смотри также однокоренные синонимы прилагательного: «**СТРАШЕННЫЙ** (обл., простореч.). Очень страшный»; «**СТРАШНЕНК** (разг. фам.). Страшен; несколько страшен»; «**СТРАШЛИВЫЙ** (обл.). Подверженный страху, пугливый» [Там же].

Ср. толкование в словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, где отмечено значение *страшного* как квалификатора других признаков, а также указана важная для употребления прилагательного форма множественного числа:

«**СТРАШНЫЙ**, -ая, -ое; -шен, -шна, -шно, -шны и -шны. 1. Вызывающий чувство страха. *C. рассказ*. Угрозы не страшны кому-н. *C. сон* (тяжёлое, гнетущее сновидение). *C. человек* (такой, от к-рого можно ожидать всего самого плохого). *Страшно* (в знач. сказ.) вспоминать о случившемся (т.е. воспоминания тяжелы, мучительны). 2. Очень сильный по степени проявления, весьма значительный (разг.). *C. шум*. Обрушиться со страшной силой. 3. То же, что исключительный (в 3 знач.) (разг.). *C. нахал*. *Страшно* (нареч.). мил. ◇ *Ничего страшного* (разг.) о том, что несерьёзно, из-за чего не следует волноваться. *Он болен? Ничего страшного?* [Ожегов, Шведова 2006: 772—773].

Наиболее подробное, на наш взгляд, описание, при котором учтены разные семантические оттенки у прилагательного *страшный* (они помечены знаком ||), дает Малый Академический словарь (МАС). Однако и в этом описании не делается акцент на значении эстетической оценки прилагательного, которая регулярно реализуется при его употреблении в речи. Приведем словарную статью МАС полностью, с примерами:

«**СТРАШНЫЙ**, -ая, -ое; -шен, -шна, -шно, страшны и страшны.

1. Вызывающий, внушающий чувство страха. *Страшный сон. Страшный рассказ. Страшное событие. Страшный случай.* □ *Поймали ежса, заблудились немножко И видели волка... у, страшный какой!* Н. Некрасов, Крестьянские дети. *Мне не так страшна смерть, как страшны невыносимые страдания.* А. Островский, Письмо М. Н. Островскому, март—апрель 1885. || *Пугающий своим безобразным видом, громадными размерами и т. п. Вслед за нею, лохмат и страшен, словно исчадие ада, вырвался откуда-то совсем неожиданно гимназический «батюшка».* Фурманов, В восемнадцатом году. || *Опасный, вызывающий чувство страха своей опасностью. Страшный путь.* □ *На р. Санхобе свирепствовала оспа. Не было ни одной фанзы, которую не посетила бы эта страшная болезнь.* Арсеньев, По Уссурийской тайге. || *Отмеченный событиями, происшествиями, вызывающими страх, какое-л. тягостное, мучительное чувство. Но вас Я не виню: в тот страшный час Вы поступили благородно.* Пушкин, Евгений Онегин. *С этой страшной ночи она перестала верить в добро.* Л. Толстой, Воскресение. *Настал страшный момент: «Адрианополь» врезался в борт «Силистрии».* Сергеев-Ценский, Синопский бой.

2. Вызывающий тягостное, мучительное чувство, производящий тяжелое, удручающее впечатление. *Узнать страшную правду.* □ *Страшна семья крестьянская В том час, как ей приходится Кормильца потерять!* Н. Некрасов, Кому на Руси жить хорошо. *Некоторые данные заставляют думать, что брак Арманды состоялся после столь страшных и тяжких сцен между Мольером и Мадленой и между Армандой и Мадленой, что жизнь этих трех лиц стала нестерпимой.* Булгаков, Жизнь господина де Мольера. *Всюду виднелись страшные следы бесхозяйственности и разрушения.* Шолохов, Тихий Дон. || *Разг. Производящий тяжелое впечатление своей худобой, изможденностью (о человеке); исхудалый, изможденный. — Кушай побольше. И на что ты похож! — вздохнула она. — Страшный ты стал!* Чехов, Невеста.

3. Разг. Очень сильный или очень большой (о степени проявления, интенсивности чего-л.). *Страшный холод. Страшная скука. Страшная боль.* □ *Любочка страшная хохотунья.* Л. Толстой, Отрочество. *На седьмой день пал на море страшный туман.* Короленко, Без языка. *Рано овдовев, она всю жизнь прожила в страшной бедности, но детей по миру не пустила.* Рыленков, Сказка моего детства.

◊ *Страшный суд* — в некоторых религиях — божий суд над всеми когда-л. жившими людьми, при наступлении «конца света» получающими по этому

суду вечное блаженство или вечное наказание в аду.

Сделать страшные глаза — выразить глазами, мимикой испуг или угрозу, предостерегая от чего-л., предупреждая о чем-л.

Не так страшен черт, как его малютят [МАС Эл. ресурс].

Согласно трем значениям, в Словаре синонимов под ред. А. П. Евгеньевой выделяются три синонимических ряда, которые заполняют разные в стилистическом отношении эпитеты: 1. Страшный (*вызывающий, внушающий чувство страха*), ужасный, ужасающий, жуткий; 2. Страшный (*пугающий своим безобразным, уродливым видом*), ужасный, страховитый, страшенный, страхо-видный, страхолюдный; 3. Страшный (*достигающий чрезвычайно высокой степени в проявлении признака, свойства, качества и т.д.*), ужасный, жуткий, чудовищный, зверский, дьявольский, чертовский, чёртов, адский, адов [Евгеньева 1975: 561—562].

Итак, «страшный» — оценочный атрибутивный негатив, объективные параметры которого формулируются в его определении. В толковых словарях прилагательное *страшный* описывается в трех основных значениях. Рассмотрение словарных толкований свидетельствует о некоторой смысловой трансформации *страшного*, что позволяет описать семантику прилагательного в аспекте выражаемых им оценок — эмоциональной, интеллектуальной, эстетической.

§2. Оценочная семантика прилагательного *страшный*

Исходя из семантики основного понятия, *страшный* — прилагательное эмоциональной оценки; как и все прилагательные, оно не имеет предметной отнесенности; его значение и употребление определяется областью денотатов, которые обладают признаком, выраженным прилагательным. Признак возникает непосредственно или опосредованно — из ощущений, вызывающих чувство страха, полученных с помощью органов чувств, прежде всего — зрения, а также слуха; из осмысления возникающих ощущений, их причин и последствий.

Семантика прилагательного *страшный* “произрастает” на почве стихийного, неконтролируемого, субъективного, создается из «синтеза сенсорно-вкусовых и психологических оценок» [Арутюнова 1998: 198—199]. На этой основе формируется значение прилагательного *страшный*, через которое выражается субъективное отношение к определяемому объекту оценки, воспринимаемому с позиции личностных и социально-культурных (коллективных) критериев.

Негативно-оценочное значение прилагательного *страшный* составляют: 1) эмоциональная оценка; 2) интеллектуальная оценка; 3) эстетическая оценка; 4) вспомогательное значение квалификатора, интенсификатора и модификатора различных признаков.

Проинтерпретируем данные семантические признаки и их оттенки, приведем примеры употребления и поясним, как в речи прилагательное *страшный* распределяется по указанным значениям.

1) *Страшный* — ‘то, что вызывает негативную эмоциональную реакцию, страшит своими внешними качествами, воспринимаемыми сенсорно (зрени-

ем, реже — слухом). Эмоциональная оценка образуется в результате того, что телесно (сенсорно) воспринимаемые впечатления интерпретируются как симптомы эмоциональных переживаний. Ср.: *На его шее проглядывала страшная опухшая рана, полная черной сукровицы.* (Александр Иличевский. Перс (2009)). *Кавказ так и остался для него страной страшных безухих псов, охраняющих подступы к морю.* (Александр Иличевский. Маттис // «Новый Мир», 2007). Есть у великого трагического художника Михаила Савицкого, прошедшего весь ад фашистских концлагерей, страшная картина «Отбор»: лежат кругом голые застреленные женщины. (Виктор Астафьев. Обертон (1995-1996)). Особенno страшная картина — обгоревшие стволы деревьев, выжженная земля — открылась перед нами на подъезде к радиотелескопу. (Владимир Губарев. Слева — Байкал, справа — тайга. Размышления во время путешествия на необычном поезде // «Наука и жизнь», 2009). Этот голос из чёрной гутта-перчевой трубы был так страшен, что Картошин на несколько минут ослеп. (А. Н. Толстой. Черная пятница (1924)).

Однако если отсутствует описание непосредственного наблюдения объекта, его внешних качеств, если оценка не дается самим субъектом, который воспринимает происходящее как угрозу для себя, если передача впечатлений не происходит в актуальном времени и пространстве, то эмоциональная реакция неизбежно “стирается”. Кроме того, прилагательное *страшный* уже в первом, эмоциональном, значении содержательнее, чем междометные эмотивы типа *ой, ай, а-а-а* и др. Именно поэтому уже в первое значение прилагательного “примешивается” интеллектуальная оценка. Часто то, что страшит своими внешними качествами, воспринимаемыми сенсорно, скорее осмысливается, чем переживается; ср., например: *Спустя минуту раздался страшный крик. Когда охрана вбежала в комнату Кортеса, они нашли тело оруженосца рядом с кроватью. Тот был уже мертв.* (Андрей Геласимов. Фокс Малдер похож на свинью (2001)). Эмоциональная реакция “ходит” на второй план, а в фокус значения “выходит” интеллектуальная оценка происходящего.

2) *Страшный* — ‘то, что вызывает негативную эмоциональную реакцию, страшит своими внутренними свойствами, которые подвергаются мысленно-му осознанию, интеллектуальной интерпретации’. Интеллектуальная оценка образуется в результате сублимации: сенсорное восприятие страшного перерождается в эмоциональную оценку, которая переходит из семантического “центра” на “периферию”, в область коннотации, на второй план, поскольку восприятие плана содержания объектов требует осмысливания; см. об этом подробнее в [Арутюнова 2004]. Как известно, сдвиги в значении прилагательного обусловлены, главным образом, сферой денотатов, в которую прилагательное включается, и новой сочетаемостью, которая возникает в силу расширения области денотации, распространения признака на новые предметные сущности и кодификации новых сочетаний в языке. К интеллектуальному наполнению семантики оценки прилагательного *страшный* приводит денотативный сдвиг

от внешнего, воспринимаемого зрением и слухом мира — к миру ненаблюдаемому, внутреннему, от формы объекта — к его содержанию. По замечанию Н. К. Рябцевой, «восприятие ментальных объектов сопровождается их рациональным восприятием — пониманием» [Рябцева 2004: 654]. Стремление к синкетизму формы и содержания приводит к расширению области денотации, к созданию новой сочетаемости. В результате прилагательное *страшный* становится выразителем оценки внутренних, не воспринимаемых органами чувств свойств объекта; тем самым, у прилагательного *страшный* реализуется интеллектуальное значение. Однако в семантике прилагательного эмоциональный компонент сохраняется. Прилагательное *страшный* не только выражает негативную оценку свойств объекта, но выражает отрицательное чувство субъекта, его эмоционально-негативное переживание: те или иные свойства не оставляют субъекта оценки равнодушным. Ср.: *Есть три страшных участка, проезжая которые я предпочел зажмуриться, — «черный прежим», «желтый прежим» (по цвету горных пород) и «заячья петля».* (Михаил Романов. Есть ли жизнь на полюсе холода // «Русский репортер», № 6 (36), 21—28 февраля 2008). ... *люди работали в страшных полях!* (коллективный. Сквозь призму Чернобыля: диалоги о мире и войне // «Наука и жизнь», 2006). *Перед лицом действительно страшной угрозы непрерывного наступления тоталитаризма, перед угрозой экологической катастрофы очень важно, чтобы основная масса населения, профсоюзы, предприниматели нашли возможность поступиться какой-то частью уже достигнутого уровня жизни, пойти на временные самоограничения.* (А. Д. Сахаров. О стране и мире (1975)).

3) *Страшный* — ‘то, что вызывает негативную эмоциональную реакцию, страшит своими внешними качествами, воспринимаемыми сенсорно (зрением, редко — слухом), не отвечающими нормативному эстетическому идеалу (индивидуальному или коллективному)’. Эмоционально-эстетическая оценка регулярно реализуется при употреблении прилагательного *страшный*. Понятийная категория эстетической оценки определяется сочетанием доминантных и второстепенных семантических признаков. Доминантным категориальным признаком эстетической оценки прилагательного *страшный* является наличие оценочного компонента, выражающего отношение объекта оценки к эстетическому идеалу. Доминантный признак выполняет функцию дифференциации, ограничивая категорию эстетической оценки от других категорий оценки, прежде всего от эмоциональной оценки. К второстепенным признакам относятся экспрессивность, эмоциональность, а также способность к усилению или уменьшению качества признака. Восприятие *страшного* эстетического (точнее, антиэстетического) заключается в 1) установлении несоответствия внешних качеств или внутренних свойств объекта оценки эстетическим нормативным идеалам субъекта оценки и 2) субъективном определении степени несовершенства объекта на эстетической “шкале”. Ср. отдельные примеры данной, антиэстетической, оценки: *Тот сидит: худой, страшный, и как-то*

жалко отцу улыбается... ну, как больные обычно улыбаются. (Сергей Шикера. Выбор натуры // «Волга», 2014). А главное, страшна она была — ужас! Толстенная, нескладная, волосы жидкие, и одевалась — кошмар! (Александр Кабаков. Масло, запятая, холст (1987)). Маринка появилась на пороге — помятая, с жуткими размалеванными губами, страшная. (Маша Трауб. Замочная скважина (2012)). На Ивана пахнуло влажным теплом, и, при свете углей, тлеющих в колонке, он разглядел большие корыта, висящие на стене, и ванну, всю в чёрных страшных пятнах от сбитой эмали. (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 1 (1929—1940)). Слетев с высоты, он садился на крытый плюшем барьер арены, вынимал свой платок и сморкался. Звук его сморкания был страшен. (Ю. К. Олеша. В цирке (1928)).

Инициатором оценки негативно оценивается то, что сильным отклонением от эстетического нормативного идеала его как бы «устрашает», что, несомненно, является преувеличением, но это преувеличение и служит проводником антиэстетических переживаний. Нейтральным синонимом антиэстетического *страшного* будет *некрасивый*; ближайшим синонимом — *бездобразный*. Можно говорить об эмоциональной метафоре: субъект испытывает негативные эмоции по отношению к объекту оценки, который, по мнению субъекта, обладает антиэстетическими качествами, вызывающими такую эмоциональную реакцию, что по своей силе уподоблена чувству страха: «такой некрасивый, что вызывает чувство страха». На первый взгляд, эстетическая оценка *страшный* имеет крайне субъективное обоснование, поскольку характеризует не столько объект оценки, сколько того, кто дает эту оценку — его эстетические вкусы и пристрастия. Однако развернутый “словесный портрет”, сравнения, метафоры свидетельствуют о стратегии объективировать оценку с опорой на существующие стереотипные представления, на эстетические категории, сформированные в культуре. Интересно отметить, что хоть страшное и страшит, но не имеется «*страшительным*», не «*атакует*» наблюдателя [Демьянков 2004]). В то же время антиэстетическое страшное больше, чем просто пассивный объект наблюдения: антиэстетическое страшное будет мифологическое мышление, его идущие из истоков культуры страхи и опасения. На это указывает употребление прилагательного в сочетании с эпитетами, сравнениями, метафорами из области мифологии и демонологии. Ср., например: ... туркменская овчарка с коричневым пятном через глаз — и в самом деле хтонически страшная, как Сильвер и Цербер, оглушительно гаркнула на нас из вольера. (Александр Иличевский. По краям света (2004) // «Октябрь», 2005). Она была страшна, как ведьма, и все дети ее боялись. (Владимир Войнович. Замысел (1999)). Он услышал долгий, нечеловеческий, но нестрашный почему-то крик. (Андрей Битов. Образ (1960—1980)).

Эстетическое (или антиэстетическое) значение находится во взаимосвязи с двумя другими — эмоциональным и интеллектуальным, и грань между ними может быть весьма условна.

При этом, если в ближайшем соединительном контексте употребляются два прилагательных с эстетическим признаком, например: *страшный, безобразный* или *страшный, неказистый*, то такое соединение свидетельствует, как правило, в пользу эстетической оценки. Но и в этих случаях оценка может быть не эстетической, а, например, эмоциональной; ср.: *Она, еле расkleив глаза, повернула голову и увидела, что с передними зубами у него туговато и сам он маленький, неказистый и совсем не страшный...* (Дарья Симонова. Настройщик (2002)). Тем не менее, если оценивается человек и в контексте уже есть эстетический эпитет, то, как правило, и прилагательное *страшный* передает эстетическое впечатление; ср., например: *Миг — и на верху колокольни появилась страшная, безобразная фигура горбuna.* (Р. Л. Антропов. Гений русского сыска И. Д. Путилин (1908)). Если денотат — ирреальная сущность (демонический образ), то оценка эмоциональная; ср.: *После знойного дня налетела на Острова буря, ведьма безобразная, страшная, с разметавшимися косами.* (Ф. К. Сологуб. Королева Ортруда (1909)). Если оценивается абстрактная сущность, то оценка интеллектуальная; ср.: *И в голову мне приходит страшная, безобразная мысль о том, что она, как жена Урии, хочет скрыть уже совершенный грех свой и что она затем в такой неурочный час идет ко мне.* (Л. Н. Толстой. Крейцерова соната (1890)). *Я не знаю, как вам, а мне он всегда надрывает сердце. Его жизнь — страшная, безобразная трагедия.* (Ф. М. Достоевский. Неточка Невзорова (1849)). *Свободного времени было столько, сколько надоально, а гроза будет только к вечеру, и трусость, несомненно, один из самых страшных пороков.* (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 2 (1929-1940)).

Часто именно в “эстетическом контексте”, в соединении с еще одним эстетическим прилагательным, прилагательное *страшный* в силу языкового обыгрывания значений реализует не эстетическую, а эмоциональную оценку. Ср., например: — *А разве в этом всё? — вскричал Мирон Ильич. — Эта Ада рядом с ним, видели? Страшная женщина! Разве она его любит? Она любит только свою красоту, и больше ничего!* (И. Грекова. На испытаниях (1967)). *Сама же красавица умерла, и смерть её была самая безобразная и страшная.* (И. Ф. Анненский. Вторая книга отражений (1909)).

Не может считаться стопроцентным тестом на эстетическую оценку и сочетание прилагательного *страшный* в предикативной позиции с глаголами *выглядит, смотрится*. К области эстетического этот устойчивый оборот относится лишь в том случае, если в роли объекта оценки выступают одушевленные сущности (или их живописные образы). Ср.: «*Глаза у Иоанна Грозного на картине Репина налиты кровью и от этого он выглядит страшным зверем.*» (неизвестный. Зловредное влияние Третьяковской галереи (1912.12.04) // «Речь», 1912). Однако и здесь к эстетической оценке может “примешиваться” оценка эмоциональная, особенно в конструкциях с отрицанием; ср., например: — *Не хочу вас обидеть, но в вашем облике, на мой взгляд, нет ничего страшно-*

го. (Виктор Пелевин. Чапаев и пустота (1996)). Если же речь идет об абстрактных сущностях, оценка будет, как правило, интеллектуальная. Ср.: *Ни то, ни другое само по себе не выглядит страшным.* (Евгений АНИСИМОВ. Симптомы болезни // Комсомольская правда, 2004.10.18). *На телевизионном повторе эта ситуация выглядела страшной.* (Сергей Иванов. Думбия побил рекорд, а Вагнер — Джудовича. Хамский поступок бразильского форварда ЦСКА затмил хет-трик его партнера по атаке // Советский спорт, 2011.10.29).

Также нужно признать, что в большинстве случаев решение о том, 1) выражает ли прилагательное *страшный* негативную эмоциональную оценку того, что страшит своими внешними качествами; 2) выражает ли прилагательное *страшный* негативную интеллектуальную оценку того, что интерпретируется как страшное, 3) или выходит на первый план антиэстетическая оценка, — определяется смыслом всего контекста. Ср., например: *Два здоровых молодца сидели за столом, покрытым клеёнкой, и на полу была тоже клеёнка. Белая, скользкая, страшная. Горела лампа в стеклянном зелёном абажуре. «У отца в кабинете стояла такая», — подумал он.* (Ю. О. Домбровский. Ручка, ножка, огуречик (1977)).

Прилагательное *страшный* в значении (4) употребляется для квалификации, интенсификации и модификации других признаков. Это значение по-разному реализуют 1) прилагательное *страшный* и 2) атрибутивный дериват *страшно*.

1) Прилагательное *страшный* осуществляет функцию квалификатора того или иного признака, который имплицитно содержится в семантике денотата — объекта оценки. Прилагательное *страшный* взаимодействует со значением существительного (объекта оценки), приписывая ему некоторый признак, “внешний” по отношению к семантике имени. При этом признак *страшный*, как правило, соотносится с тем или иным семантическим признаком имени, это соотношение основано на стереотипных представлениях об объектах оценки (обозначающих как конкретные, так и отвлеченные понятия) и связанных с ними ассоциациях, почерпнутых из опыта, личного и коллективного; ср., например: *Здесь завёлся некий человек, который подкарауливает обывателей и наставляет на них страшный пистолет.* (Похититель душ // «Криминальная хроника», 2003.06.24). *Я невероятно устал от вагонов почти всегда жестких (мягкие редки), от страшных гостиниц и мучительных переездов.* (Лидия Вергинская. Синяя птица любви (2004)).

Прилагательное *страшный* квалифицирует и интенсифицирует содержащийся в семантике существительного признак. Так, *страшная боль* — сильная, в высшей степени сильная, очень сильная; *страшный трезвон* — сильный, т.е. громкий, очень громкий; *страшная безвкусница* — полная, в высшей степени, абсолютная; *страшная забывчивость* — постоянная, в отношении всего и др. Ср.: *Вдруг страшная боль подкосила мне ноги: это один из них ударил носком ботинка по голени, прямо в кость.* (Василий Аксенов. Пора, мой друг, пора

(1963)). Страшная боль — когда вдрызг разбивается коленная чашечка. (Александр Силаев. Подлое сердце родины (2007)). И, ошелев от их поступка дерзкого, Он поднял страшный на весь мир трезвон. (Александр Яковлев. Омут памяти. Т.1 (2001)). Вульгарная, глаза рыбы, губы средней полноты, рост 173, вес не меньше 60-ти, на плече тату с пауком, страшная безвкусница. (Слава Сэ. Ева (2010)). Забывчивость его действительно страшная. Я и не подозревал, что она может дойти до таких размеров. (К. И. Чуковский. Дневник 1922-1935 (1925)).

В функции интенсификатора семантических признаков объекта прилагательное *страшный* повышает эмоциональный тон высказывания, увеличивает экспрессивность речи. Ср., например: Разбирая коллекцию страшных уродов, называемых мягкой игрушкой, он отобрал для внука одного синего зайца ... (Борис Поздняков. Переходящее красное знамя // «Сибирские огни», 2012). Там была страшная очередь, а он подошел сбоку к прилавочку, с сеточкой, и встал. (Алексей К. Смирнов. Кузница милосердия // «Сибирские огни», 2012). А главное — вдруг страшная такая ясность, чёткость, резкость во всех предметах. (Ю. О. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом, часть 1 (1943—1958)).

По большинству употреблений в качестве объектов интенсификации выступают отвлеченные предметы; ср.: Дороговизна была страшная, на все были баснословные цены. (Е. Ф. Литвинова. Жан Антуан Кондорсе. Его жизнь и научно-политическая деятельность (1894)). Бедность на телевидении была страшная. Техника была детсадовской, но умели многое. (Федор Чеханков: Ненависть меня разрушает // «Витрина читающей России», 2002.09.13). Лично обогатившись, они причинили страшный ущерб экономике России, её бюджету, авторитету в мире. (Оборотни первой волны // «Завтра», 2003.08.06). Вы говорите, что моей жене будет стоить страшных моральных усилий отдать детей в Воспитательный дом. (Екатерина Щербакова. Новая нравственность «новых людей» // «Родина», 2007). И кто ее полюбил — человек, являющийся свидетелем всех ее страшных унижений! (Владимир Тучков. Смерть приходит по Интернету // «Новый Мир», 1998). ... его работа — это не только талант, но и страшная борьба нервов. (Светлана Ткачева. Тамара Гвердцители: «Не умею учиться на чужих ошибках» // «100% здоровья», 2003.01.15).

Прилагательное *страшный* регулярно квалифицирует, интенсифицирует, модифицирует семантику оценочной лексики, которая обозначает тот или иной тип людей (по внешности, поведению и др.). Ср., например: Любочка страшная хохотунья и иногда, в припадке смеха, машет руками и бегает по комнате; Катенька, напротив, закрывает рот платком или руками, когда начинает смеяться. (Л. Н. Толстой. Отрочество (1854)). — Ну, конечно, это Дафья рассказывала, — говорила Маргарита Николаевна, — я давно уже за ней замечала, что она страшная врунья. (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 2 (1929-1940)).

2) Атрибутивный дериват *страшно* в значении ‘сильно, очень’ осуществляется функцию квалификации, усиления или модификации в сочетании с признаком, который выражен прилагательным или наречием. Ср., например: У них были очень подвижные спины и страшно вертлявые шеи. (Людмила Петрушевская. Маленькая волшебница // «Октябрь», 1996). А худ он был страшно: щёки при свете костра обозначались тёмными пятнами. (Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 5 (1978)). — Зина, она страшно нервная, натура у неё тоньше волоса. (И. Грекова. Перелом (1987)). Считает себя взрослой и страшно умной, но во всем «меряется» с младшим братом, которому всего полтора:) (Наши дети: Подростки (2004)). Но знаешь, я родилась в страшно бедной деревне, меня родители прокормить не могли и пяти лет отдали меня в монастырь. (митрополит Антоний (Блум). О браке, о детях (1995)). Ежели декабристы были страшно далеки от народа, то что уж говорить об участнике следствия над декабристами, о будущем шефе жандармов? (Юрий Давыдов. Синие тюльпаны (1988—1989)). Я пытаюсь поговорить с доктором про геополитику, но она ему кажется страшно абстрактной и далёкой от реальных жизненных вопросов. (Игорь Свинаренко. Умытая Россия // «Коммерсантъ-Власть», 1999). Быть правщиком значило приводить в годный для печати вид поступающие в редакцию малограмотные и страшно длинные письма рабочих-железнодорожников. (В. П. Катаев. Алмазный мой венец (1975—1977)). ... но вдруг наискось, во всю длину Елисейских полей от каштановой рощи до Триумфальной арки подул страшно сильный северный ветер, по-зимнему острый, насквозь пронизывающий. (В. П. Катаев. Алмазный мой венец (1975—1977)). Помнится, однажды она вышла на мороз ранним утром: небо было страшно розовое, с клубами на нём не то дыма, не то тумана, а она шла на своих чужих и лёгких ногах — как будто летела. (И. Грекова. Под фонарем (1963)). Арнольд исходил, конечно, и из того, что в цирке всегда страшно узок круг людей, способных говорить на арене... (И. Э. Кио. Иллюзии без иллюзий (1995—1999)).

Отдельно укажем, что прилагательное *страшный* и атрибутивный дериват *страшно* квалифицируют, интенсифицируют и модифицируют негативные эмоции, ощущения и состояния (реже – позитивные).

Семантика прилагательного *страшный* приходит во взаимодействие с семантикой той или иной эмоции (ощущения, состояния) как объекта оценки. Ср., например: ... от всего этого в нем вдруг вскипела такая злость, такая тихая страшная ярость, которой прежде он сам никогда в себе и не знал. (Андрей Геласимов. Степные боги (2008)). Но злость, страшная, небывалая злость, охватившая его, — дрожь перекинулась с пальцев на все тело, Анастасия Карловича колотил озноб, хотя вода, в которую он был погружен до самого подбородка, оставалась горячей, — эта злость пугала по-настоящему. (Андрей Белозеров. Чайка (2001)). Кроме того, мною вдруг овладела страшная подозрительность. (Вера Белоусова. Второй выстрел (2000)). Но то была

тревога всеобщая, жутковатая и чем-то веселящая душу, как приближение грозы, а эта, возникшая сейчас, была совсем особая и по-настоящему страшная, потому что она касалась ее одной. (Юрий Трифонов. Утоление жажды (1959-1962)). ... и сам профессор неинтересный, и ученики у него какие-то все подозрительные, и скука страшная на уроках... (А. И. Куприн. Киевские типы (1895—1897)).

Семантика атрибутивного деривата *страшно* взаимодействует с семантикой признака, который характеризует объекты эмоциональной сферы, квалифицирует этот признак, усиливает его, а в отдельных случаях (когда объект и его признак противостоят по семантике) модифицирует признак. Ср., например: *Леонид Николаевич в хорошем настроении оказывался и добрым, и очень острумным, но когда настроение портилось, становился страшно злым.* (И. Э. Кио. Иллюзии без иллюзий (1995-1999)). *Музыкант этот страшно нервный.* (Анатолий Алексин. Мой брат играет на кларнете (1967)). *Рассказывал мне, между прочим, Федор Михайлович о том, как он вернулся из последнего второго вечернего заседания (закончившего все пушкинские торжества) страшно усталый, но и страшно счастливый восторженным приемом прощающейся с ним московской публики.* (А. Г. Достоевская. Воспоминания (1911—1916)). *Вернулся без приза, но страшно счастливый: — Ты не представляешь, какому фильму мы проиграли!* (Станислав Ростоцкий умер за рулем любимой машины // Комсомольская правда, 2001.08.14). (Диди, жен, артистка из «Эмпайра») *Вы знаете, О'Келли, он страшно смешной, — ну, просто прелесть!* (Е. И. Замятин. Общество почетных звонарей (1925)). *И, может быть, в первый раз в своей жизни он засмеялся: скрипучим, нелепым, но страшно веселым и радостным смехом.* (Л. Н. Андреев. Рассказ о семи повешенных (1908)). — *Ну вот. Ну, страшно рад!* (Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 2 (1978)).

§3. Зримость, представимость страшного

Как отмечалось выше, оценка «страшный» предполагает непосредственный или опосредованный контакт органов чувств (в основном, зрения) с объектами оценки.

Большую роль в этом контакте играет целостное зрительное восприятие, на это указывает существующее в русском языке уточнение способа восприятия страшного; ср.: *страшный на вид, страшный на взгляд.* Ср.: *К вечеру того же дня Суконый двор для всех соседей изображал нечто особенно мрачное, даже страшное на вид.* (Е. А. Салиас. На Москве (1880)). При этом сомнительно: **страшный на звук, страшный на вкус;* ср.: *Крашеная фанера за унитазом, что скрывала очень страшный на звук канализационный стояк, все так же, из-за какой-то нелепой ступенчатости ниши, отходила от стены на добрых десять сантиметров.* (Ольга Славникова. Бессмертный. Повесть о настоящем человеке (2000-2001) // «Октябрь», 2001). Отсутствуют примеры для сочетаний: **страшный на слух, страшный на ощущение, страшный на запах.*

В семантике прилагательного *страшный* синтезируются критерии физического и духовного, ментального восприятия, и в этом случае зрительный способ восприятия – внутренним взором – также остается основным. Ср.: *Вы видели меня, я не страшный. — Даже если бы и страшный, — ответила она.* (Андрей Волос. Недвижимость (2000) // «Новый Мир», 2001). *Самое страшное, на мой взгляд, — это то, что, как правило, эта реклама несёт в себе информацию, что не нужна консультация с врачом, что средство безопасно, что потом не потребуется хирургическое вмешательство.* (Алексей Вилькен. Рецепт чиновника // «Коммерсантъ-Власть», 1998). Но самое страшное, на мой взгляд, то, что на Дальнем Востоке люди не смогли посмотреть прямую трансляцию послания президента. (Как вам день без НТВ? // Комсомольская правда, 2001.04.05).

О зримости, представимости страшного, его восприятии непосредственно зренiem или внутренним взором, говорит регулярно используемая в речи “живописная метафора”. Ср., например: *Но в то малое мгновенье, когда гроб стоял на боку, картина была страшна — мертвый профиль отца, выпавшая в снег иконка с груди, недвижимые, белые руки, открывшиеся под покрывалом...* (Захар Прилепин. Санька (2006)). *Каждый по-своему крепко обхватил свой автомат, как что-то родное, — эта наивная и страшная картина изумила ее.* (Александр Сокуров. Александра (2007)). *Открывающаяся картина удивительных, забавных и страшных событий 30-х годов превращала меня в историка и биографа.* (Геннадий Горелик. Андрей Сахаров. Наука и свобода (2004)). — *Вы рисуете страшную картину. — А она действительно страшная. Почему? Потому что мы подрубаем собственное будущее.* (Наталья Чернова. Безработица-2017: как будет вести себя рынок труда, кто неизбежно попадет в зону риска и как не поддаться панике // Новая газета, 2017.01.27).

Часто подчеркивается глубинная взаимосвязь внешних признаков и сущностных свойств объекта оценки, описанных в контексте. Ср., например: *Тане был страшен этот человек с вывернутыми плечами, с подвижным задом, со свирепой львиной маской...* (Василий Аксенов. Пора, мой друг, пора (1963)). *Тем и страшен был ему Жученко, что страшное, прирождённое уродство оправдывало его.* (Василий Гроссман. Жизнь и судьба, часть 2 (1960)). *Небольшая голова, но громадная пасть, вооруженная многочисленными острыми зубами, маленькие глаза с светлыми пятнами позади их, в которых застыло выражение жестокости и злобы, придавали ей действительно страшный и отталкивающий вид.* (В. К. Арсеньев. В горах Сихотэ-Алиня (1937)).

Однако видимость страшного может не отвечать сущности предмета, это фиксируется в конструкциях противопоставления, уступки и др.; ср.: — *Ну, тогда сам прочти, — примиренчески говорит этот страшный на вид, но добрый в душе человек.* (Андрей Битов. Обоснованная ревность (1960-1999)). *Все, что могли сделать до сих пор мудрецы, — это обратить земные ужасы в проблему: может быть, говорят нам, все страшное есть только страшное*

на вид, и в конце тяжелого пути нас ждет нечто новое. (Л. И. Шестов. Апофеоз беспочвенности (1905)). С помощью клише не так страшен, как кажется подчеркивается, что страшное – одна лишь «видимость», выносится суждение, что опасность преувеличена. Ср.: Но кризис целей, который переживает человечество, не так страшен, как может показаться на первый взгляд. (Семен Новопрудский. Румынская гимнастика ума // «Известия», 2002.03.19). Ср. также пословицу: Не так страшен черт, как его малют.

§4. Характеристика употребления прилагательного страшный

Ассертивная и негативная формы употребления.

Прилагательное *страшный* употребляется как в ассертивной, так и в негативной форме, с помощью отрицательного аффикса или частицы³. Ср., например: В кабинете рояль, страшный портрет Шостаковича и нестрашный — Петрова над роялем, только Петров к ним уже слишком привык, чтобы замечать. (Федор Павлов-Андреевич. Петродом // «Домовой», 2002.02.04). Мишка сидел в уголке, всовывая руки в рукава рубашки, вздрагивал, ехался, и вся его прежняя жизнь, простая, нестрашная, казалась теперь оторванной, потертой навсегда. (А. С. Неверов. Ташкент — город хлебный (1923)). Одна девочка встретила на улице страшную бабушку и перевела её через дорогу. (Тим. Собакин. Черный утюг // «Трамвай», 1990). Яя страшную глупость сделала. Я спросила: «Зачем он вам? Вы же взрослый человек, а ему всего девятнадцать». (Ирина Муравьева. Мещанин во дворянстве (1994)). В ЗАГСе начался страшный переполох... (И. Э. Кио. Иллюзии без иллюзий (1995-1999)). Поросенок Ниф-Ниф — герой известной сказки — построил домик из соломы и распевал, что ему не страшен Серый Волк. (Георгий Малинецкий. Инженеры, никто, кроме вас! // «Знание-сила», 2012).

Степени сравнения и динамика признака.

Качественный признак, лежащий в основе семантики прилагательного *страшный*, может меняться на шкале интенсивности, что определяет его основное семантическое свойство иметь степени сравнения. Ср., например: Одного бойтесь — рабства и худшего из всех рабств — мещанства и худшего из всех мещанств — хамства, ибо воцарившийся раб и стал хам, а воцарившийся хам и есть черт — уже не старый, фантастический, а новый, реальный черт, действительно страшный, страшнее, чем его малютят, — грядущий Князь мира сего, Грядущий Хам. (Д. С. Мережковский. Грядущий хам (1906)). Расправы были действительно страшные, а рассказы о них — еще страшней... (М. Л. Гаспаров. Занимательная Греция (1998)). В конце концов, наша толерантность чаще всего лишь вышколенное умение закрывать глаза на очевидные вещи ради того, чтобы не случилось каких-либо более страшных вещей. (Голая эффективность теневой экономики // «Русский репортер», 2013).

³ В данном параграфе не рассматривается прилагательное с семантикой внутренних свойств и поведения человека: *бессстрашный*.

Менее страшный, но по разрушительности такой же, рискну предположить, что это может быть Париж, Брюссель. (Астропрогноз от Павла Глобы. Что обещают звезды в Новом 2007 году? // Комсомольская правда, 2006.12.26). Он сломал два забора, двоих забодал, много бед натворил. Бык страшнейший, ну просто жутъ! Иногда он протяжно ревёт. Тогда мне становится страшно. (В. В. Голявкин. Мой добрый папа (1962)). Моего знакомые называют «презентабельный», не знаю, что они вкладывают в это слово, а по мне так он страшенный. (Любоффффф! (Женщина + мужчина: Брак (форум) (2004)). А затем он пойдет на Рим, и это будет последняя и самая страшная из битв, ибо римляне будут сражаться не за империю, а за свою свободу и жизнь, но они не выдержат. (Дмитрий Шляпентох. Конец Истории: благословенный Иов // «Сибирские огни», 2013). Есть вопросы, что хуже самых страшных ответов. (Галина Щербакова. Восхождение на холм царя Соломона с коляской и велосипедом (2000)).

Сравнительная степень сравнения в простой и составной ее формах (*страшнее, более/менее страшный*) употребляется, как правило, в обобщающем контексте, но встречается и употребление в отношении конкретных объектов оценки; ср., например: *Иначе все вновь и вновь повторится в худших, более страшных формах, как и предупреждает автор.* (От редакции // «Знание - сила», 2009). Я ни с кем не буду об этом говорить, — хотите, поклянусь матерью, это на Кавказе страшная клятва. — Как вы говорите — клянусь матерью? Страшная клятва? Так вот, клянусь вам сыном. Думаю, эта клятва страшнее. (Дмитрий Быков. Орфография (2002)). Но чаще под словом «импотенция» скрывается, к счастью, менее страшная проблема — эректильная дисфункция (нестабильная потенция). (ОДИН ВОПРОС ПРО «ЭТО» // Труд-7, 2002.05.30). Из ее пасти высакивает не менее страшный, громадный, зубастый тигр, из пасти которого в свою очередь высакивает другой тигр, поменьше. (Е. В. Падучева. О структуре абзаца (1965)).

Превосходная степень (как правило, составная ее форма) употребляется чаще сравнительной как с утверждением, так и с отрицанием: *В 37-м году — году самых страшных репрессий — он сумел очаровать даже такого вида виды и не склонного к романтизации человека, как Лион Фейхтвангер.* (Евгений Евтушенко. «Волчий паспорт» (1999)). *На деле — это не самая страшная проблема.* (Елена АРАКЕЛЯН. Зарубежные покупки онлайн: не получи кирпич вместо айфона! // Комсомольская правда, 2013.05.05). Ольга Васильевна делала это потом несколько раз дома и в больнице и поняла, что это не самая страшная боль на свете. (Ю. В. Трифонов. Другая жизнь (1975)).

Клишированная конструкция «превосходная степень с субстантивированным прилагательным в форме среднего рода» (*самое страшное*) употребляется в обобщающих контекстах с утверждением или отрицанием, например: *Самое страшное, что мы живем на костях и не хотим знать, не хотим вспоминать.* (М. С. Харитонов. Стенография конца века. Из дневниковых записей

(2006) // М.: Новое литературное обозрение, 2002., 2002). — *И материальная нищета, — скривился, закусил коньяк приготовленным бутербродиком с икоркой, — далеко не самое страшное, куда ужаснее нищета духовная!* (Николай Дежнев. Принцип неопределенности (2009)). (См. также про “самое страшное” в других аспектах далее).

Обобщению объектов эмоциональной оценки не противоречит выбор че-го-нибудь одного, который эксплицируется в конструкции «один из самых страшных»; ср.: *Я расскажу вам об одном из самых страшных кошмаров моего детства.* (Татьяна Соломатина. Мой одесский язык (2011)). Похоже, что члены одной из самых страшных бандитских группировок России не скоро дождутся приговора. (Беззащитная братва // «Криминальная хроника», 2003.07.08). У сотен заключенных обнаружились признаки одной из самых страшных в условиях длительных этапов болезни — дизентерии (королевы клопами провонявших пересылок, вишевых этапов и голодных беспенитиальных лагерей). (Георгий Жженов. Прожитое (2002)). Ср. также: *Несколько страшных клятв дала она за свою жизнь, и самая страшная была эта.* (Татьяна Набатникова. День рождения кошки (2001)). *Ожог — один из самых страшных и опасных видов травматических повреждений глаза.* (Диана Серегина. Огонь по глазам // «Дагестанская правда» (Махачкала), 2004.12.23). «*Мандельштам говорил, что самый страшный на свете просчет — это выражение глаз, которое сменяет улыбку на лице хозяина на долю мгновения раньше, чем выходящий за дверь гость перестал на него смотреть*» (Анатолий Найман. Рассказы о Анне Ахматовой (1986—1987)). Началась война, одна из самых жестоких и страшных войн, выпавших России за 1000 лет её жизни. (Василий Гроссман. Жизнь и судьба, ч. 1 (1960)). *Это один из самых мрачных и страшных тоннелей на всём белом свете, в этом я уверен.* (Герман Садулаев. Таблетка (2008)).

В этих высказываниях выделяются обобщающие по цели высказывания ценностные ориентиры, обусловленные осмыслением ценностных категорий. Ср., например: *Свободного времени было столько, сколько надо, а гроза будет только к вечеру, и тревога, несомненно, один из самых страшных пороков.* (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 2 (1929—1940)). *Несози-дательное и равнодушное отношение к миру — вот самая главная и самая страшная черта духовной ситуации человека, травмированного тоталитарным или авторитарным строем.* (Анна Шор-Чудновская. Понять постсоветского человека // «Неприкосновенный запас», 2009).

Обобщение оценки осуществляется с помощью кванторных конструкций с отрицанием или (редко) с утверждением: «нет ничего страшнее [на свете] X, чем» и «есть ли что страшнее». Ср.: *А тут еще ветер! Нет ничего страшнее здешнего ветра. От него никуда не укроешься, не защитишься, ему нипочем одежда: мне казалось, я голый шагаю через поле.* (Юрий Нагибин. Война с черного хода (1990-1995)). *Говорят, нет ничего страшнее смерти от вирусного теракта.* (Виктор Пелевин. Любовь к трем цукербринам (2014)). *Солже-*

ницын думал, что нет ничего страшнее коммунизма, но, когда увидел мафиозный отечественный капитализм, то невольно поежился. (Евгений Евтушенко. «Волчий паспорт» (1999)). Я думал о том, что нет ничего страшнее мёртвой смерти. (Юрий Трифонов. Дом на набережной (1976)). Они воруют карточки, и нет ничего страшнее на свете, чем карточки потерять. (Дина Рубина. На солнечной стороне улицы (1980-2006)). Есть ли что страшнее одиночества, когда ты еще не потерялся вовсе, но, постоянно и легко поминая смерть, однако каждой волотью стареющего тела еще хочешь жить, жить, жить наведомо для чего. (Владимир Личутин. Любостай (1987)). Есть ли что страшнее: стремиться к добру так неуклонно и жадно и не знать ни облика, ни имени его! (Л. Н. Андреев. Правила добра (1911)).

Также к типичным употреблениям, эксплицирующим степень проявления признака, относятся употребления:

– тавтологичные; ср.: *Он подтверждал, что за Стеной, которой заканчивался их мир, страшная-страшная пропасть, и у нее даже дна нет.* (Юлия Лаврятшина. Улитка в тарелке (2011)); *Но страшный, страшный он, этот твой принцип!* (Геннадий Алексеев. Зеленые берега (1983—1984)).

– с утверждением плюс квантификатор; ср., например: «*Воспоминания, — пишет Бунин, — нечто столь тяжкое и страшное, что существует даже особая молитва о спасении от них.*» (Марина Палей. Поминование (1987)). *Андрей Иванов, человек лет пятидесяти, высокий, очень худой и бледный, с впалою грудью, с втальми писками и с синевой под глазами, немножко даже страшный на вид.* (А. П. Чехов. Моя жизнь (1896));

– с отрицанием плюс квантификатор; ср., например: (*grey_grey, nick*) *Таким образом, практически одинаковая картина и уж точно не такая страшная.* (коллективный. Форум: Наше правительство совершает глубочайшую ошибку (2010));

– с отрицанием в обобщающем контексте (типа *нет ничего страшного в том, что*); см. об этой кванторной конструкции также далее); ср., например: ...*в грядущих преобразованиях нет ничего страшного.* (Ольга Тропкина. Президент успокоил совет законодателей // «Независимая газета», 2003.07.22). *Нет ничего страшного в том, что человек гордится своими успехами, рассказыва-ет о своих родственниках.* (Виктор Пронин. Испытание (1977)).

Оценочным признакам по определению присущее усиление или ослабление по степени выраженности. На шкале оценок *страшный* — сильная негативная оценка, для еще большего усиления или, напротив, ослабления которой используются интенсификаторы: нейтральные, без оценочных коннотаций (очень, чересчур); “негативные”, те, что обладают самой негативной оценкой (ужасно); дезинтенсификаторы, как правило, нейтральные с отрицанием (*не* очень, *немного*, *вовсе не*, *совсем не*, *совершенно не*). Ср., например: *Дальше в темноте что-то такое слегка качалось, очень страшное на вид.* (С. Н. Сергеев-Ценский. Конец света (1931)). *Сегодня нижегородский дизель для мно-*

гих российских автомобилистов — штука немного страшная и загадочная, как импортный автомобиль. (Игорь Твердунов. В жертву науке // «За рулем», 2004.04.15). Умаление оценочного признака семиотизируется также в конструкции «не так страшен, как»; ср.: *Не так страшен черт, как его малют* (пословица). *Мне кажется, что возглас «Отечество в опасности!» не так страшен, как возглас: — «Граждане! Культура в опасности!»* (Максим Горький. Несвоевременные мысли (1917—1918)).

Прилагательное страшный в атрибутивной и предикативной конструкциях. Самое страшное в позиции субъекта и в позиции предиката. Ограничение оценки.

Прилагательное *страшный* употребляется в двух типах конструкций: атрибутивной в полной форме при именах нарицательных и предикативной в полной и краткой форме при нарицательных и собственных именах. Ср., например: *Худая, скрюченная горбом и подагрой, скрученная морщинами страшная старуха.* (Александр Иличевский. Ай-Петри (2005) // «Октябрь», 2006). Тогда будни горьковского заточения, события, ставшие сюжетом самых страшных страниц сахаровских «Воспоминаний», мучили неизвестностью. (Геннадий Горелик. Андрей Сахаров. Наука и свобода (2004)). *Один солдат в испуге проговорил страшное на войне и бессмысленное слово: «отрезали!»* (Л. Н. Толстой. Война и мир. Том первый (1867-1869)). *«Дрянь я всё-таки страшная», — подумал он, сказал это слово вслух и сейчас же сгорел от стыда...* (Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 1 (1978)). *Сталин страшен был тем, что не выслушивал оправданий, он даже не обвинял — только вздрогивал кончик одного уса, и там, внутри, выносился приговор, а осуждённый его не знал: он уходил мирно, его брали ночью и расстреливали к утру.* (Александр Солженицын. В круге первом, т.1, гл. 1-25 (1968) // «Новый Мир», 1990).

В **атрибутивной конструкции** прилагательное употребляется в полной форме и обозначает постоянный признак; прилагательное заполняет определенную смысловую валентность имени и тем самым уточняет и модифицирует заданное значение существительного. В атрибутивной позиции ограничение в квалификации чего-либо как страшного создаются родительным падежом с помощью предлога *для*, дательным падежом, творительным падежом, предложным падежом с предлогами *в*, *на*. Ср.: *Но однажды произошла страшная для меня история.* («Известия», 2002.10.08). Ещё А. С. Пушкин совершенно верно отметил, что «лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от одного улучшения нравов, без насильственных потрясений политических, страшных для человечества». (протоиерей Александр Ильяшенко. Проблема наследника (2004.03.13) // Православие и мир (pravmir.ru), 2004). *Резким рубящим лезвием влепилась догадка в мозг Перри, чуждая и страшная его природе, как пуля живому сердцу.* (А. П. Платонов. Епифанские шлюзы (1927)). *Михаил Гефтер назвал сталинизм одним «из наиболее масштабных и страшных своею загадочностью явлений XX века.* (Анна Шор-Чудновская.

Понять постсоветского человека // «Неприкосновенный запас», 2009). ... и еще несколько огромных и страшных своей толщиной книг — Некрасов, Тургенев и тот самый расстрелянный Ломоносов вперемешку с Херасковым и Державиным. (Владимир Березин. Свидетель // «Знамя», 1998). Это чувствуется во всех стихах того времени, иногда более агитационных, чем собственно поэтических, страшных в своей откровенности: «Если дорог тебе твой дом...» (Владимир Березин. О Твардовском // «Новый Мир», 1996). *Около парапета, черная, страшная на белом от луны железе, собака остановилась, подняв голову, и, узнав Бабаева, выжидающе виляла хвостом.* (С. Н. Сергеев-Ценский. Бабаев (1906-1907)). *Из него вдруг с воем выкатился и брызнул во все стороны водою большой, черный, совсем нестрашный при весеннем солнце автомобиль.* (С. С. Заяицкий. Женитьба Мечтателева (1927)).

В **предикативной конструкции** прилагательное, употребляемое чаще в краткой форме (*страшен*), выражает признак, который ограничен во времени, в диапазоне действия и т.п. Краткая форма прилагательного часто употребляется в устойчивых негативных конструкциях, в которых имеет управление дательным падежом, реже — родительным падежом с предлогом *для*, творительным падежом (редко с предлогом *с*), предложным падежом (локативом, с предлогами *в, на*). Ср.: *Мне в моей куртке никакая стужа не страшна.* (Евгений Попов. Реализм (1970—2000)). *С такими припасами дорога ему не страшна, суток на пять хватит, если с умом пользоваться.* (Вячеслав Кондратьев. Сашка (1979)). *Получается односторонность, то есть полуправда, а она хуже, чем прямая ложь, та обманет меньшее число людей и не страшна для человека знающего.* (И. А. Ефремов. Час быка (1968—1969)). — *Не пугай, — произнес он, — теперь ты, царь, не страшен для меня* (А. И. Красницкий. На закате любви (1910)). *Старик страшен с налитыми кровью глазами и желтым, растреснутым лицом...* (П. В. Анненков. Письма И. С. Тургеневу (1852—1874)). *И страшен этот Суд не тем, что Судья грозен, не тем, что закон суров, страшен этот Суд тем, что тогда откроется перед нами, что единственным смыслом жизни была любовь — жертвенная, кроткая, ласковая, правдивая любовь, и что мимо этой любви мы все прошли, за редкими, редкими исключениями.* (митрополит Антоний (Блум). Страстная седмица (1980)). Он был страшен в буром халате, из-под которого выбивалось серое от пепла и прожжённое во многих местах бельё, в свинувшейся набок шапочке и с опущенными кистями больших, грязных жилистых рук. (Ю. О. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом, часть 3 (1943—1958)). *В гневе он бывал страшен.* (Фазиль Искандер. Время счастливых находок (1973)). Ограничение оценки разъясняется и в придаточных предложениях; ср.: *Поэтому нет страха, не страшна и плаха, когда душа вольна, как птаха...* (Михаил Гиголашвили. Красный озноб Тингитаны: Записки о Марокко (2006) // «Нева», 2008).

В **позиции субъекта** часто употребляется субстантивированное прилагательное эмоциональной оценки среднего рода *страшное* в форме превосход-

ной степени: *самое страшное*. Данная оценка часто имеет ограничение – субстантивированное прилагательное управляет родительным падежом с предлогом для; ср., например: *Ведь самое страшное для любого артиста — забыть текст на середине песни!* (Таша Невская. Бой Джордж: «Тем, что я снова пою, я обязан России» // Труд-7, 2010.06.11). Также в качестве ограничителей, определяющих границы действия оценки, выступают объекты, содержащие семантические признаки опасности, силы, случайности, непредсказуемости. Ср.: *Да, самое страшное на войне — это не снаряды, не бомбы, ко всему этому можно привыкнуть; самое страшное — это бездеятельность, неопределенность, отсутствие непосредственной цели.* (Виктор Некрасов. В окопах Сталинграда (1946)). *Самое страшное на космической станции (впрочем, как и на подводной лодке) — пожар.* (Александр МИЛКУС. Олимпийский факел совершил 64 оборота вокруг Земли // Комсомольская правда, 2013.11.07).

Также конструкция “самое страшное” может употребляться в позиции предиката, как правило – с отрицанием; ср., например: — *Твоя смерть — это еще не самое страшное, что может с тобой случиться...* (Полина Волошина, Евгений Кульков. Маруся (2009)).

В высказываниях про “самое страшное” часто используются клише с квантитативной семантикой: *на свете, в жизни*. Генеритивная формула афористична; ср.: *Самое страшное на свете — смерть. Это такой ужас, когда умирает человек, даже самый старый, от болезни, естественно, нормально.* (Анатолий Кузнецов. Бабий яр (1965-1970)). *«Самое страшное на свете — это одиночество».* (Михаил Тарковский. С людьми и без людей (1983) // «Октябрь», 2003). В этих высказываниях концентрируется суть оценки, и потому особенно видна ее субъективная модификация, которая происходит под влиянием ценностных ориентиров эпохи, цивилизации; ср., например: *Самое страшное — визит к психиатру.* (И. Грекова. Перелом (1987)). *По словам Саши, самое страшное на дороге — это даже не большегрузные фуры, а рядовые автомобилисты.* (Тимур Юсупов. 10 тысяч километров на велосипедах // lenta.ru, 2016.12.13).

Для ограничения оценки не менее часто используется кванторная конструкция с отрицанием «нет ничего страшного в чем-л. для кого-л.» (см. о данной конструкции также выше); ср.: *Эксперты говорят, что ничего страшного для вкладчиков в этом нет.* (Арам ТЕР-ГАЗАРЯН, Валерий БУТАЕВ. Сбербанк отменяет бессрочные вклады? // Комсомольская правда, 2004.07.16). *Виталий Сергеевич объяснил, что в припадке нет ничего страшного, что припадками тоже лечат, вызывая их электричеством.* (Михаил Чулаки. Прощай, зеленая Пряжка (1998)). *Разумеется, нет ничего страшного в том, что наши сборник вышел не в 1989, а в 1991 году.* (Денис Драгунский. Прошлое одной иллюзии // «Частный корреспондент», 2010). — *Господин пастор говорил, что храмы строят люди, они же их и разрушают, и в этом нет ничего страшного,* — сказала Элоиза. (Юрий Буйда. У кошки девять смертей (2000) // «Новый Мир», 2005).

Конструкция с отрицанием «нет ничего страшного» (добавляемая квантификаторами «на свете», «в жизни») становится культурно значимым девизом, может выделяться в самостоятельный текст; ср.: «*Я видела и узнала его. Нет ничего страшного. Не бойтесь; это — мечтатель*». (А. С. Грин. Блистающий мир (1923)). «*Страшно то, что нет ничего страшного, что самая суть жизни мелкогенинтересна — нищенски плоска.* (М. М. Пришвин. Дневники (1921)). Жив только тот, кто силою своей жизненности стоит выше ужасов и страданий, для кого «на свете нет ничего страшного», для кого мир прекрасен, несмотря на его ужасы, страдания и противоречия. (В. В. Вересаев. «Да здравствует весь мир!» (о Льве Толстом) (1909-1910)). Но силою и величием человеческого духа оно преодолено; есть страдания, есть смерть, но нет ужаса, а вместо него — поднимающая душу радость борьбы, освящение и утверждение жизни даже в страданиях и смерти, бодрящее-крепкое ощущение, что «на свете нет ничего страшного». (В. В. Вересаев. Аполлон и Дионис (1914)).

§5. Обоснование оценки

Критерии страшного в мире не являются случайными; оценка предстает как обусловленная внешними качествами или внутренними свойствами объекта, которые страшат, устрашают. Несмотря на субъективность эмоциональной оценки *страшный*, ее употребление в речи имеет определенные параметры и формы контроля.

Удостоверяет сам способ перцепции, то есть зримость страшного. В устойчивых сочетаниях с семантикой целостного зрительного впечатления общая оценка видится объективной; ср.: Чем большие ученые узнают об этих страшных на вид рыбах, обитающих в океанах всего мира, тем больше оценивают способности этих существ к выживанию в мрачной, суповой среде. (Как мало мы о них знаем! // «Знание — сила», 1997). В то же время об объективности оценки говорит ее детализация в денотативной области, т.е. объектом оценки могут быть детали внешности, обстановки, элементы одежды и др.; ср., например: *Тело Нури под изорванной одеждой было исколото, исцарапано, в страшных синяках и ссадинах.* (Фазиль Искандер. Софичка (1997)). Только глаза не плакали, и лучше бы не видеть этих страшных глаз, таким было их выражение. (Василий Гроссман. Жизнь и судьба, часть 3 (1960)). ... домой идут, шатаясь, на таких страшных каблуках... ведь и падают с них, наверное... (Марина Бонч-Осмоловская. День из жизни старика на Бёркендейл, 42 // «Звезда», 2002).

Основным способом объективации страшного является создание его “словесного портрета”; такое описание задает сама лексическая метафора “картины”; ср., например: Но в то малое мгновенье, когда гроб стоял на боку, картина была страшна — мертвый профиль отца, выпавшая в снег иконка с груди, недвижимые, белые руки, открывшиеся под покрывалом... (Захар Прилепин. Санька (2006)). Есть у великого трагического художника Михаила Савицкого, прошедшего весь ад фашистских концлагерей, страшная картина «Отбор»:

лежат кругом голые застреленные женщины. (Виктор Астафьев. Обертон (1995—1996)).

Квалификация того, что устрашает, обосновывается семантикой ближайшего словесного окружения, усиливается с помощью метафор или сравнений. Ср., например: *И сам он, говорят, был страшен, смертельно бледный, с траурной каймой бороды, властный и непреклонный в своей странной, никому не нужной джигитовке.* (Фазиль Искандер. Слово (1980—1990)). Да и страшен был зверь лесной, чудо морское: руки кривые, на руках когти звериные, ноги лошадиные, спереди-сзади горбы великие верблюжение, весь мохнатый от верху до низу, изо рта торчали кабаньи клыки, нос крючком, как у беркута, а глаза были совиные. (С. Т. Аксаков. Аленький цветочек (1858)). ...откуда-то из большого отдаления на него налетел тонкий и страшный звук, направленный ему в лицо наподобие тонкой и злой иглы... (Людмила Улицкая. Казус Кукоцкого [Путешествие в седьмую сторону света] // «Новый Мир», 2000). Для усиления негативной оценки используются образы смерти, демонические, хтонические образы; ср.: *Одно время среди них поселилось целое семейство страшных, одичалых кошек, грязных, мохнатых и зеленоглазых ведьм.* (Ю. О. Домбровский. Хранитель древностей, часть 1 (1964)). *Из глаз старухи вылезали черви и скользко струились в рот, нос, уши... потом оттуда же, из её страшных очей, выглянули тьма египетская и кузькина мать одновременно ...* (Сергей Осипов. Страсти по Фоме. Книга вторая. Примус интер парэс (1998)). *Колченогий был страшен, как оборотень.* (В. П. Катаев. Алмазный мой венец (1975—1977)).

Признак страшный “получает подкрепление” путем соединения с другим признаком (признаками), в их сочетании в контексте эксплицируются стереотипные образы страшного. Ср., например: *Однажды с той стороны двери к дырочке приблизился страшный и громадный глаз помощника машиниста, и мальчик в ужасе отшатнулся.* (Алексей Варламов. Купавна // «Новый Мир», 2000). *На выдранном из тетради листочеке в клеточку цветными фломастерами была изображена страшная оскалившаяся баба с окровавленным ножом.* (М. С. Галина. Ригель // «Волга», 2012).

В речевой коммуникации наблюдаемое внутренним видением страшное также требует аргументов, и они даются в виде разъяснений, как правило, в сложных предложениях с бессоюзной или подчинительной связью; ср., например: *Вот она чем была страшна, трясина застоя, — она всасывала в безнадежность.* (Евгений Евтушенко. «Волчий паспорт» (1999)). Но эта тактика путает добродушных людей: им она страшна потому, что чревата риском. (Владимир Дудинцев. Цвет наших одежд // «Литературная газета», 1988).

Развернутое описание бывает излишне, когда прилагательное эмоциональной оценки *страшный* соединяется с именами заведомо “страшных концептов”: *война, страдания, пытки, бомбёжка, тайга* и др. Человечество объединяет страх перед определенными вещами; за многие века были созданы представления о том, что является страшным, т.е. представляет угрозу витальности

человека, несет всему человечеству разрушения, болезни, смерть. Действительно, «...страх — это своего рода антропологическая константа с заданным набором почти вечных «страшных» вещей». (Александр Пятигорский. Страх из 2009 года // «Неприкосновенный запас», 2009). Оценка при описании “страшных концептов” не требует ни аргументации, ни словесного портрета в контексте, — их заменяют личный или коллективный опыт и знания, которые актуализируются при восприятии имени концепта. По удачному выражению Н. Г. Брагиной [Брагина 2004: 493], “легитимация” страшного обусловлена общественным признанием. Может показаться, что эпитет *страшный* при таких именах избыточен, однако именно данный эпитет актуализирует и интенсифицирует негативное содержание концептов. Ср., например: *Город заполняли беженцы с запада и раненые с востока, и там, где они жили, лежали или останавливались, постоянно шёл разговор о таких страшных вещах, как ковровая и утюжная бомбёжка, о том, что в городе стоят кварталы чёрных развалин, что людей заваливает в бомбоубежищах и они гибнут там.* (Ю. О. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом. Пролог (1943—1958)). *По улице тянулась страшная вереница окровавленных искалеченных людей.* (А. Г. Колмогоров. Мне доставшееся: Семейные хроники Надежды Лухмановой (2012)). *За Уралом жизнь прекратилась, началась тайга — страшная, безнадежная, бесконечная.* (Сергей Каледин. Аллея Руж // «Огонек», 2013). *После страшных пыток расстреляли Вознесенского и Кузнецова.* (Гавриил Попов, Никита Аджубей. Пять выборов Никиты Хрущева (журнальный вариант) // «Наука и жизнь», 2008).

Имена таких концептов бывают “привязаны” к конкретным событиям; указание на место, время, участников событий входит составной частью в имя концепта. Ср., например: *Невольно явилась мысль о страшных петербургских наводнениях.* (Леонид Юзефович Костюм Арлекина (2001)). *Покойный угол и чашка кофею составляли всё его благоденствие, но в страшных башнях Евфимьева монастыря он его иметь не мог.* (Ирина Грачёва. Сузdalские тайны // «Наука и жизнь», 2009). *После страшных дней «Норд-Оста» многим из нас приходится заново учиться радоваться самым простым вещам, из которых совсем недавно состояла наша жизнь.* (Елена Светлова. Демоны Врубелей // «Совершенно секретно», 2003.04.03). *Мы говорим о страшных сутках в подвале, которые перевернули всю жизнь мальчиков из благополучной семьи.* (Марина Борисова. От редакции // «100% здоровья», 2002.11.11).

Важное для коммуникантов удостоверение в том, что квалификация объекта как страшного произведена объективно, регулярно осуществляется в речи еще одним стандартным способом — с помощью квалификаторов с семантикой подтверждения: *действительно, по-настоящему.* Введение квалификаторов освобождает от необходимости аргументации, позволяет не создавать “словесный портрет” и т.д. Квалификаторы звучат весомо независимо от того, истинное или ложное высказывание они удостоверяют. Ср., например: *Вра-*

чи Запорожской областной детской больницы, куда обычно привозят нежеланных малышей, находящихся на грани жизни и смерти, могут рассказать немало по-настоящему страшных историй. (Иванченко Валентина. КАМЕРА ХРАНЕНИЯ... ДЛЯ ДЕТЕЙ // Труд-7, 2002.07.19). В том, что дороги там действительно страшные, я убедился около года назад. (Алексей ОВЧИННИКОВ, Фото автора. Нам любые дОроги дорОги. Почему? // Комсомольская правда, 2006.10.06). Книга правда страшная, я не решился ее переиздавать. (Беседовала Наталья Кочеткова. «Что у нас за последнее время было самого скандального?» // lenta.ru, 2015.10.17).

При этом подтверждение может подвергаться сомнению, даваться с оговорками; ср.: *Каждый раз заводил разговор о матери, якобы собираясь поведать Вере о ней что-то «по-настоящему страшное», но та решительно пресекала все эти ненужные воспоминания — зачем?* (Дина Рубина. На солнечной стороне улицы (1980-2006)). Наверно, она действительно страшная, напрасно некоторые в это не верят. (Василь Быков. Волчья яма // «Дружба народов», 1999.07.15).

Иногда в качестве обоснования оценки могут одновременно использоватьсь и «словесный портрет», и обобщающие его квалификаторы; ср., например: *Он прыгал по комнате, как освирепелая обезьяна, голый, в одной треуголке, он визжал как шакал, которому переломили лапу. О, это был действительно страшный генерал.* (Н. С. Гумилев. Черный генерал (1917)).

Квалификаторы *действительно, по-настоящему, правда* регулярно используются в ассертивных высказываниях; данные квалификаторы способствуют также интенсификации признака *страшный* — то, что считается по-настоящему, действительно страшным, содержит имплицитную оценку ‘очень’, ‘в высшей степени’. Ср.: *Вот я вам сейчас расскажу по-настоящему страшную сказку про серого волка.* (Борис АКУНИН. Быть о сером волке, или Геводансское чудовище // Комсомольская правда, 2012.03.07). *А рожа у него действительно страшная, в кровоподтеках, рот в запекшейся крови, сам испугался, увидев себя в ванной в зеркале.* (Ю. В. Трифонов. Исчезновение (1981)). Книга правда страшная, я не решился ее переиздавать. («Что у нас за последнее время было самого скандального?» // lenta.ru, 2015.10.17).

Эти же квалификаторы регулярно используются в негативных высказываниях и способствуют, кроме того, дезинтенсификации (умалению, ослаблению) признака «страшный», сведению его на нет; ср., например: — *Что ничего по-настоящему страшного не случается до последнего лета, — со слабой улыбкой закончил за него Лэри.* (Мариам Петросян. Дом, в котором... (2009)). «...со мной никогда не случалось ничего по-настоящему страшного» (Лариса Володимерова. Похороны великаны // Интернет-альманах «Лебедь», 2003.10.05). *По-настоящему страшным, однако, фильм все равно не получается — причем не только из-за не самой выдающейся изобретательности шоковых приемов.* (Денис Рузаев. Ринг, зона, ярмарка тщеславия // lenta.ru,

2015.07.31). *Ничего действительно страшного не произошло, обошлось без жертв.* (Может ли повториться авария? // Комсомольская правда, 2005.05.26).

Неопределенность параметров *страшного* и субъективность оценки проявляется в использовании неопределенных местоимений: *какой-то, нечто, что-то* и др.; ср., например: *Дальше началось что-то страшное: Кристина решила почитать ему свои стихи, а меня заставила переводить.* (Дуня Смирнова. Октябрьская железная дорога // «Столица», 1997.05.13). И в этом случае для “укрепления” оценки часто используются квалификаторы *действительно, по-настоящему, правда.* Ср., например: *Чем-то действительно страшным веет от этого человека, который выкладывает по пальцам, «сколько их всего было»* (В. М. Дорошевич. Сахалин (Каторга) (1903)). *Звонила мама, причем по ее срывающемуся голосу было понятно, что произошло нечто по-настоящему страшное.* (Ю. И. Андреева. Многоточие сборки (2009)). — *Может ты и научный работник, но ты, правда, страшный какой-то, Льнов.* (Михаил Елизаров. Pasternak (2003)).

Также отметим, что в стратегии аргументации клише *на самом деле* (разговорный “перифраз” *действительно*) используется не для подтверждения, а для умаления негативной оценки или ее опровержения; *на самом деле* – постоянный элемент диалога, спора; ср.: *Кстати, страшная на вид рыба на самом деле очень вкусная — нежнейшее мясо черта считается деликатесом.* (Ирина КОЗЛИК. Дайверы об укусе морского чудища: «Мы хотели этого черта сфотографировать и отпустить» // Комсомольская правда, 2013.08.13). ... *страшная на вид лужа на самом деле совсем мелкая, с дном, засыпанным гравием...* (Федор Кнопре. Орехов (1968)). Тем самым, субъективная эмоциональная оценка *страшный* стремится обрести свои формы контроля и объективироваться разными способами.

§6. Коммуникативность прилагательного оценки *страшный*

Оценка *страшный* диалогична и коммуникативна – она используется в различных речевых стратегиях — оскорбление, угроза, предупреждение, совет, прогноз и др. Ср., например: — *Тетя Регина, вы злая. Вы страшная. Толстая, беззубая, — кричала Алла.* — *Я вас ненавижу.* (Маша Трауб. Нам выходить на следующей (2011)). — *Я не шучу. Вы действительно страшный человек, Александр.* (Александр Горкин, Александра Маринина. Шестикрылый серафим (1991)). *А он, ехидно улыбаясь, спросил:* — *Я, наверное, тебя жутко напугал, я такой страшный.* (Сати Спивакова. Не всё (2002)). — *Куда же ты, Витенька? Гроза сейчас будет страшная!* — *Это хорошо, очень хорошо, тетя Кланечка, — бормотал, торопливо застегивался Витенька.* (В. М. Шапко. Грузок, what is it горка and липка? // «Волга», 2014).

§7. Страшное и фактор времени

Для понятия страшного важен фактор времени, его образы, его грамматика, его лексика; ср.: *Что-то очень большое и страшное, / На штыках принесен-*

ное временем, / Не дает нам увидеть вчерашинего / Нашим гневным сегодняшним зренiem. (К. М. Симонов. «Словно смотришь в бинокль перевернутый...» (1941)).

Настоящее часто видится страшным; ср.: *Страшная легенда, которой пугают друг друга инфантильные болваны...* (Андрей Рубанов. Сажайте, и вырастет (2005)). — *Oх, и страшен этот лагерь, — смеясь, сказал Мостовской, — по сравнению с ним всё кажется хорошим, даже встреча с меньшевиком.* (Василий Гроссман. Жизнь и судьба, ч. 1 (1960)). И далее в том же письме: «*Не могу писать о постороннем, пока не решено то страшное дело, которое висит над всеми ними.*» (Ю. В. Трифонов. Нетерпение (1973)). Оценка страшного в настоящем тяготеет к тому, чтобы быть вневременной, генеритивной, что выражается краткой формой прилагательного (*страшен*), формами сравнения (*самый страшный, один из самых страшных, страшнее всего*), квантитативной лексикой (*все, всегда* и др.), конструкцией *самое страшное (на земле)* и смыслом всего высказывания в целом. Ср., например: *Правда страшна, и лучше ее не видеть.* (Н. Б. Черных. Мелкая сошка // «Волга», 2009). *Все самое страшное на земле, все гадости и глупости — они от недостатка фантазии.* (Владислав Быков, Ольга Деркач. Книга века (2000)). *Все страшное на Руси великой происходит совсем как бы и не страшно, обыденно, даже и шутливо, и никакой русский человек со своими пороками по доброй воле не расстанется.* (Виктор Астафьев. Последний поклон (1968-1991)). — Да, в общем, верно, — признал Гаранин, — в принципе, большинство наркоманов может пережить ломку и без помощи врача или дозы. Но мучения у них действительно страшные. (Влада Валеева. Скорая помощь (2002)).

Взгляд на страшное из настоящего стремится переместиться в прошлое или в будущее; ср.: *Не надо большие ни о чем беспокоиться, девочка, самое страшное для тебя позади.* (Евгений Сухов. Делу конец — сроку начало (2007)). Однако *самое страшное для Парижа еще впереди.* (Бессонный Париж. К студентам присоединились «хулиганы всех мастерей» // РИА Новости, 2006.03.17).

Также оценка страшного бывает ретроспективной, находится в прошлом; ср., например: *Это была политически точная и потому очень страшная игра.* (Николай Сванидзе, неизвестный. Умом Россию понять можно. Хорошо бы при этом не сильно расстроиться // «Знание — сила», 2009). Но по мере того как *голод делал свое страшное дело, накал ненависти слабел вместе с нами.* (Н. П. Бехтерева. Магия мозга и лабиринты жизни (1994)).

Будущее, в силу его неизвестности, страшит больше, чем настоящее (о страхе как неизвестности см. [Иоанесян 2019]); на это указывает семантика объектов оценки; ср.: *Перед лицом действительно страшной угрозы непрерывного наступления тоталитаризма, перед угрозой экологической катастрофы очень важно, чтобы основная масса населения, профсоюзы, предприниматели нашли возможность поступиться какой-то частью уже достигнутого уровня жизни, пойти на временные самоограничения.* (А. Д. Сахаров. О стране и

мире (1975)). Он выходил из себя, топал ногами и кричал, чтобы она затягивалась, иначе у нее появится масса страшных смертельных болезней. (Анна Сапегина. Еще раз о Бунине // «Сибирские огни», 2012).

Взгляд на страшное в будущее может быть направлен из настоящего, из прошлого (как ожидание, предупреждение, предостережение). Ср.: *[IvanVS, nick] Тем не менее, это очень страшная штука, которую хотелось бы, чтоб мы сами, а также наши политики стремились не допускать в будущем во благо следующего поколения.* (коллективный. Форум: 17 мгновений весны (2005—2010)). *Страшная угроза Черному морю — плотоядный гребневик мнемиопсис (Mnemiopsis).* (А. М. Городницкий. Тайны и мифы науки. В поисках истины (2014)). *Гибель планеты Земля от огненного дождя — страшная катастрофа, предсказанная в Новом Завете, — за пределами Солнечной системы будет расценена как простой случай, не имеющий особого значения.* (Олег Мраморнов. «Закон притяжения масс открывает закон добра и любви» // «Наука и религия», 2008). *Предстояла страшная, истребительная война, изменившая не только жизнь, но и характер нашего народа.* (Г. В. Андреевский. Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху. 1920-1930-е годы (2008)). Но среди этих страшных будущих дней будут и такие дни, когда нам будет дышаться легче, когда мы будем почти здоровы и страдания наши не станут тревожить нас. (В. Т. Шаламов. Колымские рассказы (1954-1961)). Они ведь тоже мутируют где-то там, под землей... Вот что может стать действительно страшным... (ЕСТЬ ЖИЗНЬ ПОД МОСКОВЬЮ, А КАК ТАМ С ЭКОЛОГИЕЙ? // Труд-7, 2000.09.18).

На динамику признака во времени также указывает семантика частиц или наречий; ср., например: *Но сирокко был им уже не страшен.* (Вацлав Михальский. Для радости нужны двое (2005)). *Россия всегда была страшна, но во мраке горели костры, те же Гоголь, Герцен, Салтыков-Щедрин.* (Ю. М. Нагибин. Дневник (1983)). *Страшная немецкая авиация уже не казалась страшной.* (Василий Гроссман. Жизнь и судьба, часть 3 (1960)).

Время делится на отрезки, которые регулярно в речи именуются страшными: времена, годы (лета), сутки, дни, ночи, часы, минуты, даты, моменты. Ср.: *Наша жизнь стала богаче на много десятилетий назад — как если бы не было этих страшных времен, голода, разрухи, войн, лагерей, психушек, ссылок, забвения...* (Людмила Петрушевская. Воспоминания о Т. А. Луговской (2001)). *Где он был в том страшный на Руси час, о том в летописях не сказано.* (С. М. Голицын. Сказания о земле Московской (1968—1988)). «...Мы, дети страшных лет России...» (А. Блок). *Прошло 10 страшных минут после засечения приговора (по Достоевскому, выслушанного «без малейшего раскаяния») и раздалась команда: «К заряду!»* (Борис Ялевов. Календарь «З-С»: январь // «Знание - сила», 2010). Объекты оценки, как правило, уточняются с помощью дополнительных характеристик; ср., например: *Мы говорим о страшных сутках в подвале, которые перевернули всю жизнь мальчиков из благополучной семьи.*

(Марина Борисова. От редакции // «100% здоровья», 2002.11.11). Такие уточняющие характеристики позволяют определить конкретные “периоды страшного” в истории. Ср., например: ...он говорил из давних, страшных десятилетий сталинизма... (В. Г. Галактионова. 5/4 накануне тишины // «Москва», № 11, 12. 2004). И не только в предреволюционные, но и в послереволюционные, и в самые страшные — советские тридцатые-сороковые. (Александр Кушнер. Почему они не любили Чехова? // «Звезда», 2002). Он словно на машине времени прибыл из страшных девяностых, когда Москву заполонили бритоголовые ублюдки. (Олег Дивов. Выбраковка (1999)).

§8. Денотативная область прилагательного оценки страшный

Обратимся к данным основного корпуса НКРЯ. В основном корпусе (на 03.09.2020 его объем составлял 124 565 документов, 321 712 061 слово) найдено употреблений прилагательного и его форм:

страшный — 4 236 документов, 8 722 вхождения
страшного — 3 179 документов, 5 593 вхождения
страшном — 1 453 документа, 2 026 вхождений
страшному — 464 документа, 530 вхождений
страшным — 2 470 документов, 4 005 вхождений
страшная — 3 557 документов, 6 574 вхождения
страшной — 3 210 документов, 5 580 вхождений
страшную — 2 187 документов, 3 401 вхождение
страшное — 3 809 документов, 7 418 вхождений
страшные — 3 120 документов, 5 656 вхождений
страшных — 1 839 документов, 2 716 вхождений.

Согласно примерам в НКРЯ, субъектом эмоциональной оценки *страшный* является одушевленное лицо (человек, субъект речи); объектами основных оценок — эмоциональной и эмоционально-интеллектуальной оценки⁴ могут быть:

- * Явления, события, ситуации, действия, процессы, поступки и др.
- * Человек, его лицо, части тела, внешние качества и внутренние свойства, его гендерные, социальные, культурные, национальные роли и др.
- * Продукты ментальной и психической деятельности человека: сон, мысль, мечта, чувство и др.
- * Продукты речевой деятельности человека: слово, разговор и др.
- * Продукты и орудия профессиональной и интеллектуальной деятельности человека: агрегат, пистолет, теория, цифры, книга, фильм и др.
- * Окружающий человека мир — природный, социальный, космос.
- * Артефакты, созданные природой, человеком, ландшафт и его части: пропасть, дорога, яма, камень, памятник и др.
- * Ирреальные сущности: ведьма, черт, демон, привидение и др.
- * Абстрактные категории — время, пространство, панорама, число и др.

⁴ Об эстетическом значении страшного и ограничении на область денотации см. ранее.

При всем “денотативном разнообразии” заметно тяготение оценки «страшный» (в эмоциональном и интеллектуальном значениях) к абстрактным понятиям, которые могут быть выражены отвлеченными или конкретными существительными. Ср., например: *Но он не мог скрыть истину, потому что негодование патриота вылилось наружу на панславистов, готовящихся, стало быть, действительно страшные бедствия России своей отчаянной пропагандой и агитацией в Австрии и в славянских землях.* (Ф. М. Достоевский. Дневник писателя. Сентябрь — ноябрь 1877 года (1877)). *И снова — пустота... И абсолютная, страшная тишина.* (Дмитрий Глуховский. Метро 2033 (2005)). *Прозаизм и откровенность фильма остались по-настоящему страшное впечатление.* (Вартанов Анри. МЫЛОВАРНЯ ПЯТЬ РАЗ В НЕДЕЛЮ // Труд-7, 2000.11.09). Цифры действительно страшные — за выходные в области сгорело 79 домов, без жилья осталось 235 человек, большинство из них ютятся у родственников. (От лесных пожаров в Приамурье пострадало девять сел // Комсомольская правда, 2008.04.22). Эх, кабы китайцам в своё время познакомиться с учением А. Т. Ф.! Не надо было бы строить Великую Китайскую стену — сотни миллионов лет человеческого труда бы сэкономили: ведь никаких страшных монголов вблизи от них, оказывается, не было! (А. А. Зализняк. Лингвистика по А. Т. Фоменко // «Вопросы языкоznания», 2000). ...обещание, что подобных разговоров — страшных и смертельно опасных — больше не повторится. (Ю. О. Домбровский. Хранитель древностей / Приложение (1964)).

При сочетании прилагательного *страшный* с наиболее обобщенными понятиями в форме среднего рода единственного числа (например, *событие, обстоятельство, происшествие*) существительное может опускаться, и прилагательное *страшное* субстантивируется в абстрактную сущность; *страшное* звучит весомо, а его содержание эксплицируется в разъяснении; ср., например: *Случилось страшное: их с Варей отдали в школу-интернат, по-нынешнему — в детский дом.* (И. Грекова. Фазан (1984)).

Судя по данным НКРЯ, прилагательное *страшный* регулярно сочетается с существительными во множественном числе; таким способом в речи семиотизируется множественность страшного в действительности.

Страшными бывают: *события, происшествия, жизненные ситуации, переделки, периоды нашей жизни, явления, социальные явления, политические реалии, обстоятельства, случаи, стороны жизни, условия, последствия, проблемы, вести, новости, истины, силы, хлопоты, потрясения, бандитские группировки, лагеря, суды, войны, битвы, бои, теракты, времена, годы (лета), сутки, дни, ночи, бессонные ночи, последние минуты, даты, будущее, тридцатые годы сороковые годы, сталинские десятилетия, болезни, недуги, муки, корчи, судороги, конвульсии, боли, осложнения, раны, повреждения, смерти, потери, деяния, ошибки, пытки, допросы, лаборатории, преступления, предательства, наказания, кары, петровские указы, тоталитарные режимы, обвинения, репрессии, преследования священнослужителей, расстрелы, враги, бандиты, преступ-*

ники, иезуиты, монголы, народы, людские потери, человеческие страдания, метания, потери, статистические данные, жертвы, еврейские трагедии, испытания белорусов, разгромы, похороны, беды, аварии, взрывы, природные катастрофы, катаклизмы, потрясения, наводнения, штормы, морозы, глубины, бедствия, народные бедствия, лишения, национальные травмы, технологии, кошмары, сны, мысли, голоса, видения, разговоры, слухи, слова, клятвы, темы, сводки, вопросы, вопросы бытия, правила, вещи, тайны, секреты, грехи, грехопадения, пороки, искушения, проклятая, ругательства и клятвы, глаза, хари, корни страшных трав, яды, оружие, бомбы, когти, зубы, челюсти, кошки, звери, собаки, слепни, монстры, демоны и химеры, боги, деревянные люди, отцы, старцы, фильмы, триллеры, сказки, фантазии, рассказы, истории, воспоминания, разоблачения, картины, сцены, страницы, подробности, подробности красного террора, башни, тоннели, поля, места, участки, заросли, лабиринты, коммуналки, находки, перегрузки, безногие калеки и многое другое.

Очень часто вместо обобщенных понятий (*событие, явление, ситуация и др.*) используются их замены, квазионимы, типа *вещь, штука, дело, нечто*, которые вносят в речь элемент неформального общения. Ср., например: *Поверьте мне, Антон, сомнения и подозрения — это страшная штука, они разъедают нутро и отравляют даже самые лучшие, самые теплые и добрые отношения*. (Александра Маринина. Последний рассвет (2013)).

В сочетаниях с прилагательным эмоциональной оценки *страшный* концептуализируются признаки тех или иных понятий, концептов культуры. Укажем некоторые из них.

СТРАШНАЯ СМЕРТЬ.

Глубинную связь прилагательного эмоциональной оценки *страшный* с понятием смерть обусловливает инстинктивное неприятие человеком смерти, ее неизбежного прихода, ее убийственной власти над человеком, губительного глумления над смыслом существования. Ср.: *Сам момент смерти был страшен. Он уходил в полном сознании и все болезненно переживал*. (Александр Сокуров. Ископаемое (2007)). *Все более возрастающее число самоубийств доказывает, что и смерть не страшна для многих*. (В. С. Соловьев. Оправдание добра (1894—1899)). Но человек существует в культуре, и «страх смерти, страх перед небытием <...> является проявлением недостаточной веры, отхода от Бога» [Иоанесян 2019: 79]. *Смерть, самое страшное для человека, верующему нестрашна, как не страшны для крылатого существа все бездны, пропасти и падения*. (А. В. Ельчанинов. Записи (1926—1934)). *Смерть не страшна. Понимаешь? Самое страшное в жизни — быть униженным*. (Николай Коляда. Барак (1987)).

СТРАШНОЕ СЛОВО.

... и страшных слов вроде «убил», «замочил» или «прикончил» не употреблял. (Александра Маринина. Мужские игры (1997)). *Много страшных слов наговорил старый Цацгай, как говорят и другие отцы, когда сердятся на не-*

послушных дочерей, а потом смилилось отцовское сердце. (Д. Н. Мамин-Сибиряк. Ак-Бозат (1895)). — *В этих словах страшна усмешка.* (Владимир Дудинцев. Не хлебом единым (1956)).

СТРАШНЫЙ ЧЕЛОВЕК.

Он — страшный человек и, будучи публично оскорблённым, мог начать рассказывать все, что знал. (Александра Маринина. Иллюзия греха (1996)). *Даже если я завтра попаду под трамвай, она вечером пойдет в кино и будет говорить знакомым, что ей очень тяжело и надо было отвлечься.* Это страшный человек, *Митя! Ты ее не знаешь!* Это — чемпион эгоизма! (Виктория Токарева. Пираты в далеких морях (1964—1994)). *Когда банальный бюрократ получает практически неограниченную власть..., он становится по-настоящему страшным человеком.* (Мария Штейнман. Политические смыслы «Гарри Поттера» (2016)).

СТРАШНАЯ ИСТОРИЯ.

...была еще страшная история, как мальчики 10 — 12 лет пытали электрическим током в больнице своего сверстника другой национальности и как он выпрыгнул в окно. (А. Д. Сахаров. Горький, Москва, далее везде (1989)). Книга эта, помнится, мне не понравилась — слишком сильно было в ней памфлетное начало, слишком усердствовал автор, сдирая романтические покровы с этой действительно страшной истории... (Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Жук в муравейнике (1979)).

СТРАШНОЕ СОБЫТИЕ.

Но было и одно страшное событие, которое я старался не вспоминать, но помню всегда, и сейчас так же ярко, как в первый раз. (И. М. Дьяконов. Книга воспоминаний. Глава восьмая (1933—1935) (1995)). Ведь автор принадлежит к числу последних свидетелей страшных событий ушедшего века. (Ревекка Фрумкина. Последние свидетели // «Отечественные записки», 2003).

СТРАШНАЯ ПРОБЛЕМА.

Потому что еще одна страшная проблема — это то, что нация наша, население наше разделено на два сословия. (Сергей Бирюков. Юрий Шевчук: «Очень много душ, которые черны от пожаров» // Труд-7, 2010.08.30). Они, похоже, верили в то, что запретом и искоренением можно решить вековую и действительно страшную проблему тотального, неизбывного пьянства. (Соломонова Ольга. СОЛНЦЕ В БОКАЛЕ // Труд-7, 2003.06.28).

СТРАШНАЯ МЫСЛЬ.

Страшная мысль мелькнула в уме моем: я вообразил ее в руках у разбойников... (А. С. Пушкин. Капитанская дочка (1836)). Угрозения его совести были настолько мучительны, что в первую секунду он чуть ли не с облегчением ухватился за эту — действительно страшную — мысль. (Сергей Бабаян. Ротмистр Неженцев (1995—1996)).

СТРАШНАЯ ТАЙНА.

— Слушайте, Татьяна Павловна: я вам сообщу одну страшную тайну, но

только не сейчас, теперь нет времени, а завтра наедине, но зато скажите мне теперь всю правду, и что это за мертвая петля... потому что я весь дрожжу... (Ф. М. Достоевский. Подросток (1875)). Ты остаешься наедине с ровно и умиротворенно дышащей природой, с обледевшим лесом, с покорно ждущим снега молчаливым уремом, который в тишине кажется не просто бесконечным, но как бы уходящим в молчаливое мироздание, в его непостижимую и оттого совсем не страшную тайну. (Виктор Астафьев. Веселый солдат (1987—1997) // «Новый Мир», 1998). И чудятся какие-то действительно страшные тайны за сказавшим так или, особенно, за увидевшим что-то... (В. В. Розанов. Апокалипсис нашего времени (1917—1918)).

СТРАШНАЯ СИЛА.

Скажем об этом немного подробнее.

Страх силён — это удостоверяет фразеология. Ср. фразеологизмы: *от страха волосы встают дыбом* (как шерсть у животного), *волосы на голове шевелятся, в сердце / в груди что-то обрывается, сердце замирает, сердце падает/ обрывается, человек дрожит как осиновый лист, как овечий / заячий хвост, поджилки трясутся, душа в пятки уходит, ноги подкашиваются, на человеке лица нет, кровь отливает от лица, ни кровинки в лице, кровь стынет/ леденеет/ холдеет в жилах* (см. этимологию слова *страх*), *мороз по коже дерёт, мурашки по спине бегают, обливается холодным потом, пот прошибает, небо с овчинку кажется, у страха глаза велики, человек не смеет дохнуть, врос как столб, ни жив ни мёртв, язык отнялся*. Об универсальном и культурноспецифичном в проявлениях эмоций (в том числе соматических) во фразеологии см. [Дронов 2018] и четвертый раздел данной монографии.

И у прилагательного «страшный» семантика развивается, во многом, в соединении с семантикой сильного; ср.: *При этом надо учитывать, что только страшная сила нас может преобразить.* (А. Н. Бузулукский. Законник Буренин // «Волга», 2008). *Но страшная болезнь уже совсем близко. И она готова сделать свой самый сильный ход.* (Анатолий Карпов. Книга, ставшая легендой // «Наука и жизнь», 2007). — *Разбирать теперь всё это полгода. Жизнь страшная стала.* (Виктор Пелевин. Желтая стрела (1993)). *Россия для Европы — страшная, неотесанная, грубая сила, которая лишь пугает, потому что живет по совсем другим законам, чем остальное человечество...*» (Георгий Хабаров. Смесь французского с красноярским // «Совершенно секретно», 2003.07.07). Ставшее крылатой, фраза из романа Ф.М. Достоевского о красоте как страшной силе закрепила связь понятий страха и силы; однако в русской речи эта цитата, как правило, подвергается лексико-семантическим и синтаксическим преобразованиям и употребляется в ироническом ключе — смех продолжает сражаться со страхом и его силой. Ср.: *Особенно в России — завистливость русских общеизвестна, а сверхдержанная ностальгия есть страшная сила.* (Максим Соколов. Меня уже никто не любит. Колонка обозревателя // «Известия», 2002.09.25). *И смутно чувствовал он и другое: всякая кротость*

— страшная сила. (Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 3 (1978)). *И если из ста девочек пять назовут Настями, считай, от них проходу не будет*. Да, мода на имена — страшная сила. (Татьяна Арефьева, Игорь Петровский. Имена России. Как правильно назвать своего ребенка // «Русский репортер», № 4 (132), 4-11 февраля 2010).

§9. Соединение, сопоставление и противопоставление прилагательного *страшный* с другими признаками в контексте

Признак *страшный* часто соединяется с другими признаками при общем объекте оценки. Эти признаки отвечают *страшному* по тем смыслам, которые в коллективном сознании соединены с объектами, вызывающими чувство страха. Ср., например: *И не забывая о каких-то основополагающих, обладающих огромной инерцией, глубинных, порой страшных и темных российских силах*. (В. Б. Катаев. Чехов плюс... Предшественники, современники, преемники (2004)). *Он узнал, где скрываются убийцы, и один, в своём широком пиджаке, матросской тельняшке и капитанке на голове, страшный и могучий, вошёл в подвал, где скрывались бандиты, в так называемую хавибу, и, войдя, положил на стол своё служебное оружие — пистолет-маузер с деревянной ручкой.* (В. П. Катаев. Алмазный мой венец (1975-1977)). ... очень жестоких и страшных народов. (коллективный. Форум: Норманинский вопрос (2012)). *За сегодняшний страшный и долгий вечер инстинкты его притупились, беспамятство уже скрыло темной завесой события трехчасовой давности.* (Вадим Громов. Компромат для олигарха (2000)). *Сочтут предательством. Месть будет страшная, скорая.* (Юрий Трифонов. Дом на набережной (1976)).

В этом соединении признаки часто представлены в градации, и *страшный* занимает на этой шкале, как правило, вершинную позицию. Ср., например: *Вот тогда только я понял, какая это война: нескончаемая, трагичная, страшная...* (Борис Дубинин. В том далеком сорок четвертом // «Наш современник», 2004.06.15). ... и вот она, зимняя ночь, еще более долгая, леденящая, страшная... (В. Д. Алейников. Тадзимас (2002)). *А вот вторую я как-то понемногу боялась, я про нее почему-то видела только, что она такая вот старуха старая, морщинистая, непонятная — короче, СТРАШНАЯ.* (коллективный. Форум: Нужен совет (2013)). *Странная история с ними вышла. Странная и страшная. Сначала у них разведчики стали пропадать. Уходили в туннели и не возвращались.* (Дмитрий Глуховский. Метро 2033 (2005)).

Соединение противоположных по семантике признаков при описании действительности позволяет передать ее всеохватное восприятие и объективную оценку; ср., например: *И за эти быстро промчавшиеся 99 лет мне довелось быть очевидцем и в определенной степени участником многих и многих событий, удивительных и незабываемых, великих и страшных, радостных и трагических.* (Борис Ефимов. Десять десятилетий (2000)).

Признаку *страшный* могут быть противопоставлены другие признаки (при общем объекте); признак *страшный* при таком противопоставлении или кор-

ректируется, смягчается другими признаками, или, напротив, акцентируется; ср., например: *Услышав хриплый, страшный, но живой человечий голос инженер взбодрился* (Л. Н. Сейфуллина. Виринея (1924)). *И чудное, дивное дело — хотели они того или нет — они не давали умереть свободе, и даже самые страшные из них берегли её в своих страшных, исковерканных и всё же человеческих душах.* (Василий Гроссман. Все течет (1955-1963) // «Октябрь», 1989). — *А я думал, тут у вас суд — Страшный, но справедливый, или, хотя бы, конкурс на вакантное место!* (Сергей Осипов. Страсты по Фоме. Книга вторая. Примус интер парэс (1998)). *Опыт страшный, но незаменимый. Неудивительно, что к этому опыту подталкивали человечество подчас лучшие его представители — тот же Блок, например, с его «музыкой революции».* (Александр Вергелис. Двадцатый век: портрет в прозе (2012-2014) // «Стороны света», 2014). *Я снял очень интересный, но страшный рассказ Поля о Пик-скилле, где его хотели линчевать.* (Василий Катанян. Прикосновение к идолам (1998)). *Простой, но страшный факт: как бы то ни было, в приемниках почти нет смеси!* (А. Б. Ярославский. Аргонавты вселенной (1926)).

Также признак *страшный* у одного объекта входит в соединение, сопоставление, противопоставление с разными признаками у других объектов. Ср., например: *Оставлены только ритмическая организация текста и интонация — спокойным деловым тоном о жестоких и страшных вещах или о вещах нелепых, смешных, эксцентричных* (Н. Л. Елисеев. В упряжке с веком (2005)). Противопоставляются не только признаки объектов — противопоставляются разные концепты; ср.: *А на родине — родные стены, но страшная распутьица — и внешняя, и внутренняя.* (Вениамин Смехов. Театр моей памяти (2001)).

Тем самым, уточняются семантические связи между разными признаками тех или иных объектов.

§10. Фразеологизмы с компонентом *страшный*

Фразеологизмы вбирают в свою семантику разные семантические оттенки эмоциональной оценки; компонент *страшный* входит в состав разных типов фразеологизмов — от коллокаций, фразем, фразеологических клише, идиом до междометных эмотивов и прецедентных высказываний. Ср.: *страшный удар для кого-л.; со страшной силой ‘очень, слишком интенсивно’; иметь страшные последствия; при страшных обстоятельствах; (нет) ничего страшного; делать страшные глаза ‘с угрозой, предупреждающе смотреть на кого-л.;*, *страшное дело ‘очень много; очень сильно’; страшно подумать; в страшном сне не привидится; страшно аж жуть; Страшный (Божий; страшный) суд ‘в религии высший суд, суд Бога; справедливый и суровый приговор’; красота — это страшная сила; не так страшен чёрт, как его малютки <как его малютки>* и др. Ср., например, типичные употребления в речи одного из приведенных выше фразеологизмов: *Её неожиданная кончина была для всех, знативших и любивших ее, страшным ударом.* (И. К. Архипова. Музыка жизни (1996)).

Если мы разведёмся, для Максимки это будет страшный удар... Ведь он очень нежный, ранимый мальчик. (Екатерина Орлова. Такой же хороший, как ты // «Даша», 2004).

Как правило, фразеологизмы с компонентом *страшный* находятся в предикативной позиции; ср. примеры с фразеологизмом *страшное дело*: *Раньше в этих местах комарья было — страшное дело...* (Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Пикник на обочине (1971)). *Ничего, привыкнешь. Привычка — страшное дело. Это пока не привык, невыносимо. А потом ничего.* (Татьяна Набатникова. День рождения кошки (2001)). Данное выражение также используется в качестве метатекстовой “заставки”, превращается из фраземы в междометный эмотив; ср.: *Стал ошиваться по ночлежным вагонам, менты жалости не знают, страшное дело.* (Александр Иличевский. Маттисс // «Новый Мир», 2007). — *Я сейчас видел автобусную аварию. Страшное дело...* (Галина Щербакова. Реалисты и жлобы (1997)). *Что в казарме творится — это страшное дело...* (Сергей Довлатов. Чемодан (1986)).

С помощью фразеологии происходящее не столько изображается, сколько обобщается и типизируется. Большинство фразеологических клише с компонентом *страшный* (который может быть факультативным) сводятся к одной модели с предложным падежом объекта оценки (локативом): «быть/ действовать в страшных *Y*». Важно отметить, что *Y* здесь — множественный объект оценки. Ср.: в (*самом*) *страшном сне/ самых страшных снах; в страшных му- чениях/ страданиях/ муках; в страшных судорогах/ корчах/ конвульсиях* (быть- ся; скончаться); в *страшных условиях* (быть, существовать, работать); теряться в (*страшных*) догадках; в (*страшных*) хлопотах; в *страшных коли- чествах* (поглощать что-л.). Компонент *страшный* модифицирует семантику таких фразем, и в контексте это обстоятельство “переводит” выражение в область комического, произносится с иронией. Ср., например: ...я теперь начи- наю теряться в страшных догадках. (коллективный. Форум: Книга жалоб и предложений (2004-2006)). И всё понеслось: командировки повалились просто в страшных количествах. (Елена Гришина. Парфёнова в Москве не ищите // «Рекламный мир», 2000.02.15). Мультикультурализм «скончался в страшных судорогах», западным либералам в укор, нам в научение! (коллективный. Фо- рум: Православие и «Русский марш» (2012)). В страшных снах шахматистка Люся являлась особистке Титовой в образе Венеры Милосской. (Варвара Си- ницына. Муза и генерал (2002)).

§11. Страшное и сновидения

Связь страха и сновидений органична, потому что во сне человек пережива- ет то, что его тревожит; в образах сна показывают себя разные страхи; наконец, в ночное время страхи с особенной силой одолевают человека; ср.: *Но вообще всё это не так страшно. Страшен по-настоящему только страх. Те соба- чьи ночи, когда я ещё был уязвим.* (И. Грекова. Хозяева жизни (1960)). Связь страха и сновидений проявляется в их соединении в ближайшем контексте;

ср., например: *Страшен сон, да милостив бог* (пословица). *А нестрашный сон может сбыться в первой половине дня.* (Сонник «КП» на 16 — 22 мая // Комсомольская правда, 2005.05.15). Но не столько страшен плач, сколько неестественное освещение во сне, происходящее от какой-то тучи, которая кипит и наваливается на землю, как это бывает только во время мировых катастроф. (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 2 (1929—1940)). ... абсурдность, идиотизм, глупость, маскарадность и смехотворность всего того, что происходило на Соловках — тупость начальства и его распоряжений, фантастичность и споподобность всей жизни на острове (мир страшных сновидений, кошмаров, лишенных смысла и последовательности). (Д. С. Лихачев. Воспоминания (1995)). И наконец, одна из самых величественных и страшных картин, какие могут только присниться: гигантский, космических размеров кратер медного карьера в штате Юта! (Дина Рубина. Окна (2011)). Мне снилась такая интересная сказка. И немножко страшная. Я не все помню, так, обрывки. Про какого-то верблюда, про королеву, про речку... (Дина Сабитова. Где нет зимы (2011)). Тесная связь понятий страха и сна семиотизируется во фразеологизме в (самом) страшном сне; ср. пример употребления: *В самых страшных снах с ними подобное не происходит.* (Валерий Володин. Повесть временных лет // «Волга», 2011).

§12. Страшное как переживание религиозного чувства

Страшное как противоположное нестрашному — нормальному, понятному, обычному, может представлять в мистическом контексте, интерпретироваться в религиозном плане. Ср.: *Птица его сперва смущила: страшная, хищная. Такая клюнет — не подымешься. Правда, в последнем лучике солнца вдруг зазолотилась сия хищная птица, подобно некой птице священной, выданной на одной из икон.* (Борис Евсеев. Евстигней // «Октябрь», 2010). К чувству страха также привлекается восторг; мистические образы страшного символизируются и ритуализуются в текстах культуры (*Страшный суд, «Страшная месть»* Н. В. Гоголя).

Как явление антимира, страшное присуще мифологическому дискурсу в фольклоре и фантастическому дискурсу, который активно развивается, в том числе в кинематографе. Ср.: *Страшная Баба-Яга была действительно страшной. ... у меня по телу ходили мурашки, когда появлялась с паклевыми волосами, с маской на лице, верхом на метле злодейка Яга.* (К. С. Петров-Водкин. Моя повесть. Часть 1. Хлыновск (1930)). *Верзила — один из самых страшных и пугающих злодеев, созданных кинематографом.* (коллективный. Форум: Лучшие злодеи в кино Топ-25 (2013)).

§13. Страшное и смешное

Смешное тесно смыкается со страшным; издревле смеху в культуре придавалась магическая функция защиты от “злых сил”, отгораживания от всего того, что представляло для человека опасность. Смех издавна служит вызывающей поведенческой тактикой, способной не только оградить от зла, но и победить зло. В древних похоронных обрядах смех уничтожал умирание и

убийство, превращая смерть в новое рождение, заклинал от смерти [Пропп 1976]. Победа (коллективного) смеха над страхом концептуализируется в пословицах; ср., например: *Одному не страшно, а двоим весело* [Мокиенко, Никитина, Николаева 2010: 879]. Смех докультурный, по М. Т. Рюминой, выполнял «функцию разрядки» [Рюмина 2003: 145—146]. Страшное сближается со смешным на том основании, что страшное, как всё, выходящее за рамки, есть нечто нелепое, удивительное и потому комическое — смешное, забавное, веселое. Связь страшного со смешным концептуализируется в сближении данных прилагательных в тексте.

Самый “тесный” способ такого соединения — сложение; ср. окказиальный пример: *У молодого режиссера Нины Чусовой вышел страшно-веселый, отличный спектакль про нечто большее*. (Игорь ВИРАБОВ. Что общего у Хомы Брута, князя Мышкина и писателя Орфея? // Комсомольская правда, 2003.06.03).

Употребление оценок в соединительном контексте служит их обобщению; ср.: *Оказывается, один из смешных и страшных финальных эпизодов — с рабочим и колхозницей — вырастает одновременно — чисто гротескное объединение — из фантасмагории, реальности и литературы: ерофеевского сна, остого бытового наблюдения и каламбурного стишка*. (Игорь Сухих. Заблудившаяся электричка // «Звезда», 2002). *Открывающаяся картина удивительных, забавных и страшных событий 30-х годов превращала меня в историка и биографа*. (Геннадий Горелик. Андрей Сахаров. Наука и свобода (2004)). *Ну а я — она явилась моей матерью — оказалась похожей на неё до смешных и страшных мелочей*. (Марина Палей. Поминовение (1987)).

Смешное дополняет страшное, а страшное дополняет смешное; ср.: *Эта страшная и, вместе с тем, забавная история произошла прошлым летом*. (Сергей Олесяк. Черный альпинист // «Мурзилка», 2003). *«Мы хотим сделать эту картину безумно смешной и в то же время по-настоящему страшной»* (Новых «Охотников за привидениями» сыгают женщины // lenta.ru, 2014.10.09).

Оценки сосуществуют, переходят одна в другую при описании разных сторон объекта; ср.: *… в теснейшем переулке мы с трудом разминулись с японским самураем в полном боевом облачении; спереди он был смешон, сзади — страшен*. (Дина Рубина. Медная шкатулка (2011-2015)). *В одну минуту он был разделет, — дрожащий, нелепый, безобразный, страшный и смешной в одно и то же время*. (И. Ф. Наживин. Степан Разин (Казаки) (1928)). *Маленький, лысенъкий, с подкупающей преглупейше-коварнейшей улыбкой, совсем нестрашный, скорее смешной, Бармалей, мелкий хулиган от бармалейства, и зла-то как следует сделать не умеет, все время попадается на собственную удоочку*. (Л. Закржевская. Он человек есть // «Советский экран», 1966).

С помощью союза или описывается ситуация выбора между страшным и смешным (забавным); ср.: *Можно придумать еще немало забавных или*

страшных версий. (Эдуард Геворкян. С кем контактируем? // «Наука и религия», 2008). — Заки, — проговорил он, — нет такой испанской фамилии, о которой я не смог бы рассказать тебе парочку забавных или страшных анекдотов. (Дина Рубина. Белая голубка Кордовы (2008-2009)). Их надо переосмысливать, Мэя, иначе они умирают, превращаясь в смешных истуканов или страшных идолов. (Сергей Осипов. Страсти по Фоме. Книга вторая. Примус интер парэс (1998)).

Страшное и смешное могут противопоставляться, находиться на разных “полюсах” оценочной шкалы; ср., например: - Среди моих персонажей было не так уж и много по-настоящему страшных, а вот смешных — каждый второй. (Заозерская Анжелика. КАРИКАТУРИСТА НЕ ТРОГАТЬ! // Труд-7, 2007.11.17). Отсутствие четких правил создает питательную почву для самых разных конфликтов — от смешных до по-настоящему страшных. (Живы — уже спасибо // lenta.ru, 2018.03.27).

На несходство страшного и смешного указывает их перечисление или соединение, при котором одно из прилагательных с отрицанием; ср.: Волны подхватили кавасаки, мягко подкинули, опустили — и пошла непрерывная, веселая, нестрашная игра (В. К. Кетлинская. Мужество (1934-1938)).

Страшное и смешное сближает перечисление объектов данных оценок; ср.: Новый телевизор стоял в комнате и завораживал постоянной сменой красочных картинок, веселых слов, шуток, страшных новостей. (Татьяна Барботина. Пешков // «Волга», 2011).

Так или иначе, соединение страшного и смешного в одном контексте подчеркивает, с одной стороны, абсурдность выходящего за привычные рамки, с другой — обнаруживает многомерность и неоднозначность того, что есть в действительности.

Ирония. Перевод страшного в область комизма сопряжен, в основном, с проявлением иронического отношения к тому, что страшит. Ср., например: У нас, слава Богу, всех этих страшных предпосылок фашизма нету! (Григорий Горин. Иронические мемуары (1990-1998)). — Как только начинается военный конфликт, у этих вполне независимых людей срабатывает какой-то рефлекс, и они превращаются в страшных патриотов (Вячеслав Суриков, Андрей Толстой. Война и живопись // «Эксперт», 2014). «Страшная, толстая, глупая, подлая ищет тощего жадного неудачника для грандиозных скандалов и мрачной жизни» (Евгения Пищикова. Пятиэтажная Россия (2007) // «Русская Жизнь», 2008).

§14. Страшное как источник наслаждения

Как любая эмоциональная оценка *страшное* амбивалентно и может нести в себе определенные положительные характеристики. Так, аномальные явления, события, ситуации могут притягивать, пробуждать большой интерес своим отклонением от нормы и вызывать позитивную эмоциональную реакцию. В бытовом общении страшное обыденно (как это ни парадоксально звучит,

если помнить, что страшное – аномально, оно нарушает упорядоченность, правильность позитивного существования; ср.: *страшная рана, страшный конец, страшная причёска*), и потому особенно заметно несовпадение эмоциональных оценок в отношении объектов действительности и искусства. Искусство способно создать новое измерение, открыть иной мир. Ср.: *Благодаря ей, с одной стороны, автор достигает порой поистине этической панорамы, но, с другой, описываемые им действительно страшные сцены перестают таковыми казаться, если угодно, эстетизируются, отдаляясь от сознания читателя на достаточную для получения эстетического эффекта дистанцию* (С. И. Трунев. Эпос Старого Оскола // «Волга», 2012). Правда, есть такая штука, как «антипрограмминг» — так что в кинотеатрах все-таки есть жизнеутверждающая несмешная комедия с Саймоном Пеггом, нестрашный хоррор про очередной смертельный вирус и отечественный «Дурак» (Кино смотрел Геннадий Устиян. Кино недели: дураки и хоббиты против всех // lenta.ru, 2014.12.12). Зритель шел посмотреть «на бандитов», когда они уже либо слегка цивилизовались, либо двинулись на работу за рубеж, либо упокоились на кладбищах под пышными венками «от братков». Это уже был нестрашный ужас (Сергей Лукьяненко. Наша «Чужая» // Известия, 2010.06.28). ... жаждой действия, жаждой тех острых, иногда страшных, но все-таки, вновь и вновь, усиливающих чувство жизни, тонус жизни поднимающих впечатлений, которые дает нам действие, дают нам, точнее — действия, в смысле — военных действий, поход, схватка, война (Алексей Макушинский. Город в долине (2012)). Эта сцена и живописна, и страшна, она трогает до слез, народ тоже станет подлинно трагическим лицом... (Николай Троицкий. Дневник (1978)). Премьера страшная, но и усладительная, мучительная, но и долгие годы вспоминаемая (Борис Евсеев. Евстигней // «Октябрь», 2010). Линч снимает сказки о страшных чудесах (Сергей Добротворский. Дэвид Линч и Джим Джармуш // «Коммерсантъ-Daily», 1996.01.27). Пошла не так, как обыкновенно ходила, музыка из того, из Рустамова балета всё ещё звучала в ней, страшная, навязчивая и потрясающая музыка, и Соня пошла невольно в ритме этой музыки, и походка... черт побери! (С. И. Шуляк. Квартира номер девять. Роман с чертовщиной // «Волга», 2013). Он (фильм) более атмосферный, страшный, стильный. Дель Торо рулит! (коллективный. Форум: Блэйд (трилогия) Blade (2008-2010)). Он великолепен и страшен в этой злодейской роли (А. Е. Рекемчук. Мамонты (2006)).

В то же время увлечение искусственным распространением страшного в живописи, театре, кино, рекламе и др. (в коммерческих целях или из-за дурного вкуса) вызывает негативную эмоционально-оценочную реакцию (*страшная реклама, страшные скульптуры*). Ср. также: Но «страшная» музыка, всякий раз предваряющая появление хозяина, чересчур страшна для подобных комических перипетий. (Прореха на человечестве // «Культура», 2002.03.25).

§15. Страшное в гносеологическом плане

Страшное притягивает своей аномальностью, вызывает интерес, будит желание познать мир, который дается в противопоставлении. В познавательном плане страшное интерпретируется как странное, интересное, неизведанное и потому понимается как ценность. К чувству страха примешиваются положительное чувство восторга, и возникает положительная оценочная реакция восхищения. Позитивная значимость *страшного* эксплицируется в семантике объектов оценки, в соединении с другими позитивными характеристиками в ближайшем контексте. Наиболее частотным является сочетание *великого* и *страшного*; *страшного* и *интересного* (ср. также *страшно интересно*). Ср.: ... оболочка страшных знаний и несусветных секретов, из которой если на один миг высунется только пальчик, он сам собой тут же нажмет кнопку, и стихии под названием «земля-воздух» и «вода-огонь» помчатся на пять материков, пренебрегая разве что Антарктидой. (Анатолий Найман. Все и каждый // «Октябрь», 2003). В истории человечества в начале дел, великих и страшных дел, всегда было слово, оно предшествовало. (Г. Я. Бакланов. Жизнь, подаренная дважды (1999)). Документ этот одновременно и страшный, и великий, и замечательный (кто захочет ознакомиться — он напечатан в 18-м номере «НЛО» за прошлый год. (Евгений Лесин. Просуществуют ли «Петушки» до 2042 года? (2002)). Вьюга билась в его счасти и широкогорлые трубы, поблевавшие от снега, но он был стоек, тверд, величав и страшен. (И. А. Бунин. Господин из Сан-Франциско (1915)). Возможно, Михаил Сергеевич, Вам приходилось быть свидетелем землетрясения, этого одного из наиболее впечатляющих и страшных явлений природы. (Сергей Дибол. В лучшем смысле // «Волга», 2011). О страшных и очень интересных вещах пойдет сегодня речь. (Владимир Губарев, Ангелина Гуськова. Профессор Ангелина Гуськова: на лезвии атомного меча // «Наука и жизнь», 2007). Потому что «*кто знает, где граница между действительно интересным, сказочным, безвредным и — по-настоящему страшным?*» (Лариса ВАСИЛЬЕВА. Полина Дацкова: От порчи и сглаза спасете себя только вы сами // Комсомольская правда, 2002.11.22).

§16. Страшное в экзистенциальном плане

Переосмысление жизненного опыта открывает противоречивость явлений, многомерность событий, неоднозначность ситуаций, относительность ценностей. Ср.: *Истина может оказаться страшна и даже запретна; гармония держится на условности, культуре и лжи.* (М. С. Харитонов. Стенография конца века. Из дневниковых записей (1983) // М.: Новое литературное обозрение, 2002). Но в 1917 году еще никто во всем мире не знал этих страшных истин. (Юрий Елагин. Темный гений (1998)). После нежности на улицу страшно выйти — любая крохотная грубость в ужас бросит, а после грубости и нежность не страшна — уже не обманет. (Евгений Евтушенко. Ягодные места (1982)). ... она была права — настоящая любовь страшна. Страшна так же, как страшны все нестоящие ценности жизни: мать, дети, способность

видеть, способность мыслить — словом, все то, что можно по-настоящему потерять. (Ю. И. Визбор. Завтрак с видом на Эльбрус (1983)). Или не пробуй писать о любви, о том, как бывает она страшна, благословенна и жизнеопасна. (Леонид Зорин. Медный закат (2007) // «Знамя», 2008).

§17. Страшное и прекрасное

Страшное может соединяться с прекрасным, противопоставляться ему, трансформироваться в прекрасное; ср.: — Я — новичок в этой стране. Она страшна и прекрасна. Я жду, когда и к чему меня потянет внутри. (А. С. Грин. Сердце пустыни (1923)). Как страшна затянувшаяся старость! И как прекрасны юные лица на больших фотографиях под стеклом, висевших на четырех стенах. (В. Лихоносов. Ненаписанные воспоминания. Наш маленький Париж. Ч. 5 (1983)). Вы покоитесь на ландышах и розах, и вдруг мысль, страшная, прекрасная, неотразимая мысль неожиданно налетает на вас, как локомотив, и обдает вас горячим паром и оглушает свистом. [А. П. Чехов. Бабье царство (1894)].

§18. Образы страшного

В речи страшное изображается с помощью сравнений и метафор, с вкраплением в них гиперболы или оксюморона; образы страшного, как правило, разворачиваются в контексте; ср.: Сейчас, в сумерках, мимо окон ходил человек, действительно страшный, как пuma в клетке. (А. Н. Толстой. Хождение по мукам/ Книга первая. Сестры (1922)). А война действительно Страшный суд! Чего уж страшнее этого суда, на котором отвечаешь и за все, что успели сделать, и за все, чего не успели. (Константин Симонов. Так называемая личная жизнь/ Двадцать дней без войны (1973)).

Устойчивые словесные образы страшного воспроизводятся в готовом виде, употребляются регулярно; ср.: как чучело (огородное), как покойник, как собака, как ведьма, как смерть, как атомная война и др. Ср. отдельные примеры: Я тоже одну такую знал, страшная была, как чучел огородный, а муж откормил — стала интересная! (И. Грекова. На испытаниях (1967)). Вчера одну на пороге видела: белая, страшная, мохнатая, как покойник. (И. Грекова. На испытаниях (1967)). За воспоминанием как раз следовала мука страшная, как собака, страшная. (Н. Б. Черных. Слабые, сильные. Часть первая // «Волга», 2015). Он посмотрел на меня и сказал: «Слушай, ну ты страшная, как атомная война! (Мария Варденга. Галина Тюнина. Фрагменты белого стиха // «Домовой», 2002.02.04).

Образы хранят исходные представления о физическом переживании страшного, о страхе перед смертью, о страхе перед всем сильным, непонятным, неизвестным, тайным и др. Индивидуально-авторские и окказиональные образы, несмотря на их оригинальность, не возникают из ничего — они соотносятся с известными стереотипами страшного, которые сформировались путем коллективного обобщения субъективных физических ощущений, впечатлений, а также коллективных представлений, идущих из мифологии, религии, лите-

ратуры, истории. Ср. отдельные примеры: *Меня уж начала было пожирать особая тоска — самая страшная, с желтыми, крупно оскаленными клыками, но тут я заметила то, на что смотрела, конечно, и раньше, но почему-то не особо видела.* (Марина Палей. Дань саламандре (2008)). ... *впереди уже ничего не осталось, а посмотришь назад — там ничего, кроме убытков, и таких страшных, что даже озоб берёт.* (А. П. Чехов. Скрипка Ротшильда (1894)). Но улица была пустая и страшная, безглазая. (Татьяна Кудрявцева. Рассказы о войне // «Бельские просторы», 2013). ... *я так и не узнал о системе, позволяющей создавать и хранить страшные ключи от страшных лабиринтов.* (Юрий Буйда. Город палачей // «Знамя», 2003). Толпа такая же страшная стихия, как огонь и вода. (Вацлав Михальский. Весна в Карфагене (2001)). *И действительно, страшный внутренний огонь горел во всей его фигуре.* (В. В. Вересаев. «Да здравствует весь мир!» (о Льве Толстом) (1909—1910)).

Индивидуально-авторские сравнения, метафоры, эпитеты часто противоречивы и парадоксальны; ср.: *Я сам побывал в местах дурных и трудных, но страшная слава «Джсанхары» гремела везде.* (В. Т. Шаламов. Колымские рассказы (1954—1961)). *Вот-вот эта страшно не страшная, мило улыбающаяся смерть, которая не устает рассыпать приятности и комплименты, липкой лапкой дотягивается до тебя ...* (Валерий Володин. Жарынь // «Волга», 2008). *Ничего, война, наша страшная мать, нарожает ещё.* (Евгений Чижов. Перевод с подстрочника (2012)). ... *в старческом, трупном лице угодника, в невидящих, устремлённых в небо глазах горела глубокая, страшная жизнь...* (В. В. Вересаев. В степи (1901)). *Теперь же страшная тишина зажала председателю В. А. М. П. И. Р. уши холодными могильными ладонями.* (Дмитрий Емец. Таня Гrottter и колодец Посейдона (2004)).

Заключение

Исследование прилагательного эмоциональной оценки *страшный* показало своеобразие данной оценки в системе ценностных отношений, выявило “пали-ту” составляющих ее семантических признаков – эмоционального, интеллектуального и эстетического и их оттенков, а также значение квалификации, усиления и модификации других признаков. Основу семантики прилагательного *страшный* составляет эмоциональная оценка, на которую “надстраиваются” остальные значения. Описание семантики прилагательного *страшный*, способов ее выражения и условий употребления в речи представляет целиком и в деталях важный фрагмент русской языковой картины эмоций.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

СОМАТИЧЕСКИЕ ИДИОМЫ, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ ЭМОЦИИ: ЖЕСТЫ И СИМПТОМАТИЧЕСКИЕ ВЫРАЖЕНИЯ

П. С. Дронов¹

Введение

При рассмотрении идиом, их фразеологического значения и употребления, необходимо постоянно учитывать положение актантов (например, агенса, пациента, экспериенцера) в пространстве; последнее, как известно, представляет собой «обобщенное представление о целостном образовании между небом и землей (целостность), которое наблюдаемо, видимо и осозаемо (имеет чувственную основу), частью которого себя ощущает сам человек и внутри которого он относительно свободно перемещается или перемещает подчиненные ему объекты» [Кубрякова 2004: 466]. Положение или направление движения экспериенцера в таких идиомах особенно характерно для идиом с компонентами-соматизмами, обозначающими органы чувств. При этом следует учитывать, что в некоторых случаях ориентационные метафоры появляются в употреблении идиомы.

Идиомы с компонентами-соматизмами и кинетические идиомы рассматриваются в целом ряде работ (см. [Čermák 1998; Pulvermüller 2005; Григорьева, Григорьев, Крейдлин 2001; Козеренко, Крейдлин 1999, 2011; Крейдлин 2002]). Данные компоненты являются продуктивными в том смысле, что употребляются в большом числе фразеологизмов. Хотя, в силу универсальности соматических реакций, они частично совпадают в разных языках, очевидны и различия, связанные с неодинаковым осмыслиением этих реакций. Такие идиомы могут быть интуитивно понятны носителю языка, но малопонятны и загадочны для говорящего на другом языке (см. [Ковшова 2015]). Кроме того, варьирование формы идиом с компонентами-соматизмами может привести к их известному сближению. При этом очевидно, что количество фреймов-источников (а значит, и фреймов-целей, и таксонов в тезаурусе) напрямую связано с теми прототипическими движениями, которые характерны для соответствующей части тела.

Основными типами соматизмов, представленных во фразеологии, являются: тело как таковое; части тела (*голова, рука*); части частей тела (*нос, палец*); органы (*сердце, мозг*); кости; телесные жидкости (*кровь, моча*); отверстия (*рот, ноздря*); определенные участки или места (*макушка, брюхо*); покровы (волосяной, кожный, роговой, т.е. *ногти*); чужеродные образования (например, *соль в сыпать соль на раны*) [Козеренко, Крейдлин 2011: 59].

В данном разделе монографии рассматриваются форма, значение и особенности употребления² идиом с компонентами волосы, глаза, когти в славянских

¹ © П. С. Дронов, 2020

² Ср. позднего Витгенштейна: «Для большого класса случаев — хотя и не для всех, — где употребляется слово “значение”, можно дать следующее его определение: значение слова это его употребление в языке» [Витгенштейн 2003: 250].

(на материале русского и сербохорватского³), германских (на материале английского и немецкого) и кельтских (на материале ирландского) языках. Материалом служат лексикографические источники и корпуса текстов.

Глава 1. Эмотивные идиомы с компонентом-соматизмом *волосы*⁴

В данной главе рассматриваются идиомы с компонентами *волос* и *волосы*, обозначающие эмоции-состояния, эмоции-отношения, эмоциональное воздействие. Противопоставление волос vs. волосы может быть и чисто грамматическим (как в русском, английском и немецком), и лексическим (сербохорватский, ирландский). Очевидно, что если в языке на уровне лексики отдельный волос противопоставляется волосянику покрову, то в этом языке будут встречаться идиомы с двумя именными компонентами.

Противопоставление может быть не только двойным. Так, в сербохорватском языке используются следующие слова: *kosa/kosa* ‘волосяной покров’ (собирательное), *vlas/vlas* ‘волос’, *длака/длака* ‘волос (на лице или теле); волосяной покров на теле человека; шерсть животного; ворс, пух (в ботанике)’. В ирландском языке используются слова: *gruaig* ‘волосы’ (собирательное), *folt* ‘вьющиеся волосы, локоны’ (собирательное; ср. ирландское название созвездия Волосы Береники — *Folt Bheirnicé*), *ribe* (вариант *ruibe*) ‘волос, волосок на теле, щетина; усы; стебель травы, пучок травы’. Кроме того, в результате метафорического переноса появляется значение ‘злобный внешний вид’ (в словаре [Ó Dónaill 1977] — *bristling, angry appearance*, т.е. отражение соматической реакции, описываемой рус. ощетиниться).

У идиом с компонентом *волосы* эмоциональное воздействие, эмоции-состояния и эмоции-отношения концептуализируются в нескольких метафорических моделях. Одна из них — отрицательные эмоции — это движение волос / действие с волосами.

рус. *волосы дыбом* (областное *волосы (в)стали на дыбки* [ФСРЛЯ]), *волосы шевелятся*

сербохорв. *коса <на глави> се дижсе/дигнє (подигнє) коме* («волосы на голове поднимаются/поднимутся»);

англ. *To make one's hair stand on end* — *sb's hair stood on end* («заставить волосы стоять на кончике — волосы стоят на кончике»), *to curl sb's hair* ‘приводить кого-л. в ужас’ («завивать кому-л. волосы»);

нем. *jetmandem stehen die Haare zu Berge/sträuben sich die Haare* («у кого-л. волосы стоят в гору / топорщаются»);

ирл. *thógfadh sé an gruaig de do cheann* («это подняло бы волосы с твоей головы») — *sheas an gruaig ar a cheann* («встали волосы на его голове»)

³ В вопросе номинации данного языка мы придерживаемся точки зрения сербского социолингвиста Р. Бугарски, согласно которой, несмотря на официальное признание и кодификацию хорватского, боснийского, черногорского, сербского языков, они продолжают оставаться региональными вариантами единого сербохорватского языка [Bugarški 2012].

⁴ Глава частично основана на материале статьи [Дронов 2017].

Волосяной покров человека и волосяной покров животного оказываются близки, ср. вариант рус. волосы дыбом — шерсть дыбом. Это обусловлено анималистическим кодом культуры (в терминах лингвокультурологической школы фразеологии).

Следует обратить внимание на характерные для всех этих идиом конверсивные преобразования. В самой семантике этих идиом заложена каузация: «волосы поднимаются» по какой-л. причине («от чего-л.»). Д. О. Добровольский справедливо отмечает, что конверсия и актантная деривация характерны для сравнительно малого числа близких семантических полей — прежде всего, физического воздействия (и производных — конфликт, критика, укор, сопротивление, агрессия и пр.; иначе говоря, эмоционального воздействия) [Добровольский 2011]. Семантические роли вышеперечисленных идиом способствуют конверсии и каузации: экспериенцер одновременно может восприниматься как пациент, которого агент «заставляет» испытывать те или иные отрицательные эмоции. Конверсивные преобразования, как правило, являются аналитическими: заставить волосы встать дыбом, *to make one's hair stand on end, jmdm. die Haare zu Berge stehen lassen*. Синтетические преобразования встречаются значительно реже. В русском тексте была найдена всего одна трансформация поднимать волосы дыбом:

1. *В одной не слишком длинной обвинительной речи о крайне сомнительном истязании приемыша-девочки женщины, взявшей ее на воспитание, судьи и присяжные слышали, по словам автора, такие отрывки: «Показания свидетелей в главном, в существенном, в основном совпадают; развернутая перед вами картина во всей своей силе, во всем объеме, во всей полноте изображает такое обращение с ребенком, которое нельзя не признать издевательством во всех формах, во всех смыслах, во всех отношениях; то, что вы слыхали, это ужасно, это трагично, это превосходит всякие пределы, это содрогает все нервы, это поднимает волосы дыбом... К недостаткам судебной речи автор, в свою очередь, относит «сорные мысли», то есть общие места, избитые (и не всегда верно приводимые) афоризмы, рассуждения о пустяках и вообще всякую не идущую к делу «отсебятину», как называли в журнальном мире заполнение пустых мест в книге или газете. (А. Ф. Кони. Искусство речи на суде (1914)) [НКРЯ].*

Конверсия идиомы волосы шевелятся теоретически возможна, однако на практике шевелить волосы в большинстве контекстов (106 вхождений в основном корпусе, 6 примеров в поэтическом) представляет собой свободное слово-сочетание, например:

2. а. *Как и давеча, при встрече, — сладкий, дрожащий холод бежит по его телу и делает кожу жесткой и приподымает и шевелит волосы на голове.* (А. И. Куприн. Поединок (1905)) [НКРЯ]. б. *Третья сила существует, и она подошла так близко, что ее дыхание шевелит волосы на наших головах.* (Марина Дяченко, Сергей Дяченко. Привратник (1994)) [НКРЯ].

В английском языке, помимо *to make sb's hair stand on end*, зафиксирована форма *to make sb's hair curl* ‘заставить чьи-л. волосы виться’ (8 примеров идиоматического в [COCA], 12 примеров в [BNC] при всего одном свободном словосочетании). Встречающееся в словарях словосочетание *to curl sb's hair* является свободным в большинстве обнаруживаемых контекстов (95 пример в [COCA], из них всего три примера типа *I regularly get questions so graphic they would curl your hair* ‘мне регулярно задают настолько страшные вопросы, что они завьют вам волосы’ (1991; MAG; USNWR) [COCA]. Интересно, что с синтетической формой каузатива допустима только форма второго лица притяжательного местоимения при глаголе *hair*. В британском корпусе из 16 контекстов *curl one's hair* только один раз употреблено как идиома, причем с иным значением: имеется в виду не отрицательная эмоция, а вообще сильная эмоция.

3. *This is a cracking links – a hidden gem of British golf with a homeward loop (3,240 yards from the medal tees) that will curl your hair. Don't miss it.* ‘Это прекрасное поле для гольфа — скрытая жемчужина британского гольфа с обратной петлей (3240 ярдов до Т-образных площадок), которое «завьет вам волосы». Не пропустите его’ (C9E; W_pop_lore) [BNC].

Существует также идиома *to make sb's toes curl* ‘вызывать стыд; вызывать страх’ (букв. «заставлять чьи-л. пальцы ног поджиматься/завиваться»). Здесь замена именного компонента *hair* на *toe* приводит к полному изменению образной составляющей, однако при этом актуальное значение остается близким: в качестве соматической реакции на страх или стыд здесь выступает поджимание пальцев ног в жару или холод. При этом, как и в случае с предыдущей идиомой, отрицательная эмоция (страх или стыд) может переосмысляться как любая сильная эмоция, в том числе и положительная:

4. *Suddenly, a vision of herself twenty years down the road floated in front of her. She was alone and crying. // Out on the street she stopped in midstride, turned to the right, reached for Ted's windbreaker, and pulled him forward. She planted a lip-lock on him that made her toes curl up inside her pointy-toed high heels.* ‘Внезапно у нее перед глазами возник образ ее самой через двадцать лет, одинокой и плачущей. Она начала было идти по улице, но остановилась на полу шаге, повернулась направо и потянула Теда за дождевик. Она закрыла ему рот поцелуем, «который заставил ее пальцы поджаться внутри туфель на остром каблуке’⁵ (2008; FIC: FinalJustice) [COCA].

⁵ Аналогичное выражение (вероятно, калька) появляется у братьев Стругацких и современного автора А. Иванова: *и кудеса у него получаются дурацкие, такого свойства, что ни у кого, даже у самого шутника, никаких чувств не вызывают, кроме неловкости и стыда с поджиманием пальцев в ботинках* (Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Хромая судьба (1982)) [НКРЯ]; Глеб один раз почитал эти публичные игрища — ему стало неловко до поджимания пальцев в ботинках (Алексей Иванов. Комьюнити (2012)) [НКРЯ].

В немецком языке трансформация, аналогичная *make one's hair/toes curl*, оказывается дискурсивно маркированной и частотной: так, в корпусе [DWDS] найдено 83 подобных примера из 499 контекстов употребления идиомы, причем большая часть относится к публицистическому дискурсу, ср.:

5. a. *Hier greifen Sportler oftmals auf Angebote zurück, die jedem Diplom-Psychologen die Haare zu Bergen stehen lassen.* ‘Здесь спортсмены часто опускаются до предложений, которые у всякого дипломированного психолога «заставят волосы встать дыбом»’ (Die Zeit, 21.07.2004, Nr. 30; DWDS-Kernkorpus) [DWDS]. b. *Genaue Meßwerte können die DDR-Oberen noch verheimlichen, die sichtbaren Schäden jedoch nicht — und die lassen DDRlern wahrlich die Haare zu Berge stehen.* ‘Точные цифры еще может скрывать верхушка ГДР, но очевидный ущерб не скроешь — и «он заставляет у гэдээровцев волосы поистине становиться дыбом»’ (Ketman, Per u. Wissmach, Andreas: DDR - ein Reisebuch in den Alltag, Reinbek bei Hamburg: Rowohlt 1986, S. 168; DWDS-Kernkorpus) [DWDS].

Точно так же употребляется каузатив *sträuben machen* ‘заставлять топорщиться’, однако он обнаружен только в историческом корпусе [DWDS] (2 примера из двадцати двух), ср.:

6. a. *Es war eine Geschichte, die als Sujet einen Autor berühmt machen könnte, eine lange Geschichte aus jener Zeit, in der die drei Teufel Abdel-Summit-Bey, Beder-Khan-Bey und Nur-Ullah-Bey das Christentum im Thale des Zab ausrotteten, eine Geschichte, die mir die Haare sträuben machte.* ‘Это была история, которая бы сделала какого-нибудь писателя знаменитым, будь она сюжетом, — долгая история из того времени, когда дьявола, Абдельсуммит-бей, Бедерхан-бей и Нурулла-бей, искореняли христианство в долине Заб. История, которая «заставляла у меня волосы топорщиться» (May, Karl: Durchs Wilde Kurdistan. Freiburg (Breisgau), [1892]) [DWDS]. b. *Die Art wie dieß Alles bei Caracciolo und Porzio dargestellt ist, macht die Haare sträuben.* ‘То, как всё это представлено у Каравччоло и Порцио, «заставляет волосы топорщиться» (Burckhardt, Jacob: Die Cultur der Renaissance in Italien. Ein Versuch. Basel, 1860) [DWDS].

В двух контекстах XIX—XX вв. зафиксировано соединение двух идиом: *sich die Haare/das Haar zu Berge sträuben*:

7. *Ich bin zu der Ueberzeugung gelangt, die Frauenfrage steht am Eingange eines Thores, das zu betreten uns das Haar zu Berge sträuben wird!* ‘Я пришел к убеждению, что женский вопрос стоит в начале ворот, проход через которые «встопорщит нам волосы дыбом»’ (Gutzkow, Karl: Die neuen Serapionsbrüder. Bd. 2. Breslau, 1877; DWDS-Spracharchiv) [DWDS].

В ирландских словарях мы встречаем только синтетический способ каузации: *seas* ‘стоять’ заменяется на *tóig* ‘ставить’: *thógfadh sé an ghruaig de do cheann*. Несмотря на это, в корпусах эта форма не встречается. Вместо нее в обоих ирландских корпусах мы встречаем аналитическую форму каузатива:

8. *Tá na mothúcháin seo go léir fíte ar a chéile i mbeagán focal istigh sa chaibidil san i dtosach an leabhair a chuir an ghruaig ina seasamh i gcúl mo*

chinn. ‘Все эти чувства неразрывно соединены в нескольких словах внутри этой главы в начале книги, которая «заставила мои волосы стоять на затылке»’ (букв. ‘взяла мои волосы в их стояние в задней части моей головы’) (Léirmheas Feasta 60 (3), 10-11. Domhnall Mac Síthigh) [GAOIS].

Таким образом, у подобных идиом использование аналитической конструкции является основной моделью конверсивных преобразований.

Выделение модели положительные эмоции — это рост волос сопряжено с некоторыми трудностями. На первый взгляд, данная модель вполне может существовать и может быть соотнесен с ориентационными метафорами Дж. Лакоффа и М. Джонсона. Идиомы, относящиеся к этой модели, обнаружены только в сербохорватских словарях: *косе расту коме* ‘кто-л. испытывает радость, удовлетворение’ («волосы растут у кого-л.», ср. также: *кика расте* («кошка растет»), *перје расте* («перья растут»)).

Несмотря на это, ни в сербском, ни в хорватском корпусах мы не нашли ни одного примера употребления этих идиом. Коса расте, косе расту появляются только как свободные словосочетания; возможны также компаративы коса расте као врба ‘волосы растут, как ива’ и коса расте из воде ‘волосы растут из воды’. Оба являются интенсификаторами.

Следующая модель — отрицательные эмоции — это воздействие на волосы.

рус. *рвать на себе / на голове волосы, вцепиться кому-л./друг другу в волосы*

англ. *pull out one's hair* ‘приходить в отчаяние, горевать’ — *keep one's hair on* ‘оставаться спокойным’

сербохорв. *уз косу (бити)* ‘о каком-л. действии: не быть добровольным’ («быть против волос, вверх по волосам») — *уз косу (ući)* ‘враждить, противиться’ («идти против волос, вверх по волосам») — ср. рус. *против шерсти*

нем. *sich <Dativ> die Haare raufen* ‘от отчаяния не знать, что делать’ (‘выдергивать себе волосы’), *Haare lassen [müssen]* ‘добиться чего-л. с потерями’ (‘быть вынужденным оставить волосы’)

ирл. *ná bí ag stoitheadh mo chuid gruaige* ‘не нервируй меня’ («не выдергивай мне волосы»).

Дергание себя за волосы — не жест, а, скорее, симптоматическое движение — характерен для многих людей, испытывающих страх. Этим объясняется тот факт, что даже там, где эта идиома не зафиксирована в словаре, она обнаруживается в живом употреблении. Так, в сербском корпусе [KSSJ—MF] найдено десять примеров употребления чупати косу (букв. ‘выдергивать волосы’), восемь из которых представляют собой идиомы — номинации жеста. В двух она употреблена в том же значении, что и рус. *рвать на себе волосы* (от чего-л.), ср.:

1. »*Da radim u diskografskoj kući, verovatno bih čupao kosu. Vlada takva konfuzija i svi traže izlaz iz čorsokaka, a nemoguće ga je naći*«, rekao je nedavno ‘Если бы я работал в музыкальном издательстве, я бы, наверное, “рвал волосы” в конфузии и все хотели бы выйти из коридора, а это невозможно’

сы”. Там господствует такая неразбериха, и все ищут выход из тупика, а найти его невозможно», — сказал он недавно’ (Politika (21.11.2008.)) [КССЖ—МФ].

Глава 2. Эмотивные идиомы с компонентом-соматизмом глаза⁶

Прежде всего, следует говорить о целом кластере идиом, основанных, по сути, на одних и тех же метафорических и метонимических переносах: *с глаз долой!*, *с глаз долой — из сердца вон, попадаться на глаза, за глаза говорить...* (что-л. о ком-л.), *за глаза называть* (кого-л. кем-л.), *за глаза купить/снять* (что-л.), *в глаза говорить...* (что-л. кому-л.), *скрывать... от чужих/посторонних/недобрых... глаз*, устарелое *меж/между четырех глаз* (толкование в «Академическом словаре русской фразеологии»: «(Устное общение) в условиях личного непосредственного зрительного контакта без значимых (нежелательных или заинтересованных) свидетелей» [АСРФ 2015: 138]). Во всех перечисленных идиомах нахождение в области зрения участников какой-л. ситуации осмысливается как нахождение на самом органе зрения (метонимический перенос: ‘восприятие’ > ‘орган чувств, ответственный за восприятие’), нахождение вне пределов этой области как нахождение за органом зрения (*за глаза*) а исчезновение из области зрения, соответственно, как движение от органа зрения (*с глаз долой*). В какой-то мере такие идиомы связаны отношениями конверсии и актантной деривации (подробнее об этом см. [Добровольский 2011, 2016]). Ср. также идиому *с глазу на глаз*, в которой ситуация непосредственного общения осмысливается как то, что исходит из органов зрения одного участника в сторону органов зрения другого.

Компонент *глаз/глаза* появляется в идиомах, обозначающих заинтересованность (ср. базовую эмоцию «интерес — возбуждение» по К. Изарду [Изард 1999]). Следует обратить внимание на то, что в идиомах этот компонент употребляется как в единственном, так и во множественном числе, ср. рус. *положить глаз* (но не **глаза*) *на кого-л./что-л.*

Идиома *положить / реже — класть глаз кто на кого-л./что-л.* получает в «Большом фразеологическом словаре русского языка» под редакцией В. Н. Телия следующее толкование: «обратить особое внимание; заприметить, остановить свой выбор. Имеется в виду, что лицо (X) желает завести близкие отношения с другим лицом (Y), очень хочет заполучить что-л. понравившееся (Z)» [БФС: 551].

Отличие *глаз положить* от, например, англ. *to lay one's eyes on sb* ‘посмотреть на кого-л. внимательно’ (‘положить глаза’) и нем. *die Augen auf jmdn./etw. richten* с тем же значением (букв. ‘направить глаза’) в том, что глаз указывает не просто на взгляд, но на зрение как таковое (рус. *невооруженным глазом*, англ. *with the naked eye*, букв. ‘обнаженным глазом’, сербохорв. *голим/простим/слободним оком*, букв. ‘голым/простым/свободным глазом’) или на некие свойства личности, такие как внимательность (сербохорв. *будним оком* ‘внимательно, бдительно’, букв. ‘бодрствующим/бдительным глазом’).

⁶ Глава частично основана на материалах работ [Дронов 2020а, 2020б].

Глаз не оторвать (от чего-л./кого-л.). [Словарь-тезаурус]. как правило, представлена в форме *P — глаз не оторвать/отвести*. Очевидна связь с номинацией жеста *не отрывать глаз* ‘пристально и долго смотреть’ (дефиниция из [ФСРЛЯ: 450]).

Особенности употребления идиом *глаз положить* и *глаз не оторвать* обусловлены их фразеологическим значением: совершенный вид глагольного компонента идиомы *положить глаз* (или, с эмфатической инверсией, *глаз положить*) объясняется тем, что идиома указывает на результат: X уже заинтересовался Y, обратил на нее/него внимание. В то же время *класть глаз* (1с) указывает на регулярность, повторяемость:

1. а. *В последующей маминой любви к младшей дочери всегда присутствовала доля раскаяния за то, что она этого ребенка не хотела. Девочка получилась — глаз не оторвать.* (Зинаида Синявская. Пазлы // «Сибирские огни», 2013) [НКРЯ]. б. *Внешность её не была такой броской, как у моей матери или сестры Дины, тех за километр видно, что красавицы. К Любке надо было присмотреться, но когда присмотрешься, приглядишься, то уж глаз не оторвёшь и из сердца не выкинешь, ну а насчёт образованности — круглая пятёрочка, утешение для педагогов и спасение для двоечников: давала им списывать.* (Анатолий Рыбаков. Тяжелый песок (1975-1977)) [НКРЯ]. с. *Даме, принятой в компанию, не полагалось ломаться, если на нее клали глаз.* Делалось это не вульгарно. (Юрий Нагибин. Другая жизнь (1990-1995)) [НКРЯ].

Рассмотрим идиому *лопни мои глаза*. В «Академическом словаре русской фразеологии» она получает следующие толкования:

«*Лопни мои глаза* 1. Выражение говорящим своей искренности в форме сообщения о готовности понести ущерб от самоуничтожения органов зрения, если он неискренен в своих высказываниях <...> 2. Выражение говорящим удивления по поводу увиденного (чаще связанного с его положительной оценкой) в форме сообщения о готовности понести ущерб от самоуничтожения органов зрения, если он неправильно понял то, что увидел» [АСРФ: 144]⁷.

При выражении искренности идиома часто употребляется как речевая формула с вопросно-ответной структурой: — *P?* — *Лопни мои глаза, если не P!* Экспрессивная образная составляющая способствует игровому и метаязыковому употреблению:

3. а. *Никто ничего не видел! — Да лопни глаза наши, Ваше велич... — Вот именно: они запросто могут лопнуть.* А языки могут запросто быть укорочены. (Георгий Полонский. Не покидай (1998)) [НКРЯ]. б. *А мы из горлышка. Чисто эстетически. У меня чуть не лопнули глаза (где-то я встречал такую божью: «лопни мои глаза»), но все-таки я остался при глазах, а в желудке разразился новый пожар.* (Павел Мейлахс. Отступник // «Звезда», 2002) [НКРЯ].

⁷ Здесь и далее в словарных дефинициях сохранено оригинальное оформление.

Ср. также следующую идиому *мозолить глаза кому, намозолить глаза кому*: «1. Предельно надоедать, досаждать своим присутствием. 2. чем. Не давать покоя, надоедать попрёками, жалобами, пустыми, нудными разговорами и т. п.» [ФСРЛЯ: 376].

Образная составляющая может быть объяснена следующим образом: раздражитель постоянно находится в чьем-либо поле зрения и приносит ему этим физические страдания, причем последние уподобляются трению, ведущему к появлению мозоли (ср. *режет глаза/глаза* «резко действует на зрительное восприятие, вызывая неприятные ощущения (говорится с неодобрением)» [СОВРЯ: 52]).

Любое эмоциональное состояние имеет начало и конец, может прекратиться или вовсе не начинаться; поэтому неудивительно, что идиома *мозолить глаза* допускает ввод отрицания (4).

4. *И я был рад, когда прочитал в рецензии: «Утесов рисовал тип Сонькина искренне. Его Сонькин не мозолил глаз холодностью фотографического снимка. Артист все время старался в свою игру вложить нечто, что могло бы идеализировать Сонькина и смягчить грубо реальные краски авторского рисунка. Это ему в значительной мере и удавалось. Особенно хороши были Утесов в третьем и четвертом актах...»* (Леонид Утесов. «Спасибо, сердце!» (1982)) [НКРЯ].

Аналогичные идиомы мы видим и в других языках, ср. англ. *to be an eyesore* (5a; букв. ‘быть болью в глазу’), нем. *das Auge beleidigen* (букв. ‘оскорблять/обижать глаз’; ср. развитие метафоры в 5b), сербохорв. *бости очи* (5c; букв. ‘бодать/жалить глаза’).

5. а. *The boxy annex jutting out to the right was an unfortunate eyesore, although it did little to shroud the original pagan shape of the primary structure.* — И выступающая по правую руку «коробка» нефа просто мозолит глаза, хотя и не скрывает изначальной языческой формы сооружения. (Dan Brown. The Da Vinci Code (2003) | Дэн Браун. Код Да Винчи (Н. Рейн, 2004)) [НКРЯ]. б. *Ihre Gestalt beleidigt das Auge, ihr Stoßen und Prusten das Ohr; und der hinter ihnen herziehende Benzingestank die Nase.* ‘Их внешний вид оскорбляет глаз, их толчки и фырканье — ухо, а остающаяся после них бензиновая вонь — нос’ (Die Grenzboten. Jg. 60, 1901, Erstes Vierteljahr.) [DWDS] в. *Izvesno vreme nemaće oglašavanje dobročinstava bosti oči, dok se ne navikneto* ‘Некоторое время, пока не привыкнем, благотворительные объявления будут мозолить нам глаза’. (Politika (25.02.2001.) [KSSJ-MF].

Подобным же образом, через физическое страдание и причинение ущерба органам зрения, можно объяснить образную составляющую идиомы *режет глаза/глаза* или *вырви глаз* ‘об излишне ярком изображении, вызывающем дискомфорт или отвращение (говорится с неодобрением)’, ср. (6).

6. *Нет ничего удивительного в том, что и ландшафтное оформление парадного входа в дом идет вразрез с общепринятыми стандартами украше-*

ния жилищ наших нуоришей, — здесь нет ни пышных клумб с цветами *окраски «вырви глаз»*, ни запредельно дорогостоящих «японских» бонсаев. (Юлия Галактионова. Идеальный вариант // «Ландшафтный дизайн», 2003.01.15) [НКРЯ].

Отдельно рассмотрим то, как во фразеологии отражено такое симптоматическое движение, как очень широкое раскрытие глаз, описываемое русскими словосочетаниями *глаза из орбит вылезли* и *глаза на лоб полезли*. Помимо употребления самих словосочетаний, рассматриваются их аналоги в двухязычных и многоязычных параллельных корпусах.

Первое словосочетание — *глаза из орбит вылезли* (возможно известное варьирование глагольного компонента⁸, например, *глаза вывалились из орбит*). Вне чисто медицинских контекстов *орбита* в значении ‘глазница’ употребляется, прежде всего, в составе данного словосочетания. Его можно было бы назвать номинацией жеста (по [Козеренко 2011; Козеренко, Крейдлин 2011]), но, поскольку подобные «‘симптоматические’ выражения, указывающие на объективные изменения внешности под влиянием эмоции» [Апресян 1995: 56] не являются осознанными и потому не относятся к жестам, вернее будет назвать их иначе — номинациями симптоматического движения. Номинации жестов и симптоматических движений являются метафорическими и, в сущности, могут рассматриваться как разновидность идиом (см. [Дронов 2016: 1134]). В данном случае симптоматическое движение возникает при физическом напряжении (7а, с), страдании (7б), страхе (7с) и удивлении (7д), спр.:

7. а. *<...> когда чернявый перехватывал проклятущий тюк, его смуглая шея превращалась в связку жил, а чёрные глаза вылезали из орбит* (Андрей Волос. Недвижимость (2000) // «Новый Мир», 2001) [НКРЯ]. б. «*Ну*», — *сказали тело, мгновенно отскочив и прижимаясь к стене. Оно было ужасным — в крови, в какой-то липкой гадости, багровое, с глазами, вываливающимися из орбит* (Ю. О. Домбровский. Ручка, ножка, огуречик (1977)) [НКРЯ]. с. *Вдалеке послышались топот и крики. Обернулись — человек десять-пятнадцать с городишными битами в руках стремительно спускались с горы вниз. <...> В висках молотом била горячая кровь. Глаза вылезли из орбит, пот градом катил по лицу, разъедая веки. Обращаюсь с мольбой к ногам: «*Ну, бегите, бегите!*» — и они, напитые ядом страха и ужаса, не бегут, а несутся* (Зана Плавинская. Отражение // Интернет-альманах «Лебедь», 2003.08.04) [НКРЯ]. д. *Значит, надо убрать за собой. У Набиева от изумления чуть глаза из орбит не повылезли: «Мы же на туалет не договаривались!»* (Вячеслав Мельченко. «Этнодедовщина» или обычный криминал? // «Солдат удачи», 2004.01.14) [НКРЯ].

⁸ Варьирование именного компонента (глазниц вместо орбит) встречается всего в одном примере: *И вдруг пылающая дверь широко распахнулась. Отец Михаил затрясся, и глаза его вышли из глазниц: перед ним в огневой раме стояла — Господи, спаси и защити... — его Дубравка!*... (И. Ф. Наживин. Глаголют стяги (1935)) [НКРЯ].

Связь страха с болью и страданием очевидна; взаимосвязь боли и удивления обусловлена сходством их нейрофизиологических механизмов [Tomkins 1962, 1963].

Второе словосочетание — *глаза (чыи-л. / у кого-л.) на лоб лезут/полезли (от чего-л.)* (возможен также эллипсис наподобие *у меня глаза на лоб*). Оно включено во фразеологические словари как идиома. Так, в «Словаре образных выражений русского языка» под ред. В. Н. Телия даны следующие толкования: «Возникает ощущение острой физической боли или другого крайне неприятного физического состояния (говорится с неодобрением). Обычно подразумевается боль, перенапряжение и т. п. Имеется в виду внешнее выражение: широко открытые глаза. <...> Неожиданно возникает очень сильное чувство удивления, недоумения, реже — страх, испуг (говорится с неодобрением). Подразумевается сильная эмоциональная реакция на какую-л. неприятную неожиданность. Имеется в виду внешнее выражение: широко раскрытые глаза» [СОВРЯ: 72]. Связь с движением очевидна: например, в (8) *глаза на лоб вылупил* можно считать и номинацией симптоматического движения (*Чего глаза на лоб вылупил? ‘Почему ты смотришь удивленно?’*), и идиомой:

8. — *Ты ему, сбегай, принеси щей. Чего глаза на лоб вылупил?* — крикнул Чубатый (М. А. Шолохов. Тихий Дон. Книга первая (1928—1940)) [НКРЯ].

Удивление может быть вызвано некоторыми неприятными для реципиента обстоятельствами, которые могут принести страдания, моральные (9a) или физические (9b):

9. а. *У Тани глаза полезли на лоб*: она и не предполагала, что мать была за кем-то замужем до Павла Алексеевича (Людмила Улицкая. Казус Кукоцкого [Путешествие в седьмую сторону света] // «Новый Мир», 2000) [НКРЯ]. б. *Мы вам такой сюрприз приготовили, что у вас глаза на лоб полезут! Не рассстремляем, а просто кинем живым в яму. Выведем двух арестованных, заставим их копать могилу, а потом положим вас, крикнем: «Засыпайте!»* (Ю. О. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом, часть 2 (1943-1958)) [НКРЯ].

В примере (9a) сложно провести четкую границу между идиомой и номинацией симптоматического движения, поскольку *у Тани глаза полезли на лоб* может одновременно быть указанием и на ее эмоциональное состояние, и на выражение лица. В том случае, если *глаза на лоб полезли* указывает не на удивление, а на какие-либо иные эмоциональные состояния, в тексте дается уточнение, ср.:

10. *Нет приличного ковра. Со стыда глаза на лоб лезут. У тебя сотни друзей, а ни черта не достанешь...* (П. Грищенко. Мой папа изучает эстетику // «Огонек». № 13, 1970) [НКРЯ].

Впрочем, такое уточнение возможно и тогда, когда речь идет об удивлении: *от удивления глаза на лоб полезли*.

Сравним употребление аналогов этих выражений в английском языке с помощью параллельного корпуса [НКРЯ]. Номинация движения *глаза из орбит*

вышли получает, как правило, один и тот же английский переводческий эквивалент: *(one's) eyes pop out of (one's) head* (дефиниция в словаре [Farlex Idioms] — “One’s facial expression indicates surprise. Often modified with words like ‘practically’ or ‘nearly’ after the word ‘eyes’” “чье-л. выражение лица указывает на удивление. Часто употребляется с обстоятельствами «практически» или «почти» после слова «глаза») с заменой компонента *head* ‘голова’ на *sockets* ‘глазницы’. Ср.:

11. а. *Глаза животного вылезли из орбит, пена заклубилась на морде.* — *The bull's eyes popped out of their sockets and foam came from his mouth* (И. А. Ефремов. Туманность Андромеды | Ivan Efremov. The Land of foam (George H. Hanna, 1957)) [НКРЯ]. б. *Его черные, круто изогнутые брови всползают высоко на лоб, а глаза изумленно выкатываются из орбит,* Точно Конёв и сам не может поверить в то, что рассказал. — *As Konev says this his dark, pointed eyebrows will go shooting up his forehead, and his eyes come protruding out of their sockets, as though he himself cannot believe what he has just related* (Максим Горький. Женщина (1913) | Maxime Gorky. A Woman (D.J. Hogarth, 1921)) [НКРЯ].

Несколько больше варьирование в переводах с английского на русский: здесь *глаза из орбит* является эквивалентом целого ряда устойчивых словосочетаний с похожей образной составляющей:

12. а. *Ford's eyes popped halfway out of their sockets.* — *Глаза Форда полезли из орбит.* (Douglas Adams. The Hitchhiker's Guide to the Galaxy (1978—1979) | Дуглас Адамс. Путеводитель хитч-хайкера по Галактике (Вадим Филиппов, 1995—1997)) [НКРЯ]. б. *Mister Wilkins' eyes bugged out an he say, “Argggg!” an start fannin the air an tryin to unloosen his seatbelt.* — У мистера Уилкинса просто *глаза вылезли из орбит* и он сказал что-то вроде: — *Аааа-кх-кх!* — и начал глотать воздух ртом и пытаться рассстегнуть ремень (Winston Groom. Forrest Gump (1986) | Уинстон Грум. Форрест Гамп (Ю. Вейсберг, 2004)) [НКРЯ]. в. *His face grew purple; his eyes were starting from his head, and with protruded tongue, he seemed to mock me.* — Лицо у него побагровело, *глаза высекали из орбит*, и, высунув язык, он словно издевался надо мной (Charles Dickens. The Posthumous Papers of the Pickwick Club (1836—1837) | Чарльз Диккенс. Посмертные записки Пиквикского клуба (А. В. Кривцова, Е. Л. Ланн, 1933)) [НКРЯ].

Последняя номинация симптоматического движения — *one's eyes starting from one's head* ‘глаза выходят из головы’ приводится в англо-ирландском словаре Томаса де Валдрахе, и в качестве его эквивалента дано *agus na súile ag dul thar na moghaill orthu* ‘и глаза идут через ячейки/глазницы на них’ [de Bhaldraithe 1959]; ср. следующий пример употребления в ирландском языке:

13. *Faoi dheireadh, nuair a tháinig siad ba dheaicair an shianaise a chreidiúint. Ár súile ag dul thar na moghaill orainn agus muid ag breathnú ar mhuintir Phláinéad X.* ‘Наконец, когда они прибыли, было тяжело поверить в это свидетельство. Мы смотрели на обитателей Планеты X глазами, выходящими из орбит’ (букв.

‘... Наши глаза выходили из глазниц, и мы смотрели на народ Планеты X’) [Ní Ghlinn 2010: 35].

Расширение глаз осмысляется как выход из глазниц во многих языках, ср. ит. *con gli occhi fuor dell'orbita*, польск. *oczy wylazły tu z orbit*. В славянских языках, таких как польский и украинский, обнаруживается еще один переводческий эквивалент, букв. ‘глаза вылезают на поверхность’ (польский) или ‘на-верх’ (украинский):

14. а. *Wszystkim oczy zdawały się wyskakiwać na wierzch z ciekawości.* — *Ка-залось, у всех глаза вылезают из орбит от любопытства* (Stefan Żeromski. Syzyfowe prace (1897) | Стефан Жеромский. Сизифов труд (Е. Ф. Усиевич, 1958)) [НКРЯ]. б. *Ta й усомався ж: лицо йому посиніло, очі наверх вилізають, голова аж убік перекривилася так, що крихітку було й шиї видко (а це дуже рідко лучається).* — *И как же изморился он! Лицо посинело, глаза из орбит вылезают, голова так склонилась набок, что даже чуточки шею видно (а это очень редко случается)* (Лесь Мартович. Лумера (1890—1891) | Лесь Мартович. Номера (П. Карабан, 1951)) [НКРЯ].

Здесь номинация движения имеет образную составляющую, близкую к образу в основе *глаза на лоб полезли*⁹. Само словосочетание *глаза на лоб полезли* в двуязычных параллельных корпусах [НКРЯ] становится эквивалентом номинации движения, аналогично *глазам из орбит*. Ср. *глаза полезли на лоб* в оригинале (15a) и переводе (15b, c):

15. а. — *A, милейший барон Майгель, — приветливо улыбаясь, обратился Воланд к гостю, у которого глаза вылезали на лоб* — ‘Ah, my dearest Baron Meigel,’ Woland, smiling affably, addressed the guest, *whose eyes were popping out of his head* — — *A-a-a, nasz drogi baron Meigel — z życzliwym uśmiechem zwrócił się Woland do gościa, którego oczy zrobiły się wielkie jak filiżanki* (букв. ‘глаза которого сделались большими, как чашки’). (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита (1929—1940) | Mikhail Bulgakov. Master and Margarita (Larissa Volokhonsky, Richard Pevear 1979) | Michaił Bułhakow. Mistrz i Małgorzata (cz 2) (Irena Lewandowska, Witold Dąbrowski, 1969)) [НКРЯ]¹⁰. б. *Why in the name of gudgeons and ginger-cakes don't ye pull — pull and break something pull, and start your eyes out!* — *Почему, во имя всех дьяволов, вы не наваливаетесь, на-валитесь, хоть тресни хребет, навалитесь, и пусть у вас глаза на лоб повы-лезут!* (Herman Melville. Moby-Dick (1851) | Герман Мелвилл. Моби Дик (И. М. Бернштейн, 1961)) [НКРЯ]. с. *Vedendo quel burattino di legno, il pover'uomo credé di sognare e rimase lì intontito, a bocca aperta e con gli occhi fuori della testa.*

⁹ В то же время в украинском и белорусском есть и полные эквиваленты рус. *глаза на лоб полезли:* очи на лоба полізли, вочи на/пад лоб пайшли. Ср.: У Анны Паевовны *глаза на лоб полезли:* «Он же из рамок вон выскоцил!» — У Ганни Павловны *очі на лоба полізли:* «Він же з рамок геть виско-чив!» — У Анны Паўлаўны *вочы пад лоб пайшли:* «Ён эса з рамак выскачыў!» (Г. Н. Троепольский. Белый Бим Чорное ухо (1971) | Г. М. Троепольский. Білій Бім Чорне вухо (Віра Бідова, 1977) | Гаўрыл Траяпольскі. Белы Бім Чорнае вуха (Алесь Жук, 1975)) [НКРЯ]

¹⁰ Ср. русский фразеологический компаратив *глаза как плошки/блодца*.

— *Le pauvre homme crut rêver. Il resta là, abasourdi, la bouche grande ouverte et les yeux exorbités.* — *Seeing that wooden Marionette, the poor man thought he was dreaming and sat there with his mouth wide open and his eyes popping out of his head.* — *Videći toga drvenog lutka jadan čovjek pomisli da sanja, i ostane smeten, otvorenih usta i izbuljenih očiju.* — Когда несчастный покупатель увидел Деревянного Человечка, он подумал, что грезит, оцепенел, рот его широко открылся, а глаза полезли на лоб (Carlo Collodi. Pinocchio, оригинал и французский, английский, хорватский и русский переводы) [НКРЯ].

Любопытно, что при переводе с русского языка *глаза на лоб полезли* может быть заменено на номинацию движения или свободное сочетание даже тогда, когда в оригинале это словосочетание может быть понято как идиома. Ср.:

16. В листовке писалось, что Германия призвана уничтожить большевиков <...> У деда полезли глаза на лоб. Это было сообщение лично ему. — *The leaflet declared that Germany's mission was to destroy the Bolsheviks <...> Grandpa's eyes looked up to the heavens* (букв. ‘посмотрели в небеса’). *It was a message for him personally* (А. В. Кузнецов. Бабий Яр (1965—1970) | Anatoly Kuznetsov. Babi Yar (David Floyd, 1970)) [НКРЯ].

В данном примере переводчик заменил *полезли глаза на лоб* на *look up to the heavens* (букв. ‘посмотреть вверх на небеса’, ср. рус. *воздеть очи горе, поднять взгляд к небу*); последнее словосочетание не является номинацией симптоматического движения при удивлении. В целом, особенности употребления и выбора переводческих эквивалентов показывают, что *глаза из орбит вылезли* и *глаза на лоб полезли* могут быть синонимами. Оба словосочетания являются номинациями симптоматического движения, но если первое является преимущественно ею, то второе в результате семантического переноса может употребляться как идиома; в то же время в переводах на другие языки оно часто оказывается эквивалентом номинаций жестов, аналогичных рус. *глаза из орбит вылезли*.

Отметим, что аналоги рус. *глаза из орбит вылезли* тоже могут подвергаться семантическому переносу, и, например, в сербохорватском фразеологическом словаре Иосипа Матешича приводятся идиомы *da komu oči iskoče/ispadnu* ‘неподноšljivo mučno, strašno’ — ‘невыносимо тяжело /мучительно, страшно’, букв. ‘глаза у кого-л. чуть не выпрыгнули/выпали’ [Matešić 1982: 413] и *oči komu iskoče (hoće iskociti)* ‘gledati s najvećim zanimanjem, najvećoj radoznalošću, kako se čuditi’ (‘смотреть с огромным интересом, огромным любопытством, сильно удивляться’, букв. ‘глаза у кого-л. выпрыгнули / хотят выпрыгнуть’) [Matešić 1982: 419].

Глава 3. Идиомы с компонентами-соматизмами ногти, когти: семантическая сеть¹¹

В данной главе рассматриваются соматизмы ногти и когти — «части частей тела» по А. Д. Козеренко и Г. Е. Крейдлину. Основных метафорических

¹¹ В главе использованы материалы работы [Дронов, Полян 2016].

моделей у идиом с этими компонентами немного, и не все они связаны с эмоциями, однако мы можем предположить сближение образов и фразеологического значения таких идиом или даже появление каких-либо эмотивных оттенков значения.

При этом такие «части частей тела», как ногти, осмысляются в разных языках по-своему: если в русском языке на лексическом уровне противопоставлены ноготь (роговое образование на дистальной фаланге пальца человека) и коготь (роговое образование на дистальной фаланге пальца животного), то в английском это противопоставление тройное: *nail* — *claw* (коготь животного или млекопитающего) — *talon* (коготь птицы). В немецком языке нет противопоставления в строгом смысле: оппозиция *Nagel* — *Klaue* — *Kralle* осложнена полисемией последних двух слов: *Klaue*, помимо основного значения ‘коготь животного’ (как правило, млекопитающего, реже — птицы), означает еще и ‘конечность животного, лапа’ (*Klauen/Pfoten des Hundes* ‘лапы собаки’; также с метафорическим переносом ‘лапа’ > ‘рука’: *nimm deine schmutzige Klaue da weg!* ‘убери свои грязные лапы’). *Kralle*, кроме значения ‘коготь птицы или пресмыкающегося’, может быть и синонимом *Klaue*. В ирландском же языке противопоставления на лексическом уровне нет вообще: слово *ionga* (мн. ч. *ingne*) имеет значение ‘роговое образование на дистальной фаланге пальца живого существа’ и требует уточнения: *ingne seabhaic* ‘когти ястреба’, *ingne each* ‘конские копыта’.

Само противопоставление также может быть нечетким: сербск. нокат может означать и ‘ноготь’, и ‘коготь’, однако для обозначения когтей также используются турцизмы канца, панца (согласно «Словарю Матицы Сербской», «оштар, савинут рожнати чапорак или нокат на крају прстију многих птица и животиња» — ‘острый витой роговой крюк или ноготь на конце пальцев многих птиц или животных’ [PMC IV: 322]. В сущности, английское тройное противопоставление тоже оказывается не вполне четким: в [OD] в качестве одного из значений *nail* указан “an animal’s claw” — ‘коготь животного’.

В рассмотренных языках идиомы с компонентами ноготь, коготь можно поделить на пять групп по основным метафорическим моделям. Из этих пяти моделей две связаны с эмоциями непосредственно, а еще одна — опосредованно.

1) Идиомы, основанные на концептуализации ногтя/когтя как наименьшего материального объекта (так осмысляется не только ноготь, но и грязь под ногтями, ср. ниже немецкие, сербские и ирландские идиомы):

рус. *не стоить и чьего-л. мизинца/ногтя / мизинца/ногтя чьего-л. не стоить* ‘о человеке, ничтожном по сравнению с кем-л.’, *мужичок с ноготок* ‘маленький мальчик, по виду, осанке похожий на взрослого’¹²; *ногтем/соплей не-*

¹² Цитата из поэмы «Крестьянские дети» Н.А. Некрасова». Возможно употребление в значении ‘человек небольшого роста’: *Откуда-то из-за грязного обтерханного задника, вяло переваливаясь, вылезает Егорыч — мужичок-с-ноготок, похожий на домовенка и угомона из русской колыбельной, в которой отец ушел за рыбой.* (Полина Осетинская. Рояль на линолеуме // «Русская жизнь»,

решибешь ‘о слабом человеке’; *на один ноготь* (волгоградское) ‘очень мало, недостаточно’, *ни на синий ноготь* (псковское шутливое) ‘николько, абсолютно ничего’, *хоть какой ноготь* ‘абсолютно ничего’¹³;

ирл. *níl ionga ná orlach acu ar a chéile* ‘они одного роста’ (‘нет ни ногтя, ни дюйма у них друг на друге’); *níl ionga ná orlach eatarthy* ‘между ними нет различий’ (‘нет ни ногтя, ни дюйма между ними’), а также коллокация *ionga gairleoige* ‘зубчик чеснока’ («ноготь чеснока»).

2) Идиомы, основанные на концептуализации ногтя/когтя как границы тела: рус. *до кончиков ногтей* ‘весь, целиком’;

3) Идиомы, основанные на концептуализации ногтя/когтя как орудия физического/эмоционального воздействия/насилия (в том числе, демонстрация когтя как признак агрессии):

рус. *прижать/прибрать... к ногтю* (толкования в разных источниках расходятся: ‘заставить сделать, пригрозить, принуждать’ [Михельсон 1912: 384], ‘убить, ликвидировать’ [ФСРЛЯ: 416]); *прибрать... под ногтю кого-л./что-л.* ‘управлять кем-л./чем-л.’; *быть у кого-л. в когтях* ‘быть под чьим-л. контролем’ — *вырваться из чьих-л. когтей* ‘избавиться от чьего-л. контроля’; *показывать/выпускать... когти/коготки* ‘демонстрировать агрессию’;

сербск. *доћи у нечије ногте* ‘оказаться под-чым-л. контролем, жесткой или немилосердной властью’ (‘попасть в чьи-л. ногти/когти’); *бити у нечијим канџама* ‘быть в чьей-л. жестокой и немилосердной власти’ — *доћи у нечије канџе* ‘оказаться под-чым-л. контролем, жесткой или немилосердной властью’ (‘быть в чьих-л. когтях’ — ‘попасть в чьи-л. когти’);

англ. *to get (one's) claws out* ‘демонстрировать агрессию’ (‘выпустить когти’); *one's claws are showing* ‘кто-л. демонстрирует агрессию’ (‘чые-л. когти показываются’); *to get one's claws into sb* ‘суметь воздействовать на кого-л.’ (‘запустить когти в кого-л.’), *to fight tooth and nail for sth* ‘приложить все усилия для чего-л., активно бороться за что-л.’ (‘драться зубом и ногтем за что-л.’); *to cling on/hang on by one's fingernails* ‘с большим трудом избежать опасной ситуации’ (‘крепко цепляться/держаться ногтями’); *to get one's claws into sb* ‘суметь повлиять на кого-л.’ (‘запустить когти в кого-л.’);

нем. *jmdm. die Krallen zeigen* ‘вести себя агрессивно в отношении кого-л.’ (‘показать кому-л. когти’);

ирл. *na hingne a bhearradh ag duine* ‘лишить кого-л. возможности проявлять агрессию’ (‘обрезать кому-л. когти’); *ar a ingne deiridh chuig duine* ‘крайняя степень гнева, возбуждения или истощения’ (‘на чьих-л. последних ногтях/когтях/копытах к кому-л.’); *ionga dhearg a choimeád ar rud* ‘настаивать, удерживать внимание на чем-л.’ (‘удерживать/сохранять красный ноготь на чем-л.’);

2012) [НКРЯ]. Кроме того, с (*детский*) ноготок может употребляться отдельно, как устойчивое сравнение с минимальным материальным объектом.

¹³ Областные идиомы взяты из [Мокиенко, Никитина 2007].

duine a chur ar a ionga ‘не давать кому-л. передышки’ («поставить человека на его ноготь»).

4) Идиомы, основанные на концептуализации симптоматических движений и соматических реакций, связанных с эмоциями-состояниями — страхом, беспокойством (в том числе беспокойством, которое вызвано приближением опасности):

рус. кусать/грызть ногти ‘нервничать, быть растерянным, выказывать досаду’;

англ. *to bite one's nails* ‘нервничать’ (‘кусать свои ногти’);

ирл. *ag ithe a chuid ingne* ‘нервничать’ (‘есть свое количество ногтей’).

В словаре Патрика С. Диннина также зафиксирована *duine do chur ar a iongain* (букв. ‘помещать человека на его ноготь’) с толкованием “*to put a person on his guard*” — ‘заставить кого-л. быть начеку’ [Dinneen 1904: 407].

Этот список нельзя считать полным: помимо перечисленных идиом, указанных в проанализированных нами словарях ([АСРФ; БФС; ФСРЯ] для русского языка, [MGH] для английского, [СХРФС; Matešić 1987] для сербского¹⁴, [Duden 11] для немецкого, [Bannister 2006; Dineen 1904; Ó Dónaill 1977] для ирландского), обнаруживаются также областные выражения, зафиксированные в соответствующих источниках, но не встречающиеся в корпусах. В [Мокиенко, Никитина 2007] мы обнаруживаем целый ряд областных, просторечных и разговорных идиом: ноготь бы тебя взял! (вятское бранное) / ноготь тебя задави! (тобольское), ноготь заломай! (тобольское) ‘восклицание, выраждающее гнев, негодование, возмущение’ (под ногтем следует понимать черта, нечистую силу) и т.д. Идиомы типа ноготь тебя задави являются, по-видимому, эвфемизмами. В стороне от этого списка также стоят англ. *nail polish on a hangnail* ‘о человеке, предмете или явлении: ненужный или уродливый несмотря на, на первый взгляд, приятный внешний вид’ (букв. ‘лак для ногтей на заусенце’) и нем. *sich (Dativ) etw. unter den Nagel reißen* ‘незаконно присваивать себе что-л.’ (букв. ‘порвать/засунуть что-л. себе под ноготь’; в [Duden 11] получает помету *salopp* ‘сниженное’).

Кроме того, отдельно следует учитывать идиомы типа рус. *с младых ногтей*, которые можно понять как результат или метонимии, или концептуализации твердости или мягкости ногтя в зависимости от возраста человека¹⁵; в любом случае здесь идет речь о противопоставлении молодости и старости.

¹⁴ Хотя словарь Йосипа Матешича вышел в Загребе и в определенной мере опирался на хорватский материал, в тот период (1982 г.) официально был принят термин «сербохорватский язык», т.е. общий стандарт с региональными вариантами. По этой причине мы опираемся на данный словарь как на источник в том числе и сербской фразеологии.

¹⁵ См. культурологический комментарий к соответствующей словарной статье в [БФС: 606]: «Фразеол. восходит к греческому обороту *с нежных (мягких) ногтей*, который встречается и в латинских переводах. <...> Фразеол. соотносится с телесным (соматическим) и временными кодами культуры <...> В данном случае мягкие (нежные) или твёрдые (крепкие) **ногти**, которые в народных представлениях ассоциируются со средоточием жизненных сил человека, выступают как средство “измерения” не только возраста человека, но и его жизненного опыта».

Идиомы могут находиться одновременно в нескольких таксонах: так, ногтем перешибешь может быть отнесено и к первому («ноготь как наименьший объект»), и к третьему («насилие или воздействие») типам. Это связано с регулярной многозначностью идиом, благодаря которой можно говорить не о семантическом поле, но о семантической сети [Баранов, Добровольский 2011].

К идиомам первого типа примыкают также идиомы, в которых как наименьший материальный объект осмыслиается не сам ноготь, а грязь под ногтями:

сербск. *<ни> црно (црне) под ноктом / ни шта је црна под ноктом / ни колико је црно испод нокта ‘вообще ничего’* (букв. ‘чернота / ни черноты под ногтем; ни того, что черно под ногтем; ни того, как черно под ногтем’);

нем. *jmdm. nicht das Schwarze unter dem/unterm Nagel gönnen* ‘крайне недоброжелательно относиться к кому-л.’ (‘не позволять кому-л. даже черноты под ногтями’);

ирл. *níl dubh d'iongan ann* ‘там нет вообще ничего’ (‘нет черноты из ногтя там’).

Таким образом, отсутствие чего-либо понимается как отсутствие даже такой мелочи, как грязь под ногтями, а недоброжелательность — как неприятие малейшей неряшливости (ср. библеизм *в чужом глазу соломину видеть, в своем — бревна не замечать*).

На стыке третьего (эмоциональное и физическое воздействие) и четвертого (эмоции-состояния и отношения) типов находятся две идиомы:

сербск. *догорело је до ноката (ноктију) коме ‘невозможно больше терпеть, выносить какое-л. положение’* (букв. ‘у кого-л. догорело до ногтей/когтей’);

нем. *jmdm. auf/unter den Nägeln brennen* ‘быть срочным, приоритетным’ (‘гореть у кого-л. на ногтях / под ногтями’).

Как боль, причиняемая огнем, здесь понимается некая ситуация, которая оказывает на человека негативное воздействие и потому требует немедленного решения¹⁶. В сербской идиоме содержится информация о сопутствующем чувстве-отношении.

Ирландское выражение *ar a ingne deiridh* толкуется в словаре Ниалла О’Доннелла как “on their hind hoofs” — ‘на задних копытах’ [Ó Dónaill 1977]. Таким образом, она оказывается близка по внутренней форме к идиомам типа рус. встать на дыбы. В то же время *ar a ingne deiridh ag iarrайдh é a dhéanaimh* (‘пы-

¹⁶ Ср. толкование в словаре «Дуден»: “(ugs.) [für jmdn.] sehr dringlich sein <...> Die Herkunft dieser Wendung ist nicht sicher geklärt. Man könnte sie von der mittelalterlichen Folter herleiten, bei der dem Delinquenten glühende Kohlen auf die Fingerspitzen gelegt wurden. Eine andere Erklärung führt die Wendung auf die frühere Gepflogenheit von Mönchen zurück, sich kleine Wachskerzen auf die Daumen-nägel zu kleben, wenn es im Winter zur Frühmesse noch nicht hell genug war, um im Gebetbuch zu le-sen” (‘разговорное’ быть для кого-л. очень срочным. <...> Происхождение выражения не вполне ясно. Его можно возвести к средневековой пытке, при которой преступнику на кончики пальцев кладли раскаленные угли. Еще одно объяснение возводит выражение к более раннему обычаю прикреплять к ногтию большого пальца маленькую восковую свечку, чтобы можно было читать молитвенник, если зимой во время заутрени было недостаточно светло’ [Duden 11: 524].

таясь делать это на последних ногтях / задних копытах’) получает толкование ‘trying his utmost to do it’ — ‘пытаясь сделать изо всех сил’ [Там же].

Адъективный компонент идиомы *ionga dhearg a choimeád ar rud* — прилагательное *dearg* ‘красный’ — является интенсификатором (Magn по И. А. Мельчуку). Ср. *ádh dearg* ‘большое везение’ (букв. ‘красное счастье’), *mo náire dhearg* é ‘мне очень стыдно’ (‘это мой красный стыд’), *tá an diabhal dearg air* ‘он просто дьявол’ (букв. ‘есть красный дьявол на нем’, *bán ná dearg* ‘ни в какой степени’ (‘ни белый, ни красный’). О коннотациях красного цвета в кельтских языках (на материале, в том числе, древнеирландского) см. [Мурадова 2011].

Как показал Д. О. Добровольский, конверсия характерна для идиом из лексико-семантических полей ФИЗИЧЕСКОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ, ФИЗИЧЕСКОЕ НАСИЛИЕ [Добровольский 2016: 17—18]. В этом смысле идиомы 3-го типа могут образовывать не только конверсивные пары, а сложные конверсивные соответствия, ср. конверсивный пятиугольник: попасться в когти кому-л. — держать в когтях кого-л. — быть в когтях у кого-л. — вырваться из чьих-л. когтей — вырвать кого-л. из чьих-л. когтей (с возможностью ввода контекстно-зависимого определения, как в примере 1b). Приведем примеры из сербского и американского корпусов:

1. a. *Prema njegovim rečima, danas se na Kosmetu događaju stvari kojih se grozi čitav svet, ali ne i SAD i njeni lakeji, evropske zemlje, koje što pre moraju da se iščupaju iz američkih kandži i prestanu da budu kolektivni čistači krvavih čizmi militarnog američkog imperijalizma* ‘По его словам, сейчас в Косово и Метохии происходят вещи, от которых в ужасе весь мир, но не США и их лакеи, европейские страны, которые должны как можно скорее «вырваться из американских когтей» и перестать быть коллективными чистильщиками кровавых сапог воинствующего американского империализма’ (Politika (08.09.2000)) [KSSJ — MF]. b. *Luksemburžani su svim silama pokušavali da se izvuku iz kandži u koje ih je bacila jugoslovenska reprezentacija, jednom prilikom su uspeli da dodu do našeg gola a Holc je uputio strahovit udarac i uzdrmao prečku Cicovićevog gola* ‘Люксембуржцы всеми силами пытались «извлечь себя из когтей, в которые их бросила югославская сборная»: один раз они смогли добежать до наших ворот, а Хольц нанес страшной силы удар, от которого зашаталась перекладина на воротах Цицовича’ (Politika (08.09.2000)) [KSSJ — MF]. c. *Vanderhorst was at Silverhill under a carefully maintained false identity, using a supposedly untraceable credit line. Damn POP and their meddling, he thought. I'm done with them until briefing time, and I want their claws out of my hide* ‘Вандерхорст был в Сильверхилле под чужим именем с тщательно отрабатываемой легендой; он пользовался кредитной линией, которую, по идее, нельзя было отследить. Чтоб они пропали, «ПОП», постоянно вмешиваются, думал он. До брифинга я не буду иметь с ними дела, и я «хочу, чтобы их когти оторвались от моей шкуры»’ (1997; FantasySciFi) [COCA].

Варьирование перечисленных идиом, в целом, возможно только диахронически: так, рус. до кончиков ногтей в XIX в. употреблялось в форме до конца

ногтей, а варианты *прижать под ноготь*¹⁷ / *прижать к ногтю* в значении ‘контролировать, принуждать кого-л.’ характерны, соответственно, для XIX (b) и XX—XXI вв. (2с):

2. а. Шотландец до конца ногтей, сын горной страны, сурохо хранящей предания, член племени, хотя и вошедшего в общий состав английской нации и притом свободно, не так, как ирландское, — вошедшего, но тем не менее хранящего свою самость и некоторую замкнутость, — Вальтер Скотт весь полон суеверной любви к старому, к преданиям, к загнанным или сгибшим расам, к сверженным династиям, к уцелевшим еще кое-где, по местам, остаткам старого, замкнутого быта. (А. А. Григорьев. *Мои литературные и нравственные скитальчества (1862)*) [НКРЯ]. б. И стал бедный цыпленок царить в богатом доме, все под ноготок свой подвела Прасковья Ильинишина, всем распоряжалась по властному своему хотенью. (П. И. Мельников-Печерский. *На горах. Книга первая (1875-1881)*) [НКРЯ]. с. «Заказывают» уникальных, последних на Земле животных. Заметьте: грабят то, что принадлежит всем и каждому, — природные богатства. На глазах у власти, а то и при ее попустительстве. А верещагинах, которым «за державу обидно», — к ногтю. (Аман Тулеев. *Внутренняя угроза (2003)* // «Независимая газета», 2003.03.31) [НКРЯ].

Идиомы с компонентом-соматизмом коготь, описывающие симptomатические выражения, практически не допускают изменения формы: даже незначительное изменение приводит к утрате идиоматичности и образованию свободного словосочетания. Так, расширение компонентного состава встречается не у рус. показывать когти, а у свободного словосочетания с близкой внутренней формой:

3. Кстати, еще в середине девятнадцатого века знаменитый русский зоолог и путешественник Н.А. Северцов писал, что кровожадность и свирепость тигра сильно преувеличены, а туркестанский охотник Е. Сысоев пришел к выводу, что тигр — «это кошка, которая показывает свои странные когти и зубы только для защиты собственной шкуры». (Александр Яблоков. *Точка возврата позади // «Знание – сила», 2006*) [НКРЯ].

По сути, почти единственными возможными модификациями оказываются метаязыковые, аналогичные *hedges*, описанным в работе Дж. Лакоффа [Lakoff 1973]. В составе идиомы появляются вводные слова и предложения, цель которых — с одной стороны, маркировать принадлежность словосочетания к фразеологии, а с другой стороны, показать, что оно несвойственно говорящему (4).

4. а. С юности, от младых, как бы сказать, ногтей в благородство верил, как во спасение. (Борис Васильев. *Были и небыли. Книга 2 (1988)*) [НКРЯ]. б. В социстрану нужно мылиться с чистой биографией, а готовиться к этому следовало,

¹⁷ При этом у Ю. О. Домбровского под ноготь встречается и во второй половине ХХ в.: — Это простого человека чуть что под ноготь, а царям всегда полная привилегия. (Ю. О. Домбровский. *Хранитель древностей, часть 2 (1964)*; НКРЯ).

что называется, с младых ногтей. (Эдуард Лимонов. Молодой негодяй (1985)) [НКРЯ]. с. Но не мешала ли вам сила любви к учителям? Не возникало ли иногда желание наоборот в чем-то оттолкнуться от них? — Чехов не «мешал» никогда. Он вошел в мою жизнь, как говорится, с младых ногтей, вместе с Толстым. (Юрий Казаков. Для чего литература и для чего я сам? (1979)) [НКРЯ].

В идиомах с компонентами ноготь, коготь эмоциональное воздействие осмысляется как физическое. Можно говорить об ограниченном количестве как актуальных значений, так и образов в основе этих фразеологизмов.

Глава 4. Сердце, душа и иные органы восприятия: эмоции-состояния, эмоции-отношения и эмоциональное воздействие

Как известно, эмотивные идиомы можно разделить на те, которые обозначают эмоции-состояния (*задевать за живое, дойти до ручки*) и те, которые обозначают эмоции-отношения (*испортить кому-л. кровь, плюнуть в душу*). И те, и другие могут содержать семантический компонент эмоционального воздействия. Мы попытаемся ответить на вопрос, можно ли считать, что идиомы эмоционального воздействия объединяют в своей семантике состояние и отношение. Для этого мы рассмотрим семантику и употребление соответствующих эмотивных идиом на примере идиом с компонентами *сердце* и *душа*; последние, как правило, осмысляются как некие органы чувственного восприятия (подробнее о наивной анатомии см. [Руссо 2013; Урысон 1994, 1995]). Кроме того, ниже будут проанализированы две эмотивные идиомы с компонентами *печень* и *кровь* в роли органов восприятия.

Греть душу (кому-л./чью-л.) в «Академическом словаре русской фразеологии» получает следующее толкование: «Делать кого-л. радостным и умиротворенным, что описывается как воздействие тепла на воображаемый внутренний орган человека, являющийся вместилищем чувств» [АСРФ: 263]¹⁸.

У данной идиомы два актанта: *P греет душу X-у*, где X — экспериенцер (как правило, одушевленный)¹⁹. Ср. (1):

¹⁸ Аналогичные идиомы мы видим в других языках, ср. англ. *to warm the cockles of one's heart* ‘to cause one to feel happy. The “cockles of one's heart” are the deepest part of oneself’ (‘делать кого-л. счастливым. «Раковины сердца» — самая глубокая и сокровенная часть кого-л.’, букв. «согревать раковины чьего-л. сердца») [Farlex Idioms 2015]; нем. *jmds. Herz erwärmen* (букв. «греть сердце»); *upl. sé na smóilíni ag scimpreacht i do chroi* (букв. «это заставит / заставило бы угольки в твоем сердце ярко гореть»); венгерск. *felmelegítí <vkinek> a szívét <vmi>* (sz) (vál) ‘fellekesít vkit vmi’ (‘что-л. кого-л. воодушевляет кого-л.’, букв. «что-л. греет кому-л. душу») [Bárdosi 2012: 359], *szívet gyűrűrködeítő* ‘warm the cockles of one's heart’ (букв. «восторгает сердце») [Magay-Országh: 849]. При этом английская и немецкая идиомы позволяют создать на базе именного и глагольного компонентов композит-причастие: *herzerwärmend*, *heart-warming*; в публицистике Интернета обнаруживаются также примеры употребления *cockle-warming*, например: *So don't despair at biting win-ter winds and dark days; cuddle up with a big cockle-warming red in front of the fire, and winter will not seem so bad* ‘Поэтому не расстраивайтесь из-за кусающихся зимних ветров, закутайтесь в одеяло у камина с “большим раковиносогревающим красным”, и зима покажется не такой уж плохой’ (The Times: Cockle-Warming Reds, November 8, 2003; Публицистика Интернета).

¹⁹ Аналогичную актантную структуру мы видим в идиоме *запасть в душу*: *P западает в душу X-у* ‘некая ситуация Р производит на X-а благоприятное впечатление и сохраняется в его долговремен-

1. **a.** *I, конечно, греет душу мысль, что найдутся молодые, пытливые умы, которые захотят это прочитать, сумеют понять, примут эстафету и пойдут дальше.* (Георгий Малинецкий. От прошлого к будущему. Российский контекст междисциплинарности // «Знание-сила», 2013) [НКРЯ]. **b.** *Ведь даже неверующему человеку греет душу сознание, что кто-то ежедневно молится о нем, желает добра.* (Ярослава ТАНЬКОВА. Как я уходила в монастырь... // Комсомольская правда, 2002.10.30) [НКРЯ].

Возможна инверсия: *душу греть*, в том числе с возможностью метонимического переноса (место локализации невидимого органа, т.е. туловище, вместо самого органа; отсюда душегрея), ср. (2):

2. *Телогрей — главный дружок человеку, душу греет* (Михаил Гиголашвили. Чертово колесо (2007)) [НКРЯ].

Вышеупомянутый метонимический перенос делает возможной двойную актуализацию, при которой воздействие на «невидимый орган», отвечающий за эмоции, может совместно встречаться в одном контексте с воздействием на тело (3b). Образ в основе идиомы интуитивно понятен говорящим; об этом можно судить по случаям материализации метафоры и двойной актуализации²⁰ (3a).

3. **a.** *О, гори, бешеный нефтяной язык, озаривший полночи. Завёлся такой пошиб в жизни, отчего не стало на земле положений, где бы мог человек согреть душу огнём стыда; стыд подмок повсеместно и не горит.* (Б. Л. Пастернак. Письма из Тулы (1918)) [НКРЯ]. **b.** *Поцелуй грел ему душу и ту же щеку, куда пришелся удар слесаря Жаботинского.* (Александр Володарский. ЖЗЛ (Жизнеописание занимательных личностей) // «Сибирские огни», 2012) [НКРЯ].

Расширение компонентного состава может сопровождаться изменением метафоры:

4. *Холодная Британь вила в его жилы меланхолию, лицо неподвижно, тяжелые веки тушат блеск глаз, но огонь разума согревает влагу сердца, возбуждая жизненный дух, и вены на висках и руках юноши вздуваются, рельефно проступая сквозь кожу.* (С. В. Логинов. Драгоценнее многих (медицинские хроники) // «Наука и жизнь», 2007) [НКРЯ].

ной памяти'. Ср. также *за душу берет / хватает / трогает (что-л. кого-л.)* 'что-л. (произведение искусства, чье-л. выступление и т. п. вызывает у кого-л. сильное эмоциональное переживание, осмысливаясь как инициатор непосредственного физического контакта с воображаемым внутренним органом, являющимся вместилищем чувств' [АСРФ: 263].

²⁰ Ср. также очевидную языковую игру в следующем примере: *ВОПРОС ДНЯ А вы бы чему наших милиционеров научили? Михаил МАРГЕЛОВ, глава Комитета по внешней политике Совета Федерации: — Мыть руки, греть сердце, охлаждать голову.* (Егор ПРИВАЛЕНКОВ («КП» — Владивосток)). Рис. Сергея САВИЛОВА. Институт благородных ментов // Комсомольская правда, 2006.04.05) [НКРЯ]. Здесь употреблена контаминация *греть сердце* с изречением, приписываемым Ф. Э. Дзержинскому: *Чекистом может быть лишь человек с холодной головой, горячим сердцем и чистыми руками* (см., например, [Серов 2003]). Словосочетание *греть сердце* здесь является исключительно каузативным дериватом *горячего сердца* и никак не связано с омонимичной идиомой.

В примере (4) употреблена именная группа *влага сердца*, и согревать вла-
гу сердца становится, в сущности, парадигмой идиомы греть/согревать кровь,
основные значения которой можно сформулировать как ‘обрести бодрость’
(осмысляется как согревание жидкости, питающей организм: от нее исхо-
дила какая-то заразительная и согревающая кровь чистота [В. Я. Шишков.
Угрюм-река. Ч. 5-8 (1913-1932); НКРЯ]) или ‘употребить какой-либо напиток
(обычно алкогольный), который воспринимается как разогревающий кровь’²¹
(Чтоб не подать дурного примера, мы не употребляем вина за общую трапе-
зою, но сохраняем как лекарство в малом количестве для подкрепления сил
старцев, утружающих ум чтением и науками. В часы отдохновения они ино-
гда позволяют себе согревать кровь и освежать ум [Ф. В. Булгарин. Димитрий
Самозванец (1830); НКРЯ]). Влага сердца оказывается здесь аналогом кеннинга
в скальдической поэзии.

Возможно варьирование глагольного компонента: согревать душу (5а, б).
Кроме того, возможно употребление этого глагола в совершенном виде:

5. а. *Сознание того, что не мне предстояло мыть посуду, согревало душу*
(Олег Зайончковский. Счастье возможно: роман нашего времени (2008))
[НКРЯ]. б. Вспоминали родных, близких, места, где жили. Миром и покоем
согревало это ощущение наши души. (В. Зеленский. Память моя хранит... //
«Наука и жизнь», 2006) [НКРЯ].

Возможна замена именного компонента почти без изменения метафоры:
греть / согревать. Здесь вместо воображаемого органа человека тепло воз-
действует на орган реальный, однако тоже воспринимаемый как вместилище
чувств (см. выше английские, немецкие и венгерские примеры). Более того,
возможно сочетание: греть сердце и душу. У идиомы имеется еще одна ва-
лентность: (чем), например, греть душу добрыми вестями, грея сердце тихой
радостью (Горький).

6. *Радость грела сердце Мэбэта — его сила передалась сыну* (Александр
Григоренко. Мэбэт // «Новый мир», 2011) [НКРЯ].

Обращает на себя внимание отсутствие обязательной валентности в боль-
шинстве контекстов, например, в (1а, 5а, б). Это, вероятно, связано с катего-
рией неотчуждаемой принадлежности (ср. рус. она подняла руку, фр. *Elle a
levé la main* vs. англ. *she raised her hand*). С этим связано также употребление
местоимений в дательном падеже, т.е. заполнение валентности (*кому*). Ввод
притяжательного местоимения может сопровождаться вводом определения,
выраженного прилагательным или причастием (7а, б), причем по тому же
принципу, что в свободных словосочетаниях (ср. он закрыл глаза при допусти-
мости он закрыл свои усталые глаза [Федорова 2015: 64]). Это атрибутивная
модификация по [Abeillé 1995]: прилагательные семантически эквивалентны

²¹ Впрочем, в единственном и явно нестандартном (с нарушенной лексической и семантической
сочетаемостью) примере из А. Грина мы видим употребление *греть кровь* в значении, аналогичном
значению *греть душу* и *греть сердце*: *Передайте Гравелоту, что я согрел свою старую кровь
вокруг его несчастья*. (А. С. Грин. Дорога никуда (1929)) [НКРЯ].

генитивному атрибуту: греет его французскую душу — греет ему, французу, душу, греющая их сирую душу — греющая им, сирым, душу. Аналогичным образом возможен ввод указательного местоимения вместе с прилагательным в (7b): греющих любую русскую душу.

7. а. *Он не любит власть других, но его собственная власть греет его французскую душу*. (Виктор Ерофеев. Держите крепче Депардье! // «Огонек», 2013) [НКРЯ]. б. *Так возникает версия о средних способностях, средних возможностях, благодаря упорству доведенных до виртуозного мастерства — версия, близкая посредственностим, греющая их сирую душу* (Н. В. Кожевникова. Сосед по Лаврухе (2003)) [НКРЯ]. с. *Таким образом, поэт требует верить в Россию, тогда как верить можно только в Бога. И тогда получается, что все, кто исходит восторгами по поводу этих строк, на самом деле, вместе с автором — обычные богохульники. Но поскольку всё это существует в форме восхитительных же, греющих любую русскую душу стихов, оно оказывается ко двору людям любой идеологии* (Николай Журавлев. Поэт и вертикаль. Суэта вокруг юбилея (2003) // «Вестник США», 2003.09.17) [НКРЯ].

Экспериенцер греть душу преимущественно упоминается в третьем лице (греть его/ему душу, греть душу *X-a/X-y*, неотчуждаемое греть душу; в рамках «Я-Ты-Он-грамматики» по Э. Бенвенисту третье лицо является «эмотивным номинативом», т.е. инвариантом идиомы, отражающей эмоции [Телия 1996: 212]), реже в первом лице единственного и множественного числа. Любопытно, что в первом лице множественного числа именной компонент *душа* употребляется во множественном числе, например, грело это ощущение наши души (5b), тогда в третьем лице множественном числе именной компонент может сохранять форму единственного числа: грело им/их душу. Это может быть связано с восприятием рассказчика: даже говоря от имени многих (например, единомышленников), он все же указывает на то, что коллективная эмоция воспринимается как воздействие на отдельных его членов. При описании в третьем лице это уточнение оказывается необязательным. Ср.: «В “Я-грамматике” <...> кореферентны говорящий и субъект высказывания, выраженный местоимением я в роли подлежащего или дополнением,, выраженным косвенными формами этого личного местоимения — мне, меня и т.п.: Я — туница/олух царя небесного; Я не страшусь ничего/Меня ничего не страшит и Мне море по колено и т.п. В “Ты-грамматике” <...> высказывание строится в режиме диалога, где субъект-адресат выражается местоимением ты или косвенным падежом этого местоимения: Ты — бездельник и Ты бьешь баклушки; Ты живешь как у Христа за пазухой и Тебе живется как у Христа за пазухой и т.д. В “Он-грамматике” речь идет о “третьем лице”, которое выражается в именительном или косвенных падежах местоимения он: Он — лишний в этом деле и Он — пятое колесо в телеге; Он имеет обыкновение болтать лишнее и У него длинный язык и т.д.» [Там же].

Возникает парадоксальная ситуация: если местоимения преимущественно употребляются в дательном падеже, то существительные и именные группы

— в родительном (ср. выше грела сердце Мэбэта). Это может быть связано с тем, что душа/сердце как орган восприятия в наивной картине мира может пониматься и как нечто неотчуждаемое, и как нечто отчуждаемое (особенно в рамках религиозных представлений о бессмертии души). Кроме того, даже в контекстах употребления данной идиомы душа противопоставляется телу (грел тело и душу). В такой ситуации, если экспериенцер назван и уточнен, подчеркивание неотчуждаемой принадлежности становится необязательным.

Рассмотрим также идиому *выматывать/вымотать* <вытягивать/вытянуть> [всю] душу *кто*, что [кому, из кого]. В «Словаре образных выражений русского языка» под редакцией В. Н. Телия она отнесена к таксону «Чувства-состояния» и получает следующее толкование: «Досаждать жалобами, просьбами, упреками, нудными хлопотами (говорится с неодобрением). Реч. стандарт. *кто* — лицо; *что* — работа, лечебные процедуры; *кому* — лицу; *из кого* — лица» [СОВРЯ: 71]. Образ в основе идиомы основан на метафоре экспериенциера, находящегося вне тела — ср. *выходить из себя, быть вне себя, быть не в себе*. В указанном словаре отмечается, что порядок слов не фиксирован; это подтверждается как глагольным варьированием, так и эмфатической инверсией: *вымотать всю душу* — *всю душу вымотать*. Глагольный компонент может употребляться как в несовершенном, так и в совершенном виде. Интенсификатор *всю* встречается совместно с совершенным видом глагола, ср. (8a, b); возможен также ввод интенсификатора *окончательно* (8c):

8. а. Вот они где у меня сидят, эти интуристы! — интимно пожаловался Коровьев, тыча пальцем в свою жилистую шею, — верите ли, всю душу вымотали! (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 1 (1929-1940)) [НКРЯ].

б. Всё время он со мной не разговаривал, только глядел эдак вот и взглядом грозил. Всю душу вымотал, во всей низости своей я пред ним сознался. Потом, правда, обрёл он дар речи. А привередливый какой, ел с ложки и одно лишь тёплое, селёдку тёпленькой ему подавал — такой организм! (Олег Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней // «Октябрь», 2001) [НКРЯ]. с. Кончилось это тем, что он окончательно *вымотал* из меня душу. (А. И. Батюто. Дневник (1938)) [НКРЯ].

Очевидно, что интенсификатор вводится при описании, скорее, результата, нежели процесса. В то же время можно сказать и *выматывать/вытягивать всю душу*, хотя подобное употребление встречается всего в шести документах из более чем ста двадцати в [НКРЯ]. Ср.:

9. а. Каждый вечер, каждую ночь она вытаскивала из памяти — по крупицам, по обрывкам, все, что было связано с ним и с ней. Эта привычка, как счет овец перед сном, граничащая с мазохизмом, стала для Лиды ритуалом — *изматывающим, вытягивающим всю душу*. (Маша Трауб. Замочная скважина (2012)) [НКРЯ]. б. Взялся за Уайльда. Мне выдали в «Иностр. б-ке» 4 книги о нем. И я залпом читаю все четыре. А «Леонид Андреев», крохотная статейка, — *выматывает у меня всю душу*. (К. И. Чуковский. Дневник (1957)) [НКРЯ].

В роли агенса может быть как человек, так и нечто неодушевленное, причем не только работа и лечебные процедуры, как указано в [СОВРЯ: 71] — ср. (10).

10. **a.** *То есть казалось, что получилось, но тут Тарико поехал последний раз взглянуть на старый дом, вымотавший ему всю душу, и его не нашел.* (Ксения Махненко. По дороге домой // «Домовой», 2002.09.04) [НКРЯ]. **b.** *На трассе такая малая скорость вымотала бы Кириллу всю душу, но сейчас, со встречным ветром и в кабине без дверей, выглядела вполне убедительной.* (Алексей Иванов (Алексей Маврин). Псоглавцы. Гл. 1-20 (2011) [НКРЯ]. **c.** *Душу вымывает это время года* — вот, пишу тебе, а за окном пароход дает прощальные гудки — у них такой обычай: в свой последний рейс они прощаются с берегами — до следующей весны. (А. С. Эфрон. Письма Б. Л. Пастернаку (1948-1959) [НКРЯ].

В (9b) и (10a, b) рассказ, дом или скорость досаждают, т.е. вызывают не скрываемое раздражение, не жалобами, просьбами, упреками или хлопотами — последнее, впрочем, может быть верно для контекста (10a), если предположить наличие метонимии (т.е. *душу вымывают* связанные с домом хлопоты или события, но не сам дом). Ключевым является именно семантический компонент ‘досаждать’. В (10b) под *вымывать/вымотать* [всю] душу, очевидно, понимается именно ‘вызывать раздражение’, а в (10c) — ‘вызывать подавленное состояние, депрессию’. Как следствие, эта идиома эмоционального воздействия обозначает как состояние, так и отношение.

Зафиксировано также метаязыковое употребление с рефлексией говорящего по поводу образной составляющей идиомы (11):

11. *А какое это чудесное выражение — «душу вымывать», ведь так оно и есть — летят гуси, и последний тянет в клюве ниточку из того клубка, что у меня в груди.* (А. С. Эфрон. Письма Б. Л. Пастернаку (1948-1959) [НКРЯ].

Среди идиом таксона «Чувства- отношения» в [СОВРЯ] воздействие эксплицировано в идиоме *плевать/плонуть <наплевать>* в душу, которая получает следующую дефиницию: «Намеренно грубо оскорблять чувства искренне открывшегося человека неожиданно для него (говорится с неодобрением)» [СОВРЯ: 98]. Основными компонентами фразеологического значения являются ‘оскорблять чувства’ и ‘неожиданно’, ср. (12); намеренная грубость может восприниматься субъективно — так, в (12b) как грубое оскорблении чувств воспринимается игнорирование мнения граждан.

12. **a.** *Уже самую пьесу я считаю издевательством над мужчиной, женщиной, любовью и ревностью, издевательством, простите, гнусно подчеркнутым театром. Я ушел после второго акта с тяжелым чувством, словно мне в душу наплевали.* (Юрий Елагин. Темный гений (1998)) [НКРЯ]. **b.** *Российскую землю раздавать вообще негоже. И ощущение, что тебе плонули в душу, есть. Никто не хочет слушать жителей края, которые не понимают, почему отдают кусок российской земли. Ведь люди готовы понять, если им объяс-*

нить,— уступая в малом, мы выигрываем в большем. (Владимир ВОРСОБИН, Наталья ОСТРОВСКАЯ. Зачем мы отдаем китайцам острова? // Комсомольская правда, 2005.05.20) [НКРЯ].

Эмоциональное воздействие может быть нацелено на самого человека. Так, идиома *отвести душу* указывает на снятие эмоционального напряжения (с возможностью получения удовольствия) путем совершения каких-либо доставляющих удовольствие действий (13a, b, c) или путем проявления агрессии (13d). В [АСРФ: 264] это значение разделено на два разных: ‘порадовать себя (как правило, после длительного отсутствия какого-либо удовольствия), совершив какие-либо доставляющие это удовольствие действия’ и ‘снять эмоциональное напряжение или ослабить негативное психическое состояние, совершив агрессивные действия по отношению к кому-л./чему-л., и доставить тем самым удовольствие себе’ (с валентностью *на ком-л./чем-л.*). Как можно увидеть, в данных толкованиях не вполне учитываются контексты употребления наподобие (13b, c), а также не отмечается существование, к примеру, валентности *отвести душу, делая что-л.*

13. **a.** *Нестерпимо захотелось закурить и отвести душу несколькими глубокими затяжками крепчайшего табака.* (Евгений Сухов. Делу конец — сроку начало (2007) [НКРЯ]. **b.** Зато здешняя театральная obsługa наблюдательна и злопамятна, суплерша, зрителей на спектакле никогда не видевшая, толкалась среди них в перерывах и ревниво рассматривала женщин, а певица из второго состава *отводила душу, изучая наряды первых рядов партера.* [Анатолий Азольский. Облдрамтеатр // «Новый Мир», 1997) [НКРЯ]. **c.** *Платоша не спорил, хотя и был не согласен с теми, кто ловчил сбить его с притыку. Уж потом, приходя домой, отводил душу, жалуясь рыжему одряхлевшему псу со слезящимися глазами:* — Понимаешь, Шурик... — Пса так батяня назвал. (Ким Балков. Балалайка // «Сибирские огни», 2013) [НКРЯ]. **d.** *И только в конце, отведя душу, наоравшись, сказал как бы между прочим: «А насчёт Волodyки глупое дело... <...>*» (Юрий Трифонов. Дом на набережной (1976)) [НКРЯ].

Рассмотрим еще две идиомы с компонентами, обозначающими «невидимые органы» восприятия — *испортить кровь (кому-л.)* и *сидеть в печенках у кого-л.*

«ИСПОРТИТЬ КРОВЬ *кто, что кому.* Доставить множество неприятностей (говорится с неодобрением). Реч. стандарт. *кто* — лицо, группа лиц; *что* — хлопоты, работа; *кому* — лицу, группе лиц. • Порядок слов фиксируется [СОВРЯ: 94]. Идиома в указанном словаре включена в таксон «Чувства-отношения»: очевидно, что речь идет не только о неприятностях, но и о том раздражении, которое возникает у того, кому их доставили, в отношении их виновника.

В основе данной идиомы лежит метафора отрицательного воздействия как вреда здоровью и уменьшения жизненной силы. Последняя традиционно понимается как кровь — образ, восходящий к древнейшим формам осознания

мира: «именно в **крови** пребывает энергия, делающая возможной телесную жизнь; потеря **крови** означает утрату этой энергии, следовательно — прекращение телесной жизни» [Гудков 2006: 184]. Допускается ввод в состав идиомы слов, указывающих на интенсивность действия (в данном случае ‘доставлять неприятности’), а также употребление именного компонента в родительном падеже (партитиве): *испортить немало крови* (14a), *испортить столько крови*, что *P* (14b), *попортить крови* (14c).

14. **a.** В биографии Николая Николаевича Бера был эпизод, *испортивший ему немало крови*. В 1896 году по случаю коронации Николая II он ведал подготовкой народного гулянья на Ходынском поле. И хотя руководил всеми коронационными торжествами московский генерал-губернатор, великий князь Сергей Александрович, причастность к ходынской трагедии легла тяжким бременем на совесть Бера. (И. Грачёва. «Черты давно поблекших лиц... Герои портретов В. А. Тропинина // «Наука и жизнь», 2008) [НКРЯ]. **b.** Марго повезло: она сразу же нашла бывшую любовницу поэта, *которой он столько попортил крови, что та обрадовалась интересу прокуратуры к его персоне и охотно выкладывала все, что о нем знала*. (Наль Подольский. Книга Легиона // «Октябрь», 2001) [НКРЯ]. **c.** В любом случае у героя ленты «Мамины дети» нет времени на сравнения: *его эксблаговерная [sic] (в исполнении Джейми Ли Кертис) решила попортить крови и ему, и их детям*. (Алексей Мокроусов. Слово Ларисе Миллер // «Домовой», 2002.08.04) [НКРЯ].

Аналогичную метафору и такую же параметризацию интенсивности действия мы видим и в других устойчивых словосочетаниях, таких как *отравлять кровь* (15).

15. Мало того что это занятие увлекательно, оно еще и в высшей степени полезно для психического здоровья, ибо разного рода гражданские треволнения, включая падение курса рубля, приобретают характер как бы марсианский и уже не так отравляют кровь. (Вячеслав Пьецух. Деревенские дневники // «Октябрь», 2001) [НКРЯ].

«СИДЕТЬ В ПЕЧЕНКАХ что, кто у кого. Надоедать до крайности. О том, что вызывает злость, постоянно раздражает (говорится с неодобрением). Неформ. *Что* — состояние дел, чьи-л. действия, просьбы, жалобы и т. п.; *кто* — лицо, у кого — у лица • Именная часть неизм. Нет буд. вр. • Порядок слов нефиксир.» [СОВРЯ: 100—101].

В данном случае раздражение и злость постоянно вызываются кем-либо или чем-либо, при этом причина и характер этого раздражения могут быть указаны конкретно (16a, b, c), а могут лишь подразумеваться (16d). Как можно заметить, *в печенках сидеть* может не только человек (16a) или действие — задавание вопросов (16b), но и пассивное наблюдение за другими (16c). Главным во фразеологическом значении идиомы является то, что она описывает и эмоциональное состояние, и отношение экспериенцера к источнику этого состояния.

16. а. — Рыл восемнадцать наберется. Они у меня, подлецы, в печенках сидят. Не только там пшеницу или рожь, даже овес выскребли из сусеков. По миру, христопродавцы, пустили. (А. И. Алдан-Семенов. Красные и белые (1966-1973)) [НКРЯ]. б. Конечно, флейма там много, и там очень не любят новичков, которые задают вопросы, уже сидящие у всех в печенках вместо того, чтобы почитать ответ на этот вопрос, уже 10 раз написанный страницей ниже. (Выбор цифрового фотоаппарата (2007-2008) [НКРЯ]. с. У меня уже в печенках сидит — смотреть, как люди мучаются. (Вацлав Михальский. Река времен. Ave Maria // Октябрь, 2010) [НКРЯ].

В то же время, если в позиции субъекта оказывается эмоция, то идиома меняет свое значение: *страх у нее всю жизнь в печенках сидит* (17a) — это локализация страха в органе, понимаемом как средоточие чувств, ср. [Урысон 1994, 1995, 1996]. В примере (17b) *печенки* становятся местом локализации разума (*аналитическая жилка*, т.е. аналитические способности).

17. а. Она только испугается до смерти. Ведь этот подлый страх у неё всю жизнь в печёнках сидит, хоть она и чурка, а видит же — был человек, и ау! Сгорел, и дыма не пошло! (Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 4 (1978)) [НКРЯ]. б. Еще одна «фишка» Буланова — страсть к цифрам и показателям, причем далеко выходящим за стены родного банка. *Все-таки аналитическая жилка сидит у него в печенках* — недаром и докторская диссертация уже на финишной прямой. (Александр Ивантер. Осторожный Шерлок Холмс // «Эксперт», 2014) [НКРЯ].

Заключение

В данной главе были рассмотрены эмотивные идиомы с компонентами-соматизмами на материале разных (славянских, германских и кельтских) языков. В целом, идиомы с компонентами *волосы* и *глаза* демонстрируют единство как во фразеологическом значении и образной составляющей, так и в особенностях употребления и лексико-грамматических изменений. Это проявляется, например, в том, что превалирующим способом образования каузативных пар оказывается аналитический: волосы стоят дыбом — заставить волосы стоять дыбом.

Идиомы с компонентами-соматизмами обозначают и сам процесс эмоционального воздействия, и его результат (в том числе эмоции-состояния и эмоции-отношения). На это указывают и фразеологические значения таких идиом, и их pragmatika: ср. особые дискурсивные приметы в словарных статьях таксонов «Чувства-состояния» и «Чувства-отношения» в [СОВРЯ] (например, «говорится с неодобрением»). Такое соединение процесса, результата, эмоции-состояния и эмоции-отношения характерно для идиом, описывающих как положительное, так и отрицательное воздействие.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ
ЭВФЕМИЗАЦИЯ КАК РЕЧЕВАЯ СТРАТЕГИЯ СДЕРЖИВАНИЯ
ЭМОЦИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКИХ И РУССКИХ
ЭВФЕМИЗМОВ НА ТЕМЫ СМЕРТИ И РОЖДЕНИЯ)¹

O. C. Орлова

Введение. Эвфемизмы в языке и коммуникации

Эвфемизмы — известные с древнейших времён, особые знаки языка и культуры, изначально возникшие на почве табу и древних суеверий. За время своего существования эвфемизмы прошли долгий путь от переименований по запрету до «слов или выражений, употребляемых взамен других, которые по каким-либо причинам неудобно или нежелательно произнести» [Евгеньева 1988: 746]. Ср.: устар. эвф., появившиеся на почве табу, *он* вместо «Бог» или «дьявол», *она* вместо «болезнь», «смерть», *священный зверь, старик, лесник* вместо «медведь» и соврем. эвф. *в возрасте* вместо «старый», *не очень* вместо «плохой», *наивный* вместо «глупый» и др.

Эвфемизмы в течение многих лет являются объектом исследования в лингвистике и рассматриваются в рамках различных подходов. Так, исследование эвфемизмов активно ведётся в рамках историко-этимологического ([Булаховский 1954; Ларин 1977; Реформатский 1996 и др.]), функционально-стилистического ([Ахманова 1969; Москвин 2007 др.]), структурно-семантического ([Крысин 1994; Сеничкина 2012 и др.]), дискурсивного ([Шейгал 1997 и др.]), коммуникативно-функционального ([Дегтярёва, Осадчий 2012; Ковшова 2007, 2019 и др.]), когнитивного ([Алексикова 2009, 2010; Болдырев 2009; Порохницкая 2018 и др.]) и когнитивно-лингвокультурологического подходов ([Орлова 2019а]).

Исследование эвфемизмов в рамках каждого из подходов опирается на приущее данному подходу понимание сущности эвфемизма. В русле различных подходов формулируются и различные определения эвфемизма. Так, эвфемизмы рассматриваются как «тропы, состоящие в непрямом, прикрытом, вежливом, смягчающем обозначении какого-либо предмета или явления» [Ахманова 1969: 521]; «заменные, разрешённые слова, которые употребляют вместо запрещённых, табуированных» [Реформатский 1996: 56]; «смягчённые слова и выражения» [Сеничкина 2012: 3]; «языковые единицы, которые используются в качестве более приемлемых альтернатив вместо других языковых единиц, которые по причинам этики, морали и т. д., могут считаться неуместными в данной pragmaticальной ситуации» [Порохницкая 2018: 43-44]; «разрешённые слова и выражения, которые употребляются вместо тех, которые запрещены или ограничены в употреблении этикетными, этическими, правовыми, идеологическими нормами и обычаями, принятыми в данном культурно-языковом

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант № 18-012-00736а) в Институте языкознания РАН.

сообществе» [Ковшова 2019: 36]; «The forms of words which (due to different reasons) express ideas in a relaxed or veiled or more suitable form»² [Lawrence 1973: 81]; «Mild, agreeable, or roundabout words used in place of coarse, painful, or offensive ones»³ [Rawson 1981: 1]; «words or phrases used as an alternative to a dispreferred expression»⁴ [Allan, Burridge 2006: 32] и др.

На сегодняшний день в науке о языке существует множество определений эвфемизма, сформулированных с позиций различных направлений исследования, и в каждом проявляются аспекты, значимые в рамках данного подхода в исследовании эвфемизмов.

Эвфемизмы представляют собой слова и выражения, заменяющие другие слова и выражения, которые по тем или иным причинам представляются адресанту менее предпочтительными в данной ситуации. Различные определения эвфемизма отражают наиболее важные черты эвфемизмов как знаков языка и культуры. Так, в большинстве определений эвфемизма указывается на их способность смягчать высказывание, а также вуалировать или маскировать ту его часть, которая может вызвать у собеседника «коммуникативный дискомфорт» [Крысин 1994] и «привести к коммуникативной неудаче» [Ковшова 2019: 36]. Ср.: «К эвфемизмам — смягчающим словам и сочетаниям слов говорящий прибегает всякий раз, когда предполагает, что тема разговора может обидеть, вызвать неловкость или смущение собеседника» [Иванян, Кудлинская, Никитина 2012: 6]; «Эвфемия представляет собой использование словесных зашифровок с целью смягчить, завуалировать, изящно «упаковать» предмет сообщения, оставив всё-таки возможность любому носителю языка догадаться, о чём идет речь» [Москвин 2001: 60].

Наиболее распространённое в лингвистике, традиционное определение эвфемизма, согласно которому эвфемизмы понимаются как «эмоционально нейтральные слова или выражения, употребляемые вместо синонимичных им слов или выражений, представляющих говорящему неприличными, грубыми или нетактичными» [Арапова 1990], подчёркивает связь употребления эвфемизмов с эмоциональной окраской высказывания. В приведённом определении указывается на особое свойство эвфемизмов, заключающееся в способности использоваться для сдерживания эмоций участников общения. Так, эвфемизмы часто употребляются как замена эмоционально-окрашенных слов и выражений, которые нежелательно употребить в данной ситуации, и таким образом снижают эмоциональность высказывания. Ср.: *не самый новый* вместо «допотопный», *запах* вместо «вонь», *пьющий* вместо «алкаш» и др.

² Слова, которые по различным причинам употребляются для выражения мыслей в смягчённой, вуалирующей или более подходящей форме — перевод наш.

³ Мягкие, приемлемые слова или иносказания, употребляющиеся вместо грубых, неприятных или оскорбительных слов — перевод наш.

⁴ Слова или выражения, употребляющиеся как замены неуместных в данной ситуации слов и выражений — перевод наш.

В настоящее время в качестве эвфемизмов используются не только эмоционально нейтральные слова и выражения. Примеры эвфемизмов, зафиксированные в словарях эвфемизмов русского и английского языков, показывают, что слова и выражения с яркой эмоционально-экспрессивной окраской также могут употребляться как эвфемистические замены менее приемлемых в данной ситуации слов и выражений. Ср.: *толстушка, полненькая* вместо «толстая» [Ковшова 2007: 284]; *на кой (какой) шут!* вместо «на кой (какой) чёрт!» [Сеничкина 2008: 202]; *to fool (about with / around with)* вместо «to have a promiscuous relationship with» [Holder 2008: 184]; *Whatchamacallit* «(фонет. искаж. what you may call it) — вместо прямого обозначения порицаемого или запретного к произнесению лица, предмета, признака, места и т.п.» [Иванян, Кудлинская, Никитина 2012: 317] и др. Нередко в качестве эвфемизмов используются фразеологизмы, которые по своей природе экспрессивны. Ср.: рус. *устар. последние дни дохаживает* вместо «скоро родит», *уснуть вечным сном* вместо «умереть»; англ. *to have a pea in the pod* вместо «to be pregnant», *to lay down one's knife and fork* вместо «to die».

Употребление того или иного слова или выражения как эвфемизма зависит от сложившейся коммуникативной ситуации и во многом обусловлено фактором адресата. «Эвфемизм диалогичен: он направлен на собеседника и осуществляется исходя из этой направленности» [Ковшова 2019: 36]. Так, при разных условиях, в общении с различными людьми одно и то же слово или выражение, употребляющееся в одном и том же значении, независимо от его эмоциональной окраски, может употребляться как эвфемизм или восприниматься собеседником как вульгарная речь. Ср.: примеры употребления фразеологизма *to have a bun in the oven* в значении ‘быть беременной’ в качестве эвфемизма и в контексте вульгарной речи: “*You just never talk about having kids, I was beginning to think you didn't want any*”. “*I don't, at least not until I find a husband first! I am taking baby steps. Move out, settle down, then have a bun in the oven*” [Edwards 2011: 58]; “*She didn't even have the balls to face me and tell me what was going on. Fucking Bitch. I guessed that while I was at college, the guy forgot to put a rubber on and now the woman I once loved had a bun in the oven*” [Barrows 2011: 22]. Выражение *a bun in the oven* распространено в современном английском языке как эвфемизм, употребляющийся вместо прямого именования беременности («*pregnancy*») [Holder 2008: 108]. Однако значение отдельных его компонентов на сленге имеет прямую связь с именованием репродуктивных органов человека [urbandictionary.com], что делает его употребление в общении с собеседником, который видит упомянутую связь, неэвфемистическим.

Эвфемия представляет собой смягчение речи, а дисфемия – её огрубление [Саакян 2010: 57]. В зависимости от условий употребления и с учётом особенностей адресата то или иное слово или выражение может быть охарактеризовано и как эвфемизм, и как его противоположность — дисфемизм

(или какофемизм [Гальперин 1958: 165]). Так, выражение *weaker half* (рус. *слабая половина*), употребляющееся в современном английском языке вместо «females», в словаре эвфемизмов английского языка R. W. Holder зафиксировано и как эвфемизм, и как дисфемизм [Holder 2008: 401]. Употребление *weaker half* в мужском или женском обществе традиционных взглядов воспринимается как эвфемизм, а в контексте общения с убеждёнными феминистками расценивается как дисфемизм. Ср. «<...> what is a euphemism “is in the eye/ear of the beholder” and cannot strictly speaking be objectively verified <...>»⁵ [Warren 1992]. При определении эвфемизма также важно учитывать, что именно адресант хочет смягчить, завуалировать. Так, слово *толстенький* может употребляться как эвфемизм по отношению к слову *толстый*, но может быть воспринято как дисфемизм по отношению к словосочетанию *в теле*; *heavy-built* может употребляться как эвфемизм по отношению к слову *fat*, но воспринимается как дисфемизм по отношению к слову *well-built*. Ср. тж.: «<...> politeness is wedded to context, place and time»⁶ [Allan, Burridge 2006: 30].

Эмоционально-экспрессивная окраска не влияет на способность лексических и фразеологических единиц употребляться в качестве эвфемизмов. Исключение составляет нецензурная лексика, а также слова и выражения, которые за время своего существования приобрели ярко выраженные отрицательные коннотации, и потому не могут использоваться как эвфемизмы. Ср.: рус. осуждающее *пузо на нос лезет* вместо «беременна»; англ. *black man* в значении ‘чернокожий’. При этом, независимо от своей эмоционально-экспрессивной окраски, эвфемизмы оказывают влияние на эмоции адресата. Употребление эвфемизмов призвано, исходя из особенностей адресата и сложившейся ситуации, смягчить сказанное, так завуалировать негативное, чтобы не задеть, не оскорбить, не обидеть, не расстроить собеседника. Необходимость употребления эвфемизмов часто вызвана стремлением избежать отрицательных эмоций у собеседника. Таким образом, употребление эвфемизмов может быть использовано для сдерживания эмоций адресата.

Традиционно выделяется круг тем, при обсуждении которых редко удается избежать употребления эвфемизмов, поскольку использование прямых именований при затрагивании данных тем может задеть чувства собеседника и вызвать у него отрицательные эмоции. К таким темам относятся, прежде всего, тема здоровья, беременности и рождения, смерти и похорон, вопросы, касающиеся взаимоотношений между людьми, интимных отношений и брака, анатомии и физиологии человека, внешности, характера, возраста, умственных способностей и уровня образования, (не)профессионализма, благосостояния, а также различных особенностей функционирования человеческого организма и вызванных разного рода обстоятельствами состояний. К этому списку в

⁵ Каждый сам определяет, что для него является эвфемизмом, а получить объективное подтверждение тому, так ли это, строго говоря, невозможно — перевод наш.

⁶ Что считать вежливым, зависит от ситуации, места и времени — перевод наш.

современном обществе также добавляются темы религии, идеологии, политики, войн и международных конфликтов, экологической обстановки, половой, расовой и национально-культурной принадлежности, вопросы, связанные со сферой бизнеса, экономики и финансов, а также с законодательной и правовой сферой.

Перечень тем, обсуждение которых предполагает употребление эвфемизмов, этим не исчерпывается, и с течением времени, вероятно, будет пополняться. В зависимости от того, какие проблемы волнуют общество на данном этапе его развития, необходимость употребления эвфемизмов в рамках той или иной темы может расти или снижаться, как и количество новых эвфемизмов, возникающих в языке на данную тему. Так, в конце XX века — начале XXI века в англоязычной культуре большой резонанс вызывали вопросы политической корректности, что повлекло за собой создание и употребление большого числа эвфемизмов на темы, которые тем или иным образом связаны с дискриминацией по различным признакам. Ср.: *Native Americans* вместо «*Red Indians*», *chairperson* вместо «*chairman*», *differently-abled* вместо «*invalid*», *economically disadvantaged* вместо «*роог*» и др. С течением времени, однако, сторонники политической корректности и обилия в языке политкорректных эвфемизмов подверглись критике по различным основаниям, и тенденция к употреблению политкорректных эвфемизмов стала развиваться менее активно. Часть политкорректных эвфемизмов закрепилась в языке и продолжает употребляться сторонниками политической корректности. Ср.: *African American / Afro-American* вместо «*black Americans*», *businessperson* вместо «*businessman / businesswoman*», *flight attendant* вместо «*steward / stewardess*», *modern languages* вместо «*foreign languages*» и др. Однако многие политкорректные эвфемизмы, возникшие в конце 90-х - начале 2000-ых, практически вышли из употребления. Ср.: *differently interesting* вместо «*boring*», *uniquely coordinated* вместо «*clumsy*», *chronologically gifted* вместо «*old*», *alternatively schooled* вместо «*uneducated, illiterate*» и др. Сторонники политической корректности есть и в русскоязычной культуре. В современной русской речи политических, общественных деятелей, официальных лиц, а также в средствах массовой информации и в объявлениях в общественных местах нередко можно встретить политкорректные эвфемизмы. Однако, они не так многочисленны, как в англоязычной культуре. Ср.: *женщины с пониженнной социальной ответственностью, маломобильные граждане, люди с ограниченными возможностями, граждане старшего возраста, клинер* (вместо «уборщик / уборщица»), *офис-менеджер* (вместо «секретарь») и др.

Затрагивание любой из указанных выше тем предполагает обсуждение деликатных вопросов, которые сопровождаются риском вызвать у коммуникантов отрицательные эмоции, и потому эти темы характеризуются употреблением эвфемизмов. Эвфемизмы как заменные слова и выражения, смягчающие и вуалирующие, служат оптимальным средством для нейтрализации негативных

вопросов и нацелены на уменьшение негативности, семантическое перефокусирование, отчуждение негативного смысла от конкретного денотата [Орлова 2018а: 1396], сдерживание эмоций адресата. Ср.: предложения с эвфемизмами на различные темы и их варианты с прямыми именованиями вместо эвфемистических: «*Для женщины в возрасте или для обладательницы более солидной комплекции большие подойдут массивные выразительные кольца, серьги и броши с крупными кристаллами — они подчеркнут ее яркую красоту и элегантность*» [Livejournal.com] и «*Для старой или толстой женщины большие подойдут массивные выразительные кольца, серьги и броши с крупными кристаллами — они подчеркнут ее яркую внешность и элегантность*»; «*As a disabled person in New Zealand, what are your rights when you are using health and disability services?*» [Southernhealth.nz] и «*As an invalid in New Zealand, what are your rights when you are using health services and services for invalids?*»; «*Агент ритуальных услуг помогает родственникам оформить участок под захоронение или место для урны в колумбии*» [Мпцитуал.рф] и «*Распорядитель похорон помогает родственникам оформить участок под могилу или место для хранения пепла мертвеца в хранилище урн*»; «*In a new interview with People, the 40-year-old actress shares that she had to terminate her second pregnancy in 2018, which she discusses in the book*» [Click2houston.com] и «*In a new interview with People, the 40-year-old actress shares that she had to abort a fetus in 2018 when she was pregnant for the second time, which she discusses in the book*» и т.п. Приведённые примеры показывают, что неоднозначная оценочность, размытая референтность, семантическая диффузность эвфемизмов «уводят» номинацию от определённо-дискретного описания «неприятного» объекта — к неопределённо-целостному его описанию, что подменяет предмет речи и полностью нейтрализует негативную оценочность [Орлова 2018а: 1396], способствуя сдерживанию отрицательных эмоций адресата.

Способность эвфемизмов смягчать высказывание может быть реализована не только при обсуждении вопросов, затрагивание которых может спровоцировать у адресата отрицательные эмоции. Употребление эвфемизмов способствует сдерживанию любых сильных эмоций таких, например, как интерес и удивление. Так, готовясь сообщить будущему отцу новость о своей беременности, женщины часто обдумывают, как преподнести информацию так, чтобы он отреагировал не очень эмоционально. Подбирая подходящие слова, будущие матери нередко делают выбор в пользу эвфемизмов. Ср.: рус. *тянет на солёненькое, животик растёт не от пицы, в моём положении нельзя (нервничать, пить кофе, вино и т.д.)* и др.; англ. *to join the club, to be expecting, to be late* и др.

К языковым способам создания эвфемизмов относятся: подмена значения, создания значения неполноты признака или действия, сужение значения, расширение значения, использование заимствованной лексики (в т.ч. терминологической), создание аббревиатуры [Ковшова 2007: 48-51].

Сильные эмоции у коммуникантов способны вызвать темы смерти и рождения. Так, тема смерти в культуре осознаётся во взаимосвязи с различными эмоциями: переживание, горе, тоска, сострадание, страх, тревога, отчаянье, жажда и др. [Орлова 2019б: 135], а тема беременности и рождения, как правило, связана с такими эмоциями, как удивление, счастье, радость, волнение, страх, сомнение и др. Смерть и рождение, как никакие другие события в жизни человека, заставляют его испытать палитру самых разных чувств и эмоций. Такие значимые события, как появление человека на свет и уход из жизни, сопровождаются разного рода обстоятельствами, обсуждение которых, по причине их деликатности, вызывает необходимость употребления достаточно большого числа эвфемизмов.

Глава 1. Эвфемизация темы смерти

Эвфемизмы на тему смерти — одни из первых эвфемизмов, появившихся в языке. Тема смерти — самая тяжёлая и неприятная тема, которая всегда окружена отрицательными эмоциями. В древние времена человек воспринимал смерть как кару Божью, наказание за грехи или гибельное воздействие нечистой силы. Эмоциональная реакция человека на само явление смерти настолько сильна, что у народов, находящихся на ранней стадии развития, в сочетании с мифологическими верованиями порождала запрет на её именование [Орлова 2019б: 135]. Страх навлечь смерть на себя и своих близких становился причиной появления табу на прямое обозначение смерти и всего, что с ней связано. Табу понимается как «запрет на употребление тех или иных слов, выражений или собственных имён» [Леонтьев 1990]. Табуированию подлежало имя умершего человека, прямое обозначение смерти, названия болезней и др. пугающих объектов, явлений, событий. Запрет на прямое именование предполагает или умолчание, или употребление непрямых номинаций [Орлова 2019б: 135]. Так, в языке появились первые эвфемизмы на тему смерти, возникшие на почве табу. Ср.: рус. *она, косая, алчная коса, хладная коса, смертная коса, могильный сон, вечный сон* и др.; англ. *another state, the end of the road, eternal life, to pay nature's debt, to lay down your burden, to exchange this life for a better* и др.

С развитием общества необходимость в табу практически отпала, сохранившись в виде отдельных суеверий, а основными причинами появления и употребления эвфемизмов на тему смерти стали этикетные и морально-этические нормы. Ср.: рус. *лишиться жизни, покойный, место упокоения, найти последний приют* и др.; англ. *a negative patient care outcome, no longer with us, to relieve of your suffering, the deceased* и др.

В рамках темы смерти в культуре существуют понятия и реалии, прямое именование которых вызывает негативную эмоциональную реакцию у собеседников в процессе коммуникации. Для их именования, как правило, употребляются эвфемизмы. Непрямое именование можно считать основной тактикой для осуществления общей стратегии эвфемизации. Лексико-семантическую классификацию эвфемизмов на тему смерти можно представить следующим

образом:

- непрямые именования смерти (рус. летальный исход, сон, утрата, безнадежа; англ. *release, afterlife, the big D, the Grim Reaper*);
- непрямые именования различных причин смерти (рус. необратимые изменения в организме, серьёзный недуг, превратиться в пепел, уйти на дно; англ. *the big C, a long walk off a short pier, to drink milk*);
- непрямые именования насильственной смерти (рус. ликвидация, (физическое) устранение; англ. *neutralization, executive action*);
- непрямые номинации глаголов «умереть / умирать», «die» (рус. уйти в мир иной, уянуть / увядать, уснуть вечным сном; англ. *to fall asleep, to join the invisible choir, to go to another world*);
- непрямые номинации глаголов «убить / убивать», «kill / assassinate / murder» (рус. отнять жизнь,нейтрализовать, позаботиться о ком-либо; англ. *take the life of smb., deprive of life; to send a man «up Green River»*);
- непрямые именования убийцы (рус. исполнитель, преступник; англ. *finger-man, button (man)*);
- непрямые именования самоубийства (рус. наложить на себя руки, наделать глупостей; англ. *brief illness, to take your life, to withdraw from life*);
- непрямые именования умирающего (рус. на ладан дышит, одной ногой на том свете; англ. *not doing well, on one's last legs*);
- непрямые именования умершего (рус. покойный, усопший, почивший; англ. *the deceased, the departed, gathered to God*);
- непрямые именования гроба (рус. деревянный тулуп, деревянный бушлат, ящик; англ. *a pine overcoat, a casket, a wooden box*);
- непрямые именования могилы (рус. два метра, постель, место захоронения; англ. *an estate, a narrow bed, space*);
- непрямые именования кладбища (рус. место упокоения, последнее пристанище, последний приют; англ. *one's (last) home, a place of rest*);
- непрямые именования похорон (рус. прощание, проводы в последний путь; англ. *service, one's final journey, the journey beyond*);
- непрямые номинации глаголов «хоронить / похоронить», «burgy» (рус. проводить в последний путь, предать земле, отдать последний долг кому-либо; англ. *to lay to rest; to see someone to their final journey; to bid final farewell*);
- непрямые именования места, в котором, как принято считать, душа умершего оказывается после смерти (рус. по ту сторону, мир иной, лучший мир; англ. *the mansions of rest, a better land / place, the land of the heart's desire*);
- непрямые именования различных вещей, необходимых для организации похорон, погребения умершего, внешнего и внутреннего оформления могилы (рус. ритуальная одежда, ритуальный лифт, ритуальная лента; англ. *a slumber robe, a floral tribute, a monument*);
- непрямые именования, связанные с коммерческой сферой и услугами, которые предоставляются родственникам умершего (рус. специ управление бытого-

вого обслуживания, ритуальный агент; ритуальные услуги; англ. *a preparation room, a professional car, a vital statistics form*).

Часть возникших в культуре эвфемизмов на тему смерти закрепилась в языке как узуальные эвфемизмы, «которые не создаются всякий раз заново, а хранятся в памяти и воспроизводятся в виде готовой к использованию единицы» [Ковшова 2019: 36]. Ср.: рус. *отправиться к праотцам, проститься с жизнью, отдать Богу душу* и др.; англ. *to join the Great majority, to buy the farm, to shuffle off this mortal coil* и др. Несмотря на то, что узуальные эвфемизмы на тему смерти весьма многочисленны как в русском, так и в английском языке, на данную тему нередко создаются окказиональные эвфемизмы, которые «образуются в результате контекстно-речевой импровизации и могут иметь единичное употребление» [Там же: 36]. Ср.: рус. *новосёлы* и англ. *permanent residents*, восходящие к традиционным метафорам кладбище — поселение, могила — дом, покойные — жильцы, вместо «умершие / dead» в статьях интернет-изданий: «Кладбище — место, где с каждым годом становится все больше «новосёлов» и которое, как и крупные города, со временем исчерпывает лимит на количество прибывших» [Zviazda.by]; «*Some careless tourists have unwittingly become permanent residents — enough said. That's not to say you can't safely visit the cemeteries, just go in a group with a tour guide, during daylight hours*» [Itold.com].

Эвфемизмы на тему смерти как в русском, так и в английском языке, как правило, создаются посредством подмены значения (рус. *заснуть, под берёзами*, англ. *to leave, pushing up daisies*) и расширения значения (рус. *место упокоения, все там будем*; англ. *a professional car, a problem*). В отдельных примерах находим сужение значения (рус. *последние дни доживает*, англ. *to be in one's last days.*), использование заимствованной лексики (рус. *суицид, асфиксия*; англ. *auto-da-fé* вместо «*killing by burning*», *to be kaput*), создание значения неполноты признака или действия (рус. *неживой, много не надышит*; англ. *no longer alive, no longer counted in the census*) и создание аббревиатуры (рус. *МПЦ* (сокр. от многофункциональный похоронный центр); англ. *D.O.A.* (сокр. от *dead on arrival*); *D / the big D* (сокр. от *death*)).

В основе большинства эвфемизмов на тему смерти лежит метафора. Ср.: рус. *жизнь угасла, заснуть вечным сном, увядать*; англ. *to lay down the clay, asleep in the Arms of God, to turn up one's toes to the daisies* и др. В эвфемизмах на тему смерти соединяются когнитивная / концептуальная метафора как «когнитивный процесс, который выражает и формирует новые понятия и без которого невозможно получение нового знания» [Кубрякова, Демьянков, Панкрац, Лузина 1996: 55] и образная метафора как «скрытое образное сравнение, уподобление одного предмета, явления другому» [Ожегов, Шведова 2006: 353]. Так, в основе эвфемизмов *на закате дней* и *to hand in your dinner pail* лежит концептуальная метафора «смерть — конец», которая соединяется с образными представлениями жизни как длинного дня, начинающегося с рассветом и

оканчивающегося закатом, и жизни как обеда, трапезы, по окончании которой убирают со стола. Метафора пути, движения, перемещения, лежащая в основе эвфемизмов собираться *на гору* и *pass over the river*, воплощается в образах похода на гору и путешествия по реке.

К основным метафорам, образующим эвфемизмы на тему смерти, относятся метафоры «смерть – человек» и «смерть – демон» (рус. *Загиб Иваныч (Петров), Иван Гробов, смерть с косой*; англ. *the Grim Reaper*); метафора пути, движения, перемещения (рус. *проводить в последний путь, уйти к праотцам*; англ. *to go to another world; to shuffle off this mortal coil*); метафора сна, отдыха, покоя (рус. *вечный сон, вечный покой, холодная постель; asleep in the arms of Jesus, a place of rest, one's narrow bed*); метафора конца (рус. *кончен бал, конец игры*; англ. *the end of ball, to hand in your dinner pail*); метафора исчезновения, похищения (рус. *Бог прибрал, леший забрал*; англ. *the God has taken smb.*); пространственная метафора (рус. *по ту сторону, мир иной; another world, another side, space*); метафора потери / обретения (рус. *потерять близкого человека*; англ. *to lose someone / рус.: обрести покой*, англ. *to buy the farm*); метафора встречи / расставания (рус. *писать к родителям о скорой встрече, готовиться предстать перед Богом*; англ. *to meet the Prophet, to meet your Maker / рус. расстаться или проститься с жизнью, отгостить*; англ. *to leave smb., to leave the building*); брачная метафора (рус. *осинку сосватать, Ванька Ёлкин посватался*, англ. *united вместо «dead», to join the invisible choir*); костюмная метафора (рус. *деревянный тулуп, одеться деревянным бушлатом*; англ. *a pine overcoat, put on the wooden overcoat; in concrete shoes —‘murdered and hidden’*); метафора контейнера (рус. *сыграть в ящик*; англ. *in a wooden box*); метафора жилища (рус. *квартира, последний приют*; англ. *an estate, one's last home*). И для русскоязычной, и для англоязычной культуры характерно представление смерти в эвфемизмах как «отделение души от тела» (рус. *отдал Богу душу, испустил дух, дух вон*; англ. *to give up the ghost (or breath or soul or spirit)* [Орлова 2020: 68].

Концептуальная метафора в эвфемизмах может выражаться с помощью метонимии. Так, в основе эвфемизма *сосватать осинку* лежит концептуальная метафора «смерть — брак», а в основе эвфемизма *pine overcoat* — концептуальная метафора «смерть-костюм», соединяющиеся с представлением по метонимии гроба как осинки (рус.) / сосны (англ.), которое осуществляется на основании переноса названия материала на изделие. По метонимии смерть описывается в присущем этому событию природном, акциональном и артефактивном «контекстах» [там же]. Из рассказов и непосредственного наблюдения за погребальным обрядом известно, что явление смерти связано с гробом, могилой, кладбищем, землёй. Ср.: рус. *одной ногой в могиле, в гроб глядеть, землёй пахнет*; англ. *to have one foot in the grave, six feet under; to bite the dust / the ground / the sand*. В этот контекст вплетаются образы растительного мира. Ср.: рус. *лечь под берёзки, в рощу пойти*; англ. *to push up the daisies* [там же].

В иносказательном обозначении смерти отражаются реалии погребального обряда (рус. *лечь под образа, руки сложить*) и телесные знаки (рус. *протянуть ноги*; англ. *to turn up your toes, to go home feet first*) [там же].

Глава 2. Эвфемизация темы рождения

Тема рождения одна из наиболее радостных и при этом деликатных тем во всех культурах мира. Беременность и появление человека на свет сопряжено с целой гаммой различных эмоций, начиная от положительных эмоций таких, как счастье и радость, заканчивая отрицательными эмоциями такими, как страх и сомнение. Рождение ребёнка, как правило, приносит счастье, однако беременность и роды сопровождаются различными трудностями, переживая которые приходится справляться с отрицательными эмоциями. Затрагивание такой эмоциональной темы, как беременность и рождение человека, с древних времён и по настоящее время не обходится без употребления эвфемизмов.

На ранней стадии развития народов тема рождения воспринималась как пугающая, а рождение ребёнка было окружено различными суевериями и сопровождалось многочисленными обрядами и ритуалами [Орлова 2018б: 362]. Так, например, у древних славян во время родов повитуха, чтобы облегчить процесс, могла заставить будущую мать «пролезать через забор, переступать через 1, 3 или 9 порогов, трижды переходить через улицу, перекрёсток, между, посыпать порог солью, перешагивать через лежащий на полу или на земле символически значимый предмет, как то: хлебную лопату, верёвку, ниты, мужнюю одежду, пояс, которым перевязывали дежу в Чистый четверг, и т.п.» [Кабакова 2009: 451], а «по окончании родов повитуха произносит заговор, чтобы вернуть тело матери в исходное состояние, а также защитить её и младенца от болезней» [Там же: 452]. Беременность и прохождение родов старались скрыть от посторонних людей, так как считалось, что «женщина будет мучиться столько часов или у неё будет столько схваток, сколько человек знает про это событие» [Там же: 450]. У славянских народов и в англоязычной культуре было принято для облегчения мук роженицы открывать двери и окна, развязывать узлы, читать особые молитвы и т. д. Во время беременности и после родов женщины сталкивались с различными ограничениями и запретами. Например, в отдельных регионах у древних славян в течение сорока дней до и после родов женщины в силу суеверий запрещалось заниматься домашними делами, месить хлеб, накрывать на стол, ткать, шить, прядь, разводить огонь, мести пол, доить корову, кормить животных и т.п. [Там же: 461]. Народные суеверия нашли отражение и в языке. Помимо запретов на определённые действия, существовали запреты на произнесение некоторых слов, употребляющихся при затрагивании темы беременности и родов, чтобы нечистая сила не услышала и не навредила матери и ребёнку [Орлова 2018б: 362]. Для замены табуированных слов и выражений в языке появились первые эвфемизмы на тему беременности и рождения. Ср.: рус. *непраздная, занятая, тяжёлая, на сносях*; англ. *great, great with child, great-bellied, lined, on her way* вместо «беременна / pregnant».

С течением времени народные суеверия, окружающие тему беременности и рождения, хоть и не исчезли полностью, но заметно утратили свою силу, и табу практически перестало быть причиной употребления эвфемизмов на данную тему. В современном мире в основе употребления эвфемизмов на тему рождения, как правило, лежит стремление проявить деликатность и/или сдержать сильную эмоциональную реакцию адресата на то или иное сообщение. Ср.: «*Например, продавцу-консультанту, который проводит весь день на ногах, или женщине, которая занимается на работе физическим трудом, будет сложно выполнять свои обязанности в полном объеме, находясь в положении. Что делать тогда?*» [Keemiaa.eu]; «*If you've already told your partner you're expecting — how did you do it?*» [Itzyritz.com].

Тема беременности и рождения предполагает широкий спектр эвфемизаций. Эвфемизмы на данную тему включают:

- непрямые именования зачатия ребёнка (рус. *сделать ребёнка*, *ПА*; англ. *a connection, an intercourse, BD* (сокр. от *baby dance*));
- непрямые именования, связанные с (не)возможностью забеременеть (рус. *фертильный, проблемы с зачатием*; англ. *in season, ready for* (вместо «able to conceive»));
- непрямые именования беременности (рус. *интересное / такое положение, Б, две полоски, запузчивание*; англ. *an interesting condition / situation / state, a bun in the oven, a pea in the pod*);
- непрямые именования нежелательной беременности (рус. *случайность, проблема*; англ. *an accident, a mistake*);
- непрямые именования беременной женщины (рус. *будущая мать, в (интересном / таком) положении, ждёт ребёнка, тянет на солёнько, скоро мама, устар. в тягости, на сносях*; англ. *an expectant mother, a lady-in-waiting, with child, eating for two, expecting, устар. heavy of foot, wearing the apron high, wearing the bustle wrong*);
- непрямые номинация глагола «забеременеть» и выражения «*become / get pregnant*» (рус. *молодёжн. ополосатиться, устар. отяжелеть, затяжелеть*; англ. *to fall in the family way, to join the club*);
- непрямые именования различных состояний и физиологических особенностей женского организма до и во время беременности (рус. *O* (вместо «овуляция»)), англ. *MS or M/S* (вместо «*morning sickness*»), *O* (вместо «*ovulation*»));
- непрямые именования плода в женской утробе (рус. *ребёнок, бэбик, пузёныши, семечко*; англ. *LO / a little one, a baby, an unborn baby*);
- непрямые именования процесса родов (рус. *устар. в труде, в трудах*; англ. *to be in travail, to lie in*);
- непрямые именования рождения ребёнка (рус. *радостное событие, прибавление в семействе, пополнение*; устар. *в Москву, в Ригу съездила* (вместо «*родила ребёнка*»), *под лавку съездила* (вместо «*родила девочку*»); англ. *a happy event, a blessed event, a little bundle from heaven*);

- непрямые номинации, употребляющиеся, чтобы иносказательно объяснить ребёнку его происхождение (рус. *в капусте нашли, аист принёс, купли в магазине, скачали в интернете*; англ. *to find a baby in a cabbage patch, the stork brought the baby home, to download a baby*, устар. *to find a baby in a parsley bed* (о девочке), *to find a baby under the gooseberry bush* (о мальчике));
- непрямые именования медицинских процедур и операций, связанных с беременностью и появлением ребёнка на свет (рус. *КС* (вместо «кесарево сечение»), *не сама рожала*; англ. *CS* (вместо «cesarean section»));
- непрямые именования медицинских учреждений и врачей, наблюдающих беременных и молодых матерей (рус. *Г* (вместо «врач-гинеколог»), *ЖК* (вместо «женская консультация»), *РД* (вместо «родильный дом»); англ. *Ob* (вместо «obstetrician»), *ob-gyn* (вместо «obstetrician-gynecologist»);
- непрямые именования роженицы (англ. *brought to bed*, устар. *a lady-in-the-straw*);
- непрямые именования новорожденного (рус. *маленький, мамино / папино счастье, он/она*; англ. *a bundle from heaven, a bundle of joy*);
- непрямые именования ребёнка, рождённого вне брака (рус. *случайный ребёнок, дитя любви*; англ. *born on the wrong side of the blanket, a love child, a midnight baby*);
- непрямые именования родителей-одиночек, воспитывающих детей вне брака (рус. *одинокая мать, родила для себя, молодёжн. самомама, самопана*; англ. *a single mother / father; a single parent*);
- непрямые именования, связанные с недобросовестным выполнением / неисполнением родительских обязанностей (рус. *биологические родители, отдать ребёнка на воспитание*; англ. *natural parents, leave a child*);
- непрямые именования, связанные с уходом за новорожденным (рус. *ГВ* (вместо «грудное вскармливание»), *ИВ* (вместо «искусственное вскармливание»), *кормить* (вместо «кормить грудью»), *переодеть ребёнка* (вместо «поменять подгузник»); англ. *BF* (вместо «breastfeed»), *AF* (вместо «artificial breastfeeding»), *to feed, to nurse* (вместо «to suckle»), *to change* (вместо «to change a diaper»)).

Несмотря на то, что в рамках темы беременности и рождения существует большое число непрямых именований, эвфемизмы на тему рождения не так многочисленны в языке, как эвфемизмы на тему смерти. Это связано с тем, что употребление эвфемизмов направлено на сдерживание отрицательных эмоций адресата чаще, чем на сдерживание проявления других эмоций. Поскольку затрагивание темы беременности и рождения, несомненно, реже вызывает у коммуникантов отрицательные эмоции, чем затрагивание темы смерти, то и характеризуется употреблением меньшего числа эвфемизмов. Эвфемизмы на тему рождения, в отличие, например, от большинства эвфемизмов на тему смерти, возникают не столько с целью смягчения речи и сдерживания отрицательных эмоций собеседника, сколько с целью выуалирования существа дела

в попытке контроля над его эмоциональным состоянием. Ср.: как объяснить ребёнку, откуда берутся дети: «У мамы в животе появляется семечко, из которого начинает расти ребенок» [Pravmir.ru]; «Mommy goes to the hospital and the doctor helps bring the baby out of mommy's tummy» [7yearolds.com].

Непрямые именования на тему рождения представлены в языке как узуальными, так и окказиональными эвфемизмами. Ср.: рус. узуальный эвфемизм *нашли в капусте* и окказиональный *нашли под грибом*: «*O том, что его нашли в капусте, слышал едва ли не каждый второй ребенок*» [Povarenok.ru]; «*Мама всегда говорила, что нашла меня под грибом. У нее просто первые схватки начались в лесу, они по грибы пошли с папой, благо не далеко от города!!!!*» [Там же]. Ср. тж.: англ. узуальный эвфемизм *the stork brings babies* и окказиональный эвфемизм *to build a baby out of playdoh*: «- *Everybody knows that the stork brings the baby. - Who-who told you that? - My daddy*» [Multimedia-english.com]; «*I told my kids that I built them out of playdoh.... They believed this for many years*» [Cafemom.com]. Поскольку вопрос ребёнка «Откуда берутся дети?» практически всегда застаёт родителей врасплох, окказиональные эвфемизмы, возникающие при ответе на этот вопрос, наиболее многочисленны. Ср. тж.: рус. *сделали на заводе, принесли почтальоны, принёс олень*; англ. *found under a rock, picked out in the back section of the super market, hatched out of gumbo mud* и др.

Эвфемизмы на тему беременности и рождения русскоязычной и англоязычной культуры, как правило, создаются с помощью подмены значения. Ср.: рус. *мама проглотила розовую / синенькую таблеточку, дед Мороз нам под ёлочку тебя положил*; англ. *to have a watermelon on the vine, found at a yard sale half price*. При создании эвфемизмов на тему рождения, нацеленных на сдерживание отрицательных эмоций адресата, преобладает такой способ образования, как расширение значения. Ср.: рус. *переодеть* вместо «сменить подгузник», *проблема* вместо «нежелательная беременность»; англ. *accident* вместо «*unplanned pregnancy, single mother* вместо «*unmarried / lone mother*». В отдельных примерах эвфемизмов на тему беременности и рождения находим сужение значения и создание неполноты признака / действия / состояния. Ср.: рус. *биологические родители* вместо «родители»; англ. *one-parent family* вместо «*incomplete family*»; рус. *ещё не было на свете* вместо «*ещё не родился*»; англ. устар. *irregularity* вместо «*unplanned pregnancy*». Наименьшее число эвфемизмов на тему беременности и рождения образовано посредством использования заимствованной лексики. Ср.: рус. *бэбики* вместо «плод / новорожденный», англ. *enceinte* вместо «*pregnant*». Весьма многочисленны среди эвфемизмов на тему рождения эвфемизмы-аббревиатуры. Ср.: рус. *Б, заб* (вместо «забеременеть»), *РД, ГВ, ИВ, ПЗ* (сокр. от «попытка зачать / забеременеть»); англ. *BFN* (сокр. от *big fat negative* — об отрицательном тесте на беременность при её планировании), *BFP* (сокр. от *big fat positive* — о положительном тесте на беременность); *PG* (*pregnancy*), *TTС* (сокр. от *trying to conceive*) и др. Создание аббревиатуры как способ образования эвфемизмов на тему беременности

и рождения распространён в сетевой коммуникации беременных и молодых мам. Благодаря существованию многочисленных интернет-сообществ, форумов и групп в социальных сетях, посвящённых беременности и материнству, обсуждение женских проблем и забот, активно ведётся в сети интернет. Для быстроты коммуникации пользователи, как известно, часто прибегают к сокращению слов и выражений в процессе общения в сети. Это находит своё отражение в возникновении общепринятых в данном интернет-сообществе сокращений, понятных постоянным пользователям. Так, за последние годы в интернет-коммуникации беременных и молодых мам появилось большое число аббревиатур, значение которых не всегда понятно обычным пользователям сети интернет. Аббревиатуры являются подходящим материалом для смягчения и вуалирования, благодаря чему нередко употребляются в качестве эвфемизмов. Ср.: «*Мы такие разные, но всё-таки мы кормим: монологи матерей об опыте, ГВ, ИВ и СВ*» [N-e-n.ru]; «*How to handle a BFN if you are trying to get pregnant?*» [Parents.com]; «*Real parents discuss the highs and lows of TTC, so you feel less alone*» [Там же].

В основе большинства эвфемизмов на тему беременности и рождения, как и в основе большинства эвфемизмов на тему смерти, лежит метафора. В эвфемизмах на тему рождения, как и в эвфемизмах на тему смерти, концептуальная / когнитивная метафора соединяется с метафорой образной. Так, в основе эвфемизмов *Божий дар, купили в магазине, скачали в интернете, нашли в капусте, принёс почтальон, a gift from God, came from a CPK factory in Toronto, came from the sky in a basket, was downloaded, handed over by the maid at the parents' doorstep, found in the cabbage patch* лежит метафора «рождение ребёнка — обретение нового», представленная с помощью различных сакральных и обыденных образов. Ребёнок в эвфемизмах уподобляется посланцу Бога / небес, дару, подарку, покупке, посылке, находке, фабричному изделию, результату манипуляций в сети интернет и др. В основе эвфемизмов, употребляющихся для непрямого именования беременности в англоязычной культуре, нередко лежит концептуальная метафора «беременная женщина — контейнер», которая может быть представлена с помощью фитоморфных, зооморфных, пищевых и др. образов. Ср.: *a bun in the oven, a pea in the pod, a bat in the cave* и др.

Основными метафорами, образующими эвфемизмы на тему беременности и рождения, являются метафора ноши, тяжести (рус. *носит, устар. в тягости быть, тяжела, на сносях, разрешиться от бремени*; англ. *to carry, to bear, to carry a child*); метафора ожидания (рус. *ждать ребёнка, мы ждём аиста, ждёт мальчика / девочку*; англ. *to be expecting, anticipating, a lady-in-waiting*); метафора контейнера (англ. *to have a bun in the oven, to have a pea in the pod, to have a bacon in the drawer*); метафора роста, которая, как правило, воплощается в образах растительного мира (рус. *появиться из зёрнышка*; англ. *to have a watermelon on the vine*); костюмная метафора (рус. *устар., шутл. обручи слетели (спали)* — о закончившихся родах; англ. *устар. to wear your apron high*,

to wear your bustle wrong в значении ‘быть беременной’); метафора союза (рус. коллеги (беременные друг о друге), англ. *to join the club, to be in the (plum) pudding club*); метафора работы, труда (рус. *сделать ребёнка*, устар. *в труде, в трудах* вместо «рожает»; англ. *to make babies; in travail* (о рождении ребёнка)); метафора пути, движения (рус. *дитя дороги не найдёт* — о трудных родах; *в Москву / в Ригу съездила, с Москвы приехала, съездить под лавку*; англ. *to have a baby on one's way, on her way*); метафора находки, обретения (рус. *в капусте нашли, аист принёс, почтальон принёс, найти за углом*, англ. *found in the cabbage patch, found in a parsley bed* (о девочке), *found under the gooseberry bush* (о мальчике)), *the stork brings the babies, to buy the baby from the store, to download a baby* и др.). Нередко беременность в языке метафорически обозначается как некое объединение, которое осуществляется на основании самых различных признаков (рус. коллеги (беременные друг о друге), англ. *to join the club, to be in the (plum) pudding club*).

Глава 3. Сближение тем рождения и смерти в одном временном отрезке

Темы рождения и смерти сближаются в одном временном отрезке, когда речь идёт о беременности, которая не заканчивается рождением ребёнка. При затрагивании такого вопроса избежать отрицательных эмоций полностью у коммуникантов невозможно. Употребление эвфемизмов призвано сдержать силу характерных для такой ситуации эмоций и, насколько возможно, смягчить то или иное высказывание. Ср.: «*В историю болезни роженицы будет записано, что ей произведена эмбриотомия*» [Coollib.com]; «*My fourth ultrasound last Friday, my Dr and I decided a D&C would be best for me*» [Medium.com].

Эвфемизмы, «обслуживающие» данную сферу, включают непрямые именования замершей беременности, выкидыша, мертворождения, плода, смягчающие и вуалирующие номинации абортов. Ср.: рус. ЗБ (сокр. от замершая беременность), невынашивание, самопроизвольное прерывание, прерывание, операция, процедура, эмбриотомия, процедура по восстановлению нормального менструального цикла, вынужденная потеря, вынужденная мера, репродуктивная свобода, нерождённый человек и др.; англ. a planned termination, VPI (сокр. от voluntary pregnancy interruption), an operation, a procedure, D&C (сокр. от dilation and curettage), MC, M/C (вместо «miscarriage»), prematurity / premature delivery (вместо «miscarriage»), to part with child, a baby / an infant (вместо «a stillborn»), planned parenthood, reproductive freedom, take female / French renovating pills и др.

Эвфемизмы на данную тему реже построены на метафоре, чем эвфемизмы на темы рождения и смерти. Метафора лежит лишь в основе отдельных непрямых именований выкидыша и абортов, которые, как правило, уподобляются утрате / потере, как и многие эвфемизмы на тему смерти. Ср. рус. потерять ребёнка; англ. lose a baby. Таким образом, сдерживание эмоций адресата при затрагивании рассматриваемых вопросов в редких случаях осуществляется посредством эвфемизмов, созданных с помощью подмены значения. Ср.: рус.

вынужденная потеря; англ. *to part with child / Patrick* (шотланд.) (о самопривольном прерывании беременности), устар. *to drop a bundle* (вместо «*to have an induced abortion*»). Для сдерживания эмоций адресата при затрагивании данных вопросов, как правило, употребляются эвфемизмы, образованные посредством расширения значения. Ср.: рус. *прерывание (беременности), операция, процедура, вынужденная мера, репродуктивная свобода* и др.; англ. *operation, procedure, female pills, interruption / termination of pregnancy, reproductive freedom* и др. Часто при вуалировании указанных негативных явлений используются медицинские термины, употребление которых, в отдельных случаях, можно рассматривать как сужение значения, и эвфемизмы-аббревиатуры. Ср.: рус. ЗБ, *эмбриотомия, невынашивание*; англ. *D&C, MC, VPI*. В отдельных примерах смягчение и вуалирование достигается с помощью создания неполноты признака, действия или состояния. Ср.: рус. *нерождённый человек, невынашивание*; англ. *prematurity*.

Заключение

Эвфемизация речи как тактика сдерживания эмоций получила большое распространение в современной коммуникации. Эвфемизмы как заменные слова и выражения, употребляющиеся с целью смягчения и вуалирования, способствуют сдерживанию эмоций адресата. В основе употребления эвфемизмов, как правило, лежит стремление адресанта не задеть, не обидеть, не расстроить, не смутить, не оскорбить собеседника, что становится возможным благодаря иносказательному характеру эвфемизмов. Эвфемизмам свойственно семантическое перефокусирование и/или установление отдалённых связей между объектом исходной и эвфемистической номинации, которое используется, чтобы сдержать эмоции адресата при затрагивании неприятных и деликатных тем.

Любая тема, затрагивание которой может вызвать эмоциональные переживания, характеризуется употреблением эвфемизмов. Рождение и смерть человека — наиболее значимые события в жизни, которые сопровождаются широким спектром различных чувств и эмоций. Касаясь тем рождения и смерти в процессе общения, адресант невольно способен вызвать у собеседников сильную эмоциональную реакцию на то или иное сообщение. Употребление эвфемизмов на данные темы в процессе коммуникации помогает участникам общения достичь цели коммуникации, значительно снижая риск негативного опыта общения.

Сдерживание эмоций адресата достигается с помощью использования на уровне языка различных «механизмов»: метафорических обозначений, «уводящих» адресата от нежелательного восприятия сообщаемого; лексико-семантических замен, обладающих обобщающим и реже конкретизирующим характером, которые меняют фокус высказывания; аббревиатур, употребление которых создаёт иллюзию смены предмета общения; заимствований из других языков, которые ещё не приобрели ярко выраженные оценочные коннотации, а потому не вызывают у собеседника столь сильной эмоциональной реакции,

как их эквиваленты, составляющие исконную лексику того или иного языка; специальных терминов, значение которых не всегда до конца понятно коммуникантам и потому является подходящим материалом для вуалирования существа дела; замены исходной номинации на противоположную ей по значению, которая сопровождается заменой утвердительной формы на отрицательную, что позволяет смягчить сказанное и, таким образом, сдержать эмоции адресата. Все эти механизмы лежат в основе образования эвфемизмов.

Наиболее распространённым способом образования эвфемистических именований, способствующих сдерживанию эмоций, является подмена значения, которая, как правило, реализуется с помощью метафоры. Метафора «маскирует» элементы сообщаемого, способные вызвать нежелательные чувства и эмоции. Концептуальная / когнитивная метафора в эвфемизмах одновременно является и инструментом вуалирования, и апеллирует к сознанию адресата, как бы указывая на «скрытый» предмет обозначения. Образная метафора даёт возможность «спрятать» внутри эвфемизма нежелательное к произнесению за различными образами. Так, метафорическое обозначение предметов, явлений, лиц, событий и действий, прямые номинации которых по тем или иным причинам нежелательно употребить в данной ситуации, ориентирует коммуникантов на спокойное и бесконфликтное общение, свободное от избыточных эмоций.

БИБЛИОГРАФИЯ

Азарова Н. М. Язык философии и язык поэзии — движение навстречу (грамматика, лексика, текст). М., 2010.

Алексикова Ю. В. Концептуальная метафора как способ формирования эвфемизмов в современном английском языке // Вестник ТГУ, выпуск 3 (71), 2009. С. 148—154.

Алексикова Ю. В. Когнитивные основы формирования эвфемизмов в современном английском языке // Вопросы когнитивной лингвистики №3 (24), 2010. С. 126—132.

Анненкова А. В. Результаты опытно-экспериментальной работы по формированию ценностного отношения к будущей профессии учителя иностранного языка у студентов педагогических специальностей // Язык для специальных целей: система, функции, среда: сб. научных статей VII Междунар. науч.-практ. конф. Курск: Юго-Зап. гос. ун-т, 2018. С. 19—25.

Апресян В. Ю. Эмоции: современные американские исследования // Семиотика и информатика. Вып. 34. М.: Всероссийский институт научной и технической информации РАН, 1994. С. 82—97.

Апресян В. Ю. Бояться, пугаться, страшиться, опасаться, дрейфить, робеть, трепетать, дрожать, трястись // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Первый выпуск. Авторы: Ю. Д. Апресян, О. Ю. Богуславская, И. Б. Левонтина и др. Под общим рук. акад. Ю. Д. Апресяна. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 15—20.

Апресян В. Ю. Механизмы образования и взаимодействия сложных значений в языке. Дисс. докт. филол. наук. М., 2015.

Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкоznания. 1995. № 1. С. 37—67.

Апресян Ю. Д. Избранные труды. Том II. Интегральное описание и системная лексикография / Ю. Д. Апресян. Москва: Школа «Языки русской культуры», 1995а.

Апресян Ю. Д. Радоваться, ликовать, торжествовать // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Первый выпуск. Авторы: Ю. Д. Апресян, О. Ю. Богуславская, И. Б. Левонтина и др. Под общим рук. акад. Ю. Д. Апресяна. М., 1997. С. 312—315.

Апресян Ю. Д. Любить 2, Обожать // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Второй выпуск. Авторы: Ю.Д. Апресян, О.Ю. Богуславская, Т.В. Крылова и др. Под общим рук. акад. Ю.Д. Апресяна. М., 2000. С. 180—185.

Апресян Ю. Д. (отв. ред.) Языковая картина мира и системная лексикография. М.: Языки славянских культур, 2006.

Апресян Ю. Д. Исследования по семантике и лексикографии. Т. I: Парадигматика. М.: Языки славянских культур, 2009.

Библиография

Апресян Ю. Д., Гловинская М. Я. Советовать, рекомендовать // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Первый выпуск. Авторы: Ю. Д. Апресян, О. Ю. Богуславская, И. Б. Левонтина и др. Под общим рук. акад. Ю. Д. Апресяна. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 393—397.

Апресян Ю. Д., Гловинская М.Ю. Каяться, виниться // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Третий выпуск. Авторы: Ю.Д. Апресян, В.Ю. Апресян, О.Ю. Богуславская и др. Под общим рук. акад. Ю.Д. Апресяна. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 146—149.

Арапова Н. С. Эвфемизмы // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990 // <http://tapemark.narod.ru/les/590c.html>.

Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988.

Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1998.

Арутюнова Н.Д. Истина. Добро. Красота: Взаимодействие концептов // Логический анализ языка. Языки эстетики: Концептуальные поля прекрасного и безобразного. М.: Индрик, 2004. С. 5—30.

Арутюнова Н.Д. (отв. ред.) Логический анализ языка: квантитативный аспект. М.: Индрик, 2005.

Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1969 // <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=38392>.

Бабаева Е. Э. Современная лексикография о структуре многозначности прилагательного простой // Языковая картина мира и системная лексикография / В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, Е. Э. Бабаева и др. Отв. ред. Ю. Д. Апресян. М., Языки славянских культур, 2006. С. 761—844.

Базылев В. Н. Российская лингвистика XXI века: Традиции и новации. М.: Изд. СГУ, 2009.

Байрамова Л. К. Правда и ложь как ценность и антиценность во фразеологической парадигме русского, английского, немецкого, французского, татарского языков: монография. Казань: ФЭН, 2016.

Баранов А. Н., Добропольский Д. О. Аспекты теории фразеологии. М.: Знак, 2008.

Берзина Г. П. Полимодальность в формировании уступительного смысла // Когнитивные исследования языка. Вып. XXXV. Взгляд в будущее: Новые перспективы когнитивных исследований языка. Материалы Круглого стола. Московский государственный лингвистический университет. М.: ИЯз РАН; Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2018. С. 81—85.

Богуславская О. Ю. Готовый 2.1, согласный 2 // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Второй выпуск. Авторы: Ю. Д. Апресян, О. Ю. Богуславская, Т. В. Крылова и др. Под общим рук. акад. Ю. Д. Апресяна. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 78—81.

Богуславская О. Ю. Храбрый, смелый, отважный, мужественный, бесстрашный, неустранимый // Новый объяснительный словарь синонимов рус-

Библиография

ского языка. Второй выпуск. Авторы: Ю. Д. Апресян, О. Ю. Богуславская, Т. В. Крылова и др. Под общим рук. акад. Ю. Д. Апресяна. М.: Языки русской культуры, 2000а. С. 394—400

Болдырев Н. Н. Оценочная метарепрезентация: проблемы изучения и описания // Когнитивные исследования языка. Вып. V. Исследование познавательных процессов в языке: сб. науч. тр. / гл. ред. сер. Е. С. Кубрякова, отв. ред. Н. Н. Болдырев. М.: ИЯз РАН; Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2009. С. 43—51.

Болдырев Н. Н. Язык и структура сознания // Когнитивные исследования языка. Вып. № 24. М.: ИЯз РАН; Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2016. С. 25—32.

Брагина Н. Г. Красота: энергия влечения и образ власти // Логический анализ языка. Языки эстетики: Концептуальные поля прекрасного и безобразного. М.: Индрик, 2004. С. 487—503.

Бранский В. П. Искусство и философия. Калининград: Янтарный сказ, 2000.

Булаховский Л. А. Табу и эвфемизмы // Введение в языкознание. Часть II. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство министерства просвещения РСФСР, 1954. С. 48—52.

Васильева Н. В. Ономастические имплекатуры текста // Лингвистика XXI века: Сб. науч. ст. к 65-летнему юбилею проф. В. А. Масловой. М.: Флинта-Нашuka, 2014а. С. 93—99.

Васильева Н. В. Персонажи-двойники в ономастическом зеркале // Ономастика Поволжья. Материалы XIV Международной научн. конференции. Тверь: Изд-во Марины Батасовой; Альфа-Пресс, 2014б. С. 57—58.

Васильева Н. В. Терминологические ловушки и терминообразование // Межкультурная ↔ интракультурная коммуникация: теория и практика обучения и перевода. Уфа: РИЦ БашГУ, 2015а. С. 18—20.

Васильева Н. В. Ономастическая амфиболия как прием // Понимание в коммуникации: материалы седьмой международной междисциплинарной научной конференции. Московский государственный областной социально-гуманитарный институт. Коломна: МГОСГИ, 2015б. С. 120—122.

Васильева Н. В. Антропонимическая самоидентификация в двух лингвокультурах // Жизнь языка в культуре и социуме — 6. Материалы конференции. М., 26—27 мая 2017 г. М.: «Канцлер», 2017а. С. 46—47.

Васильева Н. В. Прагматический потенциал русской формулы имени // Ономастика Поволжья: Материалы XVI Международной научной конференции. Т. 1. УлГПУ им. И.Н. Ульянова, 2017б. С. 33—38.

Васильева Н. В., Тритенко Т. В. Мифоэпонимы в зеркале кросспрофессионального анкетирования // Межкультурная ↔ интракультурная коммуникация: прецедентный текст в коммуникации: материалы VI Международной научно-практической конференции. Уфа, РИЦ БашГУ, 2017. С. 43—48.

Библиография

- Витгенштейн Л. Философские исследования // Королев К. М. (сост.) Языки как образ мира. М.: Издательство АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2003. С. 220—548.
- Волов В. В. Инновационный подход к исследованию базовых механизмов эмоционального интеллекта // https://elibrary.ru/download/elibrary_28803647_86382119.pdf.
- Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М.: Едиториал УРСС. 2002.
- Воротников Ю. Л. Степени качества в современном русском языке. М.: Наука, 1999.
- Гак В. Г. Молчание и чувство // Логический анализ языка: Язык речевых действий. Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Наука, 1994. С. 178—183.
- Гальперин И. Р. Очерки по стилистике английского языка. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1958.
- Гоулман Д. Эмоциональный интеллект. М.: АСТ, 2008.
- Гоулман Д., Бояцис Р., Макки Э. Эмоциональное лидерство. Искусство управления людьми на основе эмоционального интеллекта. М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. С. 266—269.
- Григорьева С. А., Григорьев Н. В., Крейдлин Г.Е. Словарь языка русских жестов. М.—Вена: Языки русской культуры, Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 49, 2001.
- Григорьева С. И. НЕЖНЫЙ 1, ЛАСКОВЫЙ 1 // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Первый выпуск. Авторы: Ю.Д. Апресян, О.Ю. Богуславская, И.Б. Левонтина и др. Под общим рук. акад. Ю. Д. Апресяна. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 227—229.
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В IV тт. Т. IV. М.: ОЛМА-Пресс, 2004.
- Дегтярёва А. Р., Осадчий М. А. Легевфемизм как тактика ухода от правовых рисков в новостных интернет-изданиях // Вестник КемГУ 2012 №4 (52), Т. 3. С. 159—162.
- Демьянков В. З. Пленительная красота // Логический анализ языка. Языки эстетики: Концептуальные поля прекрасного и безобразного. М.: Индрик, 2004. С. 169—208.
- Демьянков В. З. Цивилизационные параметры когниции: лингвистика — эстетика — этика — психология — логика // Вопросы когнитивной лингвистики. № 1 (34). 2013. С. 32—47.
- Демьянков В. З. Языковые следы трансфера знаний // Когнитивные исследования языка. Вып. XXIII: Лингвистические технологии в гуманитарных исследованиях. М.—Тамбов, 2015. С. 17—29.
- Демьянков В. З. Предисловие // Когнитивные исследования языка. Вып. XXIII. Лингвистические технологии в гуманитарных науках. Отв. ред. В.З. Демьянков. М., ИЯз РАН; Тамбов: ИД ТГУ им. Г. Р. Державина, 2018. С. 15—16.
- Денисова Н. В., Петухова Т. И. Вербальный код в поликодовом простран-

Библиография

стве произведения живописи: когнитивно-коммуникативный и переводческий аспекты // Когнитивные исследования языка. Вып. XXXV. Взгляд в будущее: Новые перспективы когнитивных исследований языка. Материалы Круглого стола. Московский государственный лингвистический университет, 2 ноября 2018 года. Москва — Тамбов, 2018. С. 86—92.

Добровольский Д. О. Конверсия и актантная деривация во фразеологии // Слово и языки: Сб. статей к восьмидесятилетию акад. Ю. Д. Апресяна / Отв. ред. И. М. Богуславский, Л. Л. Иомдин, Л. П. Крысин. Москва: Языки славянских культур, 2011. С. 207—227.

Добровольский Д. О. Грамматика конструкций и фразеология // Вопросы языкоznания, № 3, 2016. С. 7—21.

Дронов П. С. *Убери руки, а то протянем ноги*: свободные словосочетания vs идиомы // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. Т. 158, кн. 5, 2016. С. 1325—1337.

Дронов П. С. Соматизм волосы в славянской, германской и кельтской фразеологии // Вопросы психолингвистики. № 4 (34), 2017. С. 146—159.

Дронов П. С. Очерки по культурным трансферам по фразеологии. М.: ИЯз РАН, 2018.

Дронов П. С. Глаза из орбит и глаза на лоб: об одном симптоматическом движении во фразеологии // Эмоциональная сфера человека в языке и коммуникации: синхрония и диахрония — 2020: Материалы международной конференции. М.: ИЯз РАН, 2020а. С. 13—19. +++

Дронов П. С. Русские эмотивные идиомы с соматизмом глаз: особенности употребления // Когнитивные исследования языка. Вып. № 2 (41). Когнитивно-дискурсивная парадигма в лингвистике и смежных науках: современные проблемы и методология исследования. Материалы X Международного конгресса по когнитивной лингвистике 17—20 сентября 2020 года / Болдырев Н. Н. (гл. ред.), Чудинов А. П. (отв. ред.). М. — Тамбов — Екатеринбург, 2020б. С. 930—934.

Дронов П. С., Полян А. Л. Пространственная концептуализация ментального и эмоционального воздействия: модель ЭКСПЕРИЕНЦЕР КАК ПОВЕРХНОСТЬ во фразеологии // Вестник Томского государственного университета. Филология. № 6 (38), 2015. С. 5—18. DOI: 10.17223/19986645/38/1.

Дронов П. С., Полян А. Л. *Прижать к ногтям*: особенности употребления соматизмов *ноготь* и *коготь* во фразеологии славянских, германских и кельтских языков // Научное наследие В. А. Богородицкого и современный вектор исследований Казанской лингвистической школы: тр. и матер. междунар. конф. (Казань, 31 окт. — 3 нояб. 2016 г.): в 2 т. Т. 2 / под общ. ред. К. Р. Галиуллина, Е. А. Горобец, Г. А. Николаева. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2016. С. 65—77.

Евгеньева А. П. Словарь русского языка. Том IV. М.: Русский язык, 1988.

Еникеев М. И. Психологический энциклопедический словарь. М., 2007.

Зализняк Анна А. Семантическая деривация в синхронии и диахронии:

Библиография

проект «Каталога семантических переходов» // Вопросы языкоznания. 2001, № 2. С.13—25.

Зализняк Анна А. Многозначность в языке и способы ее представления. М.: Языки славянских культур, 2006.

Зализняк Анна А. О понятии семантического перехода // Материалы конференции «Диалог 2009» // [http://www.dialog-21.ru/digests / dialog](http://www.dialog-21.ru/digests/dialog).

Зализняк Анна А. Шмелев А. Д. Листить: семантическая эволюция и актуальная полисемия // Константы и переменные русской языковой картины мира. М.: Языки славянских культур, 2012а. С. 388—394.

Зализняк Анна А. Семантический переход как объект типологии // Вопросы языкоznания, № 2, 2013. С. 32—51.

Зарецкая Е. Н. Категория понимания, или позиция слушающего в речевой коммуникации // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды Международного семинара Диалог'2002. Том 1. Теоретические проблемы. М.: Наука, 2002. С.145—153.

Иванова С. В. Новость в жанре детектива: Полидискурсивность и гибридизация в интернет-медиадискурсе // Когнитивные исследования языка. Выпуск XXXIV. Cognitio и Communicatio в современном глобальном мире. Материалы VIII Международного конгресса по когнитивной лингвистике. Москва — Тамбов, 2018. С. 639—643.

Иванян Е. П., Кудлинская Х., Никитина И. Н. Деликатная тема на разных языках: Монография и словарь эвфемизмов деликатной темы / Под общ. редакцией Е. П. Иванян. — Самара: Изд-во «Инсома-пресс», 2012.

Изард К. Психология эмоций / Перев. англ. СПб., Питер, 1999 // <http://www.libok.net/writer/3949/kniga>.

Иоанесян Е. Р. Семантика русских противительных союзов но и только // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. Сборник научных трудов ИЯз РАН. Вып. 6, 2014. С. 33—111.

Иоанесян Е. Р. Семантические переходы в лексическом поле страха // Научный диалог, № 12 (48), 2015. с. 81—92.

Иоанесян Е. Р. Способы номинации страха в языке // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. Периодический сборник научных трудов ИЯз РАН. Вып. 7, 2015а. С. 98-223 // https://iling-ran.ru/library/sborniki/for_lang/2015_07/5.pdf.

Иоанесян Е. Р. Предикат: семантическая деривация и трансформации при переводе // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. Сборник научных трудов ИЯз РАН. Вып. 8, 2016. С. 252—315.

Иоанесян Е. Р. Лексические трансформации при переводе // Научный диалог, № 3 (51), 2016а. С. 29—41.

Иоанесян Е. Р. Семантика стыда // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. Периодический сборник научных трудов ИЯз РАН. Вып. 8, 2016б. С. 196—251 // http://www.iling-ran.ru/library/sborniki/for_lang/2016_08/5.pdf.

Библиография

Иоанесян Е. Р. Способы номинации сожаления и раскаяния в языке // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. Сборник научных трудов ИЯз РАН. Вып. 9, 2017. С. 216—248 // https://iling-ran.ru/library/sborniki/for_lang/2017_09/9.pdf

Иоанесян Е. Р. Модели семантической деривации в классе предикатов сожаления и раскаяния // Научный диалог, № 3, 2017а. С. 31—44. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-3-31-44.

Иоанесян Е. Р. Удовольствие: способы номинации в языке // Вопросы психолингвистики, № 3 (33), 2017б. С. 156—169.

Иоанесян Е. Р. Типы семантических переходов в лексическом поле «радость» и «удовольствие» // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. Сборник научных трудов ИЯз РАН. Вып. 9, 2017в. С. 249—330.

Иоанесян Е. Р. Способы номинации разочарования в языке // Вопросы психолингвистики, № 2 (36), 2018. С. 182—195.

Иоанесян Е. Р. Веро и страх // Логический анализ языка. Понятие веры в разных языках и культурах. М.: Гнозис, 2019. С. 71—83.

Иоанесян Е. Р. Об одном способе концептуализации эмоций // Эмоциональная сфера человека в языке и коммуникации: синхрония и диахрония — 2020. М.: Институт языкознания РАН, 2020. С. 20—36.

Иоанесян Е. Р. Симптоматическая лексика со встроенной эмоцией // Научный диалог, № 7, 2020а. С. 91—104. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-91-104.

Иорданская Л. Н., Мельчук И. А. Смысл и сочетаемость в словаре. М.: Языки славянских культур, 2007.

Кабакова Г. И. Роды // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. В 5 т. Т. 4. М.: Международные отношения, 2009. С. 450—452.

Ковшова М. Л. Семантика и прагматика эвфемизмов. Краткий тематический словарь современных русских эвфемизмов. М.: Гнозис, 2007.

Ковшова М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии. Коды культуры. М.: УРСС, 2012.

Ковшова М. Л. Идиома и загадка. Загадочность идиом // Когнитивные исследования языка. Вып. XXIII: Лингвистические технологии в гуманитарных исследованиях: сборник научных трудов / гл. ред. серии Н. Н. Болдырев; отв. ред. вып. В. З. Демьянков; отв. секр. вып. Е. М. Позднякова. М.: Ин-т языкоznания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2015. С. 643—651.

Ковшова М. Л. Эвфемизмы и фразеологизмы: устойчивые структуры в аспекте эвфемизации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 4. С. 35—48.

Козеренко А. Д. Жестовые идиомы и жесты: типы соответствий // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодн. междунар. конф. «Диалог» (Бекасово, 25—29 мая 2011 г.). Вып. 10 (17). М.: Изд-во РГГУ, 2011. С. 325—332.

Библиография

Козеренко А. Д. Сильные эмоции: маргинальное поведение во внутренней форме идиом как симптом // Международная конференция «Маргиналии—2017: границы культуры и текста». Торжок (Тверская обл. России). 29 сентября — 1 октября 2017. Тезисы докладов под редакцией А. Г. Кравецкого, М. Ю. Михеева. — Москва: 2017. // <http://uni-persona.srcc.msu.su/site/conf/marginalii-2017/thesis.htm>.

Козеренко А. Д., Крейдлин Г. Е. Русские жесты и русские фразеологизмы II (тело как объект природы и тело как объект культуры) // Фразеология в контексте культуры: Сб. работ / Ред. В. Н. Телия. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 269—277.

Козеренко А. Д., Крейдлин Г. Е. Фразеологические соматизмы и семиотическая концептуализация тела // Вопросы языкоznания, №6, 2011. С. 54—66.

Колесникова О. Н. Прагмаэстетический потенциал персузивного медиадискурса: Когнитивный аспект // Когнитивные исследования языка. Выпуск XXXIV. Cognitio и Communicatio в современном глобальном мире. Материалы VIII Международного конгресса по когнитивной лингвистике. Москва —Тамбов, 2018. С. 621—625.

Котюрова М. П. Об эталонном научном тексте // Стереотипность и творчество в тексте. Пермь, Пермский гос. университет, 2016. Выпуск 20. С. 63—71.

Котюрова М. П., Соловьева Н. В. Современный научный текст (сквозь призму дискурсивных изменений). Пермь, Пермский гос. ун-т, 2017.

Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. М.: Новое литературное обозрение, 2002.

Крылов С. А. Порядок и беспорядок с металингвистической точки зрения // Логический анализ языка: Космос и хаос. Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2003. С. 302—319.

Крысин Л. П. Эвфемизмы в современной русской речи. Русистика. Берлин, 1994, № 1-2. С. 28—49 // <http://www.philology.ru/linguistics2/krysin-94.htm>.

Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Рос. академия наук. Ин-т языкоznания. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996.

Куликова И. С., Салмина Д. В. Заголовок научной статьи как речевой жанр // Международный научный институт «Educatio». № III (10), 2015. С. 41—44.

Кустова Г. И. Когнитивные модели в семантической деривации и система производных значений // Вопросы языкоznания, № 4, 2000. С. 85—109.

Кустова Г. И. Типы производных значений и механизмы семантической деривации. Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М., 2001.

Ларин Б. А. Об эвфемизмах // История русского языка и общее языкоznание. М.: Просвещение, 1977. С. 101—114.

Левонтина И. Б. Тайно, втайне, тайком, исподтишка, втихомолку, незаметно

Библиография

1, потихоньку, украдкой // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Второй выпуск. Авторы: Ю. Д. Апресян, О. Ю. Богуславская, Т. В. Крылова и др. Под общим рук. акад. Ю. Д. Апресяна. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 328—334.

Леонтьев А. А. Табу // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990 // <http://tapemark.narod.ru/les/501b.html>.

Логинова Е. Г. Полимодальный потенциал текста пьесы // Когнитивные исследования языка. Вып. XXXV. Взгляд в будущее: Новые перспективы когнитивных исследований языка. Материалы Круглого стола. Московский государственный лингвистический университет, 2 ноября 2018 года. Москва — Тамбов, 2018. С. 151—158.

Лотман Ю. М. Об искусстве. СПб.: Искусство, 2005.

Малинович М. В. Универсальные концепты и категории: проблема иерархии и взаимодействия в пространстве языка // Концепты. Категории: Языковая реальность: коллект. моногр. к юбилею профессора М. В. Малинович. Иркутск, 2011. С. 10—42.

Мелерович А. М. О структуре и функциях фразеологических символов // Культурные слои во фразеологизмах и дискурсивных практиках / Отв. ред. В. Н. Телия. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 94—101.

Михельсон М. И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и выражений. Посмертное издание. СПб.: Типография Акц. Общ. «Брокгауз-Ефрон», 1912.

Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К. Большой словарь русских пословиц. /Под ред. В.М. Мокиенко. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2010.

Москвин В. П. Эвфемизмы: системные связи, функции и способы образования // Вопросы языкоznания, 2001, №3. С. 58—70.

Москвин В. П. Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка Изд. 2-е. М.: ЛЕНАНД, 2007.

Мурадова А. Р. Символика красного цвета в бретонской народной литературе // Волшебная книжечка. Кельтское наследие. Бретонские легенды / пер. с бретонск., comment. и сост. А. Р. Мурадовой. М. : Форум, 2011. С. 251—263.

Немов Р. С. Основы психологического консультирования. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1999.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. М.: ООО «А Темп», 2006.

Омельченко Е. В. Нейроэстетика и фасцинация в восприятии художественных явлений (на примере фильма «Ла-ла-ленд») // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах. Материалы IX Международной научной конференции Челябинск 18—20 апреля 2018 года Том 2. Челябинск, 2018. С. 74—77.

Библиография

Орлова О. С. Эвфемизмы на тему рождения и смерти в современной русской речи // Актуальные проблемы и перспективы русистики. Материалы по итогам Международной конференции русистов в Барселонском университете, МКР-Барселона 2018. Барселона: Trialba Ediciones, 2018а. С. 1394—1405.

Орлова О. С. Тема рождения в русских народных загадках // Образы языка и зигзаги дискурса. Сборник научных статей к 70-летию В. З. Демьянкова. М.: Культурная революция, 2018. С. 362—371.

Орлова О. С. Когнитивно-лингвокультурологическое исследование эвфемизмов на тему рождения // Когнитивные исследования языка. Выпуск XXXVI. Москва-Тамбов, 2019а. С. 403—413.

Орлова О. С. Непрямая номинация смерти в русских традиционных загадках // Эмоциональная сфера человека в языке и коммуникации: синхрония и диахрония — 2019: Материалы международной конференции. М.: Канцлер, 2019б. С. 134—145.

Орлова О. С. Темы рождения и смерти в русских и английских фразеологизмах. Метафора пути // Вопросы психолингвистики, № 1 (43), 2020. С. 64—74.

Павлова Л. В. Художественно-эстетическое развитие студентов средствами иностранного языка // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах. Материалы IX Международной научной конференции. Челябинск 18—20 апреля 2018 г. Том 2. Челябинск, 2018. С. 195—199.

Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Пеньковский А. Б. Очерки по русской семантике. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Поликарпов А.М. Интегративное переводоведение: предпосылки возникновения и основные идеи // Вестник ВолгГУ. Серия 2, Языкознание. Т. 16, № 3, 2017. С. 6—17. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.3.1>.

Порохницкая Л. В. Концептуальные модели в семантике эвфемизма: Монография. М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2018.

Потебня А. А. Эстетика и поэтика. М.: Наука, 1976.

Пропп В. Я. Ритуальный смех в фольклоре // Пропп В. Я. Фольклор и действительность. М., 1976.

Разлогова Е. Э. О нейтральном переводе // Профили языка: социолингвистика, национальное варьирование, переводоведение, контрастивная стилистика. Сборник трудов к 90-летию со дня рождения А. Д. Швейцера. М.: Буки Веди, 2015. С. 243—250.

Рамачандран В. Рождение разума. Загадки нашего сознания. М: Олимп-Бизнес, 2006.

Реформатский А. А. Табу и эвфемизмы // Введение в языковедение / Под ред. В. А. Виноградова. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 56—57.

Розина Р. И. Категориальный сдвиг актантов в семантической деривации //

Библиография

Вопросы языкознания, № 2, 2002. С. 3—15.

Руссо М. М. Локализация эмоций в языках мира // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. Периодический сборник научных трудов ИЯз РАН (электронное научное издание) Вып. 2, 2010 // http://www.iling-ran.ru/library/sborniki/for_lang/2010.

Руссо М. М. Исчезающие органы // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. Периодический сборник научных трудов ИЯз РАН (электронное научное издание). Вып. 5, 2013. С. 173—199 // http://www.iling-ran.ru/library/sborniki/for_lang/2013_05/sbornik_kiya.pdf.

Рюмина М. Т. Эстетика смеха. Смех как виртуальная реальность. М.: УРСС, 2003.

Рябинина Л. И. К вопросу о параметрических характеристиках и их интенсификации // Словарь, грамматика, текст в свете антропоцентрической лингвистики. Вып. 2. Иркутск, 2003. С. 118—125.

Рябцева Н. К. Красота и свет в ментальном пространстве // Логический анализ языка. Языки эстетики: Концептуальные поля прекрасного и безобразного. М.: Индрик, 2004. С. 650—670.

Рябцева Н. К. Язык и естественный интеллект. М.: Academia, 2005.

Рябцева Н. К. Терминологические проблемы в изучении состояний сознания // Терминология и знание. Материалы II-го Международного симпозиума. Отв. ред. С.Д. Шелов. М.: ИЯз РАН, 2010. С. 332—342.

Рябцева Н. К. Измененные состояния сознания по данным языка // Сублогический анализ языка. Юбилейный сб. научных трудов. Под ред. В. Н. Базылева. М.: ИЯз РАН, 2011. С. 361—371.

Рябцева Н. К. Дискурс и состояния сознания: социокультурный аспект // Вестник Московского государственного лингвистического ун-та; вып. 6 (639), сер. Языкознание: «Дискурс как социальная деятельность: приоритеты и перспективы». Отв. ред. Л. . Ноздрина. М., МГЛУ: Ч. 2. Рема, 2012. С. 175—184.

Рябцева Н. К. Количество и качество в описании состояний сознания // Логический анализ языка: Числовой код в разных языках и культурах. Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: URSS, 2014. С. 474—487.

Рябцева Н. К. Гипермодальность социальной коммуникации в интернет-пространстве: Приоритеты и перспективы // Вестник МГЛУ. Вып. 717. Сер. Филологические науки: «Дискурс как социальная деятельность: Приоритеты и перспективы», 2015. С. 513—520.

Рябцева Н. К. Состояния сознания в языке и речи: Когнитивный аспект // Сборник статей по итогам международной конференции «Язык и действительность. Научные чтения на кафедре романских языков им. В. Г. Гака». М.: МПГУ, 2016а. С. 144—147.

Рябцева Н. К. «Космических масштабов индивидуал»: Человек в современном виртуальном пространстве // Логический анализ языка. Человек в интерьере. Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2016б. С. 298—312.

Библиография

Рябцева Н. К. Иностранный язык для академических целей: Интегральное представление лингвистической информации // Магия ИННО: Новые измерения в лингвистике и лингводидактике. Материалы III международной научно-практической конференции. В 2 т. М.: МГИМО—Университет, 2017а. Т. 2. С. 243—250.

Рябцева Н. К. Отличительные особенности интернет-коммуникации в металингвистическом и прикладном аспекте // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. Периодический сборник научных статей. Электронное научное издание. М.: ИЯз РАН. Вып. 9, 2017б. С. 387—429.

Рябцева Н. К. Метакогнитивные состояния в языке, речи и познании // Научный диалог, 2017в, № 5. С. 83—95. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-5-83—95.

Рябцева Н. К. Язык и метазнание: когнитивно-дискурсивный аспект // Когнитивные исследования языка. Вып. XXXII. В поисках смыслов языка: сб. науч. тр. в честь 90-летия Е. С. Кубряковой. Отв. ред. О. К. Иришханова. М.: ИЯ РАН; Тамбов: ИД ТГУ им. Г. Р. Державина, 2018а. С. 110—117.

Рябцева Н. К. Название как доминантный компонент научного текста: русско-английские межъязыковые «несоответствия» // Вестник ВолГУ. Серия 2, Языкоzнание. 2018. Т. 19, № 2. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.2.4>.

Рябцева Н. К. Интеграция рационального, эмоционального и эстетического в современной научной коммуникации // Эмоциональная сфера человека в языке и коммуникации: синхрония и диахрония. Материалы международной конференции. М.: ИЯз РАН. 2018в. С. 97—113.

Рябцева Н. К. Стиль мышления и коммуникации в межъязыковом и когнитивном аспекте // Когнитивные исследования языка. Вып. XXXIV. Cognitio и communicatio в современном глобальном мире. Материалы VIII Международного конгресса по когнитивной лингвистике. 10—12 октября 2018 г. М.—Тамбов. 2018г. С. 830—833.

Рябцева Н. К. Функциональные аспекты грамматики и языковое мышление: перспективы межъязыковых исследований и возможности их практического использования // Когнитивные исследования языка. Вып. XXXV. Взгляд в будущее: Новые перспективы когнитивных исследований языка. Материалы Круглого стола. Московский государственный лингвистический университет, 2 ноября 2018 года. М.—Тамбов, 2018д. С. 458—465.

Рябцева Н. К. Особенности названий научных статей на русском и английском языке: контрастивный аспект // Научный диалог. 2018е. № 6. С. 32—42. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-6-32-42.

Рябцева Н. К. Лингвистическая эстетика и современная научная коммуникация // Когнитивные исследования языка. Вып. XXXVI. Понимание. Интерпретация. Когнитивное моделирование. Сб. научных трудов в честь 70-летия В. З. Демьянкова. Москва—Тамбов. 2019а. С. 566—573.

Рябцева Н. К. «Когнитивные эмоции», полимодальность научного дискурса и прагмаэстетические эффекты // Когнитивные исследования языка: Языки,

Библиография

культуры, модальности: Интеграция методов когнитивных исследований языка: материалы круглого стола. Московский государственный лингвистический университет. 1 ноября 2019 года / гл. ред. вып. О. К. Ирисханова. Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2019б. Вып. 38. С. 155—162.

Рябцева Н. К. Интегральное представление эмоциональной сферы человека: Эмоциональное и рациональное в состояниях сознания // Эмоциональная сфера человека в языке и коммуникации: синхрония и диахрония—2019. Материалы международной конференции. М.: ИЯз РАН. 2019в. С. 162—177.

Саакян Л. Н. Эвфемия и дисфемия: языковые стратегии смягчения и дискредитации высказывания // Русский язык в школе, 2010, № 4. С. 57—63.

Санников В. З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. М.: Языки славянских культур, 2008.

Сеничкина Е. П. Словарь эвфемизмов русского языка. М.: Флинта. Наука, 2008.

Сеничкина Е. П. Эвфемизмы русского языка: Спецкурс [Электронный ресурс]: учеб. пособие. 2-е изд., стер. М.: Флинта, 2012.

Сепир Э. Градуирование. Семантическое исследование // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.16. М.: Прогресс. 1985. С. 43—78.

Соколова О. В. Типология дискурсов активного воздействия: поэтический авангард, реклама и PR. 2-ое изд. М.: Гнозис, 2014.

Сороколетова А. В. Роль эмоционально-чувственного образа в формировании структуры значения иноязычного слова в лексиконе младшего школьника // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2018. № 4. С. 37—44.

Сороколетова А. В. Значение эмоционального интеллекта в обучении иностранному языку в условиях современного образования // Обучение иностранному языку: современность и перспективы. Сборник научных статей региональной научно-методической конференции, посвящённой 55-летию Юго-западного государственного университета и кафедры иностранных языков. 04-05 октября 2019 г. Курск, 2019. С. 442—448.

Спивак Д. Л. Лингвистика измененных состояний сознания. Л.: Наука, 1986.

Спивак Л. И., Спивак Д. Л. Изменённые состояния сознания: типология, семиотика, психофизиология // Сознание и физическая реальность. Т. 1, № 4, 1996. С. 48—55.

Степанов Ю. С. Публичное изготовление концепта... (новый жанр) // Язык как медиатор между знанием и искусством: Сб. докладов международного научного семинара. М.: Азбуковник, 2009. С. 217—220.

Табанакова В. Д. Авторский термин: знаю, интерпретирую, перевожу. Тюмень: Тюменский гос. ун-т, 2013.

Табанакова В. Д. Предикативный потенциал заголовка научного текста // Стереотипность и творчество в тексте. Пермь: Пермский гос. ун-т, 2016. Выпуск 20. С. 85—93.

Библиография

- Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996.
- Топка Л. В. Эмотивный предикат как средство репрезентации константы внутреннего мира человека // Вестник ЛГУ им. Пушкина. Серия Филология. Санкт-Петербург: ЛГУ. 2015. № 3. Т. 1. С. 210—217.
- Топка Л. В. Трехаспектная вербализация эмоциональной нестабильности субъекта речи // Когнитивные исследования языка. Вып. ХХІХ. М. — Тамбов, 2017. С. 724—731.
- Урысон Е. В. Душа, сердце и ум в языковой картине мира // Путь: Международный философский журнал, № 6, 1994. С. 219—231.
- Урысон Е. В. Фундаментальные способности человека и наивная «анатомия» // Вопросы языкознания, № 3, 1995. С. 3—16.
- Урысон Е. В. Синтаксическая деривация и «наивная» картина мира // Вопросы языкознания, № 4, 1996. С. 25—38.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В IV тт. Т. III. М.: Прогресс, 1987.
- Федорова Л. Л. Сложные прилагательные неотчуждаемой принадлежности в русском языке // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение, № 8, 2015. С. 61—74.
- Фещенко В. В. Искусство как язык, язык как искусство: терминологический и концептуальный трансфер // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Т. 7, 2016. С. 49—69.
- Филиппов А. В., Романова Н. Н., Летягова Т. В. Тысяча состояний души. Краткий психолого-филологический словарь. М.: Флинта, Наука, 2011 // <http://2013lib.ru/dictionary/976/word>.
- Фilonенко Т. А. Аттрактивные заголовки в научной речи // Известия Саратовского научного центра Российской академии наук. «Педагогика и психология». «Филология и искусствоведение». 2008. № 2. С. 290—296.
- Шейгал Е. И. Эвфемизм, ирония в политическом тексте // Филология. Краснодар, 1997. № 11. С. 47—49.
- Шестеркина Н. В. Пространственные признаки концепта «небо / Himmel»: на материале русских и немецких пословиц и поговорок // Когнитивные исследования языка. Вып. IX: Взаимодействие когнитивных и языковых структур. М., Тамбов. 2011. С. 235—245.
- Шкапенко Т. М. «Ты не поверишь!», или об изменениях в языковом «портрете» удивления // Эмоциональная сфера человека в языке и коммуникации: синхрония и диахрония. Материалы международной конференции. М.: ИЯЗ РАН. 2018. С. 139—148.
- Шмелев А. Д. Язык любви // Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Константы и переменные русской языковой картины мира. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 456—461.

Библиография

- Abeillé A. The flexibility of French idioms: A representation with Lexicalized Tree Adjoining Grammar // Everaert, M., Linden, E.-J. van der, Schenk, A., Schreuder, R. (eds.) *Idioms: Structural and psychological perspectives*. Hillsdale (NJ), 1995. Pp. 15—42.
- Allan K., Burridge K. *Forbidden Words: Taboo and the Censoring of Language*. New York: Cambridge University Press, 2006.
- Antović M. From expectation to concepts: Toward multilevel grounding in musical semantics // *Cognitive Semiotics*. 2016. № 9(2). P. 105—138.
- Ball R. Scholarly communication in transition: The use of question marks in the titles of scientific articles in medicine, life sciences and physics 1966–2005 // *Scientometrics*. 79(3), 2009. P. 667—679.
- Bárdosi V. *Magyar szólások, közmondások adatbázisa*. Budapest: TINTA Könyvkiadó, 2012.
- Barret L. *How emotions are made. The secret life of brain*. New York, Houghton Mifflin Harcourt, 2017.
- Bhatara A. P. Laukka & D. J. Levitin (eds.). *Expression of emotion in music and vocal communication*. Lausanne: Frontiers in Psychology E-Books, 2014.
- Biber D. *University Language: A Corpus-based Study of Spoken and Written Registers*. Amsterdam/ Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2006.
- Biber D., Gray B. Challenging stereotypes about academic writing: complexity, elaboration, explicitness // *J. Engl. Acad. Purp.*, 9, 2010. P. 2—20.
- Biber D., Gray B. *Grammatical complexity in academic English: Linguistic change in writing*. Cambridge, Cambridge University Press, 2016.
- Bugarski R. *Portret jednog jezika*. / Urednik Ivan Čolović. Biblioteka XX vek, Knj. 201. Beograd: Knjižara krug, 2012 (Beograd: Čigoja štampa).
- Curry N., Chambers A. Questions in English and French Research Articles in Linguistics: A Corpus-Based Contrastive Analysis // *Corpus Pragmatics*. № 1, 2017. P. 327–350. DOI 10.1007/s41701-017-0012-0.
- Čermák F. Somatic idioms revisited // *EUROPHRAS 95 Europäische Phraseologie im Vergleich: Gemeinsames Erbe und kulturelle Vielfalt*, Hrsg. W. Eismann. Bochum: Universitätsverlag Dr. N. Brockmeyer (Studien zur Phraseologie und Parömiologie 15), 1998. P. 109—119.
- Damasio A. R. *Self comes to mind: Constricting the conscious mind*. New York, Pantheon Books, 2010.
- de Bhaldraithe T. *English-Irish Dictionary*. Dublin: An Gúm, 1959 // <https://www.teanglann.ie/en/eid>.
- Dechert H. W., Raupach M. Introduction // *Transfer in language production*. Ed. by Dechert H. W., Raupach M. Norwood, New Jersey, 1989.
- Dinneen P. S. *Foclóir Gaedhilge agus Béarla. An Irish-English Dictionary*, Being a Thesaurus of the Words, Phrases and Idioms of the Modern Irish Language, with Explanations in English. Dublin: M. H. Gill & Son, Ltd., The Gaelic League; London: David Nutt, 1904.

Библиография

- Dronov P., Ioanesyan Ye., Kovshova M. Images of fear in language communities and cultures: the case of Slavic, Germanic, and Celtic languages // Wizerunek/Image jako kategoria teorii komunikacji, antropologii kultury i semiotyki tekstu: Materiały międzynarodowej konferencji naukowej 26—28 czerwca 2019. Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie. Centrum Nauk Humanistycznych / Skład: Arkadiusz Dudziak, Aleksander Kiklewicki. Olsztyn, 2019. S. 26—27.
- Ekman P. Emotions revealed: Understanding faces and feelings. Phoenix, NJ, Phoenix Press, 2004.
- Fillmore Ch. J., Kay P., Connor M. C. Regularity and idiomacticity in grammatical constructions: The case of «let alone» // Language. 64.3. 1988. P. 501—538.
- Giordano B. L., H. Egermann & R. Bresin. The production and perception of emotionally expressive walking sounds: Similarities between musical performance and everyday motor activity. 2014. PloS ONE 9(12). e115587. doi: 10.1371/journal.pone.0115587. eCollection 2014.
- Hobson J. A. States of consciousness: Normal and abnormal variation // The Cambridge handbook of consciousness. Eds. P. D. Zelazo, M. Moscovitch, E. Thompson. New York, Cambridge University Press, 2007. P. 435—444.
- Holder R. W. A Dictionary of Euphemisms. How Not To Say What You Mean. New York: Oxford University Press, 2008.
- Hu Guangwei, Chen Lang. «To our great surprise»: A frame-based analysis of surprise markers in research articles // Journal of Pragmatics. 2019. Vol. 143. P. 156—168.
- Hyland K. Metadiscourse: Exploring interaction in writing. London, Continuum, 2005.
- Hyland K., Jiang K. «We believe that...»: Changes in an academic stance marker 1965–2015 // Australian Journal of Linguistics. 2018. 38 (2). P. 139—161.
- Lakoff G. Hedges: A Study in Meaning Criteria and the Logic of Fuzzy Concepts // Journal of Philosophical Logic, Vol. 2, No. 4 (Oct., 1973), pp. 458—508.
- Lawrence J. Unmentionables and other euphemisms. London: Gentry Books, 1973.
- Livermore D. Leading with Cultural Intelligence: The New Secret to Success. New York, American Management Association, 2010.
- Matešić J. Frazeološki rječnik hrvatskoga ili srpskog jezika. Zagreb: IRO “Školska knjiga”, 1982.
- Mauranen A. Reference in Academic Rhetoric: A Contrastive Study of English and Finnish Writing // A. C. Lindberg, N. E. Enkvist, & K. Vikberg (Eds.). Nordic Research on Text and Discourse: Nordtext Symposium. Abo, Abo Academic Press, 1992. P. 237—250.
- Mayer J. D., Salovey P., Caruso D. R. Emotional Intelligence: New Ability or Eclectic Traits? // American Psychologist. 2008. Vol. 63, No. 6. September 2008. P. 503—517. DOI: 10.1037/0003-066X.63.6.503.
- McCarthy M., Carter R. Language and Discourse: Perspectives for Language Teaching. Addison Wesley Publishing Company, 1994.

Библиография

- McCarthy M., O'Dell F. Academic Vocabulary in Use. Cambridge University Press, 2012.
- Ní Ghlinn A. Úbalonga. Baile Átha Cliath: An Gúm, 2010.
- Ó Dónaill N. Foclóir Gaeilge-Béarla. Baile Átha Cliath: An Gúm, 1977 // <https://www.teanglann.ie/en/fgb/>.
- Orta I. V. A Contrastive Analysis of the Use of Modal Verbs in the Expression of Epistemic Stance in Business Management Research Articles in English and Spanish // Ibérica: Revista de la Asociación Europea de Lenguas para fines específicos (AELFE). 2010. № 19. P. 77—96.
- Pic E., Furmaniak G. Questioning certainty in research articles and popular science articles. A case-study of modalized wh-interrogatives // A. Zuczkowski, R. Bongelli (Eds.). Communicating certainty and uncertainty in medical, supportive and scientific contexts. Amsterdam, John Benjamins, 2014. P. 371—389.
- Payne W. L. A study of emotion: developing emotional intelligence; self-integration; relating to fear, pain and desire // Dissertation Abstracts International. № 47. 1996.
- Rawson H. A. A dictionary of euphemisms and other doubletalk. New York: Crown Publishers Inc., 1981.
- Rawson H. A. A dictionary of euphemisms and other doubletalk. New York: Castle, 2003.
- Riabtseva N. K. States of Consciousness According to Linguistic Data: A Cognitive Perspective // Cognitive Modeling in Linguistics. Proceedings of the XII-th International Conference. September 7–14, 2010. Croatia, Dubrovnik, 2010. P. 239—242.
- Riabtseva N. K. Internet communication: a linguistic and cognitive perspective // Russian Linguistic Bulletin. V. 4 (8), 2016. P. 70-73. DOI: 10.18454/RULB.8.13.
- Riabtseva N. K. Contemporary digital technologies and innovations in human intelligence // Russian linguistic bulletin. V. 3 (11). 2017. P. 7–16. DOI: 10.18454/RULB.11.15.
- Riabtseva N. K. Across languages and academic cultures // Пересекая границы: межкультурная коммуникация в глобальном контексте. Сборник материалов I-ой Международной научно-практической конференции 14–16 февраля 2018 г. М.: Ин-т русского языка им. А.С. Пушкина. 2018. С. 245—247.
- Riabtseva N. K. English for Scientific Purposes. Moscow, Flinta–Nauka, 2019. 7th edition.
- Riabtseva N.K. Cross-Cultural Communication: Its Asymmetry and Authenticity // Nauchnyi dialog. 2020. № 4. P. 130—150. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-4-130-150. (In Russ.).
- Salager-Meyer F. Scientific Discourse and Contrastive Linguistics: Explicitness and the Concept of Reader/Writer Responsible Languages // European Science Editing. 2011. № 37(3). P. 71—72.

Библиография

- Scheffner L. In praise of the cognitive emotions: And other essays in the philosophy of education. New York, Routledge, 2010.
- Shamaieva Ju. Ju. Category Emotions: A multimodality dimension // Cognitive Studies of Language. 2018. Moscow–Tambov. Vol. 34. P. 664—667.
- Silvia P. J. Looking past pleasure: Anger, confusion, disgust, pride, surprise, and other unusual aesthetic emotions // Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts. 2009. 3(1), 48–51.
- Smith M. Mechanisms of the mind in introducing language and cognition: A Map of the mind. Cambridge, Cambridge University Press, 2017.
- Sobrino Paula Pérez. Multimodal Metaphor and Metonymy in Advertising. John Benjamins Publishing Company, 2017. (E-book)
- Stein J.S., Book H., The EQ Edge: Emotional Intelligence and your success. Stoddart Publishing Co. Limited. 2000.
- Swales J. M., Feak Ch. B. English in Today's Research World. A Writing Guide. Michigan, The University of Michigan Press, 2010.
- Tart C. States of consciousness and state-specific sciences // Science. Vol. 176. 1972. P. 1203—1210.
- Terence O. Language Transfer. Cambridge: Cambridge University Press, 2012.
- Tomkins S. S. Affect, imagery, consciousness. Vol. I. The positive affects. New York, 1962.
- Tomkins S. S. Affect, imagery, consciousness. Vol. II. The negative affects. New York, 1963.
- Tutin A. Surprise routines in scientific writing // Cognitive linguistics. 2015. 13. P. 415—435.
- Vernon P. A., Petrides K. V., Bratko D., & Schermer J. A. A behavioral genetic study of trait emotional intelligence // Emotion. 2008. 8(5), 635–642. <https://doi.org/10.1037/a0013439>.
- Wallwork A. English for Writing Research Papers. New York, Dordrecht, Heidelberg, London, Springer, 2011.
- Warren B. C. What Euphemisms tell us about the Interpretation of Word / Studia Linguistica. 46 (2), 1992. Pp. 128—142 // https://www.researchgate.net/publication/229678358_What_Euphemisms_Tell_Us_ about _the_Interpretation_of_Words.
- Wilber K. Waves, streams, states and self: Further considerations for an integral theory of consciousness // Journal of consciousness studies. Vol. 7, N 11—12, 2000. P. 145—176.
- Yob I. M. The Cognitive Emotions and Emotional Cognitions // Studies in Philosophy and Education. 1997. 16 (1/2). P. 43—57.
- Zajonc R. B. Feeling and thinking: Closing the debate over the independence of affect // Feeling and thinking: The role of affect in social cognition / ed. by J. P.Forgas. New York, Cambridge University Press, 2000. P. 31—58.
- Zeki Samir. Artistic Creativity and the Brain // Essays on science and society. 2001. V. 293, № 5527. P. 51—52.

ИСТОЧНИКИ

Мпцитуал.рф — Ритуальный агент // МПЦ Ритуал. Официальный сайт // <https://мпцитуал.рф/ritual-nyy-agent>.

Barrows S. M. The Confessions of a Mobile Disc Jockey. USA: Xlibris Corporation, 2011.

Edwards A. Love Conquers All. USA: Xlibris Corporation, 2011.

Cafemom.com — Skwiot S. Best ‘Where Do Babies Come From?’ Explanations Parents Have Given Kids // CafeMom: Parenting // https://thestir.cafemom.com/being_a_mom/172430/_best__where_do_babies_come/115910/we_made_you_with_play/4.

Click2houston.com — Laura Prepon Reveals Why She Had to Terminate Her Pregnancy in 2018 / Click2Houston.com // <https://www.click2houston.com/entertainment/2020/03/26/laura-prepon-reveals-why-she-had-to-terminate-her-pregnancy-in-2018>.

Coollib.com — Трус Н. В. Символика тюрем // Coollib.com: КулЛиб — Классная библиотека// <https://coollib.com/b/303940-nikolay-valentinovich-trus-simvolika-tyurem/read>.

Itotd.com — Kissell, J. New Orleans Cemeteries. Cities of the dead // Itotd.com: Interesting Thing of The Day // <https://itotd.com/articles/6809/new-orleans-cemeteries>.

Itzyritz.com — Burdo, H. 15 Fun and Creative Ways to Tell Your Husband You’re Pregnant // News // Itzyritz.com // <https://www.itzyritz.com/blogs/news/15-fun-and-creative-ways-to-tell-your-husband-youre-pregnant>.

Keemiaa.eu — Девушку уволили после того, как она сообщила о беременности // Keemiaa.eu: Keemikute ametühing // <http://www.keemiaa.eu/et/24-novosti-interneta/7902-devushku-uvolili-posle-togo-kak-on-a-soobshchila-o-beremennosti.html>.

Livejournal.com — Пишет oliwer_weber: Как подобрать бижутерию Swarovski к разным типам внешности и характера // <https://oliver-weber.livejournal.com/13559.html>.

Medium.com — T Marie. My D&C Experience: A short story from the surgery I had yesterday // <https://medium.com/frisco-in-which-i-lay-my-heart-bare/what-to-expect-at-your-d-c-appointment-a-short-story-of-my-own-5b465ff4f227>.

Multimedia-english.com — This is How Babies are Born (The Bill Cosby Show) // <https://multimedia-english.com/print/preview/this-is-how-babies-are-born-4527>.

N-e-n.ru — Чижова А. Мы такие разные, но все-таки мы кормим: монологи матерей об опыте ГВ, ИВ и СВ // <https://n-e-n.ru/milkstories>.

Parents.com — Getting Pregnant — Dealing With Infertility // <https://www.parents.com/getting-pregnant/infertility/5-ways-to-handle-a-bfn/>; https://www.parents.com/getting-pregnant/trying-to-conceive/tips/_real-parents-discuss-the-highs-and-lows-of-ttc-so-you-know.

Источники

Povarenok.ru — Всем тем, кого нашли в капусте посвящается // Поваренок.ру// <https://www.povarenok.ru/blog/show/25603/>.

Pravmir.ru — Как рассказать ребенку, откуда берутся дети? // Правмир // <https://www.pravmir.ru/kak-rasskazat-rebenku-otkuda-berutsya-deti/>.

Southernhealth.nz — Disability Responsiveness // Southern Health — He hauora he kuru pounamu // <https://www.southernhealth.nz/getting-help-you-need/disability-responsiveness>.

Urbandictionary.com — Oven // <https://www.urbandictionary.com/define.php?term=oven>.

Zviazda.by — Сидорок И. Посетить место упокоения, а не свалку // Звезды // <http://zviazda.by/ru/news/20180413/1523604636-posetit-mesto-upokoeniya-ne-svalku>.

7yearolds.com — Lords G. How to Explain Childbirth to a 7-year-old// [7yearolds.com](https://7yearolds.com/how-to-explain-childbirth-to-a-7-year-old) // <https://7yearolds.com/how-to-explain-childbirth-to-a-7-year-old>.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АСРФ: Баранов А. Н., Вознесенская М. М., Добровольский Д. О., Киселева К. Л., Козеренко А. Д. Академический словарь русской фразеологии / под ред. А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского — 2-е изд., испр. и доп. М.: ЛЕКСРУС, 2015.

БТСРГ — Большой толковый словарь русских глаголов. - М.: АСТ-Пресс Книга.. Составители: Людмила Бабенко, Ирина Волчкова, Юрий Казарин, Маргарита Кусова, Михаил Мухин, Анна Плотникова, Елена Плотникова, Татьяна Попова, Татьяна Сивкова. 2009 // https://verbs_ru.academic.ru.

БИРСЛА — Большой испанско-русский словарь. Латинская Америка / Волкова А. С., Михеева Н. Ф., Кузнецов В. В. и др. Под ред. Н. М. Фирсовой. М.: ИнфраM, 2011// <https://translate.academic2.ru>.

БФС — Брилева И. С., Гудков Д. Б., Захаренко И. В., Зыкова И. В., Кабакова С. В., Ковшова М. В., Красных В. В. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В. Н. Телия. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006.

ВЯ — Вопросы языкознания.

Даль — Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Спб., 1863—1866 // <http://dic.academic.ru>. [страх]

ГрГр — Гринева Е. Ф. Словарь разговорной лексики французского языка. (на материале современной художественной литературы и прессы). М.: Русский язык, 1988.

ГСУМ — Словарь української мови: в 4-х тт. / За ред. Б. Грінченка. К., 1907—1909 // <http://r2u.org.ua>. [PR]

ГТ — Французско-русский словарь активного типа/ В. Г. Гак, Ж. Триомф, Г. Г. Соколова [и др.]. 2-е изд., испр. М.: Русский язык, 1998.

Даль — Даль В. И. Словарь живого великорусского словаря. В 4-х тт. М.: Издательская группа «Прогресс»—«Универс» 1994 // <https://academic2.ru>.

Евгеньева — Словарь синонимов. /Под ред. А.П. Евгеньевой. Л.: Наука, 1975.

Ефремова — Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка. В 3 томах. М.: АСТ, Астрель, Харвест, Lingua, 2006 // <https://academic2.ru>.

ИРСС — Садиков А. В., Нарумов Б. П. Испанско-русский словарь современного употребления / Diccionario Español-Ruso de Uso Moderno. М. Русский язык, 2000 // <https://translate.academic2.ru>.

ИСРС — Испанско-русский словарь / Н. В. Загорская, Н. Н. Курчаткина, Б. П. Нарумов и др. Под ред. Б. П. Нарумова. М.: Русский язык, 1988 // <https://translate.academic2.ru>.

ИСГ— Епишкин Н.И. Исторический словарь галлицизмов русского языка. М., ЭТС. 2010 // <https://gallicismes.academic.ru>.

ЛРС — Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. Изд. 2-е, переработ. и доп. М.: Русский язык, 1976 // <https://translate.academic2.ru>.

Список сокращений

МАС — Страшный / Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. Т. 4. С—Я. С. 284 // <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/18/ma428414.htm>.

НБАРС — Новый большой англо-русский словарь: в 3-х т. Апресян Ю. Д., Медникова Э. М. и др. Под общ. рук. Ю. Д. Апресяна. М., 1993—1994 // <https://translate.academic2.ru>.

НД — научный доклад (на международной конференции).

НКРЯ — Национальный корпус русского языка // <http://ruscorpora.ru/new>.

НОСР 1 — Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Первый выпуск. Авторы: Ю. Д. Апресян, О. Ю. Богуславская, И. Б. Левонтина и др. Под общим рук. акад. Ю. Д. Апресяна. М., 1997.

НОСР 2 — Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Второй выпуск. Авторы: Ю. Д. Апресян, О. Ю. Богуславская, Т. В. Крылова и др. Под общим рук. акад. Ю. Д. Апресяна. М., 2000.

ОЖ — Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: ООО «А ТЕМП», 2006 // <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova>.

ПЭ — Психологическая энциклопедия. Под ред. Р. Корсини, А. Ауэрбаха. 2—е изд. СПб.: Питер, 2006 // <http://readbookonline.ru/read>.

РК — Кортней Р. Словарь глагольных идиом. М., 1986.

PMC: Матица Српска. Речник српскохрватскога књижевног језика. Књига прва. А—Е. Књига друга. Ж—К (косиште). Нови Сад, 1990. [= Речник Матице Српске].

Словарь-тезаурус — Словарь-тезаурус современной русской идиоматики: около 8000 идиом современного русского языка / Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН; А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский, К.Л. Киселева [и др.]; под ред. А.Н. Баранова, Д.О. Добровольского. М.: Мир энциклопедий Аванта+, 2007.

СМИ — Скворцова Н. А., Майзель Б. Н. Итальянско-русский словарь. Издание третье. М., Русский язык, 1977.

СОВРЯ — Аристова Т. С., Ковшова М. Л., Рысева Е. А., Телия В. Н., Черкасова И. Н. Словарь образных выражений русского языка. / Под ред. В. Н. Телия. М.: Отечество, 1995.

СР — Материалы для словаря древнерусского языка. Труд И. И. Срезневского. В 3-х тт. Санкт-Петербург, 1893 // <http://etymolog.ruslang.ru/doc/sreznevskij>.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 25. /под ред. Ф. П. Соколетова. Ленинград, Наука, 1990 // http://www.iling.spb.ru/vocabula/srng/srng_25.pdf.

СС — состояние сознания.

СТС — Седакова О. А. Словарь трудных слов из богослужения: Церковнославяно-русские паронимы. М., Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2008.

СУМ — Словник української мови. В 11 т. Т. 4. 1973. Київ, : Наукова думка, 1970—1980 // <http://sum.in.ua>.

Список сокращений

- СУР — Ніковський А. Словник українсько-російський. Київ, 1927 // <http://r2u.org.ua>.
- СХРФС: Трофимкина О. И. Сербохорватско-русский фразеологический словарь. М.: Восток-Запад, 2005.
- УШ — Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. В 4 т М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ; Государственное издательство иностранных и национальных слов, 1935—1940 // <http://www.classes.ru>.
- ФРФС — Французско-русский фразеологический словарь под ред. Я. И. Рецкера. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1963.
- ФСРЛЯ — Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М.: Астрель, АСТ, 2008.
- ФЭ — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т./ Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 2-е изд., стер. М. 1986—1987. <https://academic2.ru>.
- ЭССЯ 8 — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексиче-ский фонд // под ред. О. Н. Трубачева. Вып. 8. М.: Наука, 1981 // <http://etymolog.ruslang.ru/doc/essja08>.
- ЭССЯ 32 — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд // под ред О.Н. Трубачева и А.Ф. Журавлева. Вып. 32. М.: Наука, 2005 // <http://etymolog.ruslang.ru/doc/essja32>.
- ABBYY — ABBYY Lingvo Live // <http://www.lingvolve.com>.
- AD — Doillon A. Dictionnaire de l'argot. P., 2010.
- AD 1835 — Dictionnaire de l'Académie française. La 6e édition (1835) // http://french_academie.fracademic.com.
- AD 1935 — Dictionnaire de l'Académie française. La 8e édition (1932—1935) // http://french_academie.fracademic.com.
- AHD — The American Heritage Dictionary of the English Language, 5th edition Copyright © 2013 by Houghton Mifflin Harcourt Publishing Company // <http://education.yahoo.com/reference/dictionary>.
- ALD — Ausführliches Lateinisch-deutsches Handwörterbuch von Karl Ernst Georges. 1913—1918 // <http://www.zeno.org/Georges-1913>.
- BNC — Davies, Mark. British National Corpus (from Oxford University Press) // <https://www.english-corpora.org/bnc/>.
- BW — Bloch O., Wartburg W. Dictionnaire étymologique de la langue française. P: Presses Universitaires de France. 7 ^{ème} édition, 1932.
- CAL — Cambridge Advanced Learner's Dictionary & Thesaurus © Cambridge University Press // <http://dictionary.cambridge.org>.
- CCA — Collins COBUILD Advanced Learner's English Dictionary. 4th edition // <http://www.diclib.com>
- CED — Collins English Dictionary. Copyright © Harper Collins Publishers // <http://www.collinsdictionary.com>.

Список сокращений

- CID — Collins Italian Dictionary 2nd Edition 2005 © HarperCollins Publishers 2005 // <http://dictionnaire.reverso.net/italien-anglais>.
- COBUILD — COBUILD advanced English Dictionary. Copyright © Harper Collins Publishers // <http://www.collinsdictionary.com>.
- COCA — Davies M. The Corpus of Contemporary American English (COCA): One billion words, 1990-2019 // <https://www.english-corpora.org/coca/>.
- DA — Dicionário Aurélio (Dicionário da Língua Portuguesa, de Aurélio Buarque de Holanda Ferreira). Brasil. 2010 // <http://dicionarioaurelio.com>.
- DB — DATABASE of semantic shifts in the languages of the world. © DatSem-Shifts, 2012-2013// <http://semshifts.iling-ran.ru>.
- DCA — Dicionário Contemporâneo da Língua Portuguesa, de Caldas Aulete (Dicionário Caldas Aulete) // <http://www.aulete.com.br>.
- DCD — Diccionario Clave: Diccionario de uso del español actual (con sinónimos y antónimos) 9th Edition. © Ediciones SM, 2012 // <http://clave.smdiccionarios.com>.
- DFA — Dictionnaire du Français argotique et populaire. François Caradec. P., Larousse, 2009.
- DFC — Dictionnaire du français contemporain illustré / sous la direction de J. Dubois. P.: Librairie Larousse, 1987.
- DEL — Alfred Ernout, Antoine Meillet. Dictionnaire étymologique de la langue latine Histoire des mots. Paris: Klincksieck, 1932 // <http://www.diacronia.ro/en/indexing/details/B178/pdf>.
- DLE — Diccionario de la Lengua Española General Ilustrado Alkona, Innovación de Productos y Servicios SL, 1995 // <http://www.diclib.com>.
- DLF — Gaffiot F. Dictionnaire latin-français. P., 1934. On-line: //<http://www.lexilogos.com>.
- DLFG — Gaffiot F. Dictionnaire latin-français. Paris, 1934 // //<http://www.lexilogos.com/latin/gaffiot.php?q>.
- DLFN — Noël F. Dictionarium Latino-Gallicum / Dictionnaire latin-français. Septième Edition, revue et corrigée par l'auteur. P., 1822 // <https://books.google.fr>.
- DLR — Rodríguez Adolfo Enrique. Diccionario Lunfardo Lexicon. 2011 // <http://lunfardo.esacademic.com>.
- DLFG — Gaffiot F. Dictionnaire latin-français. Paris, 1934. On-line: //<http://www.lexilogos.com/latin/gaffiot.php?q>.
- DOS: Dobry słownik. Żurowski S., Czesak A., Szałkiewicz Ł. // <https://dobryslownik.pl>.
- DPD — Diccionario panhispánico de dudas. Real Academia Española. 2013 // <http://panhispanico.esacademic.com>.
- DRAE — Real Academia Española: Diccionario de la lengua española. Madrid, 2015 // <http://lema.rae.es/drae>.
- Duden — Wörterbuchzugang Duden online // <http://www.duden.de/woerterbuch>.
- Duden 11 — Duden Band 11. Redewendungen. Berlin: Dudenverlag, 2013.
- DWDS — Wörterbuch der deutschen Sprache des 20. Jahrhunderts //<https://www.dwds.de>.

Список сокращений

- EDL — R. Estienne. Dictionarium latinogallicum. P., 1522 // <http://ru.scribd.com>.
- EDLV — An Etymological Dictionary of the Latin Language by F.E.J. Valpy. L., 1828 // <http://www.lexilogos.com>.
- EL — Littré E. Dictionnaire de la langue française (1872—77) // <http://artflx.uchicago.edu>.
- ELM — EL MUNDO. © Unidad Editorial Información General S.L.U. // <http://www.elmundo.es/diccionarios>
- ELP — El País. © EDICIONES EL PAÍS S.L. // <http://servicios.elpais.com/diccionarios/castellano>.
- Farlex Idioms — Farlex Dictionary of Idioms. © 2015 Farlex, Inc, all rights reserved // <https://idioms.thefreedictionary.com>.
- FDC — Fischer Emilio Rivano. Diccionario de chileno actual. California, 2013. V. I — II // <http://enacademic.com>.
- GAOIS — Corpas na Gaeilge Comhaimseartha. Corpus of Contemporary Irish // Grúpa Taighde Gaois. Gaois Research Group // <https://www.gaois.ie/en/corpora/monolingual/>.
- GCD — Gutiérres Cuadrado, J. (dir.). (1996). Diccionario Salamanca de la Lengua Española. Madrid: Santillana — Universidad de Salamanca // <http://sal.es.enacademic.com>.
- GDH — Grande Dizionario Hoepli Italiano di Aldo Gabrielli. Copyright © Hoepli 2011 // <http://dizionari.repubblica.it>.
- GDL — Grand dictionnaire de la langue latine par Napoléon Theil, d'après le dictionnaire de William Freund. Traduit en Français. Paris: Librairie de Firmin-Didot, 1929 // http://www.lexilogos.com/latin_dictionnaire.
- GE — Esnault G. Dictionnaire historique des argots français. P.: Librairie Larousse, 1965.
- JWH — Jeanneau G., Woitrain J.-P., Hassid J.-C. Dictionnaire Latin-Français // <http://www.prima-elementa.fr>.
- KSSJ-MF — Korpus savremenog srpskog jezika na Matematičkom fakultetu Univerziteta u Beogradu // <http://www.korpus.matf.bg.ac.rs/prezentacija/korpus.html>.
- LD — Longman Dictionary of Contemporary English. Словарь современного английского языка: в 2-х т. М., 1992.
- LEL — Lexique étymologique latin-français par Ferdinand Jacob. Paris: Imprimerie et librairie classiques, 1883 // <https://archive.org/stream/LexiqueEtymologiqueLatin-français>.
- LFV — Dubois J., Dubois-Charlier F. Les verbes français // <http://rali.iro.umontreal.ca>.
- LSL — Lewis & Short. A Latin Dictionary (1879) // http://short_latin_la_en.enacademic.com.
- LSR — Lexin svensk-ryskt lexikon. Stockholm: Statens skolverk 2002 // <http://translate.academic.ru>.

Список сокращений

- Magaly-Országh — Magaly T., Országh L. Magyar-angol szótár: Hungarian-English dictionary. Budapest: Akadémiai kiadó, 2016.
- MD — Macmillan Dictionary // <http://www.macmillandictionary.com>.
- MGH — McGraw-Hill Dictionary of American Idioms and Phrasal Verbs. The McGraw-Hill Companies, Inc, 2005.
- MWD — Merriam-Webster's Online Dictionary, 11th Edition. On-line: //<http://www.m-w.com>.
- NDL — Nouveau dictionnaire latin-français par Edouard de Suckau. P., 1865 // <https://books.google.fr/books>.
- OD — DLFN — Noël F. Dictionarium Latino-Gallicum / Dictionnaire latin-français. Septième Edition, revue et corrigée par l'auteur. P., 1822 // <https://books.google.fr>.
- OED — Harper D. Online Etymology Dictionary 2011—2015 // <http://www.etymonline.com>.
- OLD — Olivetti E., Olivetti F. Dictionnaire Latin—Français // <http://www.grand-dictionnaire-latin.com/dictionnaire-latin-francais.php> [fuga: aversion, répugnance, horreur, action d'éviter quelqu'un. fugax: timide, peureux, prêt à s'échapper].
- OD — Oxford Dictionaries // <https://en.oxforddictionaries.com>.
- OUD — The Oxford Universal Dictionary on historical principles. Third edition, revised with addenda. Oxford University Press, Amen House, London E.C., 1955.
- PE — Dicionário Editora da Língua Portuguesa. Acordo Ortográfico. © 2003—2017 Porto Editora // <https://www.infopedia.pt>.
- PR — Robert P., Rey-Debov J., Rey A. Le Petit Robert. Dictionnaire alphabétique & analogique de la langue française. Paris : Dictionnaire LE ROBERT, 1970.
- PRB — Dicionário Priberam da Língua Portuguesa [em linha], 2008-2013 // <https://dicionario.priberam.org>.
- RC — Rey A., Chantreau S. Dictionnaire des expressions et locutions. P.: Dictionnaires LE ROBERT, 2003.
- RHD — Random House Unabridged Dictionary, Copyright © 1997, by Random House, Inc // <http://dictionary.infoplease.com>.
- SCD — Il Sabatini Coletti. Dizionario della Lingua Italiana. Milano, 2007 // <http://dizionari.corriere.it>.
- SCT — Il Treccani, Dizionario dei Sinonimi e Contrari. Istituto dell'Enciclopedia Italiana // <http://www.treccani.it/vocabolario>.
- SJP — Słownik języka polskiego, red. W. Doroszewski, Warszawa 1958-1969. t. I—XI // <http://sjp.pwn.pl/doroszewski>.
- The Catalogue of Semantic Shifts as a Database for Lexical Semantic Typology / Anna A. Zalizniak, M. Bulakh, D. Ganenkov, I. Gruntov, T. Maisak, M. Russo // Linguistics. 2012. No 3. Pp. 633—669.
- TR — Le Trésor de la langue française informatisé // <http://atilf.atilf.fr>.
- VT — Vocabolario Treccani. Istituto dell'Enciclopedia Italiana, 2013 // <http://www.treccani.it/vocabolario>.

Список сокращений

WA — Wailly Alfred de. Nouveau dictionnaire latin-français. Paris, 1861. <http://gallica.bnf.fr / ark>.

WED — The Wordsmyth English Dictionary-Thesaurus //<http://www.wordsmyth.net>.

WNW — Webster's New World College Dictionary. Fourth Edition // <http://www.websters.yourdictionary.com>.

WRU 1828 — Webster's Revised Unabridged Dictionary // <http://webstersdictionary1828.com./Dictionary>.

WRU 1913 — Webster's Revised Unabridged Dictionary (1913) //1828.mshaffer.com.

WSJP — Wielki słownik języka polskiego. Instytut Języka Polskiego PAN // <http://wsjp.pl>.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
-------------	---

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ТИПЫ СЕМАНТИЧЕСКИХ ПЕРЕХОДОВ, ЛЕЖАЩИХ В ОСНОВЕ НОМИНАЦИИ ЭМОЦИЙ

E. P. Иоанесян

Введение	5
<i>Глава 1.</i> Основные положения	6
<i>Глава 2.</i> Страх	13
<i>Глава 3.</i> Радость и удовольствие	25
<i>Глава 4.</i> Сожаление и раскаяние	46
<i>Глава 5.</i> Разочарование	61
Заключение	68

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ СФЕРА ЧЕЛОВЕКА: ИНТЕГРАЛЬНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО, РАЦИОНАЛЬНОГО И ЭСТЕТИЧЕСКОГО В СОСТОЯНИЯХ СОЗНАНИЯ В ЯЗЫКЕ И КОММУНИКАЦИИ

H. K. Рябцева

Введение	70
<i>Глава 1.</i> Интегральное представление эмоционального, рационального и эстетического в состояниях сознания, речи и коммуникации	70
<i>Глава 2.</i> Интеграция рационального, эмоционального и эстетического в современной научной коммуникации	84
<i>Глава 3.</i> «Эмоциональный интеллект»: количественное и качественное соотношение эмоционального и рационального в состояниях сознания. Лингвистический аспект	98
<i>Глава 4.</i> Синкретизм эмоционального, рационального и эстетического в современной научной коммуникации	115
Заключение	123

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ОЦЕНКИ *СТРАШНЫЙ*:
ЗНАЧЕНИЕ И УПОТРЕБЛЕНИЕ

M. L. Kovshova

Введение	124
<i>Глава 1.</i> Этимология слова. Словарные дефиниции	124
<i>Глава 2.</i> Оценочная семантика прилагательного <i>страшный</i>	127
<i>Глава 3.</i> Зримость, представимость страшного	135
<i>Глава 4.</i> Характеристика употребления прилагательного <i>страшный</i>	137
<i>Глава 5.</i> Обоснование оценки	144
<i>Глава 6.</i> Коммуникативность прилагательного оценки <i>страшный</i>	148
<i>Глава 7.</i> Страшное и фактор времени	149
<i>Глава 8.</i> Денотативная область прилагательного оценки <i>страшный</i>	151
<i>Глава 9.</i> Соединение, сопоставление и противопоставление прилагательного страшный с другими признаками в контексте	156
<i>Глава 10.</i> Фразеологизмы с компонентом <i>страшный</i>	157
<i>Глава 11.</i> Страшное и сновидения	158
<i>Глава 12.</i> Страшное как переживание религиозного чувства	159
<i>Глава 13.</i> Страшное и смешное	159
<i>Глава 14.</i> Страшное как источник наслаждения	161
<i>Глава 15.</i> Страшное в гносеологическом плане	163
<i>Глава 16.</i> Страшное в экзистенциальном плане	163
<i>Глава 17.</i> Страшное и прекрасное	164
<i>Глава 18.</i> Образы страшного	164
Заключение	165

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
СОМАТИЧЕСКИЕ ИДИОМЫ, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ ЭМОЦИИ:
ЖЕСТЫ И СИМПТОМАТИЧЕСКИЕ ВЫРАЖЕНИЯ

P. C. Дронов

Введение	166
<i>Глава 1.</i> Эмотивные идиомы с компонентом-соматизмом <i>волосы</i>	167
<i>Глава 2.</i> Идиомы с компонентом-соматизмом <i>глаза</i>	172
<i>Глава 3.</i> Идиомы с компонентами-соматизмами <i>ногти, когти</i> : семантическая сеть	179

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

**ЭВФЕМИЗАЦИЯ КАК РЕЧЕВАЯ СТРАТЕГИЯ СДЕРЖИВАНИЯ
ЭМОЦИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКИХ И РУССКИХ
ЭВФЕМИЗМОВ НА ТЕМЫ СМЕРТИ И РОЖДЕНИЯ)**

O. C. Орлова

Введение. Эвфемизмы как средство сдерживания эмоций в языке и коммуникации	195
<i>Глава 1.</i> Эвфемизация темы смерти	201
<i>Глава 2.</i> Эвфемизация темы рождения	205
<i>Глава 3.</i> Сближение тем рождения и смерти в одном временном отрезке	210
Заключение	211

БИБЛИОГРАФИЯ

ИСТОЧНИКИ

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	233
СОДЕРЖАНИЕ	240

Подписано к печати 7.12.2020
Сдано в набор 8.12.2020
Формат бумаги А5 – 60x90 1/16
Тип гарнитуры “Таймс Нью Роман”.
Объем 15,25 усл.печ.л.
Тираж 500 экз.
Отпечатано в типографии
«Канцлер»

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ СФЕРЫ ЧЕЛОВЕКА НА МАТЕРИАЛЕ РАЗНЫХ ЯЗЫКОВ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН

Е. Р. ИОАНЕСЯН, Н. К. РЯБЦЕВА, М. Л. КОВШОВА,
П. С. ДРОНОВ, О. С. ОРЛОВА

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ
ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ СФЕРЫ
ЧЕЛОВЕКА НА МАТЕРИАЛЕ
РАЗНЫХ ЯЗЫКОВ